

ГОЛОСА РЕВОЛЮЦИИ

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ**

1926, №2 (36)

„БЫЛОЕ“.

Журнал, посвященный истории русского революционного движения и гражданской войны.

Основан в 1906 году ◊ закрыт в 1907 году ◊ возобновлен в 1917 году.

В 1926 году журнал выходит ежемесячно, книгами в 12 печ. листов, под редакцией П. Е. ЩЕГОЛЕВА.

В 1926 г. В ЖУРНАЛЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ:

Неизданные письма: М. А. Бакунина, Л. Н. Гартмана, И. И. Горбачевского, П. А. Кропоткина, Г. А. Ловатина, А. Д. Михайлова, Е. С. Сазонова, Н. Г. Чернышевского.

Неизданные произведения и письма: В. О. Ключевского, В. Г. Короленко, Н. С. Лескова, Н. А. Некрасова, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. С. Тургенева, В. Р. Шиглева.

Воспоминания: А. М. Белов — О Чернышевском; А. Белозеров — Вооруженное восстание в 1905 г. в Н.-Новгороде; А. Н. Бибера — Казанская демонстрация 1876 года; К. П. Васильев — Студенческое движение в Киеве в 1890-х годах; С. Я. Елпатьевский — Годы ссылки; А. Г. Емельянов — Ростовская коммуна 1905 года; П. С. Ивановская — Боевая организация; А. А. Корняков — Служба и жизнь в Сибири 1894 — 1900 гг.; В. Д. Медвед — Воспоминания; С. А. Никитин — Воспоминания революционера; В. С. Папратов — 1 марта 1881 г.; С. Г. Стахович — Среди „политических преступников“; К. М. Тахтарев — Жизнь в Англии 1898 — 1910 гг.; С. Я. Кеффе — Кавказская армия в 1917 г. и мн. др.

Статьи: М. Алексеев — О Уайльде и русские вигилиты; А. Беккер — Под властью Гинденбурга. Немецкие оккупанты в России; Л. Гроссман — „Бесы“ Достоевского и каноны обличительного романа; Г. Елецкий — Николай Николаевич Длинный. Характеристика; Д. О. Заславский — К биографии Маврикия Вильбушевича; П. Камнев — Из истории финляндского активизма; К. Медвер — Восстание в Каинской тюрьме в 1919 г.; П. Павлов — Григорий Распутин и Ольга Лохтина; В. С. Папратов — Душевно-больные в Шлиссельбургской крепости; А. Павлов — Меркуловщина; А. Е. Пресняков — Влияние декабристов на Николая Первого; Н. Ракинников — Егор Сазонов; Б. Романов — Последний кабинет Николая II; Е. В. Тарле — С. Ю. Витте и внешняя политика империи; И. Фомин — Махновцы в Екатериновле; С. Н. Чернов — Дело П. К. Граббе. Из истории „Союза Благоденствия“; Е. Я. Щепкина — Всероссийский союз равноправия женщин и мн. др.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цена на год 12 рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ только по год. Допускается рассрочка платежа: при подписке 3 руб. и по выходе № 3-го 3 рубля, № 5-го 3 рубля, № 7-го 3 рубля. При рассрочке платежа №№ журнала высылаются наложенными платежами за счет заказчика.

ПРИЕМ ПОДПИСКИ ПРОИЗВОДИТСЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ — конторой издательства „Былое“, проспект Володарского, д. 21, кв. 16, тел. 5-74-62.

В МОСКВЕ — Московским Отделением, Мясницкая, д. 22, тел. 1-11-03 и 4-78-82.

Цена номера в розничной продаже — 1 р. 25 коп.

Отдельные номера „Былого“ продаются во всех книжных магазинах и в кioskах железных дорог.

На складе имеются полные комплекты журнала „Былое“ 1917 — 1925 гг. Цена полного комплекта 50 рублей; высылаются по получении 50% стоимости.

ГОЛОСА РЕВОЛЮЦИИ

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ**

1926, №2 (36)

Составитель *Ф. М. Лурье*

Редактор *Ю. В. Артемьева*

«Былое»: неизданные номера журнала/Сост.: *Ф. М. Лурье*. — Кн. 1. — Л.: Лениздат, 1991. — 176 с. — (Голоса революции).

ISBN 5-289-01020-3

Сборник продолжает начатую в 1990 году серию публикаций материалов из исторических журналов давних лет. Он состоит из двух номеров — № 2 (36) и № 3 (37) — журнала «Былое» за 1926 год, подготовленных к печати, но не увидевших свет, так как издательство прекратило существование. В этих номерах «Былого» собраны интереснейшие материалы, посвященные истории освободительного движения в России, и среди них: воспоминания о народолюбцах А. И. Желябове и Н. В. Клеточникове, воспоминания прокурора В. А. Бальца о суде над Петербургским Советом рабочих депутатов, П. С. Ивановской — о Боевой организации эсеров, статьи о Николае II и военном министре В. А. Сухомлинове, об Октябрьских днях 1917 года в Москве и другие публикации.

Б 0503020000—131
М171(03)—91 18—91

63.3(0)5

**«БЫЛОЕ»:
неизданные номера журнала
КНИГА 1**

Составитель
ЛУРЬЕ Феликс Моисеевич

Заведующий редакцией *И. Ю. Куберский*
Младший редактор *Е. Т. Смирнова*
Художник *Л. А. Яценко*
Художественный редактор *А. К. Тимошевский*
Технический редактор *Л. П. Никитина*
Корректор *М. В. Иванова*

ИБ № 5477

Сдано в набор 22.03.91. Подписано к печати 29.08.91. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарн. дитерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,40. Усл. кр.-отт. 16,45. Уч.-изд. л. 18,16. Тираж 30 000 экз. Заказ № 742. Цена 1р. 90 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

© *Ф. М. Лурье*, составление, вступительная статья, комментарии, 1991

СОДЕРЖАНИЕ

Голоса революций	4
В. Н. Кашин. Консервативный современник декабристов (Князь Б. Н. Юсупов). Окончание	17
С. Я. Елпатьевский. В Сибири (Из воспоминаний)	41
В. А. Бальц. Суд над первым Советом рабочих депутатов (Воспоминания прокурора). Продолжение	61
М. Ф. Паозерский. Николай II, Сухомлинов и Синод (К характеристике положения русской церкви перед революцией)	79
А. М. Филиппов. Революционное гнездо (Типографский кружок в Петербурге)	95
А. Н. Вознесенский. Москва в октябре 1917 года. Окончание	99
П. Е. Щеголев. Автобиография	112
П. Е. Щеголев. Как возникло издательство «Былое»	119
ПРИЛОЖЕНИЯ	124
В. Н. Кашин. Консервативный современник декабристов. (Князь Б. Н. Юсупов). Начало	124
В. А. Бальц. Суд над первым Советом рабочих депутатов. Начало.	139
А. Н. Вознесенский. Москва в октябре 1917 года. Начало	153
ПРИМЕЧАНИЯ	170

ГОЛОСА РЕВОЛЮЦИЙ

28 января 1906 года в книжные лавки Петербурга и подписчикам поступил первый номер нового журнала. На плотной серой обложке, цвета тюремной одежды, черные рубленые буквы составляли короткое слово — «БЫЛОЕ». На титульном листе чуть ниже названия располагался подзаголовок: «Журнал, посвященный истории освободительного движения». Сухое, строгое и даже скучное оформление, дешевая ломкая бумага с болезненно-желтым отливом, отсутствие обычной предварительной рекламы нисколько не воспрепятствовали мгновенной распродаже журнала. Издатель предпринял допечатку тиража, доведя его до небывалого по тем временам размера — тридцати тысяч экземпляров. Но и допечатка разошлась так же быстро.

Необычайный успех «Былого» объясняется тем, что, не опасаясь преследования полицейскими властями, читающая Россия впервые получила возможность познакомиться с журналом, все страницы которого заполнялись материалами ярко выраженного противоправительственного содержания. Несмотря на название, в первой же книжке «Былого» печатались воспоминания о 9 января 1905 года, о кровавых событиях годичной давности. Журнал публиковал множество документов, извлеченных из секретнейших архивов Министерства внутренних дел, мемуары народовольцев, раскрывающие драматические этапы борьбы за свободу трудового народа, статьи о потаенной истории России. Такого рода сведения никогда ранее не проникали в легальную печать.

Для большинства читателей многое

из печатавшегося в журнале явилось откровением. Книжки «Былого» проделывали по нескольку оборотов и зачитывались до дыр. Новое о прошлом хотели знать радикально настроенные интеллигенты, рабочие, чиновники... Охваченные процессом жесточайшего противоборства прогрессивных сил с реакционной властью, они жадно впитывали недоступные им ранее знания, чтобы лучше уяснить себе происходящее.

Оживление общественного движения, ожидание революционных политических перемен, нарушение привычного хода жизни заставляют нас напряженно всматриваться в происходящее. Мы стремимся возможно глубже проникнуть в смысл событий и повлиять на ход их развития. Для облегчения выбора пути, ведущего к наиболее приемлемым результатам, мы ищем аналогии в прошлом, в поступках наших предшественников. Иными, более надежными средствами прогнозирования будущего люди не располагают. Именно поэтому крупные перемены, происходящие в обществе, пробуждают интерес к истории, и в частности к истории освободительного движения. Особенно этот интерес возрастает, когда люди обнаруживают, что от них многое умышленно скрывалось.

Журнал «Былое» является откровением и для современного читателя. Он наполнен правдивым звучанием голосов революций, столь долго искажавшихся и глушившихся в нашей стране. Изучение истории России, истории ее революционного движения невозможно без знакомства с содержанием журнала «Былое». Учитывая,

что для широкого круга читателей с течением времени «Былое» стало практически недоступным, Лениздат в 1990 году приступил к выпуску исторических сборников, составленных из наиболее значительных и интересных материалов, впервые напечатанных или предназначенных для публикации в «Былом».

* * *

Рождение «Былого» произошло за долго до появления журнала в витринах петербургских книжных магазинов. Находясь в эмиграции, известный историк и публицист, охотник за полицейскими провокаторами Владимир Львович Бурцев (1862—1942) в 1900—1904 годах издал в Лондоне шесть небольших выпусков исторического сборника «Былое». Именно с него начинается история «Былого». Сборник содержит материалы по русскому освободительному движению 1860—1880-х годов. Он печатался, когда публикации по истории революционного движения даже в нелегальной печати почти отсутствовали. В Россию «Былое» практически не проникало, и Бурцев вновь издал его в России с незначительным сокращением (Русская историческая библиотека: „Былое“, журнал, издававшийся за границей под редакцией В. Л. Бурцева. Выпуски 1 и 2. Ростов-на-Дону. 1906).

Мощный революционный подъем, начавшийся в России с расстрела столичных рабочих 9 января 1905 года, позволил историкам Василию Яковлевичу Яковлеву-Богучарскому (1860—1915) и Павлу Елисеевичу Щеголеву (1877—1931) «при ближайшем участии» Бурцева приступить к редактированию в Петербурге журнала «Былое». Его издание взял на себя владелец крупной издательской фирмы «Донская речь» Николай Елпидифорович Парамонов.

В журнале публиковались воспоминания участников и свидетелей важнейших исторических событий, исследования по истории образования революционных партий, документы из архивов III отделения, Департамента полиции и других учреждений Министерства внутренних дел. Впервые читателей знакомили с политическими процессами Н. Г. Чернышевского, не-

чаевцев, Д. И. Писарева, первоапрельцев и многих других, с историей тюрем, полицейской политической провокации, методами борьбы правительства с революционным движением в России.

Одновременно с журналом «Былое» теми же редакторами и издателем, скрытыми под чужими фамилиями, выпускалась серия исторических сборников «Русская историческая библиотека», посвященная истории освободительного движения в России. В отличие от «Былого» они не имели четкой периодичности выхода и состояли из публикаций, значительно превосходящих журнальные по объему. Каждый сборник посвящался только одной теме. Комплект «Русской исторической библиотеки» вполне мог бы называться современниками хрестоматией, а нами — летописью русского освободительного движения. Он представляет наиболее полный, уникальный свод документов, начиная с убийства Павла I и кончая 1907 годом.

Со спадом революционной ситуации 1905—1907 годов Петербургский комитет по делам печати и Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел приступили к планомерному преследованию прогрессивной периодики. Одной из первых жертв цензуры стала «Русская историческая библиотека», ее закрыли в конце мая 1907 года. Вскоре и «Былое» завершило свое существование приостановкой выпуска и возбуждением судебного преследования против журнала и его редакторов. Октябрьская книжка журнала за 1907 год оказалась последней в дореволюционной жизни «Былого».

Бурцев, находившийся за границей, узнав о возбуждении судебного преследования, предпочел перейти на положение эмигранта; Щеголева до слушания дела в суде власти выслали в Юрьев (Тарту), затем в Любань. В Петербурге остался один Богучарский. Из материалов редакционного портфеля журнала «Былое» он сформировал и выпустил исторический сборник «Наша страна».

Взамен переставшего выходить «Былого» по просьбе Щеголева и Богучарского издатель Н. В. Мешков и присяжный поверенный Н. Я. Селюк получили разрешение на выпуск в Петербурге журнала «Минувшие го-

ды». Весь 1908 год Богучарский и находившийся в ссылке Щеголев выпускали этот журнал. Редакторам нового журнала пришлось значительно смягчить его противоправительственную направленность в сравнении с «Былым». Но и «Минувшие годы» не избежали пристального внимания Министерства внутренних дел. Постоянные придирки к редакторам, обыски в редакции и типографии, задержки выпуска отдельных номеров сделали невозможным продолжение издания журнала в 1909 году. Полицейские власти знали, кто фактически редактировал журнал, и мстили редакторам «Былого».

В марте 1909 года состоялся судебный процесс, и Щеголева как редактора «Былого» осудили на три года заключения в крепости, Богучарского выслали за границу, а журнал запретили «навсегда». Перед отъездом в изгнание Богучарский из материалов редакционного портфеля «Былого» и «Минувших годов» составил и выпустил исторический сборник «О минувшем».

Тем временем Бурцев, поселившийся в Париже, в 1908—1913 годах издал восемь книжек исторических сборников с прежним названием — «Былое» (девятая книжка готовилась Бурцевым, но осталась невыпущенной из-за начавшейся первой мировой войны). Сборники были частично укомплектованы материалами, предназначенными для публикации в одноименном журнале. Парижские сборники от лондонских отличаются большим объемом и качеством оформления. Кроме публикаций, посвященных народникам, в них появились материалы по истории партии социалистов-революционеров, а также статьи и документы, относящиеся к политическому сыску и полицейской провокации.

Лишь после свержения самодержавия П. Е. Щеголев возобновил в Петрограде выпуск журнала «Былое», первый его номер вышел в июле 1917 года. С 1919 года издание журнала осуществляло кооперативное издательское товарищество «Былое». Журнал продолжил публикацию интереснейших материалов по истории освободительного движения в России. В «Былом» увидели свет документы из архивов учреждений политического сыска, воспоминания как революционе-

ров, так и крупных царских администраторов, а также чиновников Временного правительства. Одни и те же события рассматривались в журнале с противоположных точек зрения.

Одновременно с журналом кооперативное издательское товарищество «Былое» в 1918—1926 годах выпускало книги, посвященные главным образом истории освободительного движения в России. В 1925 году у издательского товарищества начались финансовые трудности, преодолеть которые ему не удалось. Решением суда товарищество было объявлено банкротом и в 1926 году закончило свое существование.

Таким образом, полный комплект книг, исторических сборников и журнала «Былое» состоит из шести лондонских выпусков (№ 1—6) исторического сборника «Былое», двадцати двух номеров журнала «Былое» (Петербург. 1906—1907), исторических сборников «Наша страна» и «О минувшем», двенадцати номеров журнала «Минувшие годы», восьми парижских выпусков (№ 7—14, № 15 не выходил) исторического сборника «Былое», тридцати пяти номеров журнала «Былое» (Петроград — Ленинград. 1917—1926), двадцати одного выпуска «Русской исторической библиотеки» и шестидесяти пяти книг библиотеки «Былое» (название условное).

Подробно об издательской истории «Былого», о его редакторах, издателях и авторах можно прочитать в книге Ф. М. Лурье «Хранители прошлого» (Лениздат. 1990). В конце книги приведена полная аннотированная хронологическая роспись всего комплекта «Былого», позволяющая получить представление о содержании этого замечательного хранилища прошлого, запечатлевшего голоса российских революций.

«Былое» — незаменимый источник информации при изучении истории революционного движения. Сведения из этого источника не устарели и сегодня. На всем протяжении издания «Былого» в нем впервые публиковались важнейшие архивные документы, в большинстве случаев более нигде не переиздававшиеся. Многие события истории освободительного движения нашли отражение только на его страницах: история кружков и групп, не сыгравших решающей роли в револю-

ционном движении, некоторые эпизоды иностранной интервенции в период гражданской войны, действия сотрудников политического сыска, полицейских провокаторов, персоналии давно забытых революционеров.

После ликвидации кооперативного издательского товарищества «Былое» в редакционном портфеле журнала осело и как бы законсервировалось значительное количество неопубликованных материалов в виде авторских рукописей, отредактированных машинописных текстов и корректурных листов. Среди них находятся два невышедших номера журнала «Былое» — № 2 (36) и 3 (37) за 1926 год (в скобках указаны номера журнала по сквозной пагинации, начиная от первой книжки, выпущенной в июле 1917 года). Из них и составлен предлагаемый читателю сборник. Лишь через шестьдесят пять лет неопубликованным номерам «Былого», этим посланиям к нам от команды, потерпевшей крушение в бурных водоворотах двадцатых годов, удастся увидеть свет.

В государственных архивохранилищах целиком сохранился корректурный экземпляр только № 3 (37). Восстановить целиком № 2 (36) не удалось, хотя составителю известно о существовании полного экземпляра этой книжки «Былого» с цензурным разрешением ее выпуска: «Ленгублит. 28 апреля 1926 г.». В публикуемом сборнике отсутствуют статьи И. Ф. Рыбакова «Гетманская жандармерия (Полтава, 1918 год)», П. П. Щеголева «Восемнадцатое ноября адмирала Колчака» и рецензия А. И. Андреева «С. Н. Валк. Проект правил издания трудов В. И. Ленина». Отсутствующие рукописи заменены статьей П. Е. Щеголева с условным названием «Как возникло издательство „Былое“» и его «Автобиографией». Выбор такой замены объясняется тем, что эти материалы содержат сведения по истории «Былого».

На формировании невышедших номеров журнала «Былое» отразилось катастрофическое положение издательства. Редактор журнала П. Е. Щеголев, его помощник Ш. М. Левин и другие сотрудники продолжали работать, не получая зарплаты, обремененные заботами о тревожном грядущем. Содержание невышедших номеров по-

лучилось менее однородным, чем других книжек «Былого». Некоторые материалы появились там лишь благодаря тому, что из-за тяжелого положения издательства редактор всеми силами стремился угодить властям. Но, несмотря на это, невышедшие номера журнала безусловно представляют большой интерес. Значительное количество публикаций, помещенных в них, увидели свет впервые, и все они заключают в себе ценнейшую информацию о минувшем. Не следует забывать, что невышедшие книжки журнала формировались до того, как правда и объективность были цинично и жестоко подавлены.

Первый из невышедших номеров журнала «Былое» открывается статьей В. Н. Кашина «Консервативный современник декабристов (Князь Б. Н. Юсупов)». Она посвящена истории гибели старинных дворянских родовых гнезд, достигших расцвета в конце XVIII столетия, и их превращению в иной тип помещичьих владений предреформенной России второй четверти XIX века. Автор рассматривает семейство Юсуповых как типичных представителей крупнейших феодальных магнатов империи, всеми силами стремившихся остановить время, не давая крепостному крестьянину превратиться в свободного человека. Исследование построено на анализе многолетней деловой переписки Б. Н. Юсупова с управляющими его многочисленных имений.

Сегодня, когда все чаще слышатся вздохи сожаления об ушедшем в прошлое монархическом образе правления, особенно уместно освежить в памяти читателя картины крепостнической, феодальной и капиталистической России. Этому в полной мере содействует статья Кашина, написанная превосходным языком и запечатлевшая истинные взгляды помещика на крепостного крестьянина.

Главное положение, заложенное помещиком в фундамент взаимоотношений со своим крестьянином, — безропотное, рабское повиновение крепостного любому желанию его владельца. На воплощение в жизнь этого положения работали государство, закон и церковь. Крестьянин молился, исповедовался и слушал проповеди, в которых закон Божий, звучащий из уст

священника, внушал ему повиновение и исполнение нескончаемого перечня обязанностей перед помещиком. И ни единого слова не слышал он о своих правах. Прав и не существовало. Нам известны лишь несколько случаев, когда власти наказывали помещика за чудовищное обращение с крепостными. Но мы знаем о десятках тысяч крестьян, погибших от произвола помещиков. Помещик имел законное право на произвол.

Господская собственность неприкосновенна. Даже иконы служили стражами имущества крепостника. Он приколачивал их снаружи своих амбаров, чтобы внушить крестьянину: не укради из барских закровов. Рабское повиновение помещику — священная обязанность. Законы Божий и светский сливались в единый механизм порабощения. За неплатежи, за любые недоимки крестьян нещадно секли, сдавали в рекруты, строптивых ссылали в Сибирь. Любое проявление недовольства, в том числе отказ от уплаты долгов, когда их просто нечем было погасить, считалось недопустимым. Даже когда амбары ломились от зерна и оно гнило — не продать, недоимки не прощались. Круговая порука — ответственность всей деревни за долг каждого крестьянского двора — помогала помещику руками крепостных взимать недоимки сполна. Не отдать барину то, что ему причиталось, — безнравственно, а о нравственности своих крестьян помещик пекся денно и нощно. Но на лекарства и лекарей при эпидемиях холеры и другого мора у Юсупова денег не было. Священникам запрещалось обучать крестьянских детей грамоте. Грамотность, по мнению Юсупова, противна природе крестьянина, она развращает его, делает бесчестным и злым, лишает самобытности. И к чему им быть грамотными, коли помещик — их отец родной и поводырь — всю свою жизнь проводит в заботах о них. Заботами Б. Н. Юсупова его семейство превратилось в самое богатое в Российской империи.

Публикуемые нами воспоминания С. Я. Елпатьевского после ликвидации журнала включены автором в его книгу «Воспоминания за 50 лет», вышедшую двумя изданиями: в Ленинграде (1929. С. 163—205) и в Уфе (1984. С. 150—184).

Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854—1933), врач, писатель и публицист, родился в семье священника в селе Новоселка-Кудрино Владимирской губернии, учился в духовном училище, семинарии и на медицинском факультете Московского университета. Вместе с П. П. Кашенко, В. С. Лебедевым, С. В. Мартыновым и П. П. Викторовым (с ними читатель познакомится в воспоминаниях Елпатьевского) Сергей Яковлевич входил в кружок, являвшийся центром московского студенческого движения, принимал участие в противоправительственных выступлениях. В 1878 году Елпатьевский окончил университет со званием лекаря и поступил на должность земского врача Скопинского уезда Рязанской губернии. Его квартира служила приютом нелегальных народников, летом 1879 года в ней скрывалась В. Н. Фигнер. После ее ареста у Елпатьевского произвели обыск и привлекли к дознанию о «принадлежности к террористической фракции русской социально-революционной партии». 17 марта 1880 года он был арестован и заключен в Скопинскую уездную тюрьму. Через полгода Елпатьевского выпустили и выслали в Уфимскую губернию под негласный надзор полиции. В ссылке он работал врачом в сельских больницах. В феврале 1884 года у Елпатьевского вновь произвели обыск и обнаружили нелегальную литературу. Постановлением Особого совещания его в административном порядке выслали на три года под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь. В декабре Сергей Яковлевич прибыл в Енисейск, где ему пришлось провести более двух с половиной лет. Этому периоду жизни и посвящены его воспоминания. Обладая несомненным литературным даром, Елпатьевский описал тяжкий быт политических ссыльных, взаимоотношения с надзирающими полицейскими властями, жизнь сибирских крестьян, купцов, золотопромышленников.

По окончании ссылки Сергей Яковлевич летом 1887 года переехал в Новгородскую губернию под негласный надзор полиции. В 1897 году вышла первая книга Елпатьевского «Очерки Сибири», его статьи постоянно печатались в прогрессивном столичном журнале «Русское богатство». В конце 1890-х годов Сергей Яковлевич пе-

реехал на постоянное жительство в Ялту, где лечил туберкулезных больных и продолжал занятия литературой. В Ялте он близко сошелся с А. П. Чеховым и Л. Н. Толстым.

Стареющий Елпатьевский продолжал содействовать освободительному движению, его жилье снова превратилось в явочную квартиру, но на сей раз социалистов-революционеров. За брошюру «Земля и свобода» Елпатьевского приговорили к одному году лишения свободы. Заключение он отбывал в Петропавловской крепости и тюремной больнице. После Октябрьской революции Сергей Яковлевич переехал в Москву и работал в Кремлевской больнице.

Воспоминания бывшего прокурора Петербургской судебной палаты В. А. Бальца посвящены известному процессу над депутатами Петербургского Совета рабочих депутатов, созданного столичными рабочими во время всеобщей октябрьской стачки 1905 года. В начале своей деятельности Совет насчитывал до 40 депутатов, в конце ее их количество достигло 570 человек. Во главе Совета стоял исполнительный комитет. Первое заседание Совета состоялось 13 октября 1905 года. На втором заседании постоянным председателем Совета был избран Г. С. Носарь. Совет рабочих депутатов играл активную роль в проведении стачки, вынес решение о переходе на 8-часовой рабочий день и другие постановления, под его руководством 2 ноября прошла всеобщая политическая забастовка. Постепенно Совет начал приобретать власть над рабочими столицы. Правительство не могло смириться с существованием в Петербурге нарождающейся второй власти, крепнувшей с каждым днем. 26 ноября 1905 года охранка арестовала Носаря, 3 декабря на своем последнем заседании Петербургский Совет рабочих депутатов был арестован. Лишь небольшому количеству депутатов удалось скрыться. Они составили второй Совет, действовавший в подполье; 2 января 1906 года и он был арестован.

Петербургский Совет рабочих депутатов пытался не столько захватить власть в столице, сколько отвоевать у царской администрации отдельные позиции. Борьба Совета была направлена на ослабление и дезорганизацию

самодержавия. На большее Петербургский Совет рабочих депутатов рассчитывать не мог. О деятельности Совета опубликована обширная литература, в том числе воспоминания депутатов, то есть подсудимых того процесса, о котором вспоминает В. А. Бальц. Воспоминания Бальца особенно ценны тем, что принадлежат лицу из другого лагеря.

Статья известного публициста и писателя Михаила Федоровича Паозерского превосходно иллюстрирует отношение Николая II к законам, которые утверждал он сам, его отец или дед, и готовность императора их игнорировать в угоду нужным ему людям. Перед читателем проходит поток документов, показывающих, как высшие духовные и светские чиновники на протяжении многих месяцев занимались устройством амурных дел военного министра В. А. Сухомлинова, человека, который через несколько лет сядет на скамью подсудимых и будет осужден за развал снабжения воюющей русской армии и шпионаж в пользу враждебной державы.

Воспоминания Алексея Михайловича Филиппова представляют определенный интерес тем, что их автор — рабочий. В сокращенном виде они опубликованы в журнале «Суд идет» (1927. № 4. С. 193—196).

Воспоминания бывшего присяжного поверенного, комиссара Московского градоначальства эпохи Временного правительства Александра Николаевича Вознесенского «Москва в октябре 1917 года» для современного читателя представляют исключительный интерес. Они написаны человеком, сражавшимся с большевиками по другую сторону баррикад. Такого рода воспоминаний в нашей стране опубликовано чрезвычайно мало, и поэтому каждое свидетельство из враждебного Октябрьской революции лагеря дает возможность приблизиться к пониманию того, что происходило на самом деле.

Две публикации, завершающие первый невышедший номер журнала «Былое», как отмечалось выше, помещены в него вместо отсутствующих корректур статей, предназначавшихся к печати. Выбор этих материалов продиктован тем, что они самым тесным образом связаны с издательской историей журнала «Былое» и никогда ранее не публиковались.

«Автобиография» Павла Елисеевича Щеголева, выдающегося историка освободительного движения и литературоведа, не дает полного представления об авторе, но в ней относительно подробно изложена история зарождения журнала «Былое» и его издания в 1906—1907 годах. Автобиография доведена Щеголевым до Февральской революции. Между Февральской и Октябрьской революциями Щеголев работал в «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должностям действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданских, так и военного и морского ведомств». Комиссия со столь длинным названием проделала весьма полезную работу. Часть документов комиссии Щеголев опубликовал в семитомнике «Падение царского режима», некоторые материалы печатались на страницах «Былого». После Октябрьской революции Щеголев принял на себя громадную служебную и общественную нагрузку: ведущий сотрудник Музея Революции, председатель исторической комиссии Петроградского бюро Истпарта, управляющий Петроградским отделением 7-й секции Единого государственного архивного фонда РСФСР, председатель Петроградской подкомиссии по изданию материалов восстания декабристов, заместитель председателя совета Общества по изучению освободительного и революционного движения в России, сотрудник Пушкинской комиссии Академии наук, председатель Драматического союза, председатель кооперативного издательского товарищества «Былое», редактор первого послереволюционного собрания сочинений А. С. Пушкина, редактор журнала «Былое», член многочисленных редакционных коллегий и ученых советов.

Несмотря на огромную занятость, П. Е. Щеголев не прекращал интенсивные занятия научной работой. После революции список его трудов, насчитывающий около пятисот названий, пополнился еще двумястами тридцатью. Выполненные Щеголевым исследования охватывают период с конца XVIII до начала XX века и включают деятельность А. Н. Радищева, декабристов, петрашевцев, народников, Н. Г. Чернышевского, С. Г. Нечаева, революционных кружков XIX

столетия и далее вплоть до Октябрьской революции. Такому диапазону может позавидовать любой историк революционного движения, но Щеголев был еще и выдающимся литературоведом. Современное пушкиноведение немислимо без его фундаментальных исследований «Дуэль и смерть Пушкина», «Пушкин и мужики» и других.

Умер Щеголев 22 января 1931 года на пятьдесят четвертом году жизни в Ленинграде и похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Публикация «Автобиографии» выполнена по авторской рукописи, хранящейся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Отдел рукописей, фонд 1101, дело 21). Текст сверен с авторизованной машинописной копией, находящейся в распоряжении составителя сборника.

Как возникло издательство «Былое», написано Щеголевым в феврале 1927 года в виде объяснительной записки для судебного ликвидатора кооперативного издательского товарищества «Былое» и не предназначалось для публикации. В ней сосредоточены наиболее подробные сведения об издании журнала «Былое» в 1917—1926 годах. Ее автограф хранится в Отделе рукописей Института русской литературы АН СССР (фонд 627, опись 3, дело 267). Текст подвергся весьма значительной переработке: устранены ненужные подзаголовки и полностью даны слова, написанные с сокращениями.

Второй из невышедших номеров журнала «Былое» открывается воспоминаниями о 1 марта 1881 года, дне, когда народовольцами после нескольких неудачных покушений был убит император Александр II.

Автор воспоминаний — Василий Семенович Панкратов (1864—1925), рабочий, член партии «Народная воля», в 1884 году по «процессу 12-ти» был приговорен к двадцати годам каторги, из них четырнадцать лет отбывал в Шлиссельбургской крепости. в начале XX века вступил в партию социалистов-революционеров, бежал из ссылки, участвовал в Декабрьском вооруженном восстании 1905 года в Москве. После Февральской революции Временное правительство назначило

Панкратова комиссаром этряда особого назначения по охране бывшего императора Николая II. После Октябрьской революции Панкратов снял с себя эту обязанность и, вернувшись из Сибири в Петроград, занимался литературным трудом.

Воспоминания рабочего Панкратова существенно дополняют картину разноречивых впечатлений петербургских жителей от убийства императора Александра II, известную из мемуаров других лиц.

Автор коротких воспоминаний о выдающемся народовольце Николае Васильевиче Клеточникове — известный земский деятель Владимир Карлович Винберг (1836 — после 1916), с 1866 года состоял гласным Ялтинской земской управы, с 1881 года — председателем Таврической губернской земской управы и Симферопольского общества взаимного кредита, придерживался радикальных взглядов, сочувствовал народникам. О покрытой тайной жизни Клеточникова нам известно чрезвычайно мало. Поэтому каждое достоверное свидетельство о нем драгоценно. В публикуемых впервые воспоминаниях Винберга читатель найдет еще одно подтверждение редкой принципиальности Клеточникова и высокого чувства товарищества, присущих этому самоотверженному человеку.

Воспоминания об Андрее Желябове написаны его соучеником по гимназии С. М. Коцем (ок. 1850—1924). После смерти автора их передала редактору «Былого» его дочь Е. С. Коц. Свидетельств о гимназических и студенческих годах Желябова почти нет. К портрету Желябова прибавились новые важные штрихи. Коц рассказал о выступлении Желябова с требованием к университетскому начальству об увольнении профессора славянских законодательств В. В. Богишича, позволившего себе грубое обращение со студентом. «Богишичевская история» закончилась первой в жизни Желябова репрессией — изгнанием его из университета.

Короткая публикация М. Ф. Пазоерского позволяет уточнить биографию выдающегося революционера, члена партии «Народная воля», участника покушений на Александра II Николая Ивановича Кибальчича. Статья содержит документы, показываю-

щие, что царское правительство, борясь с революционерами, стремилось вытравить все, благодаря чему молодые люди могли приобрести радикальные взгляды.

Следующие два материала посвящены поэту и публицисту Петру Филипповичу Якубовичу-Мельшину (1860—1911). Будучи студентом университета, Якубович в 1882 году вошел в петербургский кружок партии «Народная воля» и вскоре занял в нем ведущее положение, в 1883 году он стал одним из создателей «Союза молодежи» и принял участие в народовольческом съезде в Петербурге. На съезде произошел раскол между «стариками» и «молодыми», завершившийся образованием «Молодой партии Народной воли», одним из организаторов и лидеров которой был Якубович. Молодые народовольцы, в отличие от сторонников террора, считали главной своей задачей распространение социалистических идей в рабочей среде. После длительных переговоров между лидерами народовольцев «Молодая партия Народной воли» слилась с «Народной волей».

За хорошо известным среди народовольцев Якубовичем еще в сентябре 1883 года полиция установила постоянную слежку. В ноябре 1884 года он был арестован и осужден по «процессу 21-го».

Воспоминания А. Фрейденберга особенно интересны в той части, где описаны события последних лет жизни Якубовича, так как их автор впервые встретился со своим героем лишь в 1900 году. Тем не менее благодаря давнему знакомству с женой Якубовича — народоволкой Розой Федоровной Франк (1861—1922) Фрейденберг пишет о Петре Филипповиче начиная с 1884 года.

Воспоминания Фрейденберга дополняет предпринятая сыном Петра Филипповича, Д. П. Якубовичем, публикация писем и коротких записок П. Ф. Якубовича к родным, переданных им из Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, Дома предварительного заключения и с каторги. Письма написаны необыкновенно смелым, мужественным и скромным человеком, самоотверженным, обаятельным и, несмотря на изобилие невзгод, жизнелюбивым.

В Петербурге в 1895—1917 годах су-

шествовал театр, основанный владельцем газеты «Новое время» писателем А. С. Сувориным, писателем и драматургом Петром Петровичем Гнедичем (1855—1925) и актером и драматургом князем Павлом Дмитриевичем Овчиной-Телепневым-Оболенским (1852—1910), псевдоним которого — Ленский. Театр помещался в здании нынешнего Большого драматического театра имени А. М. Горького и назывался Малым, или Суворинским. 23 ноября 1900 года петербургские студенты организовали протест против постановки в этом театре пьесы В. А. Крылова и С. К. Эфрона «Контрабандисты». По мнению студентов, пьеса разжигала национальную рознь, и они требовали ее исключения из репертуара театра. Воспоминания об этом событии принадлежат перу Елены Семеновны Коц (1880—1967), бывшей сотрудницы Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, более четверти века проработавшей в ее стенах. Коц участвовала в протесте и живо изобразила студенческие нравы, скандал в театре и суд над его зачинщиками.

История постановки «Контрабандистов» описана не только Коц. О ней упоминает в своем дневнике владелец театра (Дневник А. С. Суворина. М.; Пг., 1923. С. 246—258), пишет чиновник столичного Охранного отделения П. С. Статковский (Былое. 1921. № 16. С. 131—132) и другие.

Одни из самых значительных и интересных воспоминаний, подготовленных к публикации в невышедших номерах журнала «Былое», написаны Прасковьей Семеновной Ивановской, в замужестве Волощенко (1853—1935). Их начало печаталось в «Былом» в 1924 году (№ 23. С. 162—207), после ликвидации журнала эти воспоминания вышли двумя изданиями (Ивановская П. С. В боевой организации: Воспоминания. М., 1928, и М., 1929).

Семь родных братьев и сестер П. С. Ивановской активно участвовали в русском освободительном движении начиная с 1870-х годов. Муж Ивановской и мужья ее сестер также были революционерами. Эта замечательная женщина, осужденная в 1883 году по «процессу 17-ти» на смертную казнь, замененную пожизненной каторгой, часть срока отбывала на Каре. В 1890 году ее выпустили из тюрьмы в

вольную каторжную команду, весной 1896 года перевели в Акатуй, зимой 1898 года разрешили жить в городе Баргузине Забайкальской области. В 1903 году она бежала из Читы в Европейскую Россию и, чтобы продолжить борьбу с самодержавием, вступила в партию социалистов-революционеров.

Автор воспоминаний талантливо описала жизнь революционера, перешедшего на нелегальное положение, быт самых низов столичных жителей начала XX века, взаимоотношения между членами Боевой организации партии социалистов-революционеров. Особый интерес представляет изложение истории подготовки покушения на министра внутренних дел В. К. Плеве. Убийство Плеве — главный сюжет воспоминаний П. С. Ивановской и самое громкое дело, в котором она участвовала. Каждому действующему лицу отводилась особая роль. Свою роль мемуаристка описала превосходно и существенно обогатила наше представление об этой кровавой, омерзительной, преступной истории с предательствами и невинными жертвами. Тонко и правдиво написаны портреты боевиков Каляева, Сазонова, Бриллианта, Швейцера, Савинкова и их руководителя — провокатора Азефа. Искренность автора внушает к воспоминаниям полное доверие.

Будучи родной сестрой жены В. Г. Короленко, Прасковья Семеновна многие годы жила в семье писателя в Полтаве. Можно предположить, что ее воспоминания попали в «Былое» благодаря этому обстоятельству. П. Е. Щеголев в 1900—1901 годах отбывал ссылку в Полтаве и там подружился с Короленко. Владимир Галактионович испытывал к Павлу Елисеевичу привязанность до последних дней своей жизни. Наверное, он и познакомил автора воспоминаний с редактором «Былого».

А. Г. Емельянов в воспоминаниях рассказывает о реакции полицейских властей Ростова-на-Дону на Манифест 17 октября 1905 года о даровании населению России гражданских свобод.

После ликвидации журнала «Былое» Емельянов опубликовал свои воспоминания в журнале «Борьба классов» (1934. № 2. С. 93—104).

Автор статьи о Л. Н. Толстом — Константин Семенович Шохор-Троц-

кий (1892—1937). После окончания столичной гимназии он уехал в Ясную Поляну, с 1911 года работал учителем в толстовской школе, занимался разборкой архива писателя, принимал участие в создании Яснополянского музея и двух музеев Л. Н. Толстого в Москве. Константин Семенович — один из редакторов юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого и автор более шестидесяти статей о нем. Публикуемая статья посвящена постановлению Синода об отлучении Толстого от православной церкви.

Завершает второй невышедший номер «Былого» раздел «БИБЛИОГРАФИЯ». Почти в каждой книжке журнала присутствует эта рубрика. Она содержит рецензии на наиболее значительные книги, посвященные главному образом освободительному движению. Редакция журнала «Былое» всегда привлекала к рецензированию крупных ученых. В данном номере раздел «Библиография» готовили выдающийся пушкинист член-корреспондент АН СССР Б. Л. Модзалевский, известный историк и литературовед И. М. Троицкий, талантливый пушкинист С. Ю. Гессен, участник революционного движения, известный историк Е. Е. Колозов, выдающийся библиограф А. Г. Фомин. Даже из перечисления авторов рецензий видно, что раздел этот представляет безусловный интерес для специалистов.

Публикацией невышедших номеров журнала «Былое» завершается издание материалов, подготовленных к печати Павлом Елисеевичем Щеголевым. Но это не последняя встреча читателя с «Былым». Предполагается переиздать все парижские выпуски исторического сборника «Былое», сформировать и опубликовать сборник из редакционного портфеля «Былого», составить несколько тематических сборников из опубликованных в этом журнале материалов.

В настоящем издании каждый невышедший номер журнала занимает отдельный том. Примечания редакторов и авторов текстов обозначены звездочкой — * и помещены постранично, как это сделано в корректурных экземплярах.

Статья В. Н. Кашина «Консервативный современник декабристов (Князь

Б. Н. Юсупов)» и воспоминания В. А. Бальца «Суд над первым Советом рабочих депутатов», А. Н. Вознесенского «Москва в октябре 1917 года» и П. С. Ивановской «В Боевой организации», подготовленные редакцией для невышедших номеров «Былого», являются продолжением начатых печатанием в № 23 за 1926 год. Чтобы не отсылать читателя к недоступным полереволюционным книжкам «Былого», ранее опубликованные части этих материалов помещены в приложениях, расположенных после основных текстов каждого тома предлагаемого сборника. Поэтому читателю предстоит знакомство с содержанием перечисленных материалов не по основному тексту, а по приложению.

За приложениями следуют примечания. Если несколько публикаций нуждается в одном и том же пояснении, то оно приводится в примечаниях только один раз, когда встречается впервые. В примечаниях приведены лишь те сведения, которые существенно дополняют и разъясняют основной текст. При работе над примечаниями учитывалось, что книга адресована массовому читателю, поэтому сведения о лицах, не сыгравших существенной роли в событиях, которым посвящены публикуемые статьи и воспоминания, в примечаниях отсутствуют.

В разделе «Библиография» библиографические записи рецензируемых книг оставлены без изменения, поэтому они не соответствуют требованию действующих нормативных документов. В связи с тем, что этот раздел журнала представляет интерес главным образом для специалистов, он нами не комментируется.

Автор считает приятным долгом выразить глубочайшую благодарность сотрудникам Отдела рукописей Института русской литературы АН СССР Д. В. Базановой, Е. В. Виноградовой и Т. С. Царьковой, а также М. А. Райциной и всем, кто содействовал выходу сборника в свет.

В текстах неизданных номеров журнала «Былое» часто встречаются упоминания об отдельных статьях Уголовного уложения, Устава уголовного судопроизводства и Устава о наказаниях, поэтому представляется целесообразным вынести их из примечаний и дать отдельно.

**Уголовное уложение,
высочайше утвержденное
22 марта 1903 года**

Статья 42. Не вменяется в вину преступное деяние, коего учинивший не мог предвидеть или предотвратить.

Статья 43. Неведение обстоятельства, коим обусловливается преступность деяния или которое усиливает ответственность, устраняет вменение в вину самого деяния или усиливающего ответственность обстоятельства.

При неосторожных деяниях правило сие не применяется, если самое неведение было последствием небрежности виновного.

Статья 50. Приобретение или приспособление средства для приведения в исполнение умышленного преступного деяния почитается приготовлением.

Приготовление наказывается в случаях, особо законом указанных, и если при том оно было остановлено по обстоятельству, от воли виновного не зависящему.

Статья 99. Виновный в посягательстве на жизнь, здравие, свободу или вообще на неприкосновенность Священной Особы Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, или на низвержение Царствующего Императора с Престола, или на лишение Его Власти Верховной, или на ограничение прав оной, наказывается: смертною казнью.

Посягательством признается как совершение сего тяжкого преступления, так и покушение на оное.

Статья 100. Виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных Законами Основными образа правления или порядка наследования Престола или отторжение от России какой-либо ее части наказывается: смертною казнью.

Если, однако, такое посягательство обнаружено в самом начале и не вызвало особых мер к его подавлению, то виновный наказывается: срочною каторгою.

Посягательством признается как совершение сего тяжкого преступления, так и покушение на оное.

Статья 101. Виновный в приготовлении к тяжкому преступлению, статью 100 предусмотренному, наказывается: каторгою на срок не свыше десяти лет.

Если при том виновный имел в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то он наказывается: срочною каторгою.

Виновный в приготовлении к тяжкому преступлению, статью 99 предусмотренному, наказывается: смертною казнью.

Статья 102. Виновный в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статью 100 предусмотренного, наказывается: каторгою на срок не свыше восьми лет.

Если такое сообщество имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то виновный в участии в сем сообществе наказывается: срочною каторгою.

Виновный в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статью 99 предусмотренного, наказывается: каторгою без срока.

Виновный в подготовке составить сообщество для учреждения тяжкого преступления, статьями 99 или 100 предусмотренного, или принять участие в таком сообществе, если последнее не составилось, наказывается: в отношении сообщества для учинения тяжкого преступления, статью 100 предусмотренного, — ссылкой на поселение; в отношении сообщества для учинения тяжкого преступления, статью 99 предусмотренного, — каторгою на срок не свыше восьми лет.

Статья 107. Виновный в оскорблении памяти усопших Царствовавших Деда, Родителя или Предшественника Царствующего Императора, учиненном публично или в распространенных или публично выставленных произведениях печати, письме или изображении, наказывается: заключением в крепости на срок не свыше трех лет.

Если же такое оскорбление учинено по недоразумению, невежеству или в состоянии опьянения, то виновный наказывается: арестом на срок не свыше трех месяцев.

Статья 126. Виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинении тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов, наказывается: каторгою на срок не свы-

ше восьми лет или ссылкой на поселение.

Если такое сообщество заведомо имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то виновный в участии в таком сообществе наказывается: срочную каторгою.

Статья 128. Виновный в оказании дерзостного неуважения Верховной Власти или в порицании установленных Законами Основными образа правления или порядка наследования Престола произнесением или чтением публично речи или сочинения или распространением или публичным выставлением сочинения или изображения, наказывается: ссылкой на поселение.

Статья 129. Виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих:

1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния;

2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя;

3) к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению властей;

4) к учинению тяжкого, кроме указанных выше, преступления, наказывается: за возбуждение, пунктами первым или вторым сей статьи предусмотренное,—ссылкою на поселение; за возбуждение, пунктами третьим или четвертым предусмотренное,—заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет.

Если:

1) виновный возбуждал действовать способом, опасным для жизни многих лиц;

2) последствием возбуждения было учинение тяжких преступлений, то виновный, если не подлежит более строгому наказанию, как соучастник учиненного преступного деяния, наказыва-

ется: за возбуждение, пунктами первым или вторым первой части сей статьи предусмотренное,—каторгою на срок не свыше восьми лет; за возбуждение, пунктами третьим или четвертым первой части сей статьи предусмотренное,—заключением в исправительном доме.

Покушение наказуемо.

Статья 132. Виновный:

1) в составлении сочинения или изображения, статьями 128 или 129 указанных, с целью распространения или публичного их выставления, если распространение или публичное выставление оных не последовало;

2) в размножении, хранении или провозе из-за границы указанных в первом пункте сей статьи сочинения или изображения, заведомо о их содержании, с объясненною в том же пункте целью, если распространение или публичное выставление таких сочинения или изображения не последовало, наказываются: заключением в крепости на срок не свыше трех лет.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1885 года

Статья 39. За нарушение порядка в публичных собраниях, или во время общенародных увеселений, театральных представлений и т. п., виновные подвергаются: аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше двадцати пяти рублей.

Устав уголовного судопроизводства 1864 года с последующими дополнениями и изменениями

Статья 772. Освобожденный от суда без указания его вины может просить, чтобы суд определил его виновность и то наказание, которому он подлежал бы, если бы в деле не оказалось законной причины к прекращению уголовного преследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

В сборнике тексты публикуются в том виде, в каком они были подготовлены редакцией журнала «Былое». Все сокращения слов сохранены, поэтому приводится список сокращений, встречающихся в тексте, кроме собственных имен.

Б. — бывший

Б. О. — Боевая организация партии социалистов-революционеров.

Бр. — братя

Бывш. — бывший

«Вест. Европы» — «Вестник Европы»

«Викжель» — Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников

В. пр. — ваше превосходительство
Врем. правительство — Временное правитель-
ство
Газ. — газета
«Голос мин.» — «Голос минувшего»
Губ. — губерния
Д. — дом
Д. П. З., Дом Пр. Закл., Дом Пред. Закл. —
Дом предварительного заключения
Жел. дор. — железная дорога
Зап. — Запад
И. об. — исправляющий обязанности
К., коп. — копеек
Кам. Под. — Каменец-Подольский
Книгоизд. — книгоиздательство
Ликвид. ком. — ликвидационная комиссия
Лит. приб. — литературное прибавление
Мин. вн. дел, Мин. вн. д. — Министерство
внутренних дел
Мин. ин. дел — Министерство иностранных
дел
М. Садовая — Малая Садовая
Основ. — основные
«Отеч. Зап.» — «Отечественные записки»
Охр. отд. — Охранное отделение

«Пб. Вед.», «С. П. Б. Вед.» — «Санкт-Петер-
бургские ведомости»

Пом. прис. пов. — помощник присяжного по-
веренного

П. П. С. — Польская социалистическая пар-
тия

П. С.-Р. — партия социалистов-революцио-
неров

РКИ — Рабоче-Крестьянская инспекция
«Рус. Слово», «Русск. Слово» — «Русское
слово»

Св. Синод — Священный Синод
С.-Д., соц.-дем. — социал-демократы

Сл. — следующие

Совет р. и с. д. — Совет рабочих и солдат-
ских депутатов

С.-р., соц.-рев. — социалисты-революционеры
Ст. — статья

Угол. Улож., Уг. Улож., улож., Уг. Ул. —
Уголовное уложение

Унив. — университет

Устав — Устав уголовного судопроизводства
Чрез. — чрезвычайная

СТАРЫЕ И НОВЫЕ НАЗВАНИЯ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ

Гельсингфорс — Хельсинки
Дерпт — Тарту
Екатеринодар — Краснодар
Юрьев — Тарту

Ленинград

Засейная ул. — ул. Некрасова
Большая Монетная ул. — ул. Скороходова
Большая Морская ул. — ул. Герцена
Знаменская ул. — ул. Восстания
Каменноостровский пр. — Кировский пр.
Кирочная ул. — ул. Салтыкова-Щедрина
Мещанская ул. — Гражданская ул.

Николаевский вокзал — Московский вокзал
Нюстадтская ул. — Лесной пр.
Столярный пер. — ул. Пржевальского
Торговая ул. — ул. Союза Печатников
Троицкий мост — Кировский мост
ст. Удельная — Выборгская сторона
Фурштатская ул. — ул. Петра Лаврова
4-я Рота — 4-я Красноармейская ул.
Шпалерная ул. — ул. Воинова

Москва

Тверская ул. — ул. Горького

В. Н. КАШИН

КОНСЕРВАТИВНЫЙ СОВРЕМЕННОК ДЕКАБРИСТОВ (Князь Б. Н. Юсупов) *

Прибегая «к помощи земской полиции», князь не забывал, однако, и о другом, столь же действительном средстве воздействия, если не на крестьянские спины, то на их головы. Выше уже указывалось, как Христовы заповеди о братской любви служили обоснованием круговой поруки в вопросе о взыскании недоимок. Этой прикладной ценности религиозных истин князь всегда уделял внимание, ловко пользуясь ею при всяком удобном случае. Когда его канцелярия, заваленная работой с утра до вечера, взмолилась о некотором расширении сокращенных князем штатов ее, то он с достоинством возразил, что «Бог великий в милостях его не оставляет тех, кто трудится, и они не бывают лишены возможности исполнить обязанности,—каждому трудящемуся помогает Бог». И канцелярия ничего не могла возразить против ссылки на столь высокий авторитет. Поэтому князь тщательно заботится о религиозном воспитании своих крестьян, строго наблюдая за сельским духовенством в своих имениях. Когда священник в Ракитной не вынес после обедни креста своим прихожанам, князь немедленно вмешался. Дело было не в кресте, а в том, что пусть при выносе его неукоснительно «говорит своим прихожанам поучительные слова». Поэту и вновь назначенный управляющий князя, лютеранин и прусский подданный Карл Бетхер, посетив вскоре после своего назначения фабричное село Никольское, предписывает местному смотрителю прежде всего «помнить

закон Божий и сохранить твердым основанием добрую нравственность; я желаю, чтоб, соблюдя оную сам, удерживал и подчиненных своих, ибо сие есть главнейшая статья доброго христианина». А так как практический смысл «главнейшей статьи» раскрывался в содержании поучительных слов священника, то в первом же пункте подробного предписания Бетхера конторе другого фабричного села, Ряшек, приказывается «внушить подданным и фабричным людям, дабы они в воскресные и праздничные дни ходили в церковь и слушали со вниманием слово Божие и закон Его, сохраняя тем твердую добрую нравственность каждого человека». Князь и сам добросовестно старается показать пример, предлагая правлению своего петербургского имения оповестить крестьян, что он будет говеть вместе с ними, в их деревенской церкви, и крайне поражается тем, что его «добрые крестьяне» не пожелали явиться в церковь одновременно со своим отцом и благодетелем.

Придавая такое значение «поучительным словам» духовенства, князь должен был, конечно, горячо одобрять заботливость управляющего его малороссийскими имениями прусского лютеранина о истинах православной русской церкви. «Благодарю вас,—пишет ему князь в 1832 г.,—что вы имеете попечение, чтобы подданные мои исполняли свой христианский долг, ибо учение святой нашей церкви, улучшая нравственность, ведет человека к истинному счастью». Но так как сами проводники крепостных душ на этом пути к счастью, настроенные не менее князя ценить

* Окончание. Начало см.: Приложения, с. 124.

свои религиозные учения прежде всего с практической стороны, далеко не отличались особой «нравственностью», то князю приходилось вмешиваться и в их поведение. Не говоря уже о пьянстве и взаимных «заушениях десницей» мелкой церковной сошки, вроде дьячков и пономарей, пьянствовало и духовенство, а администрация каспийских рыбных промыслов сообщила о поимке, после долгих выслеживаний, местного священника в тот момент, когда он вкупе с дьяконом проносил в дарохранильнице под видом «св. даров» скупленный у крепостных лщцов ворованный рыбий клей, пуд которого стоил до 400 руб. В других имениях духовенство пыталось скупать у крестьян ворованный с господских гумен хлеб или спекулировать на голоде, как, например, удививший самого занимавшегося тем же князя один из тульских священников, бравший в голодный 1841 год до 50 руб. за четверть²⁰ хлеба. Больше всего жаловались, однако, крестьяне смоленских, харьковских, курских и др. имений на вымогательство при отправлении духовных треб. Несмотря на вмешательство вотчинных властей, угрозы жаловаться по начальству и всякие дипломатические переговоры с духовенством, сельские причты плохо придерживались таксы, установленной в малороссийских оброчных имениях: за похороны до 7 лет 1 рубль, а старше — 2 р., за молебны с акафистом²¹ дома 70 коп., в церкви — 50 коп., а без акафиста — 35 коп., и т. д. Таксация мало помогала, и сам князь пишет в 1832 г., что священники «притесняли своих прихожан при исполнении духовных треб и даже до того сие зло простиралось, что иногда тело умершего оставалось непогребенным до тех пор, пока родственники его не заплатят священнику требуемую сумму». Спустя 10 лет крестьяне продолжали жаловаться, что приходится все же «торговаться за каждую требу сперва с священником, потом с диаконом и, наконец, с дьячком и пономарем». Князь приказывал поэтому созвать в правление «всех священников слободы Ракитной и объявить им мое негодование»; сообщив о том же письменно другим служителям культа более отдаленных селений, а управляющий при своих разъездах от имени князя делал замечания духовенству, «дабы они притес-

нений поданным и других неприличных их сану дел» не совершали. Все эти меры помогали, однако, не более таксации. Поэтому с лихоимством духовенства приходилось считаться, как с неизбежным злом. В 1834 г. московская канцелярия в ответ на жалобу правления раскольничьего села Безводного о притеснениях со стороны православного духовенства прямо заявила, «что от священника не было б притеснений, если б крестьяне обеспечили его в средствах пропитания, на что он имеет полное право, ибо занимает место по власти правительства». Так как из 1000 душ до 700 было старообрядцев, то священник, не получая за требы, по мнению канцелярии, «натурально вынужден употреблять меры, чтобы заставить крестьян платиться ему за отступление правил господствующей религии, но если бы крестьяне, держащиеся старообрядчества, определили священнику и причту²² достаточное нужное положение, то он, без сомнения, не стал бы возбранять им исполнять все обряды их секты». Поэтому канцелярия посоветовала снестись со священником о размере желаемого им откупа со старообрядцев.

При таком практическом отношении к «святому учению церкви» и князя, и его администрацию интересовала не сама религия, а именно ее практически ценное значение в крепостном обиходе. Узнав о том, что один из княжеских администраторов на каспийских рыбных промыслах, приказчик Кадин, уже в течение 10 лет не был у причастия и исповеди, князь с гневом обрушивается на местного своего управляющего: «Кадин вместо напутствования подчиненных на истину как в исполнении долга против православной веры и религии, так и в обязанности против господина сам подает отвратительный пример. После сего: может ли господин ожидать, чтобы Кадин исполнял против его все обязанности, когда он против Бога не исполняет долга христианского в избавление собственной его души от грехов, а деяния таковых влекут строгий ответ на суде Божиим, и таковые люди не заслуживают общего уважения и доверия». Осыпая упреками допустившего такое вольнодумство астраханского управляющего, князь продолжает внушать об обязанности его

свято помнить, что «долг каждого начальствующего наблюдать, дабы ему вверенные прежде всего выполняли обязанности против святой веры и православной религии, а тогда требовать исполнения и господской повинности. Без сих важных условий ничего ожидать нельзя». Стройность мышления, точность формулировки, прямота рассуждения князя останутся непревзойденными образцами стиля духовной культуры крепостного государства. Нельзя точнее установить важность для господствующего класса точного и неукоснительного исполнения требований церкви, чем это сделано князем в рассуждениях, характерных для наступившего после вельможного «свободомыслия» XVIII века и туманного мистицизма александровской эпохи узкоформального, но и систематически планомерного мундирного православия николаевских годов, воспитывавшего крепостную массу в достаточном повиновении Богу, царю и помещику. И, строжайше требуя объяснения причин, по которым «Кадин 10 лет сряду уклонялся от исполнения христианских обязанностей», князь приказывает управляющему наблюдать, «чтоб подчиненные, наши единоверцы, исполняли то, что требует православная наша вера. Обязанность сия важна, и, чтобы исполнять успешно обязанность перед своим господином, должно прежде начать со всевышнего Бога». Во внедряемом в головы крепостных крестьян кодексе религиозных понятий вера «требует», христианство состоит из «обязанностей», ответ за их невыполнение «строг», необходимо «начать со Всевышнего», чтобы успешно выплачивать оброк господину. Господин и начинал «со Всевышнего», этим религиозным кодексом туго стягивая умы своих крепостных подданных. Предписывая ракирянским священникам, чтобы они по праздничным дням «всегда читали своим прихожанам назидательное и приличное тому дню слово из проповедей, сочиненных св. Иоанном Златоустом», князь пишет сначала в виде обоснования своего распоряжения фразу: «Почитая христианскую религию первым и твердым основанием доброй нравственности каждого человека», но затем зачеркивает второе и третье слова и вписывает вместо того: «закон Божий». Весь стиль и тон

той эпохи, когда в знаменитой трехчленной формуле о «православии, самодержавии и народности» синодское православие и казенная народность бойко шли в пристяжках к тащившему русскую тройку николаевскому самодержавию, отразился в этой обдуманной замене христианской религии «законом Божиим». В истории неприятностей, постигавших иногда господствующие классы, религия служила временами знаменем восстания против светского и Божьего закона. Библия в кармане железнобоких кромвелевских солдат английской революции, кальвинизм на устах беспощадных голландских гезов, евангельские заповеди на стяге крестьян и ремесленников эпохи анабаптизма и многое другое было религией. Но «закон Божий» всегда учил послушанию закону светскому, и, когда религия становилась или пока она оставалась «законом», господствующие классы могли быть спокойны. «Я повторяю всегдашнее правило... — внушает князь астраханскому управляющему, — повиноваться, повиноваться и повиноваться старшим, — тогда все будет хорошо. Этого требует закон Божий и гражданский». Подчеркнутые князем слова подчеркивают и бесспорную ценность закона Божьего в крепостном обиходе.

Но закон светский поддерживался в крепостном обществе многими «занимавшими место по власти правительства» лицами и учреждениями, помимо духовенства. Там, где кончалась роль духовенства, начиналась деятельность полиции, и от поучительных слов священника крестьянин переходил к «русским нравоучениям» сперва барина и его управляющего, а затем и ближайшего станового. Могло ли быть иначе и на простиравшемся над крепостным миром небе? В начале сороковых годов в тульском имении утопился писарь. Темные причины его самоубийства стали еще темнее от того следствия, которое было произведено полицией и судом, а в графе местных расходов прибавилась определенная цифра в рубрике «на известные расходы». Все под присягой опрошенные дворовые и крестьяне, пишет канцелярия местному правлению, «показали, что Судаков ничем не был притесняем, ни наказываем; по форме это так, но по совести не так,

а канцелярия имеет в своих руках доказательство несправедливости таковых показаний». Установив факт вполне понятной со стороны крепостных крестьян и тем более дворовых ложной присяги и намекнув на подлинную причину самоубийства, канцелярия спешит, конечно, успокоить вотчинную администрацию, — «само по себе разумеется, что она ведет об этом деле речь не для того, чтобы считала нужным о наказании Судакова объявлять при следствии». К смерти доведенного до самоубийства писаря канцелярия глубоко равнодушна, как и к нарушению присяги клятвopеcтуплением. Замечание канцелярии на эту щекотливую тему сделано ею единственно для того, что, «ежели Судаков действительно погиб от огорчения, то, кроме данных уже ответов земской полиции, должно еще будет дать ответ и небесной полиции, где истина никакими средствами сокрыта быть не может и где каждому воздастся по делам его». Судя по не особенно подавленному тону рассуждения, привыкшая обращаться с земной полицией московская канцелярия князя Юсупова не особенно боялась полиции небесной. Она была уверена, кроме того, что и на земле небесная полиция могла оказаться полезной в тех случаях, где сложность дела оставляла беспомощной грубую земную. Когда князь узнал о воровстве барщинными крестьянами господских семян при засеве полей, то не преминул заметить, что «уменьшить воровством семен и отнять, так сказать, у самой природы средства на изобильный урожай — великий грех пред Богом». Естественно, что, получив известие о плохом состоянии крестьянских полей, канцелярия наставительно замечает по поводу воровства семян: «Бог по правосудию своему грешников наказывает. Крестьянские зелени хуже экономических».

Помощь небесной полиции должна была оказывать вотчинным властям и еще более важные услуги, и именно тогда, когда ее вмешательство было особенно необходимо. Выше уже упоминалось, что расположенные на берегу Каспийского моря княжеские рыбные промыслы служили местом ссылки провинившихся и не плативших оброка крестьян. Отделенные сотнями верст солончаковой степи от всех бли-

жайших населенных пунктов, ссыльные редко пробовали бежать, но в 1834 г. нашлись четверо смельчаков, рискнувших пешком и без всяких приготовлений пуститься в сторону расположенного при устье Урала городка Гурьева. Все они пали жертвами безводной знойной степи. Двое были подобраны казаками уже мертвыми, а двое других почти умирающими от жажды и истощения. Находясь в течение нескольких дней между жизнью и смертью, они наконец оправились и, сидя в тюрьме, ждали возвращения на промыслы. Несмотря на просьбу местного, далеко не мягкосердного управляющего освободить едва не погибших беглецов от наказания, канцелярия приказала принять их «не иначе, как с должным наказанием со стороны земской полиции». Но, обеспокоенная возможностью попыток к бегству и других «закоснелых негодяев», московская канцелярия в письме, почти вдохновенном по своему неумышленному цинизму, указывает на всеведущую небесную полицию, успешно справляющуюся за отсутствием земной полиции с задачей охраны приватной княжеской каторги в глухом углу безбрежных солончаковых степей и камышовых зарослей. Внушая местному управляющему, что «закоснелые негодяи, пренебрегающие увещания и наставления к добропорядочной жизни, должны в полной мере восчувствовать всю строгость наказания, им определенно, и никогда не должны оставаться без надзора», и предписывая поэтому, в случае невозможности совершенно разделить ссыльных друг от друга, «по крайней мере иметь их в строгом надзоре и занимать беспрестанными работами так, чтобы им не доставало время на побег и худые дела», московская канцелярия возмущенно добавляет, что, «впрочем, если в сих людях хотя еще малейшая искра осталась чувств человеческих и если еще помнят, что есть Бог — мститель за все худые дела, то плачевное приключение, постигшее четырех их товарищей, находящихся в бегах и мучительно умерших от изнеможения, солнечного зноя и жажды без всякой помощи и без утешения религий, должно иметь на остальных спасительное влияние, ибо они ясно видят, коль скоро Бог их покарал за учиненный ими гнусный и законопротивный

поступок, и, хотя могли скрыться на некоторое время от людей и законного их начальства, но от всевидящего Бога не остались без мщения, и двое нашли хотя ужасное, но заслуженное ими наказание». Не нам решать, что здесь лучше, — указание ли на мщение всевидящего Бога, неусыпно сторожившего княжескую каторгу, или же упоминание о «чувствах человеческих». Все хорошо в этом классическом рассуждении.

Нуждаясь, однако, чаще всего в полиции земной, князь Юсупов смотрел на нее хозяйственным оком хорошо ведущего свои дела помещика и, содержа на постоянном откупу чинов земской полиции и суда, предписывал своим управляющим не забывать рациональной бережливости в этом отношении. После многократных напоминаний об этом в предыдущие годы князь указывает, например в середине сороковых годов, что алчность земской полиции и чиновников все увеличивается и что «становые пристава в моих имениях начинают так действовать, как бы в своем собственном», тогда как «мое правило, — объясняет князь, — что, жертвуя рубль таким людям, должно иметь в виду из него извлечь пользы вдвое». То же правило князь применяет и по отношению к полиции небесной. «Так как главнейшую промышленность и господский доход вверенной вам экономии составляет землепашество, — пишет князь своему ракитянскому управляющему, — то пусть поэтому оно освящается приличным церковным обрядом». Игра стоит свеч, по мнению князя, и он тщательно разрабатывает обычный церемониал освящения полей. Духовенству предписывается при наступлении яровых и озимых посевов отправляться после литургии крестным ходом в поля, где уже приготовлены семена на одной десятине, а далее указывается, как брать эти семена, святить, бросать в землю, как начинать засев и т. д. Но когда его тульский управляющий устроил молебен и перед началом замолота, т. е. пробной молотбы, результат которой служил основанием для подсчета урожая, то рассерженный владелец дававшего несколько десятков тысяч дохода тульского имения немедленно указал не в меру набожному администратору, что «хотя молиться Богу во всякое

время должно, но в первый еще раз я вижу в делах всех моих имений, что при окончании замолотов в Спасско-Прилепской экономии было молебствие и допущен расход 5 руб. ассигнациями; при посеве хлебов я приказал отпевать молебствие, а при делании замолотов — новая выдумка, и желал бы знать, справедлива ли она». Поэтому же, узнав о расходе на молебен в господских домах «во время св. Пасхи 3 р. 50 коп. и за свечи и ладан 50 коп.», князь недовольно замечает, что, «хотя расход маловажный, но неуместен. Когда бывает освящение полей или, напр., хлеба, тогда может быть допущен расход экономический», а за эти молебны он из своих денег платить не согласен по той причине, что «дом мой освящен один раз навсегда».

Таковыми же хозяйственными соображениями проникнуты и все распоряжения князя по религиозной части. Собираясь говеть и заказав в Ракитной сделать для него свечу, князь приказывает раскрасить ее «приличными животными и цветками с надписью на ней круго-винтовым образом следующих слов: от трудолюбивых пчел малороссийского имения его сиятельства князя Бориса Николаевича Юсупова», указав в той же надписи день, месяц и год. Хотя свеча была и небольшая, всего в $\frac{1}{3}$ фунта, но не хватало лишь перечня княжеских чинов и более подробного адреса для сведения небесных властей. Приказывая в другой раз снабдить иконами господские хлебные амбары, князь рассердился на недогадливого тульского управляющего, повесившего их внутри амбаров. Подобное распоряжение не соответствовало рациональному ведению хозяйства. Исходя, вероятно, из здравого наблюдения, что мужик на всякую икону крестится, князь немедленно распорядился «св. иконы поставить не внутри амбаров, но над дверями оных, дабы всякий крестьянин, видя икону, помолился о приумножении сохраняющегося в амбаре хлеба». Небольшая разница в размещении икон достигала, однако, обращения крестьянских молитв на умножение господского хлеба. Под влиянием таких тонких укоров и указаний немудрено, что местные управляющие начинали иногда в своих хозяйственных донесениях говорить

языком акафистов. «Слава Богу. Вся премудростью сотворил еси. Преднаменование бывшей осенью и зимою по вере во всемогущество его исполнилось весною...» Читатель ошибся бы, сочтя эти слова совершенно излишней цитатой из «поучительного слова» местного сельского священника, т. к. это лишь начало донесения о благоприятных видах на урожай. Правда, княжеская администрация вообще любила подражать своему господину в высоком стиле, и, получив, например, сообщение о назначении князем пенсии семье умершего главного его доверенного лица, прослужившего десятки лет в московской канцелярии, последняя ответила сообщением об охватившем всех ее чинов «благоговейном безмолвии». Местные управляющие, впрочем, далеко превосходили канцелярию в своем восторженном красноречии. В ответ на сообщение о возведении князя в звание гофмейстера ракирянский управляющий разразился вдохновенной одой в прозе. «Я никогда не ощущал в душе моей такой радости, такого удовольствия, как ныне... — восторженно захлебывается он в ближайшем донесении, — я читал с жадностью эти строки несколько раз, глаза мои наполнены были радостных слез и слез, благодарных Богу... и эта благодарность и радость Богу мгновенно разлились во всех сердцах, облеченных высшими милостями. Единодушно все стремглав бегут ко мне, поздравляют меня с радостью и мое имеют к себе взаимное, и час от часу теснились общая наша радость», и т. д., и т. д. Вдохновение управляющего, изнемогавшего от обуревающего его раболепия, кончается восторженным, хотя и не совсем грамотным воплем: «О, если бы милосердный Создатель, как ныне сделал вас в лице земного царя гофмейстером, а прейдя сию степень земной жизни в благоденствии, щастии и спокойствии и здоровью, наконец, общими нашими от глубины сердечной мольбами соделаться вам гофмейстером царя небесного».

Но если восторженный взор ракирянского управляющего провидел в небесной лазури образ крепостного помещика в роли «гофмейстера царя небесного», а канцелярия по поводу доведенного до самоубийства писаря дружески предупреждала тульскую

администрацию о возможных в будущем осложнениях с полицией небесной или приписывала Богу роль не то смотрителя княжеской каторги, не то капитан-исправника астраханских степей, то и сам князь недалеко ушел от этих религиозных представлений уровня чернокожих уроженцев лесов Сенегала или Конго. Известный московский [митрополит] Филарет отклонил просьбу князя при перестройке церкви в подмосковном Спасском об устройстве особого окна в алтаре с таким расчетом, чтобы из него видна была могила похороненного там его отца, заподозрив, вероятно, излишне настойчивое навязывание вниманию небес праха почившего сановника. Сам князь обладал не меньшею пронциательностью в делах подобного рода. Когда в его орловском селе Ровья должна была на собранные крестьянами деньги строиться новая церковь и архитектор обратился к князю с запросом о смете и наименовании ее, князь обнаружил тонкое понимание дела. Ответив архитектору, что храм должен быть небольшим и простым по архитектуре, князь продолжает: «...притом для меня странно, почему г. Дрегалов желает знать, в чье имя построен будет храм. Я предполагаю, что сведение сие ему нужно для следующих соображений: если храм будет строиться во имя св. Василия, в честь которого дано ему имя, то он выстроит его пофигурнее из усердия к своему заступнику и украсит колоннадой, статуями и прочими архитектурными орнаментами, до которых он большою охотник, а я, напротив, их в деревне не люблю; но прошу канцелярию уверить г. Дрегалова, что Робинская церковь будет строиться не во имя св. Василия, и потому составление скромного и простого плана с фасадом его затруднить теперь не может».

Сочные соображения князя о необходимости пресечь покушения лукавого архитектора угодить своему собственному святому за его, князя Юсупова, счет сливаются в одно гармоническое целое с другими княжескими рассуждениями о практическом значении религии в рационально поставленном хозяйстве, а достойная своего господина московская его канцелярия выразила свое понимание разумного отношения к божьим милостям в одном из предписаний астраханской кон-

торе. Соглашаясь с тем, что «изобильный улов рыбы и бой тюленя зависят единственно от милости Божией», канцелярия не возражала управляющему Шулешову, что «более того, что Бог пошлет, и требовать нельзя, но за всем тем Шулешов должен неусыпно наблюдать, чтобы эта милость Божья именно доходила до определенной цели, а не попадала и направо, и налево». Так как ошибки были возможны, однако, не только при направлении потока денежного обращения с небесных высот в крепостные владения князя, но и при обратном процессе, то требовалось не менее неусыпное наблюдение и в этом отношении. Поэтому на донесения из разных имений в разные годы о том, что крестьяне не могли одновременно полностью уплатить оброка вследствие не только неурожая, но и сбора на постройку или перестройку церкви, московская канцелярия, повторяя почти буквально точное замечание князя, отвечает, что «усердие крестьян к храму Божию весьма похвально», но что, «с другой стороны, крестьяне должны бы помнить и о своих обязанностях в отношении к господину и, воздавая Божия Бгови, воздать и кесарева кесареви. Это также заповедь Божия, и тем обязательнее для всех, что ее сам Господь изустно повелел исполнять». Этим замечанием ближайших помощников князя о всеобщей обязательности изустной заповеди Божией применительно к уплате помещику оброка определялся весь тот практический смысл неукоснительных попечений князя о поучительных словах из «учения св. церкви», которым проникнуты как все административные распоряжения духовенству, так и собственные религиозные верования князя. Нравственность заключалась в исправной уплате оброка, безнравственность же в недоимке. О поддержании этого рода нравственности и должны были заботиться духовные пастыри крепостных душ, а о поддержании этой их деятельности усердно заботился сам владелец упомянутых душ, умея высоко ценить ее практическое значение для своих хозяйственных целей и надобностей, несмотря на решительное отдаленное предпочтения кесаревои доле.

Совершенно противоположной точки зрения держался зато князь Юсупов по отношению к светскому про-

свещению и грамотности. Сам властный распорядитель жизнью и воспитанием многотысячной массы крепостных крестьян с внешним лоском своего сословного образования соединял, разумеется, нетвердое знание русского языка, сильно сказывавшееся в его многочисленных изречениях и рассуждениях на страницах вотчинной переписки, не говоря уже о падежных окончаниях, согласовании слов, знаках препинания и т. п. мелочах. Было бы явной и несправедливой придиричностью требовать от титулованного русского патриота знания своего родного языка, но князь обнаруживал иногда, кроме того, признаки такого наивного и невежественного суеверия, которое даже в его подчиненных вызывало ироническую улыбку и не свидетельствовало о внутренней глубине обязательной дворянской культуры со всем ее наружным лоском. Когда в московском «казначействе» Юсупова в 1846 г. были перемещены хранившиеся там денежные суммы из старого сундука в новый, князь не преминул сделать замечание своему главному управляющему Лукьянову, «Очень жаль, — писал князь, — что в новый сундук переведены документы и дела 1 апреля: известно, что в моем правиле 1 апреля — число фальшивое и в этот день должно стараться не предпринимать важного, то прошу г. Лукьянова по получении сего все, что положено в новый сундук, вынуть и положить вновь на 24 часа в сундук моего казначейства, а новый сундук оставить открытым» и только после этой спасительной меры положить «по истечении не менее 24 часов обратно». Главному управляющий покачал, вероятно, своей многоопытной головой, отвечая князю, что «канцелярия, или, что справедливее, И. М. Лукьянов, будучи твердо уверен, что у Бога все дни равны... существующую в народе примету считать 1 апреля днем лжи из памяти выпустил», но поторопился успокоить своего взволнованного господина тем, что перемещение в злополучный новый сундук состоялось фактически еще 31 марта. Немудрено, что на запрос тульского управляющего, не может ли канцелярия выслать ему барометр, взяв его хотя бы из княжеского дома, где он не особенно нужен, канцелярия ответила, что нигде в княжеских домах и вотчинах вблизи обеих

столиц барометра не имеется, а сам князь предпочитал не полагаться на такие неверные, хотя не особенно недавние «нововведения». В 1834 г. он предписывает ракирянскому управляющему сообщить, «что, по замечанию простолюдинов и людей, знающих сельское хозяйство, оно обещает к будущему лѣту насчет урожая хлеба; хотя он во власти Божией, но замечания стариков на сей предмет часто бывають справедливы». То, что казалось князю надежным в сезонных предсказаниях погоды, должно было быть не менее заслуживающим доверия средством и в ежедневном обиходе вотчины. Старики были постарше и понадежнее барометра.

Правда, бывали случаи, когда и князь, вообще любивший достойное его сану, званию и положению литературно-вотчинное красноречие, пользовался возможностью обнаружить свою осведомленность теоретического, так сказать, свойства. По поводу убыли оленей в своей подмосковной, вспоминая более частое появление оленьего жаркого на своем столе в былые годы, князь выражает в 1845 г. московской канцелярии недоверие: «Я ставлю ей в пример Старый Завет, по которому Бог повелел праотцу нашему Ною взять в ковчег только по одной паре всяких животных, бывших до потопа на земле; от них впоследствии размножились великие миллионы на земле; держась этого круга природы, нельзя верить, чтобы мои олени остались бесплодными». Но такого рода научная осведомленность не мешала, конечно, князю быть близким к психологии «простолюдинов» и «стариков», обходиться без барометров, свято веровать в тяжелые дни и «фальшивые числа» и искренне не замечать не только нужды, но и какой-либо пользы просвещения для своих крестьян. В обширных владениях князя не было нужды в грамоте. Необходимый канцелярский персонал подготовлялся в каждом местном правлении и в столичных канцеляриях путем обучения двух-трех дворовых мальчиков чтению и письму. Несколько других подростков обучались землемерному делу, несложному счетоводству, позже, при сыне князя, — «фельшерскому искусству», а девочки — акушерству. Но уже для местных вотчинных бурмистров и старост грамота считалась не

только ненужной, а даже излишней и, пожалуй, вредной. По поводу жалобы тульского управляющего в 1841 г. на безграмотность одного из приказчиков князь ответил, что он обнаруживает «усердие и честность», а так как, по мнению князя, «это главное достоинство человека, на которого можно положиться», то ничего более от приказчика нельзя было и требовать, «лишь бы он в точности исполнял требования главноуправляющего». И, подчеркивая ценную для нас сторону общего значения своих взглядов и рассуждений, князь замечает, что «у других помещиков вотчинами управляют безграмотные старосты и делами хвалятся». А отсутствие практической полезности грамоты делало ее в глазах помещика совершенно нетерпимым вольнодумством. Николаевская эпоха отразила свое понимание узкопрактического значения просвещения в классически выдержанной литературе уваровских циркуляров и предписаний. Но крепостное государство заимствовало свою идеологию из обихода крепостной вотчины. Министерские рассуждения Уварова²³ о необходимости создания сословного образования, разграниченного сословными перегородками, о значении «умственных плотин» и о вреде всякой философии вообще были и без того твердым убеждением русского барина. Степень нужды в грамотных людях у подавляющего большинства крепостных хозяйств была очень невелика, и при указанном уже взгляде князя на качества, необходимые в низшей администрации, нужда эта ограничивалась одними лишь центральными и вотчинными конторами. Но и здесь, по мнению князя, особой нужды в образованных людях не чувствовалось. Предлагая сократить число писарей при купавинских шелковой и суконной фабриках, московская канцелярия в 1832 г. замечает по поводу обучавшихся там грамоте двух-трех мальчиков, что «особливо в обучающихся писать никакой надобности быть не может». На просьбу тульского управляющего о разрешении улучшить состав местной главной конторы князь не без раздражения отвечает в 1838 г., что «для соблюдения порядка по вотчинной бухгалтерии не требуется особых познаний, лишь бы тот, кто ею заведывает, вникал в дело и занимался при-

лежно. Тут идеи и рассуждения не нужны». Столь же категорический отказ со стороны князя встретила и просьба того же управляющего года через два после того о найме поверенного, сведущего в «юриспруденции». Нелюбовь к идеям и рассуждениям снова побудила князя указать на вызывавшую его полное удовлетворение безграмотную низшую администрацию. «Нужды в юриспруденции при главном Прудовском правлении я не разделяю, — пишет князь управляющему, — у меня в великороссийских имениях управляют вотчинами одни малограмотные крестьяне, имеют дела в присутственных местах и успевают без юристов». Поэтому и величайший упрек, который князь мог адресовать своим управляющим, сводился к обвинению их в склонности к излишним умствованиям. В неудачных, по мнению князя, объяснениях ракирянского главного правления он с большим «соболезнованием» усмотрел «много умственного объяснения, что мне весьма не нравится». Не допуская ничего «умственного» в своей собственной администрации, князь тем не менее склонен был допустить умственное развитие своих крепостных крестьян путем обучения их грамоте. С точки зрения помещика, крестьянин должен был быть таким, каким он был выгоден господину, и вся жизнь крестьянина должна была рассматриваться именно с этой точки зрения. Князь заботится об обучении, например, дворовых мальчиков, приказывая отдавать их целыми десятками в ученье мастерам, но обучаться они должны всякого рода ремеслам и «мастерствам», а не грамоте. «Постоянная моя цель, — объясняет князь своей канцелярии, — состоит в том, чтобы каждый дворовый мальчик по силам был занят делом и постепенно приготавливал бы себя на предстоящие занятия». Канцелярия ответила, что она знает «строгое предписание» князя «ни одного мальчика, достигшего 12-летнего возраста, не держать, но тотчас отдавать в ученье на годы к сторонним мастерам, что и исполняется, даже иногда моложе 12 лет отдаются в ученики». Но в системе подготовки будущих дворовых к служению своему господину грамота была излишней.

Сын князя стал обзаводиться собственными вотчинными фельдшерами,

фельдшерскими учениками и «повивальными бабками», обученными в больницах. Сам князь не чувствовал еще особой нужды в этого рода заботах. Он пользовался, конечно, услугами постоянного врача, хотя и предписывал, например, в 1845 году своему ракирянскому управляющему срочно остричь местных дворняг для изготовления князю двух пар чулок, так как «чулки из собачьей шерсти полезны против подагры». Но когда правление петербургского имения упрашивало князя во время холерной эпидемии 1848 г. прислать в вотчину состоявшего при его особе подлекаря, то получало в ответ советы «быть всем спокойными, не унывать духом и надеяться на милость Божию, а работы производить своим порядком безостановочно», не есть соленой рыбы и зелени, пользоваться припарками, грелками, приложенной князем выпиской из «СПБ. ведомостей» и памятью о холере 1831 г. Через две недели князь сообщает о распространении холеры вдоль Невы и предостерегает «стараться удерживать крестьян от дурных толков; и в СПб были распущены злодеями вредные толки, но из них некоторые пойманы и наказаны на площадях в присутствии самого государя императора, и ныне все толки прекратились». Узнав же наконец, что холера уже в вотчине, князь «уповает на милость Божию», дает гигиенические советы и снова отказывает в посылке подлекаря, объясняя о необходимости его оставления при особе князя. Все имеет конец, в том числе и холера. Недели через полторы князь пишет уже по поводу ослабления эпидемии: «Весьма утешительно, что совершен священный обряд — крестный ход с водосвятием по всем деревням. Да услышит Всевышний теплые молитвы наши и помиует рабов своих», немедленно затем вспоминая об оброке и добавляя: «Крестьяне продолжают заниматься работами и сенокосением, что продолжать усердно, сие Богу угодно». Эпидемия стихла, прошло еще недели две, и когда наконец подлекарь отправился в вотчину, расположенную всего в 45 верстах от Петербурга, князь бодро и непринужденно пишет к бурмистру: «Основательно управляющий Е. Павлов, следуя моим мыслям и предварительным распоряжениям, просил выслать под-

лекаря Соколова в благовещенское имение для подания помощи при разившейся там болезни; из сего крестьяне мои видят мое о них попечение и заботы, и приятно, что нахождение подлекаря ободрило крестьян и водворило более твердости духа». А в ответ на повторение просьбы правления разрешить пригласить вольного лекаря князь отвечает указанием о необходимости платить ему из мирских сумм и предлагает прислать какого-либо сироту для обучения его в княжеском доме «вроде подлекаря и фельдшера». Начавшаяся переписка с упрямым вотчинным правлением сопровождалась новыми напоминаниями князя о недомимке и оброке, новым усилением холеры, отсрочкой решения об обучении мальчика, так и не посланного, и т. д. Желание вотчинного правления осталось невыполненным, а принципиальное отношение князя к медицинской самопомощи посредством упования на промысел Божий находит себе подтверждение и в переписке с другими вотчинами. «Теплая молитва к Богу, чистая вера и надежда на промысел и милосердие Божие да избавят нас от смертоносной болезни», — указывал князь своим тульским подданным по случаю той же холеры 1848 г., сопровождая советом «быть воздержанными в пище и не предаваться унынию». К воздержанию мужики привыкли, приучась к тому из поколения в поколение властью и заботами своих сиятельных повелителей, унынию препятствовали ободрительные требования оброка и барщины со стороны княжеской администрации, а молитва, хотя бы и теплая, ничего не стоила с точки зрения самого князя, в чем местное духовенство было с ним, впрочем, не согласно. Нельзя было сказать того же о других лекарствах, и по поводу эпидемии кори в петербургском имении князь выразил бурмистру в 1843 г. свое неудовольствие за то, что тот «скоро поторопился донести шлисельбургскому земскому суду», — умер всего один ребенок, а остальные сами собой выздоровели. «По мнению моему, — писал князь торопливому бурмистру, — не требуется никаких лекарств, которая сама по себе прекращается, ибо по рецепту разные медикаменты стоят 11 руб. серебром, — это было бы излишне». Формула одного из героев бессмертного и неува-

даемого «Ревизора» о человеке просто, который если и умрет, то и без лекарств умрет, а если выздоровеет, то и без них выздоровеет, нашла бы в князе теплое и задушевное сочувствие. Смертность среди ссылавшихся по воле князя на астраханские жаркие и болотистые рыбные промыслы крестьян более северных губерний была очень велика, и местный управляющий обнаруживал иногда сентиментальную склонность к отправлению больных в астраханскую больницу. «Считаю гораздо удобнее не отправлять больных для лечения в Астрахань, — возразил ему князь, — а оставлять их на промыслах, где, употребляя умеренно здоровую пищу и пользуя себя опробованными простыми лекарствами, скорее могут выздороветь, ибо под сим предлогом, под личиной болезни, все нерадивые и ленивые будут стараться отлучиться в Астрахань, там ничего не делать, а содержать себя на счет мой и не только не приносить мне никакой пользы, но даже могут причинить большой вред для себя, ибо они сделаются еще хуже прежнего, а как Шулешов пишет, что вольные рабочие никогда в больницы не представляются, то строго предписываю канцелярии объявить Шулешову от моего имени, чтобы он приостановился отправлением из рыбных промыслов новопереселенцев в Астрахань для лечения в больницах и отнюдь не уважал такого рода их просьб».

Ознакомление с воззрениями князя на сущность и приемы вотчинной медицины еще более подтверждает строгую логичность княжеского умозаключения об излишестве грамотности для его дворовых. Тем более излишня она была для крестьян. Единственное применение крестьянской грамоты могло быть при пополнении из рядов крепостной массы состава низшей вотчинной администрации, а в этом князь, как мы уже убедились, не чувствовал никакой потребности, предпочитая безграмотную администрацию, далекую от юриспруденции, идей и рассуждений. Прекратив обучение грамоте дворовых мальчиков, заведенное при его отце в подмосковном Архангельском и в слободе Ракитной, князь узнал, что некоторые из ракитянских крестьян сами и по своей инициативе платили местному духовенству за обучение их детей. Князь немедленно

решил пресечь зло и отправил раки-
танскому управляющему предписание,
великолепное по своим стилю и логике.
«Я узнал, что некоторые из моих
подданных отдают своих детей церков-
никам для научения грамоте, — писал
негодующий князь, — знаю из опытов,
что крестьянину грамота не приносит
сущей пользы, ибо мы видим часто
людей неграмотных, кои, будучи вы-
браны своим обществом в сельские
атаманы, есаулы и прочие громадские
должности, своєю честностью и беско-
рыстным поведением и благоразумием
снискали общую к себе любовь и ува-
жение; а так называемые письменные
были самыми негодными людьми и
делали самое большое зло обществу
и самим себе, и потому-то желаю, что-
бы мои подданные передавали своим
детям одни только правила доброй
нравственности и знание всех отрас-
лей земледелия, которое в крестьян-
ском быту составляет единственное
богатство и благосостояние, а не пу-
стую и бесполезную грамоту. На ка-
ковой предмет прошу вас обратить
особое свое внимание».

Мысль сиятельного помещика все
снова и снова возвращается к своему
привычному руслу: крестьянин должен
быть таким, каким он выгоден поме-
щику. Крестьянин должен знать свое
постоянное занятие, потому что на
нем зиждется все его благосостояние,
а зажиточность крестьянина, как не
успевал подчеркивать князь, составля-
ла и главную опору богатства самого
помещика. «Пустая и бесполезная гра-
мота» была в балансе доходов и рас-
ходов крепостного хозяйства не толь-
ко нулем, но и вредным минусом.
Поэтому помещик активно и успешно
борется с нею. Поэтому и сословные
воззрения князя, столь полно вопло-
щавшего свою эпоху, диктуют эту
борьбу с попытками крестьян издель-
ных имений заглянуть за пределы
окружавшей их сословной загородки.
Знание должно было в представлении
князя быть единственным уделом пра-
вящего сословия, а самая принадлеж-
ность к этому сословию была уже
достаточным ручательством за умение
управлять крепостными крестьянами,
а следовательно, и вести крепостное
хозяйство, поскольку в голове князя
два эти понятия непременно сливались
и покрывали друг друга. Но коль ско-
ро благосостояние помещика зависело

от благосостояния крестьян, то и за-
боты господина о своем хозяйстве тем
самым должны уже поэтому обеспе-
чить «счастливым жребий крестьян».
Вступив во владение родовыми име-
ниями, князь пишет своему управляю-
щему из дворян торжественно звуча-
щее наставление: «Служите, как над-
лежит истинному дворянину, т. е. бла-
городному человеку, и будьте уверены,
что сими качествами вы постоянно
будете приближаться к той цели, кото-
рая предназначена мною для щастия
и благосостояния моих подданных».
Каждое сословие неразрывно связано
в представлении князя со своей «целью
жизни» — одно должно оставаться во
крестьянстве, а другое править им.
А те, кто оставался или попадал вне
этих сословий, были излишни и нетер-
пимы в среде крепостных владений.
Поэтому князь приказывает немедлен-
но высылать из своих имений от-
пущенных или выкупившихся на волю
крестьян и дворовых, поэтому он не
позволяет ни одного лишнего дня
оставаться там и уволенным вольно-
наемным служащим, и поэтому же
князю «не нравится» наименование
одной из четырех сотен, на которые
была разделена громадная слобода
Ракитная, Мещанской сотней, и он
приказывает переименовать ее, так
как «у меня в имении нет мещан, и
самое имя сие мне не нравится».

Но, выступая решительным врагом
грамотности тех, чье благосостояние
должно было зависеть от дворянских
попечений, князь упоминал и о стрем-
лении к сохранению доброй нравствен-
ности своих крестьян, противопостав-
ляя ее пустой и бесполезной грамоте
если не как прямую противополож-
ность, то как с нею ни в какой связи
не стоящую. Мы уже видели, что каж-
дое упоминание помещика о крестьян-
ской нравственности имело совершен-
но своеобразный смысл и значение.
По поводу накопившейся на унаследо-
ванных им от своей матери нескольких
тысячах ревизских душ в Смоленской
губернии действительно значительной,
а по мнению князя — «огромной», не-
доимки, он пишет в 1842 г., что дело
не в постигшем крестьян трехгодичном
неурожае кряду: «Главное — расстрой-
ство нравственности и потачки» быв-
шего управляющего. Но распоряжения
его преемника, надеется князь, «долж-
ны доказать другой оборот. Он, следуя

предписанным мною правилам, поведет все по желанию моему, оброк будет собран бездоимочно, и все прежние недоимки будут погашаться по возможности, — самая нравственность моих крестьян преобразована и будет меня радовать». Нравственность поданных и исправный платеж ими оброка неразрывно связывались и покрывали друг друга в источниках тихой и сердечной радости князя.

Крепостное хозяйство определяло с подробной точностью тот кодекс крепостной морали, который для этого хозяйства был наиболее удобен. Крестьянин должен быть трудолюбив, и князь ненавидит лень, а основания для этой ненависти и объяснения смысла понятия трудолюбия выражены в предписании тульскому управляющему. Крестьянин с. Робыя наказан управляющим за неуплату оброка, несмотря на наличие в семье четырех работников. «Я уверен, — пишет князь, — что благоразумными своими распоряжениями истребите со временем во вверенных вам крестьянах ненавистную мне лень и заставите их быть трудолюбивыми и уплачивать безнедоимочно все казенные повинности и господские оброки». Даже само пугающее князя вольнодумство связывается в его голове прежде всего с материальными интересами. Вольнодумцы — астраханские ловцы, просящие прибавки платы, вольнодумцы — «избалованные» подмосковные крестьяне с. Труневки, которые «начали вольнодумствовать, показывают послушание начальству, от меня определенному, не выполняют предписаний канцелярии и желали, дабы удалит приказчика». Смысл же брошенного труневским крестьянам упрека в вольнодумстве немедленно раскрывается в угрозе князя продать их, «если они не будут пещись исправно платить оброк». И каждый раз, когда провозглашенному князем в переписке с администрацией его тульских имений торжественному и незыблемому принципу, что «господская собственность должна быть неприкосновенна и священна для всякого», грозила какая-либо опасность, суровый князь становился романтичнее любой институтки, то обуреваемый мрачным припадком злобы, то обвеянный нежным дыханием хозяйственного лиризма. На дерзкие помышления тульских мужи-

ков, помиравших с голоду в 1840 г., о мужицком происхождении господских скирд, переполнявших гумна местной экономии, князь раздражается громовым и, как всегда, не совсем грамотным приказанием «внушить крестьянам и удалить мысль, что хлеб на моих гумнах отнюдь не могут они считать обработанным ими для употребления их же; нет, такая мысль глупая, гнусная, и никогда я не допущу, дабы крестьяне так вольнодумствовали». Но вот смоленский управляющий доносит двумя годами позднее, что трудно взыскать недоимку с разбредавшихся в разные стороны в поисках отхожих заработков и подолгу не возвращавшихся местных крестьян. «Весьма соболезную, — скорбно вздыхает князь в ответ, — что чрез прежнее слабое управление были распускаемы на долгое время крестьяне и крестьянки по разным отдаленным странам, разлучаясь с матушкою своею родимую землю».

Особенно ярко сказывается истинное значение забот о нравственности крестьян в отношении князя к пьянству. При каждом удобном поводе князь не устает повторять о «гнусном пороке, пьянстве», и значительное количество случаев ссылок на рыбные промыслы объясняются самим князем именно излишней склонностью к этому коренному в его глазах злу. Иной взрослый человек и даже «историк», умеющий с видом ученой эрудиции и ребяческой наивности лепетать насчет отеческих попечений помещика о своих крепостных, мог быть особенно удобно смешать проповедуемую воду с потребляемым вином именно в вопросе о винном откупе. Вскоре после смерти своей матери, унаследовав ее петербургское имение, князь узнал о переходе в нем питейного откупа от одного откупщика к другому. «Родительница моя, блаженной памяти, — пишет князь местному бурмистру, — дозволив устроить этот питейный дом в своем имении, не исчислила: какие наносит он и когда затруднения вотчинному начальству, губительные и вредные последствия на состояние и нравственность крестьян». Разве не отцовским чувством попечения продиктованы эти слова и разве не о нравственности идет в них речь? Непосредственное продолжение приказа объясняет, однако, неожиданный упрек деловитого

князя по адресу своей блаженной памяти родительницы. Дело не в том, что княгиня не учла губительного влияния кабака на нравственность крестьян. Нет, беда в том, что она именно «не исчислила» со всей достодожной аккуратностью возможной степени сопряженных с этим губительным влиянием выгод. «Я, может быть, только тогда позволю иметь питейный дом на четыре года, — наставительно поучает достойный князь своего бурмистра, — когда предлагаемые условия будут вознаграждать все исчисленные пагубные последствия, неприятные владельцу, а нынешнюю цену 1500 р. ассигнациями нахожу низкой». Так и «гнусный порок — пьянство» оказывается в числе рубрик хозяйственных доходов князя, а проистекающий от него «подрыв крестьянской нравственности» становится выгодной статьей аренды. Откупщик должен, однако, не только по достоинству, но и в монетах определенного достоинства оценить самоотречение князя в вопросе о гнусном пороке. А потому, продолжает князь, «бурмистр Е. Павлов должен аккуратно растолковать новому откупщику и к возвращению моему в С.-Петербург представить кондиции, на коих новый откупщик предлагает иметь позволение держать питейный дом».

Так в каждом вопросе повседневного быта крепостных имений князя хозяйственные нужды и интересы помещика определяли собою всю психологию его отношений к крестьянам, складывая на основе этих отношений и общее мировоззрение крепостного хозяина. В данном случае дело идет именно о крепостном хозяине, а не только о помещике крепостной эпохи, и в этом особая ценность личного облика князя Б. Н. Юсупова. Выслушав красочные мнения и рассуждения его сиятельства по самым различным вопросам жизни его обширных владений, легко заметить хозяйственность и хозяйственный интерес князя при оценке всех попадающих в его поле зрения сторон жизни и быта крепостной вотчины, начиная с кабаков в петербургском имении и кончая поучительными словами ракитянских священников. Все должно было служить целям повышения доходности, все привлекало внимание хозяина многих десятков тысяч крепостных душ, и во всем сказывалась эта живая степень хозяйствен-

ного интереса. Эпоха, которую переживало обширное княжеское хозяйство, определяла собою отсутствие в князе интереса к «нововведениям» и «идеям». Размер, состав и положение княжеских владений давали конкретное содержание направлению княжеского внимания. Но весь облик крепостного хозяина, окрашиваясь внешними условиями времени и быта своей эпохи, получал в князе Юсупове особую выпуклость и яркость от той преобладавшей и господствовавшей в его характере черты, в которую особенно полно вылился хозяйственный консерватизм его поколения. В своем хозяйстве князь был бережлив до скупости — до того, что немедленно по вступлении в права наследства приказывает не давать больше «березок» на лучину, требовавшуюся крестьянам с Труневки на освещение и издавна полагавшуюся им. «Я дорожу каждым зерном своего хлеба», — пишет он тульскому управляющему и требует взыскания чуть ли не за каждый фунт нехватки муки у обозных подводчиков. Но еще чаще скупость князя сказывается в его мелочных распоряжениях по поводу того или иного показавшегося ему излишним расхода. «Где можно сберечь экономические деньги, там не должно пренебрегать и копейкою», — объясняет он по поводу пересылки донесений правления тульских вотчин, а вступив во владение петербургским имением и посылая в правление штампованную бумагу, приказывает, во-первых, отнести ее стоимость за счет крестьянских мирских сумм, а во-вторых — писать на ней только самому князю, и притом, «ежели мало письма — на полулисте, а ежели много — на листах большого формата». Доводя бережливость в канцелярских расходах до предписаний, в каких случаях писать на полулистах и когда на целых, князь предписывает канцелярии вообще «как в ведомостях, так и во всех представляемых его сиятельству бумагах стараться, чтоб белой и лишней бумаги не было, и писать оные сколько можно мельче». Когда же князь узнает из ведомости расходов, что вотчинное правление одного из тульских имений позволило себе приобрести «бумагу, карандаши, сургуч и ножики», то он не только запрещает «заводить такую роскошь, где экономия, кроме убытка, пользы не

доставляет», но и обрушивается на тульского главноуправляющего, заключая из этого, что он «во многих предметах делал огромные расходы без расчета и соображения». Каждое почти известие о покупке чего-либо для нужд местных правлений вызывает в князе такой же пароксизм скупости. Переписка пестрит указаниями в разные концы России, что местное правление купило слишком дорогую дугу для выездного экипажа бурмистра, что писарь позволил себе приобрести излишне красивые счеты или неподобающе дорогую чернильницу, что сукно на стол местного главного правления, шляпа для кучера, позумент на сани и пр., и пр. кажутся князю «огромными расходами», которых и в своем собственном петербургском быту не позволяет. Иногда канцелярия князя приходит в недоумение от упреков князя, когда, например, он усмотрел расход на 6 восковых столовых свеч во время своего приезда в Москву и заметил, что если «в счетах значатся остаточными огарки 40 штук, то вместо целых свечей можно бы было отпущать огарки, они так же горят, как и целые». Иногда же, как, например, по поводу стоявших 12 руб. похорон умершего в Москве крестьянина, канцелярия возражает, что «в Москве менее сей издержки человека похоронить нельзя». Проходя красной нитью через всю хозяйственную деятельность князя, этот переходивший в скупость принцип бережливости забывался им лишь в тех случаях, когда с ним сталкивалась не менее сильная ненависть князя к приводившему его в иступление «вольнодумству» крестьян. Тогда князь внезапно забывал свое постоянное правило и «не жалел издержек». По поводу предполагавшейся ссылки провинившегося крестьянина в Сибирь управляющий астраханскими рыбными промыслами указал своему господину на сопряженные с нею расходы. Князь неожиданно для него, но с характерным подчеркиванием делает гордый жест: «Я не дорожу Петуховым, если лишусь его, и даже не дорожу издержками там, где пример будет иметь влияние на вольнодумство и характер крестьян». В этом случае «даже» издержки не останавливали князя, потому что он был не только возмущен, но почти потрясен дерзостью винов-

ных. Попав в плен к туркменам и освободившись, его крестьяне на основании закона подлежали освобождению от крепостной зависимости. Удержанные происками князя, тщетно ожидая решения своего дела, крестьяне подали жалобу властям на действия княжеской администрации, торопившейся ободрать их до нитки в ожидании возможного освобождения. Петухов был зачинщиком, но «многие из них противодействуют власти и вольнодумствуют: решились плакаться о стеснениях, налогах и прочем со стороны моего управления». «Это весьма мне неприятно», — восклицает сиятельный отец «одного семейства» и, забыв о своей бережливости, проявляет еще больший размах: «Ими не дорожу и даже не дорожу издержками, употребленными для обуздания их».

Не отстает от самого владельца и его московская канцелярия, вступая в полемику со смоленским главноуправляющим по поводу истраченного куска мыла при мытье окон в усадьбе и заставляя его чуть ли не ставить «вопрос о доверии» к его распоряжениям. «Неужели я должен входить в канцелярию с представлениями, подобными следующим: позвольте мне купить три десятка яиц, чтобы смазать швы у печных изразцов; или позвольте мне купить полштофа вина и кусок мыла, чтобы промыть ржавые стекла в окнах; или я приказал столяру дворовому сделать для главного правления шесть письменных столов — позвольте мне купить сукна на их оклейку». Но на замечание раздраженного управляющего, что «такая школа годится для старосты или приказчика», игравший первую роль в московской канцелярии Лукьянов не без достоинства ответил указанием, что, «например, столы в канцелярии вот уже более 20 лет покрыты солдатским сукном, половиков вовсе нет, а в главном правлении столы покрыты тонким сукном, полы устланы половиками и холстом; окна в канцелярии и даже в княжеских палатах промываются обыкновенно водою, а в Климове понадобилось для того вино и мыло. Такие и подобные сим роскошные предметы, естественно, не могли не взволновать дух Ивана Михайловича (т. е. Лукьянова). Он ненавидит роскошь там, где она неуместна». И, развив по поводу «роскоши», допущенной

управляющим, целый трактат о бережливости, Лукьянов прямо объясняет, что «усвоил себе правило бережливости» с давних лет «по внушению и наставлению князя». Скупость помещика отнюдь не была поэтому только личной чертой человека. Это была целая школа, которую проходила княжеская администрация и которая считалась неотъемлемой чертой хорошего хозяина. Чисто гоголевские черты ее тем интересней, что перед князем стояла задача поднять доходность своих имений, и эту задачу он выполнил. При изучении же постановки и приемов ведения обширного княжеского хозяйства эта хозяйственность, устраняя влияние возможных отрицательных черт личного характера самого владельца, имеет большое значение, как и другая особенность князя, неразрывно с этой бережливостью связанная. Отмежевываясь от «тех господ помещиков, кои не входят в положение и порядок, без хозяйского глаза и надзора оставляют свои имения на произвол судьбы», князь имел на это полное и неоспоримое право. Уже через несколько месяцев после смерти отца новый владелец юсуповских имений спешит сам «наскоро» составить инструкцию по управлению этими имениями, отправив ее затем для просмотра и улучшения в московскую канцелярию и предоставив ей «переменить, убавить или прибавить смысл тех статей, где признают они нужным и выгодным для меня и благосостояния моих подданных». Позже князь обращает внимание и на внутренний распорядок работ самой канцелярии, требуя составления точнейшей инструкции с перечислением и определением занятий каждого из ее служащих, начиная со стоявшего во главе администрации всех княжеских владений «первого лица» московской канцелярии и кончая подметавшим помещение сторожем. Но князь не ограничивается общими инструкциями. Его бережливость побуждает его вмешиваться в мельчайшие детали жизни обширных своих владений. Почти одновременно с составлением упомянутой инструкции, будучи недоволен слишком большим, по его мнению, расходом дров на отопление помещений дворовых в курском имении, князь потребовал список отпуска дров и, посылая его затем обратно, объяснил, что «при каждом

семействе моей рукой назначено, сколько должно выдавать». Выше было уже указано, что примеры подобного мелочного, но внимательного наблюдения за расходами по всем имениям встречаются очень часто. Но и целый ряд других сторон вотчинной жизни привлекает к себе столь же пристальное внимание владельца. Стремясь сократить число дворовых путем перевода их на барщину, он приказывает о всех желающих жениться или выйти замуж дворовых не только курских, полтавских или тульских, но и остальных имений непременно докладывать ему самому для соответствующего разрешения, а иногда и отказа. Такое же личное разрешение князя требовалось и для браков с крепостными соседних помещиков, совершавшихся в порядке «мены». До сведения князя требовалось доводить и о всех случаях наложения взысканий за какие-либо особые вины крестьян или дворовых, не говоря уже о сдаче в рекруты, для которой необходимо было подробное донесение и предварительное согласие князя, требовавшееся также и для выдачи леса на постройку или починку сгоревших и обветшавших крестьянских строений, для выдачи семенных или продовольственных ссуд часто нуждавшемуся в них населению вотчин и т. д. Но, помимо этих особых категорий вотчинных дел, все мало-мальски важное из огромной переписки московской и петербургской канцелярий между собой и с подчиненными им главными и сельскими правлениями и фабричными и промысловыми конторами доводилось до сведения князя в виде особых двухнедельных журналов заседаний этих канцелярий. Посылавшиеся из центральных канцелярий в местные правления и конторы обширные иногда предписания нередко почти целиком основывались на собственноручных резолюциях и замечаниях князя по поводу полученных им докладов и донесений центральных канцелярий. Он просматривал не только годовые, но и ежемесячные ведомости денежной, хлебной и пр. отчетности как отдельных барщинных и оброчных имений, так и центральных канцелярий, нередко ловя их составителей на какой-либо мелкой ошибке и делая за это строгие выговоры. Князь требует на просмотр окладные книги оброчных имений и тягловую расклад-

ку издельных, посемейные списки рекрутов, имущественные списки недоимщиков, описи уничтоженного пожаром имущества погорельцев, ведомости мирских расходов, запасного хлеба и т. д. Он внимательно следит за фабричной отчетностью своих фабрик и определяет заработную плату как фабричных мастеровых, так и каспийских крепостных ловцов, пытается регулировать продажу и цены на хлеб и рыбные товары, строго настаивает и не забывает о наложенных им наказаниях, требуя иногда к себе виновных для личного с ними «объяснения», непрерывно настаивает на взыскании недоимок — словом, налагает отпечаток своего личного влияния и распоряжения на все области хозяйственной и административной деятельности по управлению обширными княжескими именьями. Следя за перепиской московской канцелярии со всеми подведомственными ей вотчинными учреждениями, Юсупов ведет, кроме того, личную переписку с некоторыми из своих администраторов, особенно с главноуправляющими тульским и курским главными правлениями. Не довольствуясь внимательным и мелочным надзором за ходом вотчинного хозяйства на основании обширной и подробной переписки, князь неоднократно посещает свои именья. Подолгу оставаясь в Ракитной и проводя в ней целые месяцы, Юсупов по дороге навещает группу тульских и орловских имений, побывав во всех почти селениях этой группы, посещает свою нижегородскую вотчину и даже рыбные промыслы на Каспийском море. Он навещает не только крупные смоленские именья, но и мелкие деревни своих ярославских крепостных, заглядывает в близкие московские и петербургские села, и многие из его предписаний помечены и датированы во время этих разъездов. Ознакомление с постановкой хозяйства и административной системой в обширных княжеских вотчинах дает нам возможность ознакомиться и с характером тех личных наблюдений и впечатлений, которые князь выносил из этих неоднократных посещений своих крепостных владений, равно как и с содержанием всей его владельческой и хозяйственной деятельности. Но отложим это до следующих наших очерков. Вышеприведенных фактов уже доста-

точно для оправдания склонности князя ставить себя в пример своей высшей и низшей администрации. «Все должно быть известно, что я, прежде чем приступить к исполнению какого-либо намерения, обдумаю и соображу его весьма хорошо и основательно, а наобум ничего не делаю», — подчеркивает князь к сведению и назиданию своих подчиненных в 1833 г. Поэтому он требует того же и от московской канцелярии, жалующейся на переобремененность огромной перепиской. «Круг действий в делах канцелярии не превышает состава ее, — возражает князь, — напротив, я при весьма ограниченной моей канцелярии в СПб., будучи занят делами по службе и обязанностями по своему званию, всеми предметами по управлению моими именьями, СП. домом и внутренними по оному распоряжениями, нахожу время заниматься отчетами, часто открываю неверности в счетах канцелярии». Для обнаружения мелких погрешностей в счетоводстве недостаточно было заниматься беглым просмотром, и князь любит указывать на свое внимательное отношение к этой отчетности. «Канцелярия знает, — пишет он в 1838 г., — что я люблю входить во все подробности дела». Эта черта характера не проходит с годами. «Все действия канцелярии я сам читаю от слова до слова», — подтверждает Юсупов в 1844 г., за четыре года до своей смерти, и, заметив в следующем году, что среди увольнительных билетов прибывших на заработки в столицу тульских крестьян два были подписаны не самим управляющим, а лишь старшим писарем, князь сейчас же делает замечание местному главноуправляющему, ведавшему всеми барщинными и оброчными именьями трех соседних губерний: «Я в СП. при всех обширных моих занятиях сам подписываю билеты и свидетельства моих крестьян».

Но эта же склонность к внимательному разбору самых мельчайших деталей своего обширного вотчинного хозяйства выливается и в крайний формализм по отношению к самой переписке. Вчитываясь в разнообразие своих центральных канцелярий, местных главноуправляющих, фабричных и промысловой контор, бурмистров и

прочих сельских властей мелких имений, князь обращает столь же пристальное внимание и на форму этих донесений, требуя соблюдения самых мельчайших правил. Став наследником имений сначала отца, а затем и матери, князь немедленно приказывает заказать штампованную бумагу, известись снабженными княжеским гербом печатями, сочиняет заголовки, требует установленной формы подписывания бумаг и т. д., и т. д. Особенно характерно предписание князя, адресованное тульскому главноуправляющему в первый же год по вступлении нового владельца в права владения. «Прошу вас в донесениях своих соблюдать постоянно следующие правила, — пишет князь в 1832 г. — Каждая статья донесения должна иметь свой счет: 1, 2, 3 и т. д., и в каждой должно быть означено, на какую статью предписания моего делает ответ; например, донесение ваше на предписание мое № 120 должно бы было составить таким образом:

1) По 1 пункту: о писаре Иноземцеве то-то; 2) по 2 пункту: принято к постоянному исполнению; 3) по 3 пункту — будет приведено к исполнению; 4) на 4 и 5 пунктах: принято к исполнению; а буде случится такое мое предписание, которого все пункты должно принять к сведению и исполнению, а ответу особого и объяснения не требуется, то писать: предписание вашего сиятельства за № 00 получено. Пункты такие-то приняты к исполнению, а такие-то к сведению». Предписывая соблюдение этих тонких различий, князь свято верит в чудодейственную силу формальностей и объясняет, что, «соблюдая сии правила, каждый пункт будет очищен сам собою». Эти требования не оставались мертвой буквой, и князь испортил немало крови своим вотчинным администраторам. Немедленно по вступлении в права наследства по петербургскому имению своей матери князь требует к себе пользовавшегося в ее глазах большим весом местного бурмистра для объяснений по поводу расходов, усмотренных князем в приходо-расходных ведомостях 1841 года. Через месяц бурмистр получает замечание, что он «не по форме делает донесения» и князь выражает надежду, что это случилось в последний раз, а через неделю замечание повторяется за то, что в ответе

на предписание бурмистр оставил некоторые пункты без ответа. Напрасно пробовал виновный оправдаться тем, что, за отсутствием в этих пунктах каких бы то ни было предписаний, на них нечего и отвечать; князь приказал писать в таких случаях «принято к исполнению», если предписание не требовало отчета, и «принято к сведению», если вообще нечего было отвечать. Так бюрократическая эпоха господства столоничальников и канцелярских «кувшинных рыл», до тонкости изучивших прелести делопроизводства, обрела себе рельефное выражение и в скромной переписке полуграмотного бурмистра с канцелярией, находившейся при «особе его сиятельства». Бережливый до скупости и расчетливый до мелочности, кн. Юсупов мог забывать даже и об этой своей страсти к экономии, когда она сталкивалась с не менее сильной склонностью к бумажному формализму. «За весь 1832 год вышло на канцелярские припасы только 114 р. 95 коп., — с неожиданным неудовольствием пишет князь преемнику своего тульского управляющего. — Г. Игнатьев был весьма ленив писать». Преемнику Игнатьева пришлось зато для удовлетворения князя развить такую канцелярскую переписку, что уже в следующем году при такого рода деятельности ему, по его словам, «ничего бы более не оставалось делать, как только сидеть за письменным столом, а это не принесет никакой пользы для моей должности». Но к подобного рода воплям исходившей чернилами вотчинной администрации князь оставался глух, влюбленный до самозабвения в шелест приводимого им в движение бумажного потока. Недаром властный Юсупов, позволяя себе один-единственный раз в вотчинной переписке снизить перед своими слугами до лирических воспоминаний о золотых днях минувшей юности, охвачен волной этих воспоминаний именно по поводу замеченной им в донесении канцелярии неточности. «Ставлю канцелярии пример, — пишет князь в 1837 г., — в моей молодости поручил мне по службе гр. Каподистрия составить одним делам опись, она была составлена аккуратно, но при переписке сделана неважная ошибка, и за то, что не прочитал ее с черновиком, граф, не смотря на то, что я князь Юсупов, меня на три дня арестовал у себя на

хлеб и воду, и спасибо ему за это». Драгоценная черта княжеского лиризма — его несомненная искренность.

Это доходящее до страсти стремление к внешней стройности форм, глубоко вкорененное в князе, не ограничивалось лишь областью одной огромной канцелярской переписки его обширных вотчин. Область этикета глубоко интересовала князя Б. Н. Юсупова не столько пышностью, однако, сколько чинностью и стройностью порядка. Этикет этот должен был поддерживать авторитет знатного дворянина, а дворянское звание было в глазах князя само по себе правом на «управление» его многочисленными крепостными душами со всеми их движимыми и недвижимыми «животами». Когда Прилуцкий земский суд довел до сведения Юсупова о налсженном на него петербургской управой благочиния взыскании по жалобе содержателя почтовой станции в Ромнах, Гансбурга, что он «насильно» овладел лошадьми, изнурил и даже загнал одну из них, князь возмущен: власти не выслушали ответчика, «тем более лицо, имеющее честь пользоваться всеми правами, знатному дворянину дарованными». Отрицать самый факт своего своеволия князь не решается, но он с возмущением рисует картину, как захваченные лошади завязли в непролазной отечественной грязи, и он, князь Юсупов, лицо со всеми правами знатного дворянина, должен был поздно ночью совершить живописный въезд в город на быках соседнего добросердечного помещика. Правда, князь пустил в ход в объяснениях со зрителем все аргументы, русскому знатному лицу свойственные, но, «без сомнения, закон предпочтет справедливость слов русского дворянина, нежели еврея Гансбурга». Этому незыблемому авторитету знатного дворянина посвящен охраняющий его этикет, в противоположность пустому эстетизму привлекающий к себе серьезное внимание князя. В хозяйственных делах князь враждебен всякой помпе, и его страсть к формализму бумажного делопроизводства не нуждается для своего удовлетворения во внешнем блеске и пышности. «При жизни покойного родителя моего канцелярия в Москве своим обширным составом и многочисленностью письмоводителей и писцов была

существенное место, чем на контору частного человека, — раздраженно ворчит князь в 1833 году, — а в главном Ракитянском правлении, вдобавок ко всему этому, я нашел на столе красное сукно; между тем дела от того шли не лучше, а хуже и хуже». Но князь-делец стоял на твердом пьедестале князя-дворянина, и по отношению к социальному престижу этого незыблемого основания он не жалел «красного сукна». Его личные изъявления своей воли не говорятся, а «объявляются» окружающим его подчиненным; он не прощает, а «предает забвению» былые грехи подчиненных в момент своего вокняжения на родительских вотчинах; он жалуется за заслуги «почетные шапки» и «почетные кафтаны», объявляет поочередно то «милость», то «негодование» и «гнев» своим крестьянам, пишет о себе самом в третьем лице «Его Сиятельство». И крестьянские обращения снизу соответствуют торжественности языка сверху. Крестьяне называют владения князя «державой его Сиятельства», титулуют его «всемиловитейшим» и даже подчас «всеагустейшим государем, сиятельным князем» и «слезно воссылают» к нему «всепокорнейшие и рабские прошения».

Само собой разумеется, что в списке торжественных дней включены к сведению духовенства «дни кончины» и «тезоименитства» князя, его родителей и семьи, что князь требует участия всех крестьян на торжественной литургии в вотчинной церкви, особенно в дни поминовения, и что эти службы устраиваются в ближайшее воскресенье, чтобы не дать крестьянам возможности освободиться от барщины. Князь утверждает к сведению духовенства порядок провозглашения многолетия, в котором после царской семьи и архиерея фигурируют князь, его жена и дети и лишь затем «христоролюбивое воинство». При похоронах покойных членов княжеского рода инсценируется торжественное перенесение гроба на плечах толпы крестьян и своих, и посторонних, сопровождаемое глухим упоминанием о крупных расходах, заказывается подобострастная статейка в «Московских ведомостях», торжественно возвещается крестьянам о кончине лица, «милостями которого они пользовались» — «да молитвы и слезы добрых крестьян соединятся» с княжескими,

а и покойных всегда упоминается с полным титулом: «Блаженные памяти его сиятельство князь такой-то».

Не менее заинтересован князь и в различных подробностях дворцового княжеского церемониала, особенно в поднятии и спуске флагов. Он сам составлял роспись праздничных дней, когда следовало «на средних воротах большого двора» его дома поднимать флаг с полным гербом, предписывая в другие дни ограничиваться флагом «с луной и звездой», а в отсутствие князя спускать его совершенно. В месте погребения своего отца князь приказывает ежегодно в соответствующий день поднимать траурный флаг и т. д.

Не может князь оставаться холодно-равнодушным и к прелести военного мундира, в тугой затянутости которого нашла себе полное и яркое воплощение современная князю эпоха. Сам Юсупов никогда не был на военной службе, его отец проходил ее лишь в колыбели и детской, а дед тоже подвизался не на стезе военных доблестей. Но и затаивший себя и всю Россию в тугой военно-полицейский мундир коронованный унтер, возглавлявший тогда крепостное государство, не отличался военными доблестями и талантами, а превзошел между тем всех своих династических предков и потомков страстью к «однообразной красивости потешных марсовых полей». Подобно ему любил мундир и кн. Юсупов. Едва успев вступить в права наследства и одержимый зудом твердой власти, князь через несколько месяцев после смерти эстетически настроенного отца не только предписывает «о разного рода шапках, чтобы оных не носили» дворовые московской канцелярии и подмосковных контор, заменив их обязательным картузом, но и «назначить изволил тем из них, которые получают сюртуки, делать их однобортными и с стоячим воротником», а его главноуправляющий Бредихин и о верхнем одеянии пояснил, чтоб «шинели делать с застежкой назад из серого армейского сукна на манер солдатских». Свободными от этого солдатского манера объявлены были лишь «фраки», полагавшиеся канцелярским служащим, да «полукафтаны» тех, кому не полагалось сюртуков. Оловянные пуговицы еще более облагораживали одеяния дворовых до того, что канцелярия «усумнилась». Сомне-

ния эти сводились к тому, что «серые шинели, совершенно военные, могут обратить внимание правительства, и люди, принятые за солдат, могут быть братья вместо них в городе». Но и пред угрозой таких осложнений князь был непреклонен. Его идеал был достигнут — недаром же канцелярия упрашивала князя «цвет переменить сукна или прибавить небольшой отложной воротник, чтобы сделать какую-нибудь разницу от фрунтовых солдат».

Оловянная николаевская эпоха олицетворена в этих серых шинелях и оловянных пуговицах княжеских дворовых, утерявших «какую-нибудь разницу от фрунтовых солдат», но вкусы как высочайшего, так и только сиятельного помещиков совпадают недаром. За ними стоят вполне насыщенные интересы класса. Назначая управляющими в тульскую группу имений, особенно, по мнению князя, «распущенных» при его отце, сперва прапорщика Игнатьева, оказавшегося не особенно удачным хозяином и смененного затем мало чем превзошедшим его, хотя и старшим по чину, штабс-капитаном Ахалиным, князь приказывает этому Игнатьеву в том же 1832 г. не довольствоваться подписью «главноуправляющий такой-то», а «на всех исходящих бумагах всегда подписываться: главноуправляющий прапорщик Игнатьев», требуя соответствующей подписи и от его преемника. Смысл же этого пристрастия к воинственности даже в вотчинной переписке, не говоря уже об охотном пополнении князем, помимо высшей, также и низшей своей вотчинной администрации отставными бомбардирами, жандармскими унтерами, фельдфебелями и пр. служителями фрунта, указан по поводу отправки в тульские имения «на исправление» прогневавшего князя дворового писаря Маркова. «Уверен, — пишет штабс-капитан лапидарным стилем отца-командира, — что он (т. е. штабс-капитан. — В. К.) поставит на военную ногу Маркова», — и подкрепляет свою уверенность приказом «без малейшего послабления штрафовать по-военному». Попадавшие в тульские имения воители с чисто механической стороны вполне оправдывали и княжеское доверие, и промелькнувший в переписке блестящий по мудрому лаконизму вотчинный афоризм, что «рука военного тяжелее», пасуя, впрочем, сейчас же

за пределами мордобоя и не особенно почетно сходя с административной сцены, как только дело касалось степени глубины и объема их сельскохозяйственных познаний.

Но, затаив десятки своих дворовых в подобия мундиров фрунтовых солдат, а десятки тысяч своих крепостных душ — в узкую догму «повиновения, повиновения и повиновения» господской «непоколебимой воле» и поставив их под общий караул отставных фельдфебелей и сельских попов, закона Божьего и закона гражданского, штаб-капитанов, управляющих из дворян и самого Господа Бога, князь Б. Н. Юсупов вложил в эту страсть к канцелярскому однообразию, оловянным пуговицам и назиданиям из Иоанна Златоуста все эмоциональные силы своей собственной сухой и узкой души. Ни в одном из самых ее сокровенных уголков не осталось места эстетическим замашкам, характерным для европейски развитого художественного вкуса предыдущего представителя княжеской династии. Отец-вельможа уступил историческую сцену сыну-хозяину; изнеженная, развратная, но часто подлинная красота — сухой, рассудочной, но столь же часто неоспоримой пользе. Князю Б. Н. Юсупову нужны не «храмы любви» и «павильоны Армиды» в садах подмосковных, а хлебные амбары и новые овины на полях барщинных имений, а потому он враг всяких художественных «затей». Предписывая устроить в Ракитной новые большие амбары для хранения зерна, князь требует построить их «без пустых архитектурных украшений, ибо я желаю иметь их не для глаз, а для пользы», но зато не забывает распорядиться сделать их «с отверстиями, в которые могли бы пролезать кошки для истребления мышей и крыс». Заметив поставленные в одной из слобод новые верстовые столбы и считая их «вовсе не нужными и бесполезными», князь приказывает впредь «заниматься только такими постройками, которые принесут настоящую пользу». Иногда князь обрушивается на пожарные бочки, отнюдь не желая, «чтобы пожарный инструмент был красив и регулярен», иногда его внимание привлекает к себе продолжавшаяся после его отца посадка деревьев по сторонам проезжих дорог, и он предписывает прекратить это

«ненужное и бесполезное занятие», но всегда и всюду в нем говорит все то же стремление к крайней бережливости и почти болезненная ненависть ко всякой «пустой» красоте. Немедленно по своем вокняжении новый владелец крепостной «державы» принимается за ликвидацию оскорбляющих его хозяйственный рационализм следов барского пристрастия предыдущего поколения к «пустым украшениям». Уже в 1832 г. он упраздняет существовавший в московском доме «птичник», распродав всех его обитателей, уволив приставленного к нему дворового и оставив лишь трех попугаев. Одновременно начинается ликвидация «театрального гардероба», экипажей, насчитывавшего до 80 инструментов рогового оркестра и даже театральных декораций, в том числе и пресловутой писанной кистью Гонзаго «павильонов», «рош» и «храмов». Вскоре сокращается число обучавшихся музыке дворовых мальчиков, а взрослым музыкантам предоставляется снискивать себе пропитание игрой по найму за плату к различным лицам и учреждениям. Борьба с «украшениями» переносится и на другие княжеские владения. В Архангельском распродают содержавшиеся в местном зверинце ламы, лани и журавли. В курском имении местный управляющий в 1834 г. предписывает по воле князя продать «ослов, лебедей и коверные рисунки, равно и др. материалы, при экономиях не нужные». За ликвидацией коверных рисунков следует прекращение выделки ковров местной ткацкой мастерской, а в московском доме князь продает купцу за 3765 р. асс. 29 ковров. В 1837 г. князь решает закрыть существовавший в т. наз. Никитском доме театр, насчитывающий 18 лож в бенуаре, 26 лож в бельэтаже и 20 «вверху» да 120 мест на 14 крытых зеленым сукном скамейках в партере. В течение долгого уже времени сдававшийся внаймы разного рода «артистам» и фокусникам дом этот решено обратить под сдачу квартир.

Но не только Никитский театр Юсуповых превращается в населенный мещанами, ремесленниками и прочим мелким людом доходный дом. Знаменитое Архангельское, воспетое Пушкиным место «уединения» покойного «скептика и эпикурейца», князь уже в 1832 г. решил сдавать дачникам. По-

этические беседки и павильоны стали приносить прозаически настроенному владельцу небольшой доход, предпочитавшийся им одним большим расходом. Даже чудесно звучащий «Каприз» был сдан на лето в 1834 г. «кимеретинскому царевичу» г.-м. Константину Давыдовичу за 500 р. асс. Вслед за знатными потянулись в святая святых былого московского барства и незнатные дачники, а сам практически настроенный хозяин Архангельского интересуется не столько знатностью, сколько платежеспособностью своих постояльцев. «Зачем ей столько квартир? — ворчливо спрашивает князь в начале 40-х годов по поводу найма «царицей грузинской» того же «Каприза» за 700 руб. и двух других флигелей за 750 р. асс. — Хотя она знатная особа, но наем ею квартир мне не весьма приятен, ибо вижу, что за прошлогоднее содержание только 15 февр. сего года уплатила последние деньги: она туго исполняет уговор».

Пренебрежение к эстетике и пустым украшениям не объяснялось одними денежными затруднениями с уплатой долгов покойного отца и не исчезло с годами. Успешно погасив задолженность, получая уже большие доходы и выступая в качестве ростовщика, ссужавшего под высокие проценты крупные суммы знатным и незнатным клиентам, князь распорядился, например, в 1846 г. продать великолепные померанцевые и апельсиновые деревья из архангельских оранжерей, о которых еще за 10 лет до того московская канцелярия сообщала, что «ни у кого в Москве таких деревьев и в таком количестве, как в с. Архангельском, не имеется». Канцелярии стоило тем не менее большого труда отговорить князя от продажи хотя бы 10 лучших из них. Только после настойчивых указаний, что, по словам садовника, каждое дерево стоило «не на охотника» по 5000 р. асс. и что «они едва ли не превосходят того всем известного померанцевого дерева, которое принадлежало г. Дурасову в с. Люблине и ценилось в 12 000 руб. асс.», князь разрешил наконец оставить лучшие деревья, коль скоро они «суть драгоценная редкость, служат украшением всему архангельскому садовому заведению». Но, чуть не продав эти драгоценные редкости, князь взирал на них

не особенно благосклонным оком. «Содержание архангельского сада мне стоит весьма дорого, расходы далеко не покрываются ничтожными доходами от сада», — раздраженно писал он в конце 40-х годов. Доходы же эти получались от сдачи в аренду московским купцам фруктовых садов и оранжерей в Архангельском и Спасском, где был, по его желанию, похоронен отец князя. Покойному сановнику и не снилось, вероятно, что не только оранжерея, но и «Каприз» барского вкуса будет сдаваться дачникам под «квартиру». Но старое московское барство умерло задолго до смерти одного из своих последних представителей, а его сын был плотью от плоти иной дворянской эпохи — расчетливой, сухой и угрожаемой приближавшимся концом. Старое барство могло фрондировать в Москве, не заботясь о сведении социальных и политических концов с концами. Его преемники, все еще держась на спине крепостного крестьянина, ценили уже не брюзгливое вольнодумство былой Москвы, сменявшееся угрожающим ростом иного вольнодумства иных общественных классов, а холодный формализм чиновно-полицейского Петербурга того времени. Для увековечения памяти покойного вельможи одному из лучших резцов той эпохи, скульптору Витали, был заказан мраморный бюст князя Н. Б. Юсупова. Современники старого князя понимали художественное значение этого бюста, ставшего одним из наиболее ценных сокровищ юсуповского дворца. В подмосковном Никольском, принадлежавшем кн. Голицыну, одним из лучших украшений его был гипсовый бюст Юсупова работы того же Витали, послуживший прообразом мраморного, или, наоборот, бывший, быть может, его повторением. Но художественным ценителем и критиком выполнившего свою работу скульптора был сын покойного. Предназначенный сперва к постановке на могиле старого вельможи в подмосковном селе Спасском, месте его погребения, бюст был осмотрен его сыном, и в результате осмотра княжеская канцелярия предписала «о звездах на мраморном бюсте покойного его сиятельства князя Николая Борисовича, чтоб сделаны были натуральнее, именно как показано, — Витали объявить». Сияние оловянных пу-

говиц на шинелях дворовых и «натуральных» звезд на груди мундира саванника затмевали в глазах нового поколения знати весь пышный блеск какого-нибудь «бриллиантового князя» Куракина предыдущей эпохи. И, приказывая в 1836 г. перевезти все наиболее ценные картины, статуи и мебель из подмосковного Архангельского в свой петербургский дворец, кн. Б. Н. Юсупов лишь подвел заключительную черту погасшим и потускневшим чертам этого покойного барства с его космополитизмом, эстетизмом и прочими иностранными манерами.

Но в лучах разгоравшейся и двигавшейся к своему зениту звезды николаевского царствования выступил зато на смену отцу не менее выпуклый облик сына с его хозяйственной скупостью, фрунтовой субординацией и строжайшим формализмом.

Со страниц десятков тысяч донесений, предписаний, отчетов и резолюций, из мелких разрозненных фактов и подробностей хозяйственной вотчинной переписки встает стройный и цельный образ князя Б. Н. Юсупова, окруженный золотой рамой его владений и доходов. На фоне обширных и многочисленных имений, фабрик и промыслов четко выступают индивидуальные линии этого образа, в удачном синтезе сливаясь с отличительными и типичными чертами своей эпохи. Глубокий социальный консерватизм наследственного крупного рабовладельца, внука и правнука владельцев тысяч и десятков тысяч крепостных душ, проникает собою весь яркий облик князя, питаясь и подкрепляясь узким хозяйственным консерватизмом начала второй четверти XIX века. Резко подчеркивая отсутствие интереса к промышленному и промысловому предпринимательству своего вельможного отца и с пренебрежительным предубеждением относясь к возможности технических нововведений на своих фабриках и промыслах, князь презрительным клеймом «прожектёрства» отмечает попытки управляющих переубедить его. Но и повышенный интерес к земледелию, наиболее консервативному элементу в системе народного хозяйства того времени, связан в князе с не менее повышенной враждебностью ко всяким новым путям на «затейливый иностранный манер».

Отсюда предпочтение «русского манера» во всем, начиная с самодовольного провозглашения себя русским баарином и кончая зуботычиной в качестве русского нравоучения, находящейся в неразрывной функциональной связи с этим званием. Стабилизация своего вотчинного хозяйства применительно не к не успевшим еще развиться новым хозяйственным перспективам, а к текущей крепостной действительности является главной задачей князя, и обширный социальный аппарат вотчинной власти должен был служить этой цели. Отсюда несложная вера во всемогущество вездесущей административной попечительности, в зависимость успеха вотчинного хозяйства всецело от подбора «хороших вотчинных начальников», в необходимость мельчайшей детализации не столько содержания хозяйственной деятельности, зависевшей от божьего произволения, ибо на узком рынке той эпохи, по выражению княжеской администрации, «цены строит Бог», сколько ее формальных приемов и путей. Центральная московская канцелярия скрипит перьями с утра и до позднего вечера, отвечая на длинные донесения главноуправляющих, а глубоко убежденный в том, что он сосредоточивает в своих руках все нити управления, князь внимательно проверяет отчетность, следит за ходом переписки и рассылает многочисленные выговоры и замечания. Он хочет быть центром всей жизни своих обширных владений, и администрация должна беспрекословно, точно и немедленно исполнять его распоряжения, требуя, в свою очередь, беспрекословного послушания от своих крестьян. Первая добродетель княжеских подданных заключается в послушании, и, наоборот, неповиновение своему господину и поставленным от него вотчинным властям есть высший и тягчайший грех. Стоящие в центре хозяйства интересы княжеского накопления формируют и определяют как линию административно-хозяйственного поведения вотчинных начальников, так и кодекс крестьянской нравственности. Целью административной деятельности является извлечение крестьянского труда натурой или деньгами, а поэтому трудолюбие выражается, по представлению князя, в исправном платеже оброка и безропотном выполнении бар-

щия. Все, что мешает этому исправному получению оброка, — преступно и грешно. Отсюда — грозные филиппики князя по поводу «гнусного порока — пьянства», отсюда же — немедленное согласие князя разрешить открытие кабака, коль скоро ему за это хорошо заплатят. Понятие о нравственности имеет для князя глубоко прикладной характер, как и понятие религии. Он отдает предписания сельским священникам своих имений, выработывает ритуал молебствий, строго следит за тем, чтоб не израсходовали лишнего полтинника на религиозные нужды, и видит главную пользу религии в «поучительных словах» ее служителей, на обязательном произнесении и выслушивании которых строго настаивает. Поэтому князь заботится о таксе на требы, о благочинии и хорошем подборе духовенства, как и остального состава вотчинной администрации. Но поэтому же религия есть для князя прежде всего «закон Божий» в полном соответствии с синодским православием полицейского государства, снабженным лентами, орденами и чуть ли не шпагой. В глазах князя идеал крестьянской нравственности прост и несложен: быть хорошим хлебопашцем, слушаться начальства и благословлять «свой счастливый жребий», а внедрением этого идеала и определяется практическая ценность религии. Столь же несложны и собственные религиозные понятия и представления сиятельного помещика, как и рассуждения воспитываемой им администрации. Покушения архитектора услужить «своему» святому, небесная полиция и Бог, терпящий терпение и мстящий смертью за побег от помещика, определяют собою примитивный кругозор вотчинной религии. Доходность кабака важнее рассуждений о безнравственности пьянства, кесарева половина должна быть уплачена ранее Боговой, — доходность вотчинного хозяйства продолжает оставаться в центре и нравственных, и религиозных воззрений князя. Консерватизм хозяйственных представлений и взглядов сопровождается еще более глубокой консервативностью в религии. Князь принимает пожелание занять в будущем пост «гофмейстера царя небесного» с благосклонностью, едва ли не родственной той, с которой принималось в XVII

веке именование самодержца московского «ключником и постельничьим Божиим». Те же глубокие хозяйственные корни питают и социальный консерватизм князя. Сословные деления проникнуты глубоким смыслом в глазах Юсупова, и даже его светские обязанности кажутся ему «обязанностями, присущими его званию», тогда как «добрые и честные» крестьяне должны быть наследственными хлебопашцами, готовя и детей своих к этому «званию» и продолжая его из рода в род на пользу себе и своему барину. В вотчинных взаимоотношениях помещика и его «ревизских душ» нет места никому третьему, и князь не любит «мещанского сословия» и отставных солдат, изгоняя их из номенклатуры названий и из пределов своих владений. Но эти взаимоотношения одеты в глаза князя патриархальной дымкой семейных отношений: он — «отец», крестьяне — «его дети», и все его вотчины — «одно семейство». Подобно нравственности и религии, эта патриархальная идеология коренится, однако, в тех же соображениях доходности вотчинного хозяйства. Хозяйственная интерпретация идеологических понятий немедленно выдвигается из патриархальной фразеологии, как только дело касается княжеских доходов. Дети одного семейства — «братья», и потому обязаны нести оброк друг за друга. Дети своего «отца» обязаны послушанием и потому должны платить своевременно. «Отец» нравственно обязан заботиться о своих детях, и потому во избежание повреждения их нравственности пускает в ход за неплатеж розги, тяжелые работы, рекрутчину и ссылку на промыслы. Братство оказывается круговой порукой, сыновняя любовь — исправным платежом оброка, отеческое попечение — суровой системой наказаний за неплатеж. Но и в области наказаний князь сохраняет туманную дымку тех же патриархальных отношений, разорвать которые не могут розги и батоги, опускающиеся на оголенную спину «ревизской души», обвиняемой за неплатеж оброка в «развратном и гнусном поведении». Князь любит сначала отеческие «увещания» и личные «нравоучения», посылает для порки к становому или в съезжий дом лишь с целью «исправления» и ссылает в прикаспийские болота как в наиболее

удобный для этого исправления нравственный санаторий, изолированный от соблазнов. И если оперирование этой патриархально-крепостнической идеологией в следующих поколениях может показаться лицемерием, то самого князя в этом упрекнуть нельзя. Он действительно не любит быть жестоким без нужды и необходимости, но он убежден в своем праве на применение батогов там, где затронуты его доходы. Крепостное право для него не поспешное использование семи шкур с одного вола, не «злоупотребление», не насильственное подчинение десятков тысяч одному человеку, нуждающееся в лицемерном прикрытии, а гармоническое сочетание благосостояния крестьян и самого князя. Вседолеющее значение княжеских доходов продолжало оставаться в центре вотчинной психологии князя, но доходность кончалась там, где начиналось разорение крестьян. Поэтому постоянные упоминания князя об этой двуединой формуле гармонии княжеских и крестьянских интересов вполне гармонизировали, в свою очередь, с преобладанием в ней основной ноты доминирующего значения соображений доходности. Убеждение же в гармоничности достигнутого сочетания давало князю твердую уверенность в излишности и ненужности всякого постороннего вмешательства. Государство должно было защищать промысловые доходы князя от нападений «хищных азиатов», немедленно пресекать попытки крестьян к неповиновению вотчинным властям, преследовать укрыительство посторонними лицами материалов, украденных с княжеских фабрик, доставлять этим фабрикам возможность выгодных поставок. Этой охраной и готовностью к услугам во имя интересов вотчинного хозяйства ограничивалась, по мнению князя, роль государства. В вотчинную «державу» государство вмешиваться не должно, и всякие попытки подобного рода, будь то настаивание полиции на оказании помощи голодающим княжеским подданным, заступничество за наказанного крестьянина или расследование смерти доведенного до самоубийства дворового, кажутся князю дерзким, вредным или, по крайней мере, излишним вмешательством. В круг вотчинной жизни государство должно вступать лишь по вызову помещика.

Всякое иное вмешательство подрывает цельность круга и ведет к основному злу — неповиновению крестьян. Так же враждебен князь и к тем влияниям, которые могли действовать разлагающе изнутри самого вотчинного мира. Сословная гармония требовала в интересах княжеского самосохранения, чтобы крестьяне оставались хлебопашцами. Грамотность способствовала излишнему расширению замкнутого кругозора крепостного хлебопашца, и князь беспощадно воюет со слабыми ростками зарождающейся в крестьянах тяги к грамоте, горячо и убежденно проповедуя преимущество безграмотности с точки зрения помещика, а следовательно, по его мнению, и с точки зрения самих «добрых и честных» его подданных.

Так вся совокупность социально-социального мировоззрения князя определяется органически связанными с его положением крупного крепостного помещика интересами и взглядами, в каждой черте индивидуального оттенка которых сказывается глубокий и сочный фон соответствующей социально-экономической эпохи. Перед нами типичный образ консерватора второй четверти XIX века. Все его личные качества лишь углубляют и оттеняют рельефные черты духовного облика эпохи. Князь бережлив до скупости, а скуп до ростовщичества. Его хозяйственная деятельность доходит до мелочной придирчивости, но не выступает за узкие рамки существующей рутины вотчинного хозяйства. Он настойчив до жестокости там, где дело идет о выколачивании недоимок, но требует неподкупной справедливости в тех случаях, когда его карман не заинтересован. Любящий патриархально-вотчинную фразеологию вплоть до сентиментальности, он готов доходить до цинизма и продавать лебеду своим же умирающим с голоду крестьянам в пароксизме жадности в годы высоких цен. Распродав декорации театра своего распутного и эстетически настроенного отца, он пренебрежительно предпочитает красоте архитектурных украшений и померанцевых оранжерей, балетных танцев и крепостных оркестров красоту стройных колонн дохода в годовых балансах и тихого шелеста замасленных мужицких асигнаций.

В лишенном эстетических красок облике князя доминирует одна основная черта — он только, но и прежде всего энергичный хозяин. Его эпоха определила и окрасила собою весь его духовный облик, а личные черты характера сделали его удачным объектом для отображения этой эпохи. Уплатив три с половиной миллиона долгов своего отца вдвое скорее, чем предполагалось, он неоспоримо доказал, что перед нами характерный образец положительного помещика той эпохи, когда он уже готов был побледнеть

под напором менявшейся социальной среды. На тяжелом пьедестале крепостного самодержавия этой медной эпохи силуэт титулованного крепостника выступает с четкостью бронзового медальона. И те силуэты, чьи бледные очертания через шесть лет после смерти князя осветила «Полярная звезда», и силуэты многих десятков их соратников снова приобретают как будто забываемую вольно и невольно историческую перспективу пролетевшего века рядом с портретом одного из их консервативных современников — кн. Б. Н. Юсупова.

С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

В СИБИРИ

(Из воспоминаний)

I

ВЕРХНЯЯ ДЕРЕВНЯ

5 декабря 1884 года, через четыре месяца после выезда из Уфы, я приехал наконец в Енисейск. В полицейском управлении меня встретил толстый монументальный исправник со свирепым лицом и благодушным, как потом оказалось, нравом.

Из моего статейного списка он уже знал о запрещении мне проживания в городах со средними учебными заведениями, а следовательно, и в Енисейске, где были мужская и женская гимназии, и на мое заявление о болезни дочери и необходимости остаться в городе сказал:

— Я вам назначу Верхнюю Деревню — это под городом, а пока что живите.

«Пока что» я и жил в Енисейске. На два, на три дня уезжал в Верхнюю Деревню и по неделям жил в городе. Так я прожил зиму и весну, широко практикуя в городе, пока не приехал в Енисейск вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири граф Игнатъев*. Он не удостоил ступить на енисейскую землю и короткое время своего пребывания оставался на пароходе, куда и являлись начальственные енисейские люди.

Я пошел было с прошением о разрешении жить в Енисейске ввиду не-

обходимости учить детей, но на пристани меня остановил исправник. Бледный, с трясущейся нижней челюстью, он загородил мне дорогу и торпливо прошептал:

— Боже вас упаси! Уезжайте в Верхнюю, сейчас же уезжайте... Первый вопрос графа: «Почему Елпатьевский живет в городе?» Донес кто-то. Я графу ответил, что семья только в городе, а вы в Бельской волости... Сейчас же уезжайте, сию минуту. Подведете меня!

Сию минуту я не уехал, но рано утром со светом был уже в Верхней Деревне.

В девяти верстах от города небольшое село — хотя и называлось Верхняя Деревня — было типичным трактовым селом. Сжатое огромным Енисеем и бесконечной тайгой, оно тянулось и как-то робко жалось по сторонам тракта. Полей около деревни — преимущественно овес — было мало, а настоящее хозяйство велось на заимках¹, за 15—20 верст в тайге, где были избы и поля, где не по-русски все лето продолжался сенокос и куда много крестьян переселялось на лето.

И был медведь, в значительной мере определявший жизнь. Он был воистину хозяин тайги. Скот пасся в деревне, на заимках без пастухов, только с подвешенными колокольчиками, по которым и разыскивали его в тайге. Считалось благоприятным годом, когда медведь «задирал» одну ло-

* Убитый потом в Твери Ильинским.

шадь, одну корову со двора. Это была своего рода подать, арендная плата, которую люди платили хозяину за пользование его владениями.

Как-то ночью в мое время вышло в село восемь медведей, за ночь они высосали целое овсяное поле,—прекословить им оставшиеся жители не осмелились. Одно время я жил в брошенной избушке на краю деревни, ночью замерзала вода в кувшине, так что мне весь день приходилось поддерживать огонь в печке, а ночью спать, не раздеваясь, в валенках и медвежьей шубе. И вот однажды утром меня разбудил сосед-крестьянин:

— Ты что, паря, спишь? Медведь у тебя в гостях был!

На свежевывавшем снегу были ясно видны отпечатки медвежьих лап.

Он, видимо, останавливался у двери и у окна, но из деликатности меня не потревожил.

Я устроил маленькую аптечку, принимал больных — они оплачивали стоимость лекарств,— работа началась. Стали наезжать из ближайшего села. Но вечерами скучно было сидеть в мерзлой избушке с пальцами, которые отказывались писать,— я запрягал лошадь и ехал в город. Жутко было ехать эти девять верст между двумя стенами тайги и вспоминать, что в предшествовавшую зиму медведь задрал тут верхнедеревенскую возвращавшуюся с базара из города женщину, от которой только изгрызанную ногу в валенке нашли потом недалеко от дороги, но желание быть в семье, провести вечер с товарищами-ссылными было сильнее. Я проводил вечер и ночь в городе и рано утром с рассветом уезжал к себе. Конечно, полиция знала о моих поездках, но исправник скоро отдышался после игнатьевской грозы и меня не трогал.

II

БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ

Вызволил меня из Верхней Деревни дифтерит. Как-то из города приехала жена приказчика, в семье которого я лечил, с просьбой посмотреть заболевшего ребенка. У ребенка оказался дифтерит, я сказал, что не имею права ездить в город, и предложил послать телеграммы енисейскому губернатору и в Иркутск генерал-губерна-

тору с просьбой разрешить доктору Елпатьяевскому приехать в Енисейск для лечения ее сына. Она так и сделала, и, к моему удивлению, очень скоро было получено разрешение*.

Я переселился в город. Ребенок, к счастью, выздоровел, но я продолжал полгода оставаться в городе как врач, лечащий дифтеритного ребенка. А потом пришла телеграмма от губернатора Педашенко: «Прошу доктора Елпатьяевского помочь в борьбе с эпидемиями». Енисейский сельский врач, на обязанности которого было лечить население Енисейского уезда, растянувшегося более чем на тысячу верст, бороться с эпидемиями и прочее, получавший, кстати сказать, за сию работу 50 рублей в месяц, молодой доктор Моралев, застрелился**, и нечем было заменить его.

Верхнедеревенская жизнь кончилась. Через два дня я уже ехал с исправником по широкому ложу замерзшей Ангары за 900 верст в Кежменскую волость, на границе Иркутской губернии, бороться с эпидемией скарлатины, охватившей поселения по Ангаре от устья до Кежмы.

Это была удивительная эпидемия, какую, нужно думать, редко приходилось наблюдать русским врачам, западноевропейским тем менее. Болели не только дети, но и взрослые, и старики и старухи. Когда-то я читал, как европейский корабль завез корь на один из глухих океанских островов, где не бывало кори, и как чуть не вымерло население острова. По-видимому, так же обстояло дело и на Ангаре. Скарлатина, очевидно, давно не за-

* Дифтерит, свирепствовавший тогда на юге России, от которого, случалось, писали тогда в газетах, вымирало в некоторых селах Украины детское население, был еще мало известен на Востоке. Два случая дифтерита, диагностированные мной в Уфе, произвели там большой шум. Мне приходилось показывать эти случаи уфимским врачам, никогда не видавшим дифтерита. Помню, мне пришлось вести курьезный разговор с тамошним инспектором врачебной управы. «Как это дифтерит вы тут открыли? Перепугали всю Уфу. Ведь это просто *angina maligna!*» Инспектор, очевидно, не знал, что в учебниках так и значилось: *diphtheritis seu angina maligna*. И в Енисейске был большой шум, когда вскоре после моего приезда вымерла от дифтерита целая семья из четырех человек, от которой и я заразился.

** Я был вызван ночью и застал его уже мертвым. На столе лежала толстая записная книжка, полная стихов с жалобами на одиночество и заброшенность.

глядывала в эти глухие деревни, и только смертность была, кажется, не очень велика,—собрать сколько-нибудь точные сведения не было никакой возможности. «Кораблем», который завез сюда scarлатину, был, по видимому, этап. Появились ссыльные, не направлявшиеся ранее на Ангару. Эпидемия шла на убыль. Пока начальство узнало о «болезни на людях», пока раскачивалось послать врача, эпидемия успела обойти поселения по Ангаре, и мне пришлось долечивать последние случаи.

Стояли жестокие морозы. На метеорологической станции в Енисейске температура больше недели отмечалась ниже сорока. Огромные сани, в которых можно было растянуться во всю длину, были обиты внутри мехом, а сверху лежало огромное одеяло, сшитое из нескольких медвежьих шкур. Исправник захватил большой мешок замороженных пельменей и несколько кругов замороженного бульону, я тоже захватил с собой провизии—этим и питались мы всю поездку.

Перегоны были невелики, и только один перегон по Ангаре в 60—70 верст по безлюдному месту. Исправник предупредил меня, если случится метель, нам придется переночевать в ожидании лошадей в яме, которую вырывают в глубоком снегу и сверху покрывают кедровыми и пихтовыми ветвями, где на дне в углу раскладывается костер и где бывает тепло и уютно, как уверял исправник, которому приходилось по прежней службе отсиживаться в таких ямах. Я с нетерпением ждал этой ямы и с искренним сожалением увидел ожидавших уже нас на этом перегоне подставных лошадей. Горел большой костер на льду, где грелись ожидавшие нас люди. Перепрягли лошадей, и мы потихоньку поехали дальше,—была метель и дорогу занесло.

В каждой избе, где мы останавливались, была докрасна раскаленная железная печка, очевидно топившаяся целый день, мы растапливали в чугунке куски ледяного бульона, кипятили мерзлые пельмени, поджаривали на лучинках замерзшую, как камень, твердую телятину и пили кирпичный чай.

Исправник делал свои дела,—он за три года службы в первый раз был в

этих местах, я обходил избы, осматривал больных, раздавал лекарства из дорожной аптечки, и мы ехали дальше по снежной, в несколько верст шириной, суровой и величественной в своей красоте Ангаре.

Селения были только на крутом утесистом берегу Ангары, на другой, низменной, стороне поселений, по видимому, не было, по крайней мере мы ни разу не заезжали туда*. Крестьяне показались мне... не русскими. Были все черноволосые с нерусским прорезом глаз, с странным говором. В одном селе я осрамился со своим определением. В избу набралось много крестьян, они говорили с исправником о своих нуждах, а я искал между ними настоящее русское лицо и нашел светлого рыжеватого молодого крестьянина с вьющимися волосами и тут же потихоньку сообщил исправнику с своим открытием. Был большой смех в избе, когда после расспросов исправника оказалось, что именно этот парень был настоящий тунгус, а все остальные подлинны русские, по крайней мере считавшие себя таковыми.

В Кежме, в волостном селе, нам пришлось задержаться на несколько дней, ждать тунгусов из тайги, которые в это время года выходят с пушшиной в село. Кажется, исправник посылал за ними.

Главной причиной поездки исправника было расследование судьбы экспедиции, за два года перед тем отправившейся из Енисейска в Подкаменную Тунгуску. Это была характерная сибирская история.

Молодой человек, служащий одного из енисейских промышленников, энергичный и предприимчивый, как сибиряки вообще, решил отправиться в Подкаменную Тунгуску, тогда совсем не исследованную, где, по слухам, было золото. Использовал свои ма-

* Окружной врач А. И. Вицын, прослуживший 35 лет в Енисейске, говорил мне, что ему только раз, по поводу какого-то экстренного убийства, пришлось побывать в селе на этом пустынном берегу Ангары. Люди там оказались какие-то чудные, совсем особенные. Кто носил бакенбарды, как-то особенно одевались, у двух-трех крестьян он увидел узорчатые фарфоровые трубки. Крестьяне не помнили своего происхождения, и только по тому, что Вицын нашел у старосты на полке библию на шведском языке, и после расспросов у сведущих красноярских людей, он заключил, что то были потомки шведов, плененных под Полтавой и направленных Петром в Сибирь.

ленькие сбережения, заручился кредитом, на который охотно шли енисейские купцы при всяких поисках золота, набрал таких же смелых и энергичных товарищей, бывалых людей из золотопромышленных рабочих, соорудил баркас, нагрузил его сухарями и провизией на два года, захватил молоденькую жену с ребенком и двинулся из Енисейска.

Прошло два года, никаких известий об экспедиции не поступало. Мать жены служащего, полковница, сосланная за какое-то уголовное преступление и служившая нянькой у промышленника, начала забрасывать губернатора и генерал-губернатора письмами с просьбой о помощи экспедиции, и в конце концов исправнику поручено было выяснить вопрос и, в случае нужды, помочь экспедиции. Потому исправник и поехал в Кежму, куда выходили тунгусы и из Подкаменной Тунгуски.

Явились на съезжую избу, где мы остановились, четыре тунгуса. Они долго отмалчивались, отзываясь незнанием того, о чем их спрашивали, и только после того, как исправник угостил их добрым стаканом спирта — водка замерзала в такие морозы, и исправник возил с собой спирт, — языки развязались и тунгусы через переводчика стали рассказывать то, что они знали или что хотели сказать.

По их рассказам, они нашли на берегу Подкаменной Тунгуски довольно далеко от устья лагерь останавливавшихся людей, остатки костра, кости съеденных птиц, некоторые вещи, между прочим серебряные часы. Стали следить, путь шел в тайгу, и еще несколько раз тунгусы находили остатки костров, а потом уже только перья и кости от рябчиков, которые, очевидно, были съедены сырыми. Последние следы остановки нашли на берегу таежной реки, и затем все следы людей исчезли.

Можно было думать, что баркас потерпел крушение и оставшиеся от экспедиции люди шли по тайге в надежде встретить жильё, соорудили плот у речки, где была последняя остановка, поплыли и там погибли. Я прожил еще год в Енисейске, и никто из экспедиции не возвратился.

На обратном пути мы уже не останавливались в деревнях и ехали днем и ночью от станка к станку².

Тотчас же по приезде из Кежмы мне пришлось ехать в другом направлении — к северу, вниз по Енисею. Там была эпидемия кори, должно быть, также давно не появлявшаяся в этом районе, так как также заболели поголовно и старые, и малые. Ехал я уже один.

Было не так холодно — 20 градусов мороза вместо 40 чувствуется уже как значительное потепление, и можно было обходиться без благодетельного медвежьего одеяла, но зато снегу было больше. Ехать приходилось медленнее, а когда нужно было выехать с Енисея на берег и двигаться по тайге уже в Туруханском округе, дорога совсем исчезла.

Должно быть, прошла метель, давно не проезжала редкая почта из Енисейска в Туруханск, и, должно быть, незачем было людям ездить друг к другу, а достаточно было лыж для общения.

Лежал глубокий пятиаршинный³ снег, не слежавшийся, рыхлый, как взбитая пуховая перина. Пришлось оставить кошечку, пересест в нарту, узенький ящик, и без вожжей отдаться на волю лошади. Для того, чтобы пробраться из деревни в деревню, две нарты ехали впереди и прокладывали путь. Ехать приходилось как по перине, и, когда лошадь оступалась, мы погружались глубоко в пухлый снег. Колокольчик переставал звонить, и из передних нарт приходили вытаскивать меня и барахтавшуюся маленькую, мохнатую, как овца, лошаденку. Ехать, конечно, приходилось шагом, ехать как в снежном туннеле.

Непробудная тишина кругом, тишина могилы. Надо мной глубокое синее-синее небо, яркое холодное солнце, мириадами искр сверкают глыбы белого-белого снега, повисшие на мохнатых темных лапах кедров и пихт. По снежному полю бегут беленькие куропатки с красными лапками и черненькими глазками, подбегают к самым нартам и с удивлением смотрят на меня. Тишина, и только милый друг сибирских путешествий — колокольчик — нежно и грустно звенит по тайге.

Взрослых мужчин по деревням не видать было, ушли в тайгу белковать и соболевать. Баба-староста, баба-сотский водят меня с фонарем — зимний день здесь короткий — по измам,

осматриваю и переписываю больных, а на съезжей избе раздаю лекарства. Набирается много народа, получают лекарства и не расходятся, слушают, что я говорю, и с любопытством рассматривают мою аптечку, из которой я выдаю порошки и отливаю капли. Сначала жмутся, робеют, а потом осмеливаются, и, когда я закрываю аптечку, тут и начинаются просьбы. И насчет «грызи», что грызет животик у ребенка, и насчет женского положения, и просят зайти посмотреть черно-немошную, которую корежит на молодой месяц.

И здесь не очень много русского было в этих приземистых фигурах с короткими ногами, приплюснутыми носами, сюсюкающим говором, и, казалось мне, не очень отличались они от остяка, чью жену я лечил в одной из деревень. Это не мешало деревенским людям считать себя настоящим русским державным племенем и презрительно называть остяков и тунгусов «тварь» и «зверь». Выговаривали «тфарь» и «сферь», вместо «очень жарко» говорили: «осень сарко». Эпидемия была также на исходе.

Из моих поездок у меня составилось впечатление, что людские поселения были тогда только по рекам — Енисею и Ангаре, а за ними шла бесконечная, безлюдная тайга. Только раз мне пришлось поехать в сторону от реки и от тракта. Село было большое, богатое. Был праздник, кажется, масленица, было весело в селе. Я сидел у старосты в избе из громадных бревен с широченными белыми чистыми скамьями за двухведерным самоваром, который, как перышко, внесла широкоспинная могучая хозяйка. Мой приезд вызвал большое недоумение. Никакой «болезни на людях», о которой гласило волостное донесение, в селе не оказалось, и только после моих настойчивых расспросов собравшиеся в избу селяне стали вспоминать, что, действительно, полгода тому назад, а может, и побольше, «горели» люди и сыпня по телу выходила, но давно все кончилось, и, благодарение Богу, не хвораем.

Разговоры пошли душевные. Веселые, сытые люди объясняли мне... Умные дедушки хорошо место выбрали. Главное дело — в стороне, от начальства далеко, — не заглядывают... Летом никуда ни прохода, ни проезда,

топть кругом, опять же медведь. И зимой не рука — в стороне, и подует пурга, не проедешь. «Как это вы добрались?» — участливо спрашивают. И живут ничего промежду себя, жалиться нечего.

С приятностью попили чайку, с приятностью побеседовали, все больше о том, как это хорошо, если начальство не путается, и я уехал обратно, быстро прекратив эпидемию.

Приехал в Енисейск новый сельский врач И. И. Кусков, моя миссия по борьбе с эпидемиями кончилась, но вопрос о выселении меня из Енисейска уже не поднимался, и я до окончания ссылки прожил в городе.

III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ

Нас, политических ссыльных, было в то время в Енисейске около сорока. Публика была пестрая. Были одиночки. Жил старик Маркс⁴, учитель одной из московских гимназий, сосланный еще в 60-х годах по каракозовскому делу, когда ему было уже под пятьдесят лет. Он был одинок со своей дочерью. Когда был в силах, занимался научными исследованиями; и умер в Енисейске. Был юноша Сурин, служивший счетоводом в каком-то барском имении в Рязанской губернии, не революционер, и сосланный — так он рассказывал мне — только за то, что читал, даже без всяких комментариев, крестьянам газеты с отчетами о политических процессах. Он чувствовал себя одиноким и, несмотря на теплое дружеское отношение к нему товарищей, страшно тосковал и застрелился в своей избушке в Верхней Деревне, которую после переселения в город я предоставил в его распоряжение. Был Н. Ф. Вишневецкий*. Он уже раз бежал из Сибири и снова водворен был в Енисейск. Из ссыльных Вишневецкий вел наиболее деятельную жизнь. Он заведовал метеорологической станцией и изучал английский язык. Был в Енисейске оригинальный англичанин Бойлинг,

* Потомок народного украинского героя Вишневецкого. И странно звучало, когда мы пели хором любимую тогда песню, где рассказывалось, как Байда-Вишневецкий отчитывал султана: «Твоя віра проклятая, твоя дочка поганая...»

долго ездивший по свету матросом и как-то осевший в Енисейске. Он был строитель судов, но средств у него не было, и полуготовый остов большого парусного судна, стоявший у его домика, кажется, так и не был закончен. Вишневецкий сдружился с ним, постоянно бывал у него, оберегал одинокого старика и настолько овладел английским языком, что, когда, уже после моего отъезда, приехали англичане в Енисейск, он был у них переводчиком. Вернувшись после ссылки в Севастополь, он сделался преподавателем английского языка в морской школе.

Были группировки. Очень много было поляков, между прочим, сосланных по Варшавскому процессу⁵, на котором молодой Плеве⁶ сделал свою карьеру. Были между ними люди националистически окрашенные, как О. О. Гласко⁷, сделавшийся потом редактором одной из варшавских газет, и были целиком связавшие себя с русским революционным движением, как Михалевич⁸, Рогальский⁹, Анджейкович, Лапицкий.

В общем жили дружно, разделяющих линий не было. То время, половина 80-х годов, было временем спада народническо-революционной волны и только что начинавшейся и не успевшей еще крупно выявиться новой социал-демократической волны. Почти все ссыльные, и офицерская группа, о которой я уже рассказывал, и остальные, — Сикорский, Паули, Гортынский¹⁰, Зак¹¹, студенты Комарницкий, Давидович¹², морской офицер Лавров, были народовольцы или земледельцы — революционеры второй половины семидесятых годов. Были люди, тяготевшие к марксизму, но партийных с.-д. ссыльных еще не было.

Наиболее активной была группа, состоявшая из Сикорского, Михалевича, Паули и отчасти Анджейковича. Они рвались вернуться в Россию и продолжать свою революционную террористическую деятельность. Двое из них, Паули и Михалевич, устроили побег и добрались до России. Сикорский, сильный и смелый человек, остался в Сибири, участвовал в крупной экспедиции и приехал ко мне в Ялту умирать от тяжелого туберкулеза.

Из-за побега Паули у меня был произведен обыск. Приехали жан-

дармский полковник и прокурор по поводу денег, полученных на мое имя из Москвы и назначенных, по их сведениям, для организации побегов политических ссыльных. Доказательств у них не было, дело окончилось ничем, но одно время вопрос стоял о высылке меня в дальние места, и тогдашний губернатор Педашенко, приславший раньше мне благодарность за мою работу по эпидемии, вскипел гневом, по-видимому вскоре остывшим, и через доктора Кускова прислал мне грозное предостережение.

IV

МИХАЛЕВИЧ. ЗАК

Ярко встают в моей памяти два товарища: поляк Михалевич и еврей Зак. Поляк, говорили мне, из старинного польского рода, Михалевич с юности и до могилы связал себя с русским революционным движением и был по натуре и по своей жизни ярким представителем тогдашнего высоко идеалистического революционного движения. Я бы сказал больше — он был типичный революционер, как рисуетсся он нам в мировом масштабе. И когда я потом знакомился с итальянским революционным движением эпохи Мадзини¹³, мне вспоминался Михалевич.

У поляков есть одна черта, характерная для них, которую я назвал бы восторженностью. Эта восторженность в лучшем смысле была в Михалевиче. Мягкий, деликатный, тонкий по своей внутренней организации, он жил только революцией. У него не было будней, а был только праздник революционного подъема. Не было семьи, не было дома, уюта, службы, мирной обывательской жизни — только жизнь революционера с обысками, арестами, побегам, с вечным укрывательством и бездомностью. Он не говорил равнодушным голосом будничных слов, у него были порывистые движения, приподнятый тон и горели восторженностью большие блестящие глаза.

Мы разъехались в разные места, и до меня доносились только случайные сведения о нем. А когда через двадцать лет разыскал он меня в Петербурге около времени манифеста Николая, он был все тот же Михалевич, с восторженными глазами, с не знавшей

передышки и отдыха революционной жизнью. Он не верил ни в какую мирную эволюцию и в работу Государственной думы и был занят революционной работой в военных кругах. Похудевший и побледневший, как затравленный зверь,—его разыскивали в Петербурге,—он приходил иногда ко мне ночевать и с увлечением рассказывал, как успешно идет его работа. С некоторыми из офицеров он познакомил меня.

Дело окончилось процессом, где он приговорен был на каторгу, но до каторги не дожил и умер в петербургской тюрьме, и мне рассказывали, как мужественно и спокойно, достойно революционера, он принял смерть.

Лев Зак был представителем другого типа, не менее характерного для революционеров-семидесятников.

Как-то он рассказал мне свою историю. Из правоверной еврейской семьи Западного края, он готовился быть ученым евреем; всю юность провел в изучении талмуда и сочинений еврейских мудрецов и до шестнадцати лет не умел писать по-русски. Кто его соворотил с намеченного пути, я не помню, но кончилось тем, что он увлекся русской литературой, сначала по ночам, скрываясь на чердаке, занимался чтением, а потом и вовсе ушел из родительского дома. Жил некоторое время в Берлине, а потом стал пропагандировать и всем сердцем вошел в движение 70-х годов.

Он жил в Енисейске аскетом. Питался скудно, мало тратил на себя. У него были состоятельные родные, его двоюродный брат Зак играл тогда большую роль в финансовом мире Петербурга. Лев Зак не брал денег от родных и жил на казенное пособие, изредка подрабатывая. Когда строилась енисейская гимназия, он таскал кирпичи на постройку и этим жил. Нечасто ходил в гости, сидел за книгами и много занимался.

Необыкновенной кротостью и лаской веяло от него. Люди чувствуют внутреннюю красоту в человеке — кажется, не было у него в нашей колонии не только врага, но и человека, который бы не ценил его. Интеллигентный, очень развитый, он как-то всегда оборачивался к людям этой бесконечно доброй и ласковой стороной своего существа,—он был общим утешителем и примирителем в возни-

кавших конфликтах. Было у него особенное чувство к детям. И все знали это, и, когда родителям хотелось пойти на маскарад или на вечеринку, устраивавшуюся в ссыльной компании, Зак предлагал домовничать. И оставался с детьми, и кормил их, и укладывал спать, и дети, как тонко чувствующие, кто их по-настоящему любит, были всегдашними его друзьями и не протестовали, когда родители оставляли их на попечение их приятеля.

Судьба посмеялась над ним. Он освободился от ссылки, вернулся на родину, женился и скоро умер от дизентерии*.

▼

Д. А. КЛЕМЕНЦ¹⁴

Когда я окончательно осел в Енисейске, мне разрешили съездить в Минусинск. Там также много было ссыльных, и между ними Клеменц, Иванчин-Писарев¹⁵, Тырков¹⁶, Белоконский¹⁷, Венцовский¹⁸ и два моих ближайших друга по Москве — Мартынов¹⁹ и Лебедев²⁰.

Там я познакомился с Дмитрием Александровичем Клеменцем. Еще в студенческие годы я много слышал рассказов об его хождении в народ, об его удивительном пропагандистском таланте, об его смелости и редкостном остроумии, помогавшем ему выпутаться из самых запутанных обстоятельств. Наше знакомство продолжалось в Петербурге и перешло в крепкую дружбу,—к нему привязывались все, кто близко узнавал его.

Он был подлинный революционер, и его революционная деятельность достаточно известна, но в сущности он не был настоящим партийным работником,—для этого он был слишком широк и разносторонен. В разгар революционной деятельности он интересовался различными сферами научной мысли и печатался в легальных журналах. По существу Клеменц был мыслитель, типичный ученый. Мне приходилось не раз писать о русских людях, «не использованных историей» в силу и в меру отпущенных им талантов, и в настоящих воспоминаниях

* Я знал потом жену его — Лурье. Она служила земским врачом в Лыскове, Нижегородской губ. И меня вызывали из Нижнего лечить ее, когда она заболела тифом.

я говорил уже об отце и сыне Ведерниковых²¹, горячо преданных химии и геологии и ставших один — акцизным чиновником и другой — чиновником какой-то землеустроительной комиссии. Можно думать, что, родись Клеменц за границей, тяга к науке взяла бы верх и из него вышла бы крупная научная сила, но он родился в России и был слишком благодороден, слишком чист сердцем и высок мыслью, чтобы не болеть горестями русской жизни, не отозваться на зло и насилие.

Повторяю, по настоящему призванию Клеменц был типичный ученый, и в Минусинске, когда от него ушла революционная деятельность, вскрылась его тяга к научным исследованиям.

Оригинальный, своеобразный, с немецкой фамилией и полукалмыцким лицом, он по-своему оригинально устроил свою жизнь. Спокойная жизнь в городе не удовлетворяла его. Он вдруг неожиданно для всех седлал свою сибирскую лошадку, отзывавшуюся на его свист, бегавшую за ним, как собака, клал в торбу краюху хлеба и соль и уезжал надолго в степь. Он раскапывал могильники Абаканской степи и создавал вместе с Мартыновым Минусинский музей, ставший знаменитым не только в России, но и за границей*. Его экскурсии все расширялись, — через географическое общество он получил разрешение на поездки. На свой страх один он перевалил через Саянский хребет и проник в пустыню Гоби в качестве отчасти торговца, отчасти доктора. Он захватил с собой лекарства, которые мог употреблять по наставлениям знакомых минусинских врачей, и имел большой успех, как рассказывал он мне потом, главным образом хиной и лечением йодистым калием тамошних сифилитиков. Он успел объездить значительные пространства пустыни Гоби, посетил давно покинутые людские поселения, открыл забытые храмы-пещеры христиан-несториан и показывал мне снятые им кое-где сохранившиеся изображения Христа, Богородицы, святых.

* Много лет спустя Деникер, эмигрировавший из России в первой половине 70-х годов, с которым я встречался в Париже, много расспрашивал меня о Клеменце и рассказывал, что за границей очень заинтересованы исследованиями Клеменца и все ждут опубликования дальнейших его работ.

С присущей ему особой манерой подходить ко всяким людям он успел сразу сложить добрые отношения с князьками местных племен и благодаря этому во вторую поездку в Гоби сумел для Аскании-Нова и для какого-то германского зоологического сада наловить несколько открытых Пржевальским диких лошадей, тогда еще не известных в Европе.

В его экспедициях в Монголию принимала участие жена его, — он женился в Минусинске на начальнице местной гимназии. Одну экспедицию в Монголию она сделала одна самостоятельно и открыла там камень-памятник, на котором были вырезаны события и даты древнейших времен Китая, — камень, настолько заинтересовавший ученый мир, что, как передавали мне, немецкий профессор написал об этом камне целую книгу.

И вот человек большого, выдающегося ума, огромной разносторонней эрудиции не оставил после себя ничего крупного: небольшие напечатанные его работы были слишком незначительны для того, что он мог дать науке. От естественнонаучных и экономических вопросов он постепенно перешел к огромной области истории культуры. Да, он был основателем и первым директором Петербургского этнографического музея, ездил по разным местам и собирал коллекции, и его идеи были положены в основу этого музея; но всего этого мало для большого Клеменца.

Он не был дилетантом, каких много в России, он всегда оставался на научной базе и критически проверенными научными фактами обставлял свои положения. Он был исследователем, человеком большого размаха мысли, широких концепций, и, быть может, отчасти эта широта его замыслов, открывавшиеся ему по мере углубления его научной работы все новые и новые перспективы и помешали ему вовремя опубликовать свои исследования.

Как-то в Петербурге мы провели долгий вечер в беседе о его научных планах. На мои настойчивые советы разработать и опубликовать сделанные им исследования он отвечал, что уже подал в университет заявление о желании читать лекции в качестве приват-доцента по истории культуры, что он уже готовится к лекциям, что тогда он соберет воедино все то, над

чем работал, и сразу опубликует свой труд. Он увлекательно рассказывал мне в тот вечер проблему великого движения азиатских орд, начиная с Чингисхана, говорил мне о постепенном поднятии и обезводнении пустыни Гоби, толкавших когда-то огромные людские толпы на выход и поиски новых мест для жилья. Рисовал, как складывались армии этих диких орд по существу из охотничьих племен разных способов охоты и как применялись эти способы и в войне на европейском фронте. Я не помню всех подробностей тогдашней беседы, но у меня остался в памяти широкий научный размах мысли Клеменца по истории культуры разных народов.

Он умер, не прочитавши ни одной лекции и не опубликовавши своих главных работ.

VI

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МАРТЫНОВ

Главной причиной моей поездки в Минусинск было желание повидаться с моими ближайшими друзьями по Москве С. В. Мартыновым и Васей Лебедевым*.

Я помню С. В. Мартынова юношей, — он на два курса был моложе меня. С тонкой, как у барышни, талией, с узкими плечами и некрепкими мускулами, с светлыми, мягкими, вьющимися волосами, с голубыми глазами, он выглядел барчуком холемым, в хлопчатках воспитанным**. Злые насмешницы — герьевские курсистки²⁴ — за его наружность дразнили его Маргаритой.

А у этого человека, которого дразнили Маргаритой, была огромная воля и крепкая внутренняя дисциплина. Он рано, по-видимому еще до университета, бесповоротно, как все, что он делал, определил свою позицию в жизни и уже с первых курсов университе-

* Я уже писал, что нас пятеро: П. П. Виктор²², П. П. Кашенко²³, Лебедев, Мартынов и я — составляли кружок, стоявший в центре тогдашнего московского студенческого движения.

** Он был из состоятельной дворянско-чиновничьей семьи. Его отец был управляющий казенной палатой в Ставрополе, старший брат был уже военный генерал, сестра замужем за прославившимся в турецкую войну генералом Гейманом.

та был цельный, законченный, каким и оставался всю жизнь. Он старательно изучил революционные движения и поражал меня сведениями, в особенности об организации и системе действий итальянских карбонариев. И соответственно намеченному будущему устроил свою жизнь.

Так, как он, не жил ни один из знакомых мне студентов, хотя мои знакомые почти исключительно были из бедноты, жившей на стипендию или на уроки. Жил он в старом, гнилом, скверно пахнувшем доме, в сумрачной комнате, за которую платил, кажется, 7 рублей в месяц, с скудной мебелью, с кроватью, покрытой тощим, как войлок, матрацем, с разбитым, заклеенным бумагой окном. В кухмистерской, где мы обедали за 20, а иногда и за 15 коп., он не столовался и только вечером, когда возвращался из анатомического театра или из клиники, затоплял печку и варил в чугушке неизменную картошку, уверяя, что этого совершенно достаточно для человека, не занимающегося физическим трудом.

Он не проживал 25-рублевой стипендии, на которую жил, и охотно делился с товарищами. Как-то, когда я был на пятом курсе, — я был уже женат, у меня было двое детей, и мне пришлось довольно туго, так как из-за выпускных экзаменов нужно было сократить количество уроков, на которые я жил всю университетскую жизнь, — С. В. предложил мне заложить у знакомого ростовщика его стипендию за год вперед и, по-видимому, остался огорчен, что я отказался от его дружеской услуги.

Недостаточно было обрезать свои потребности до минимума — нужно знать, на что идешь, что ждет тебя.

— Каждому, кто хочет вступить на революционный путь, нужно решить вопрос о смерти, — как-то неожиданно заговорил он со мной. — Многие думают, что это большая вещь, а ведь в сущности это так легко и просто. Видите вот крюк? Привязать веревку, накинуть петлю — одна минута, и все кончено.

Был один случай, о котором рассказали мне в Минусинске ссыльные. Купались они в Абакане. Мартынова подхватило течение, он начал погружаться в воду и, когда выныривал, говорил своим обычным голосом:

— Тону! — Голова опять погружалась в воду, и снова раздавался его голос: — Тону... — «Тону» говорилось так спокойно, обычным голосом, что сидевшие на берегу думали, что С. В. шутит, и только, когда голова стала реже появляться над водой и голос слабел, бросились спасать и вытащили почти бесчувственного Мартынова.

Так и умер он без крика. В Петербурге с ним сделался удар, — была, кажется, эмболия мозга.

Гемиплегия довольно скоро прошла, С. В. поправился, но решил, что он конченный человек, и поселился в купленном женой его маленьком домике на Южном берегу Крыма при деревне Кизильташ. Лечил татар, копался в небольшом винограднике, примыкавшем к дому, и изредка ездил ко мне в Ялту. Я был у него за неделю до его смерти. Он увидел меня из огорода, где копался в винограднике, и медленно передвигаясь, с трудом поднялся в комнату. Ноги были как тумы, немощное сердце отказывалось работать. На лечение он давно махнул рукой, мы разговаривали обо всем, кроме его болезни и скорой смерти. Он тонул в вечную глубину, но был все тот же спокойный, я бы сказал, ясный.

С. В. Мартынов был типичный революционер — другого склада, чем экспансивный, восторженный Михалевич. Без жестов, без декламации — весь собранный в себе, без внешних проявлений. Он имел большое влияние на окружающих*, но не был пропагандистом, агитатором, не говорил речей и был скуп на слова. Он был человеком подвига, действия, решительных поступков, их он ждал, их искал.

Я помню один случай. Во время «процесса 193-х»²⁵ наш комитет решил подать во время университетского акта 12 января, — я не знаю, как назвать, — петицию-прошение от лица учащейся молодежи против того, что творилось тогда в России, генерал-губернатору Долгорукову²⁶, всегда являвшемуся на университетский акт. Текст был выработан, и С. В. взялся

* Характерно отметить, что за те 2—3 года, которые он прожил в Кизильташе, он оставил по себе такую память среди татар, что они в период разрухи, гражданской войны и всяких захватов по своей инициативе охраняли его домик и виноградник и сдали вино из его виноградника приехавшему через год сыну Мартынова.

подать его генерал-губернатору, но накануне, после долгого обсуждения, мы отменили по некоторым соображениям свое решение. Я рано пришел на акт и с удивлением увидел одиноко бродившего Мартынова, подчёркнуто корректно одетого, — он был изящен в эту минуту. Карман его сюртука подозрительно оттопыривался, и у меня явилось подозрение, и на мои настойчивые вопросы С. В. признался, что пришел подать бумагу за свой личный счет. И только когда я напустился на него, говоря, что он не имеет права, вопреки постановлению комитета, принимать единоличное решение, он отказался от своего намерения.

Уже на пятом курсе он целиком вошел в революционную работу. Его комната — адрес обычной публике не сообщался — была центром, куда являлись жившие в Москве и приезжавшие члены Исполнительного комитета партии «Народная воля». И здесь он устроился по-своему: нанял комнату в узком переулке, куда выходил задний фасад помещения обер-полицеймейстера, очень близко от входа. И я думаю, что именно эта дерзость спасала посетителей от разгрома: очевидно, жандармам не могло прийти в голову, чтобы революционер сам полез в пасть львиному.

Там я познакомился в 1879 году с Александром Михайловым²⁷.

После окончания университета, когда С. В. сделался членом Исполнительного комитета партии «Народная воля», он переехал с женой в Петербург, устроился в «приличной» квартире с должной обстановкой. Квартира его сделалась центром, куда собирались крупные народовольцы; вскоре после выхода из его квартиры арестован был на улице Теллалов²⁸, у него арестован Михалевич.

Он был негнувшийся, он был из цельного крепкого камня без трещин и извилин, в нем было нечто от древнего рыцаря, что давал рыцарскую присягу и посвящал себя делу освобождения Иерусалима, был из того же материала, из которого были сделаны самые выдающиеся революционеры 70-х годов, и не его вина, что он не сложил свою голову так, как они.

Принадлежность С. В. к Исполнительному комитету не была установлена, и дело ограничилось высылкой его в административном порядке в

Восточную Сибирь на 5 лет. По возвращении в Россию он сделался гласным в Воронежском земстве и за выступление на земском собрании по вопросу, поднятому тогда правительством, «об оскудении центра», был еще раз сослан в Архангельскую губернию.

Как и Клеменца, революция увела Мартынова от того места, которое он мог бы занять при нормальных условиях. Можно думать, что из него вышел бы незаурядный хирург. У него было настоящее призвание, он был предназначен быть хирургом. В этом смысле он рано определился. Несмотря на революционную деятельность, он был один из самых занимающихся студентов, великолепно знал анатомию и уже на третьем курсе по вечерам работал с нами, пятикурсниками, по оперативной хирургии. Работал так, как никто из нас. Когда можно было, он покупал у сторожей трупы и работал один по ночам, проделывая самые сложные хирургические операции. И когда он жил у меня в квартире в Енисейске, любимым отдыхом С. В. было перечитывание анатомии или хирургической литературы, за которой он не переставал следить.

По его инициативе и под его руководством была сделана доктором Кусковым крупная операция овариотомии — первая овариотомия, сделанная в Сибири. С. В. уговорил молодого врача Кускова, недавно окончившего и робевшего произвести операцию над огромной кистой, — он хотел, чтобы молодой врач приучился к хирургии. С. В. руководил разрезом и всем ходом операции, и, несмотря на то, что за отсутствием приспособленной больницы операция была произведена в домашней мещанской обстановке, она блестяще удалась, и больная выздоровела. Кусков долго гордился первой операцией овариотомии в Сибири, но, как скромный человек, прибавлял: сделанной С. В. Мартыновым.

VII ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ

В. С. Лебедев был человеком другого уклада. Человек большого ума, широкой и разносторонней эрудиции, строгой логики, он обладал еще тем,

что редко встречается у людей даже большего ума, — чувством меры, каким-то особым пониманием всей сложности житейских явлений. И тем, что всего труднее дается, — умением выбирать из многих путей, которые открывает жизнь, именно тот путь, какой в данной сложности событий и общественных явлений является наиболее достижимым, вернее всего ведущим к цели. Он был государственный ум.

Я помню его первое публичное выступление в Москве во время университетской сходки по поводу охотничьего избиения студентов. Анатомический театр был занят тысячной толпой учащихся высших учебных заведений Москвы — толпой, первый раз собравшейся в таком количестве, не выработавшей навыков, не имевшей опыта в прошлом. Я как сейчас помню, как с самой верхней скамьи раздавался голос Лебедева. Это была не речь, он сказал несколько вступительных слов и прочитал в заключение вырезку из катковской передовицы, появившейся в тот день в «Московских ведомостях», где с торжеством приветствовалось выступление охотничьих рядцев, помню, оканчивавшейся чем-то вроде реплики: «Так ответил русский народ на петербургские безобразия». (Кажется, дело шло об оправдании Веры Засулич.) И это было лучше всякой речи, это было именно то, что требовалось для объединения тысячной толпы в чувстве негодования и протеста. Следующим оратором выступил П. П. Викторов. Это была блестящая речь, но Викторов был увлечен и поднял настроением толпы и закончил речь неожиданно для нас, организовавших сходку, призывом идти на площадь к генерал-губернатору. Я чувствовал, как толпа сразу сдвинулась, и уверен, что она сейчас же пошла бы туда, куда звал ее оратор, но в это время с верхней скамьи снова раздавался голос Лебедева, и опять в коротких словах он точно и ясно показал публике, к чему нужно стремиться и чего должно и можно достичь. И это было так ясно, логично и непреложно, убедительно, что прежнее настроение сразу схлынуло и сходка приняла должное решение. Вызванному ректору Тихонравову²⁹ предъявили требования об освобождении арестованных товарищей, что и было исполнено, и тут же зафиксировано

право сходок. И именно благодаря Лебедеву эта первая по своей многочисленности сходка, объединившая студенчество всех высших учебных заведений Москвы, своим настроением, своей дисциплиной и, главное, своим успехом имела большое значение для московской учащейся молодежи. Именно с этого времени университетские сходки полулегализировались, а впоследствии были и совсем легализованы и одно время происходили под председательством П. П. Кашенко.

Таков был всегда В. С. Лебедев и в нашем маленьком комитете. При возникавших между нами спорах нередко достаточно было двух-трех его замечаний, чтобы спорившие поняли существо дела и согласились на то, что предлагал В. С.

Как член Исполнительного комитета партии «Народная воля», В. С. Лебедев редактировал партийный орган. Он жил тогда вместе с Львом Тихомировым³⁰, и главная роль в редакции органа принадлежала не Тихомирову, а Лебедеву. Под его редакцией и при ближайшем его сотрудничестве вышли в свет 4 выпуска партийного органа:

1. «Листок „Народной воли“» № 1 от 22 июля 1881 года. Перу В. С. принадлежит обширная передовая статья: «Новое царствование», где он представлял картину состояния русского общества после событий 1 марта и где, помню, первый разгадал физиономию нового царя, назвавши его «Сидором Карпычем».

2. «Народная воля», социально-революционное обозрение, № 6, 23 октября 1881 г.

3. Следующий выпуск «Народной воли» — № 7 от 23 декабря 1881 г., где В. С.-у принадлежит редакционная заметка «Единение власти с землей».

4. Соединенный номер 8-9 социально-революционного обозрения «Народная воля» от 5 февраля 1882 г., который в значительной части принадлежит перу Вас. С., и передовая статья: «Положение партии в данный момент (Что дало нам 1 марта)» и вторая передовая статья: «Основные задачи революционной деятельности в России», ему же принадлежит примечание редакции к предисловию Карла Маркса и Фридриха Энгельса к русскому переводу Манифеста Коммунистической партии.

Эта деятельность В. С. продолжалась только около года, в феврале 1882 г. он был арестован и, так как принадлежность к Исполнительному комитету была не установлена, сослан был административно в Восточную Сибирь на 5 лет. По окончании ему был прибавлен еще год.

Повторяю, он был государственный ум, я бы сказал — центральный ум, который составляет ось всякой людской организованности. Такие люди мало известны широким слоям, но зато их высоко ценят работающие в данной организованности, близко знающие эту роль центрального ума.

И насколько мне известно, так его расценивали товарищи по санитарному бюро Московского губернского земства, в котором он по возвращении из ссылки работал вплоть до тяжкого недуга, сведшего его в могилу, — с таким глубоким уважением и оценкой его ума и логики говорили мне о нем его товарищи по работе*.

Обоих — и Лебедева, и Мартынова — я уговорил переехать в Енисейск, где больше можно было найти работы, чем в Минусинске. Лебедева я устроил формально фельдшером, а по существу врачом на прииски к знакому золотопромышленнику Востротину**. Жена Мартынова в это время уехала с детьми в Воронеж устраивать дела по имению: Софья Александровна была из революционной семьи Перелешиных и их имение взято было правительством под опеку. Мартынов прожил год у меня на квартире до моего отъезда и до возвращения его семьи.

VIII ГОРОД

Если и Уфа пахнула на меня по первому впечатлению давним, уже пережитым в Центральной России, то от Енисейска на меня повеяло стародавним, временами Николая I, временами «Ревизора». Так же, как в николаевские времена, когда официальным лю-

* См.: *Лебедев В. С.* По поводу оставления им земской службы. — Санитарная хроника Московского земства. — 1917. — № 4.

** Лебедев был арестован на 5-м курсе. Как и Мартынов, он также был одним из серьезно занимавшихся студентов. Сдавать экзамен на врача ему пришлось в 39 лет в Казани.

ням было запрещено носить бороды, много и неофициальных енисейских людей — купцов и служащих, — в особенности, кто был постарше, брили бороды и носили только усы. Как во времена «Ревизора», больница была «приказа общественного призрения», и доктор Антоневиц, заведовавший ею, просил меня не посылать туда больных, потому что больница — морилка, клоака, которую он пытался и был бессилён почистить. Не было земства, городское самоуправление было весьма упрощенное и мало чем проявляло себя в жизни. Был старый суд. Почта приходила редко, ни в Енисейске, ни в губернском Красноярске газеты не было.

Хранились редкостные, вышедшие из употребления в коренной России слова, хранились старинные фамилии на «их», которых много было во времена Ивана Грозного и которые только изредка встречал на Урале: «Русских», «Савиных», «Черемных», «Молодых», «Больших». Сохранялись старинные народные русские песни, давно забытые в коренной России. И самые имена. Не только не встретил я там Валерьянов и Анатолиев, Тамар и Маргарит, но рядом с обычными, так сказать, крестьянскими именами сплошь и рядом встречались очень редкие, забытые уже в русском крестьянстве старинные имена, которые попадались мне только в мужских и женских монастырях.

Если Уфа оживала летом с первым пароходом, то Енисейск оживал только осенью и зимой. Нервом енисейской жизни были золотые прииски. Летом Енисейск пустел, и жизнь просыпалась только в сентябре, когда выходили из тайги золотопромышленные рабочие, служащие и хозяева.

Жизнь начиналась своеобразная, шумная и разгульная. Тех проявлений разгула рабочих, выносивших в былые времена много припрятанного золота, когда, по рассказам, рабочим покупались в магазинах куски шелковых материй и расстилались по улицам в грязи, чтобы кутящий мог пройти к своему ночлегу, уже не было, но кутеж в прибрежных кабаках и во всяких притонах шел днями и ночами, пока не пропивались заработанные деньги и запрятанное золотишко. Я еще видел, как рабочий нанимал всех извозчиков, какие оказывались на

бирже на площади, садился на переднего, а остальных заставлял ехать за собой и так разъезжал по городу.

Оживал клуб, начинались любительские спектакли, устраивались маскарады, езда в гости, именины.

Общественная жизнь, случается, выливается в своеобразные, непредусмотренные формы. Повторяю, местных близких газет не было, — роль прессы, своего рода стенной, вернее — спинной газеты исполняли маскарады. К ним задолго готовились. На незамысловатых домино на спины наклеивались написанные от руки «внутренние известия». Исключительно обличительная литература. Объявления, корреспонденции с приисков, где прозрачными словами говорилось: какую финансовую проделку устроил такой-то енисеец, что делается на приисках другого, какой солониной кормит своих рабочих третий. За такими домино ходили толпы и читали вслух заметки и объявления. Случалось, маски обступали какого-нибудь енисейского туза и забрасывали его каверзными ехидными вопросами. Литераторами были служащие, а иногда и гимназисты старших классов.

А потом именины.

Игнатий Петрович Кытманов *, один из крупнейших енисейских золотопромышленников, празднует свои именины. Кто-то в его семье заболел, и мне

* Кытманов был характерной для Енисейска и для Сибири вообще фигурой. Крестьянин одной из деревень по Енисею, смолоду ездил за рыбой, был возчиком продуктов в тайгу на прииски, узнал там от приятелей, приисковых рабочих, места «золотишко» и из маленького приискателя сделался одним из крупных енисейских золотопромышленников. Кытманов долго лечился у меня от тяжелой болезни, и у нас образовались хорошие отношения.

Как-то я пришел к нему вечером, он был один в своем большом кабинете за письменным столом, заваленным историческими журналами.

— Неужели вы все это читаете? — спрашиваю.

— Читайте... что декабристов касается.

И тут рассказал мне свою жизнь. Как лет шестнадцати он познакомился с декабристами — одна фамилия у меня осталась в памяти: фон Визин ³¹; как они учили и наставляли его; как он с ними ездил вниз по Енисею за рыбой... И чем больше рассказывал, тем больше оживлялся, и вдруг старик заплакал.

— Не могу, как вспомню... Люди были... Люди были...

Мне приходилось встречать довольно много сибиряков, знавших декабристов, и всегда в отъездах о них слышались глубокие уважение и горячая симпатия.

пришлось рано, в девять-десять часов утра, зайти к нему. Именины уже начались. Огромный длинный стол был уставлен закусками и бутылками. В передней гудели так называемые венгерцы, каким-то образом очутившиеся в Енисейске. Игнатий Петрович выходит и одаривает. Потом является причт его приходской церкви, служит молебен с провозглашением многолетия, потом является другой причт — собора, приходят музыканты из клуба и играют что-то торжественное, потом поет церковный хор, — всех обходит и одаривает Игнатий Петрович. Приходят гости, беседуют у стола с вином и закусками и уходят, и новые все идут и идут.

Именинник взял с меня слово, что я приеду обедать. Кто-кто не перебывал за день у именинника! Я думаю, «весь Енисейск», и не только «знать», но и служащие, кто постарше, и чиновничество, и какие-то таежные люди, не сбросившие с себя еще таежного облика. Был мелкий золотопромышленник, только три года назад служивший лакеем у Кытманова, и другой золотопромышленник, начавший карьеру рабочим на его же, кытмановских, приисках, — всех любезно принимает Игнатий Петрович.

Обедали в двух больших комнатах за длинными столами, уставленными бесчисленными пирогами, огромными нельмами, долго обедали, а потом был ужин, а между обедом и ужином опять закуски и опять, конечно, выпивка.

Расставляются столы для карт. Я ушел после обеда, но от домашних Кытманова слышал, что ужин был такой же многолюдный, как обед, и что после ужина, когда хозяин ушел уже спать, гости оставались играть в карты, прикладывались к неоскудевавшему столу с напитками и разошлись только перед утром.

И долго потом по городу слышалось: на именинах у Игнатия Петровича сказывали...

Оттуда исходили известия о финансовых делах, всякие новости. На именины съезжались из уезда, случалось, и из Красноярска. Проехать триста с чем-то верст поздравить именинника считалось простым делом для настоящего сибиряка, — и приятеля поздравить, и всех увидишь, и сразу все узнаешь насчет дел. Тогда получались

губернские новости, и иркутские, и петербургские.

Именины захватывали широкие круги енисейского населения. Единственной, насколько мне известно, книгой, изданной в Енисейске со дня основания его, был «Список именинников и именинниц города Енисейска», изрядной величины книжка, долго хранившаяся у меня, куда занесены были сотни енисейских жителей — и купцы, и золотопромышленники, и приказчики, и всякие служащие.

А 17 сентября (Веры, Надежды, Любви и Софьи) и 30 января (Трех святителей) все дела в городе оставались, и весь город был на ногах. Так как приходилось бывать не у одного именинника, то по взаимному соглашению Василии, Григории и Иваны распределяли время: завтрак у одного Ивана, обед у Василии, в промежутках посещение других Иванов и Григориев, а ужин и ночь до утра у другого Василия.

IX ВЛАДИМИРЦЫ

В Енисейске мало было врачей. Кроме казенных, окружного, сельского и городского врачей, мало занимавшихся практикой, был только заведовавший больницей доктор Антоневич, поляк, бывший ссыльный по восстанию 1863 года³², да на зиму выезжал из тайги приисковый врач, доктор Самойло, бывший каторжанин, осужденный по тому же восстанию, и до приезда доктора Кускова городская практика лежала главным образом на мне и товарище, административно-ссыльном Мондшейне, высланном с пятого курса и практиковавшем как врач, дельный и знающий врач.

Скоро я познакомился с купеческим и золотопромышленным миром, с приказчиками и служащими. И здесь, как в Уфе, я встретился с земляками, владимирцами, игравшими в Сибири еще большую роль, чем в Уфе. Если в золотопромышленности больше работали местные люди, то сибирская торговля была главным образом в руках владимирцев. И не только в Енисейске и Красноярске, но, как мне передавали, и в Томске.

Можно сказать, что владимирцы не только в Уфе и в Сибири, но и вообще

в России представляли в былые времена яркое и оригинальное явление. Люди, не вчера родившиеся, вероятно, помнят тип владимирского офени³³, молодого владимирца с огромным тюком на спине и аршином в руках, переходившего со своим товаром из деревни в деревню. Это был сметливый ловкий человек с неотразимым для деревенских дам красноречием, вынимавший из своего тюка лавочки все то, что удовлетворяло деревенские, в особенности женские, нужды, где рядом с ситцами, яркими платками и полшалками, иголками, нитками, лентами и бусами был и Бова-Королевич, и Английский Милорд, и Гуак — непреоборимая верность.

Офеню можно было встретить не только в Центральной России, но и на Украине, и на Дону, и в Крыму, и на Кавказе, в Уфе и Сибири. Ловкий человек изучал местные условия, до тонкости узнавал вкусы и потребности местных людей и нередко после нескольких путешествий оседал там, где было ему любо, и постепенно становился основателем уже крупного коммерческого дела. Помню, в 1877 году, в турецкую кампанию, я разговорился в Тифлисе в крупном магазине на Головинском проспекте с хозяином магазина. Он оказался владимирцем, бывшим офеней, и тут же рассказал мне, что он не один на Кавказе и что владимирцы торгуют не так чтобы худо, несмотря на конкуренцию армян.

В Красноярске и Енисейске владимирцев было много, и не только в городах. Между Красноярском и Енисейском и по главному Сибирскому тракту были огромные села вроде Качаьего и Рыбного, игравшие роль городов и обслуживавшиеся главным образом владимирцами.

Была в Красноярске очень крупная фирма двух братьев Гадаловых — отец их был тоже выходец из Владимирской губернии, — раскинувшая свои операции по всей Енисейской губернии и за пределы ее. В городах и селах были у них лавки и склады, в которых торговали приказчики-владимирцы. Гадаловым же принадлежало пассажирское пароходство между Красноярском, Енисейском и Минусинском, а также пароходная администрация, капитаны и машинисты, были главным образом владимирцы.

Приказчики и доверенные постепенно уходили и открывали свое дело, а на их место посылались новые люди из, по-видимому, неистощимого запаса подходящих владимирских людей.

Случайно мне пришлось наблюдать, как подбирался этот штат служащих. По возвращении из Сибири в Нижнем Новгороде мне пришлось во время ярмарки жить в одной из ярмарочных гостиниц. В том же коридоре, недалеко от меня, жил и один из братьев Гадаловых, приехавший на ярмарку за товарами и, как скоро оказалось, и за людьми.

Как-то утром в коридоре слышался большой шум. Широкий коридор был полон крестьянами и подростками приблизительно 8—12 лет. И взрослые, и дети явились в парадном виде, в чистых поддевках, в блестящих сапогах бутылками, с густо намазанными коровьим маслом и аккуратно прямым пробором расчесанными волосами. Родители-владимирцы привели своих сыновей, чтобы отдать их на службу Гадаловым. И я видел, как вышел в халате не совсем ото спавшийся Гадалов и начал осматривать детей. Было очевидно — и так мне рассказывал потом офицант, — что все явившиеся были из одной округи, если не из одной волости, из той, из которой вышли и сами Гадаловы. Отцы наперебой доказывали переходившему от группы к группе Гадалову их деревенскую связанность, родство и свойство с Гадаловым. Слышалось:

— Тетьнка ваша... Еще родитель ваш... Как же, кума мне приходится!

Гадалов слушал и разглядывал ребятшек. Мальчики были шустрые, с живыми глазками. Сколько было отобрано детей, я не знаю, но слышал потом, что целый транспорт этих детей прямо с ярмарки был отправлен под надзором гадаловского приказчика в Красноярск. И вот из детей этих родственников,ственников, кумовьев, однодеревенцев, по прохождении обычного курса «мальчиками» при лавке или при конторе, формировался штат служащих в многочисленных гадаловских предприятиях — и приказчиков, и счетоводов, и капитанов, и машинистов.

И все эти владимирские дети в большинстве случаев уже порывали навсегда связь со своей Владимирской

губернией и становились сибиряками. Мне пришлось лечить двух братьев-владимирцев, и у меня образовалось с ними прочное знакомство. Оба они также мальчиками 10—11 лет попали в Сибирь со своим отцом, бывшим офеней. Один из братьев был управляющим золотыми приисками, другой служил капитаном на пароходе, плававшем по летам в низовья Енисея за рыбой и пушниной. У обоих уже ничего не осталось от владимирского облика. Оба были по енисейской моде бритые, носили только усы, говорили сибирским говором, и манеры были сибирские, и вкусы, и быт, и порядок жизни. Оба женаты были на сибирячках, оба жили сибиряками и сибирскими патриотами. Они помнили еще свои места, знали, что там остались их родственники, дядья, тетки, но когда я спрашивал — неужели их никогда не тянет в свою Владимирскую губернию — посмотреть родное село, они равнодушно отвечали:

— А что мы там забыли? Чего смотреть? — И всегда оканчивали фразой, которую часто приходилось слышать от сибиряков: — Сибирь-то у вас, а не у нас.

Х

ВО ВЛАСТИ ПРИРОДЫ

Восточная Сибирь ярче, колоритнее, меньше похожа на Европейскую Россию, чем Западная. Она вся еще под властью природы, она вся еще в периоде борьбы человека с природой, когда не человек властвует над природой, а природа над ним.

И город Енисейск. С трех сторон тайга, начинающаяся сейчас же за городом, глухая, непроходимая, — ни полей кругом, ни слободок, — а с другой стороны могучий, глубокий, в четыре версты шириной, в крутых берегах Енисей, по которому океанский пароход из Англии плыл около двух тысяч верст без перегрузки, пока не причалил к Енисейскому бульвару. А между ними город, сжатый тайгой и рекой. И медведи заходили не только в Верхнюю Деревню, — три медведя при мне благополучно прошлись по улицам Енисейска и также благополучно ушли в свою тайгу.

Я проехал добрых три тысячи верст по Ангаре и Енисею, триста верст сделал верхом по тайге, когда ездил на

прииски, столько же проехал верхом и в таратайке по Абаканской степи*, и везде поражали меня огромность и безлюдность сибирской земли. Безграничная тайга, безлюдная степь, огромные суровые реки, медведи, стадами выходящие в людские поселения... Люди жмутся к проходному, к проезжему месту, к реке, к тракту и словно боятся податься вглубь, врезаться в тайгу, уйти от насиженного, обжитого места.

И сибирские слова точно определяют это взаимоотношение человека и природы. Мне редко приходилось слышать русские слова: «кончился», «умер», — говорили — «пропал», «потерялся»...

— Знаете, Иван-то Степаныч пропал! — говорит мне совершенно культурный человек и тут же поясняет, что Иван Степанович пропал в собственной спальне в одночасье после хорошего ужина.

Как-то в Верхней Деревне пришел сосед-крестьянин поделиться горем: «Конь потерялся у меня». Спрашиваю — в тайге? Оказалось, потерялся конь у него же в хлеву.

— Раздуло пузо, как гора, и потерялся.

Не пропадают, не теряются в борьбе с суровой природой люди сильные, бесстрашные, с крепкими мускулами, с крепкой волей.

Я видел силачей в Сибири. Мне показывали человека, перекидывавшего двухпудовую гирию через сарай, я видел человека, боровшегося в обнимку с медведем в тайге и сломавшего медведя, знал двух могучих стариков,

* Месяца полтора я прожил с больным моим пациентом в палатке на берегу озера Шира. Тогда оно было пустынное и дикое. Кругом не было жилья, и только высились высокие камни древних могильников, и я видел, как неслось по степи стадо в несколько тысяч полудиких лошадей, от которых земля дрожала и шум несся по степи. Кроме нас было еще две палатки приезжих больных и шалаш Ивана Ивановича, местного инородца, кормившего нас неизменной бараниной. Озеро было широко известно в Сибири, в особенности вываренная из воды его соль, которой лечились от заболеваний печени и желудочно-кишечного тракта; но врачами не было исследовано, и, по-видимому, я был первым врачом, пожившим на нем. Красноярские врачи тогда заинтересовались моей поездкой и просили меня сделать доклад о лечебном значении озера. Тогда там лечились ваннами, купаньями ревматиками, больные невралгией, подагрики и страдавшие желудочно-кишечными расстройствами.

бывших скотогонов, о подвигах которых ходили в городе легендарные рассказы.

И Сибирь не была исхожена дедами и прадедами, нужно было самим прокладывать пути. Сибирь полна была тайн, неисследованных мест,— нужно было самим исследовать, нужно было проявлять огромную энергию и широкую инициативу.

Так и было. Я уже рассказывал о погибшей в Подкаменной Тунгуске экспедиции. Другой енисеец решил найти водный соединительный путь между бассейнами Лены и Енисея и отправился один-одинешенек, спустился по Лене, в лодочке поднялся по какому-то из северных притоков Лены, пробрался оттуда в притоки Нижней Тунгуски. У него перевернулась лодка и утонуло ружье, которым он добывал себе пищу, питался сырой рыбой и птицей и как-то все-таки добрался до человеческого жилья и вернулся по Енисею в Енисейск.

Знакомый енисеец, сын богатого золотопромышленника, студент Парижского университета, только что женившийся на енисейке, которую я знал еще гимназисткой, отправился в Лондон, нанял там корабль, нагрузил его товарами и поехал со своей 18-летней женой через Карское море и приехал на этом корабле к своему дому на Енисейском бульваре. И жена его только смеялась, когда я спрашивал, не страшно ли было при встрече со льдами.

Много лет спустя, когда я уже жил в Ялте, ко мне явился енисеец, уже пожилой человек, и напомнил мне о нашей короткой встрече в Енисейске. Он служащий на приисках и заехал в Ялту, как он сказал мне, «по сплутности», по дороге в Австралию. Узнал он, что в Австралии с большим успехом применяются в золотопромышленности драги — тогда новая вещь. Кроме енисейского языка, он не знал никакого другого и благополучно добрался до Австралии, работал там на приисках, изучил дело и, как мне потом рассказывали енисейцы, вернулся домой и завел там драги.

В Енисейске не было музыки. После музыкальной Уфы бросалось в глаза молчание улицы, отсутствие музыки в домах. Встречались рояли в нескольких домах, но, мне казалось, они были больше красивой мебелью и от-

крывались только изредка, когда приходил важный человек, чиновник из России, ссыльный. В двух-трех домах были старинные гусли, уже основательно забытые в России, и я с удовольствием заезжал изредка к священнику, хорошо игравшему на гуслиях.

Редко приходилось слышать пение. И если пели, то все старинные русские песни, полузабытые в России. У меня бывали две сибирячки-гимназистки, с хорошими голосами, любительницы пения, и пели мне старинные русские песни, и, когда я попросил их спеть ихнюю сибирскую песню, они запели очень редкую, старинную русскую песню, которую я, знавший очень много народных песен, слышал только раз от моей бабушки, которая прожила до девяноста с лишком лет. Гимназистки очень огорчились и даже несколько обиделись, когда я сказал, что и эта песня не ихняя, а все же русская. Были подлинно сибирские песни — сильные, суровые, волнующие, но только песни, вышедшие из каторги, из тюрьмы, сложенные бродягами, — других песен, своих, Сибирь тогда еще не сложила.

Не только музыки и пения — не было еще тяги к красоте, к искусству, к художественности. Не было еще даже желанья украсить свою жизнь, свои жилища. Как-то голо было даже в богатых домах, не было картин и красивых вещей и тех красивых пустыков, которые составляют неизбежную принадлежность среднего обывательского дома в России. И не было воспоминаний в сибирских домах — тех, что встают от дедушкиной кровати, от бабушкиных вышивок, старых зеркал, которые, кажется, потемнели от множества лиц, смотревших в них. Казалось, люди только что выстроили жилье, только что переехали в него, только что начинают обживать и не успели еще создать уюта обжитого места. Не поднялась еще тогда художественная волна в сибирских душах, не потянуло их к искусству, красоте.

Реки еще не изъездили, тайгу не исходили. Медведя не выгнали. Некогда было, недосуг.

По-другому настроены были души сибиряков. Они не жертвовали на монастыри и на украшения храмов, мало думали о мертвых, и не приукрашены были их кладбища. Они мало

заботились о больницах, о богадельнях, о детских приютах. Им некогда было думать и заботиться о мертвых, о пропавших и потерявшихся, об отсталых и немощных. Некогда, недосуг. Живая жизнь строго и повелительно звала к себе, и в эту сторону — к строительству своей сибирской жизни — были направлены умы и сердца культурных сибиряков. Они приветствовали всякие начинания в этом направлении, давали деньги на училища и библиотеки, на всякие курсы, на музеи, на сибирский университет, бывший долгой мечтой сибиряков, на помощь сибирскому студенчеству, мужскому и женскому, в Москве и Петербурге — на все, что отвечало устройству сибирской жизни, в особенности в области образования.

И тот же золотопромышленник Кытманов, при мне сердито отпихивавший пристававших к нему нищих, выстроил гимназию, стоившую ему — говорили мне — двести тысяч, отправил учиться в Академию художеств енисейского мещанина, показавшегося ему талантливым, и во время ученья содержал оставшихся в Енисейске жену и двух детей мещанина и давал деньги на всякие просветительные дела. А сын его тотчас по окончании университета занялся созданием в Енисейске естественнонаучного музея, а дочь уехала в Швейцарию учиться, а другая дочь поехала с мужем на упомянутом корабле из Лондона в Енисейск налаживать — таков был план мужа — постоянное сообщение Енисейска с Лондоном.

Нет лирики, нет мелодии в сибирской жизни.

Тайга прекрасна, но красота ее строгая, суровая. Не прилетал в нее соловей, нет там птичьего щебетанья, нет весеннего зеленого шума. Голые до вершин стволы кедров, лиственниц и пихт тянутся рядами, как колонны в старом готическом храме. И тихо там, как в храме, где не началась еще служба, и только пустынные, глухие крики дикого голубя да однотонная, однозвучная молитва кукушки нарушают великое молчание. А когда заговорит тайга, закачаются вершины деревьев, там нет мелодии, там нет Шопена и Чайковского — там величественный и строгий Бах.

Я любил рассматривать альбомы в семьях моих пациентов, переселявшихся в Енисейск из других частей Сибири, — приказчиков, золотопромышленных служащих, местных чиновников — сибирских уроженцев. И нередко не нужно было спрашивать, откуда происходила семья, — так много было якутских черт лиц в альбомах людей, обитавших в Якутске, и монголо-бурятских у выходцев из Забайкалья. И при расспросах оказывалось — мать, бабушка — якутка, бурятка, киргизка или татарка из Западной Сибири.

И в самом Енисейске. Я знал в общем биографии знакомых мне коренных енисейцев, считая таковыми — их было не очень много — тех, чьи отцы родились в Сибири, — редко можно было встретить между ними чисто русский — великорусский тип*. И при расспросах оказывалась примесь, иногда значительная, инородческой крови — в Енисейске большею частью остяцкой и тунгусской крови.

Как-то на вечере у моего пациента, где собрались мелкие золотопромышленники и приисковые служащие, мой собеседник, как и я, не игравший в ландскнехт, чем заняты были все гости, рассказывал мне, кто из присутствовавших откуда вышел и какое у него родство, и у меня невольно вырвалось:

— Выходит, что вы один здесь настоящий русский?

Мой собеседник был с правильными с точки зрения русского чертами лица, с светлыми волосами. По-видимому, он не совсем понял мое восклицание и спокойно ответил:

— Да, отец у меня российский, только мать бурятка...

Так по всей Сибири. На севере и юге, востоке и западе ее со времен Ивана Грозного шло смешение русской крови с теми многочисленными и разнородными национальностями, какие застали русские люди в Сибири.

* В Енисейске я знал только одну семью Калашниковых чисто русского типа, редкую семью, которая помнила своих давних предков, как-то сохранившую характерный великорусский облик, у которой хранилась еще бумага времен Ивана Грозного о разрешении Ивашке Калашникову с братьями торговать в Сибири.

Бесконечно вливались волны вольных и невольных переселенцев из всех мест многотысячной и разноплеменной России, и все это сталкивалось и перемешивалось в общую кучу — и русские, и кавказцы, жители прибалтийских губерний и татары, поляки и башкиры, евреи и украинцы.

При этом сталкивании и смешении шла великая нивелировка, стирались взаимно острые углы — национальные, религиозные. В Сибири я как-то не встречал крепко религиозных людей и совсем не слышал религиозных споров и распрей. Совершенно не чувствовалось тогда антисемитизма в Сибири, в частности в Енисейске, где было много евреев. Постепенно создавалась особая атмосфера Сибири, складывались новые обычаи, нравы, вкусы, верования, обычное право, костюмы, манеры питания, быт, язык*.

Все это пришлое население быстро — во втором, а иногда и в первом поколении — осибирячивалось и утрачивало национальные черты. Мне приходилось наблюдать, как сравнительно быстро осибирячивались поляки, украинцы, немцы, евреи, но особенно поразительно быстро — великороссы. Я думаю, великороссы — единственный в мире народ, который так способен ассимилироваться и ассимилироваться — в особенности ассимилироваться, вплоть до забвения русского языка у русских, плотно осевших в Остзейском крае, до полной ассимиляции, как у короленьковского «Макара»**.

Сибирь переживала — несколько в другом масштабе — тот же период, который пережила Европейская Россия, когда население Киевской области массами двинулось на север, заселило Суздальскую область, когда из-за слияния с местными инородцами об-

* Исследователи Сибири устанавливают, что в Березовском краю и в Забайкалье приблизительно треть разговорного русского языка состоит из местных инородческих слов. Путешественник Врангель³⁴ писал, что он не мог принять участие в разговоре за обедом «высшего общества» в Якутске, так как русские все говорили по-якутски. Ядринцев³⁵ отмечает, что в некоторых местах вкусы, понятие о красоте резко изменились. Белокурые русские уже не нравятся, а нравятся «карымы» — помесь, «смешница». «Я не люблю маганого — пришлого настоящего русского, — я люблю карыма», — говорит сибирская девушка.

** Известный рассказ В. Г. Короленко «Сон Макара».

разовалась та «смешница», как говорят о себе кое-где сибиряки, из которой сложилось великорусское племя центральных и северных губерний. Так же, как тогда, брачными и внебрачными отношениями русские новоселы смешивались с сибирскими инородцами, шел тот же процесс ассимилирования и ассимиляции, взаимной диффузии, обмена верованиями, манерами жизни, бытом. Русские, когда хворали, звали сибирских шаманов, а тунгусы и остяки, выходя из тайги в русское село, шли в церковь ставить свечку Николе — кажется, единственному русскому Богу, которого они признавали. Так же по-новому складывался быт, изменялся русский облик, новые слова входили в русскую речь и иначе выговаривались слова*.

И так же изменяется антропологический тип сибирского русского населения. Еще рано говорить об общем физическом сибирском типе. Разно выглядят русские на Ангаре и Енисее, на Оби и на Лене, в Забайкалье и на Алтае, слишком пестро и многообразно смешение русских с различными народностями Сибири, но есть одна общая черта — более или менее значительное отклонение от типа коренной России.

Но если рано говорить об общем для всей Сибири физическом типе, то духовный облик сибиряка сколько-нибудь культурных слоев успел уже сложиться определенно и ярко.

Сибиряк уже менее сложен, чем русский, но он цельнее, структурнее. В нем мало русской тоски, русской мечты, русского раздумья и русского сердоболья, — ему в равной мере чужды и Гамлет, и Дон-Кихот, но он знает, чего хочет, и он крепкий, жилистый и умеет хотеть и может мочь. В нем мало тяги к художественности, к красоте, к украшению жизни, но у него огромная тяга к знанию, к практическому делу, к строительству своей сибирской жизни. Ему чужды Онегины и Обломовы и всякие Гамлеты Щигровского уезда, ему ближе одиозный Базаров, устремленный Инсаров.

* Как-то я рассказал о своих наблюдениях В. О. Ключевскому, — он очень заинтересовался и при другой встрече, через несколько лет, говорил, что продолжает интересоваться Сибирью, и приводил на лекциях мои наблюдения.

Среди разноплеменных, разноверных людей он не знает, не чувствует раздельных граней — религиозных, национальных, — он безграничный, внациональный, он сибиряк, он только областник. Он не по-русски — и реже, и менее усердно молится, не по-русски ругается*, и о человеке, пришедшем из-за Урала, говорит: «Он российский».

Сибирь не знала дворянства, задававшего тон русской жизни. Слово «барин» редко звучало в Сибири и прилагалось — не очень почтительно — только к чиновному начальству. Сибиряк всегда был глубоко демократичен и не очень верноподанный. Сыновья людей, преступивших русский закон, потомки беглых людей, — бежавших от барина, от чиновника, от консистории и Синода, от царской власти, потомки вольных смелых людей, уходивших от склюки, связанности, от скудости русской жизни искать долю в жизни в беспредельной Сибири, — сибиряки никогда не чувствовали нежности к русскому правительству и не благоговели, не трепетали, как раньше русские, пред царской властью.

Этот новый, отличный от русского, облик сибиряка резко бросался в глаза всякому, кто мог наблюдать вблизи сибирскую жизнь. В былые времена сибирская учащаяся молодежь резко выделялась из массы русского студенчества своим физическим и духовным обликом, манерами, мимикой лица, жестами, говором. И еще одним. Для русского студенчества вся Россия была своим местом, и не особенно тянулись люди устраиваться в своем родном месте, — для сибирской учащейся молодежи своим местом в те времена была только Сибирь, и туда, в это свое родное место, в большинстве возвращалась она по окончании курса. Это была миссия, долг, осознанное областничество.

Сибирь — не окраина, Сибирь давно перестала быть и колонией. Она давно осознала себя отдельным, обособленным коллективом. Были глупы разговоры «Московских ведомостей» о

* Через Урал почему-то не перешагнули подлые русские ругательства, похабные слова. И даже недавний обитатель этапа быстро переставал употреблять их и переходил к единственному сибирскому ругательству: «язвите», «пятнайте». По крайней мере, в те времена я не слышал других ругательств.

сибирском сепаратизме, но областничество было уже всеобщим сознанием Сибири. И всегдашним требованием от центральной власти было признание этого областничества, своих специальных нужд и прежде всего права самим устраивать свою жизнь.

Уже образовалось, вылилось в определенную форму сибирское лицо, яркое, характерное. Трудно учесть пределы и характер будущей эволюции Сибири, — придет время — покорит сибиряк свою ошетинившуюся, бунтующую природу; придет время — будет у него досуг, проснется в нем художественность, тяга к красоте, даст она своих больших поэтов и художников, но, нужно думать, основные черты сибирского лица останутся те же. Явится новая великая Россия, и эта новая Россия, быть может, явится в некоторых отношениях дополнением и поправкой к старой коренной России.

XII

СТАРЕЦ ФЕДОР КУЗЬМИЧ³⁶

Сорок лет назад легенда об умершем в Томске таинственном старце Федоре Кузьмиче была еще жива в Сибири. Мне случалось встречать людей, знавших старца еще до переселения его в Томск, но, кроме рассказов о паломничестве к нему множества лиц да глухого упоминания о книгах на странном языке, будто бы бывших у старца, я ничего интересного не слышал.

В Енисейске мне пришлось лечить одну пациентку, оказавшуюся дочерью того купца в Томске, у которого жил последние годы и где умер Федор Кузьмич. Она была тогда подростком — ей исполнилось четырнадцать лет, когда умер старец, — и, по-видимому, была близка к старцу. По ее рассказам, он только ее одну допускал в свою комнату для уборки. Она подарила мне снимок с известного портрета Кузьмича и на обороте воспроизвела знаки, написанные от руки на заглавном листе Библии на иностранном языке, которую особенно берег старец. Четыре знака были вроде измененных букв. К сожалению, моя тетрадка с краткими записями о Сибири и с резюме рассказа моей пациентки вместе со снимком пропали в

один из обысков у меня. По просьбе Льва Николаевича Толстого я перерыл весь свой архив, но снимков не нашел.

Моя пациентка рассказывала, как шли к старцу люди за советами и утешениями. Говорила, что он мало заботился о себе, был неприхотлив на пищу и ни на что не жаловался, и только была у него одна слабость — не любил грубого белья и всегда радовался и не скрывал своей радости, когда приносили ему тонкое белье. Говорила, что как-то при ней проезжали через Томск из Петербурга какие-то важные господа, которые посетили старца, долго не уходили от него, она послушала было у дверей, но ничего не поняла — разговаривали не по-русски.

И еще рассказывала, что перед смертью старца приезжал к нему тог-

дашний томский архиерей, долго пробыл у него и вышел весь в слезах. Архиерей, по ее словам, был уверен, что Федор Кузьмич был император Александр I, и будто бы даже по его распоряжению на могильном кресте были написаны инициалы императора под короной, которые потом по распоряжению властей были стерты. Нечего и говорить, что и отец моей пациентки, и окружающие были непоколебимо уверены, что старец был Александр I.

Кто он был — некому сказать. Несомненно, что это был не обычный бродяга типа Иванов непомнящих, но дальше фигура его оставалась, вероятно и останется навсегда, загадкой, пред которой много людей останавливалось и которую никто не мог разрешить.

В. А. БАЛЬЦ

СУД НАД ПЕРВЫМ СОВЕТОМ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

(Воспоминания прокурора) *

У ПОДСУДИМЫЕ

Подсудимые с первого же дня процесса заняли совершенно определенную политическую позицию. Для них гласный суд явился аудиторией, которой они, вовсе этого не скрывая, пользовались для широкого распространения в обществе сведений о существе и целях деятельности Совета. Активное участие подсудимых в судебном следствии было в их глазах агитационным средством, и только с этой точки зрения они и считались с судебной властью.

Надо признать, что с другой задачей суда, т. е. с приговором, подсудимые не считались вовсе. Они подчеркивали свое безразличие к судебному исходу процесса, к наказанию, и, конечно, не упускали случая, чтобы подчеркнуть, что они не ждут оправдательного приговора, но не потому, что признают нарушение ими закона, а потому, что «коронный» суд иного приговора и вынести им не может.

Недаром же О. О. Грузенберг гово-

* Продолжение. Начало см.: Приложения, о. 139.

рил в печати, что для защиты на первом плане должны быть интересы подсудимых, но лишь пока подсудимые сами не отвергнут этих забот. По словам О. О. Грузенберга, подсудимые по делу Совета говорили защите: «Не заботьтесь о нашей участи более, чем мы сами...»

Сами они, надо это признать, о своей участи не заботились вовсе, а временами даже усиливали против себя улики; давали, по выражению Грузенберга, «совершенно даром» обвинению такие признания, которые прокурору было бы очень трудно доказать.

Тактика подсудимых была чрезвычайно последовательна, планомерна и была, несомненно, проведена по заранее продуманной системе. Система эта выразилась в том, что подсудимые разделили между собой разные стороны деятельности Совета и произносили речи, освещая каждый определенную сторону этой деятельности и давая таким образом всесторонний отчет общественному мнению.

Еще до прочтения обвинительного акта подсудимый — член исполнительного комитета Злыднев заявил пала-

те: «Мы решили принять участие в настоящем исключительном суде только потому, что находили это необходимым в целях политических — для широкого публичного выяснения истины о деятельности Совета рабочих депутатов».

Затем, после прочтения обвинительного акта, на предложенный каждому из подсудимых вопрос о виновности все они ответили отрицательно, но при этом пояснили, что это отрицание вовсе не относится к фактической стороне дела, а сводится к тому, что понятие виновности к ним неприменимо.

Ответы некоторых наиболее крупных подсудимых были настолько характерны, что заслуживают быть здесь отмеченными в общих чертах.

Хрусталеv объяснил суду, что деятельность Совета не была проявлением индивидуальной «злой» воли, а явилась исторически и политически необходимой.

Троцкий, ответив отрицательно на вопрос о виновности, заявил, что он в своей деятельности руководствовался принципами с.-д. партии, которая выражает интересы пролетариата.

Сверчков заявил, что деятельность Совета он не считает преступной и что его личное участие определялось директивами партии с.-д.

Авксентьев, в свою очередь, пояснил, что он руководствовался директивами партии с.-р. и свое участие в борьбе за свободу России считал своим гражданским долгом.

Подсудимый Кнунианц-Радин (большевик) чрезвычайно своеобразно пояснил палате, что он совсем не может ответить на вопрос о виновности, так как его представление о виновности и представление уголовного кодекса полицейского государства резко расходятся. Деяния, предусмотренные 101-й и 102-й статьями уголовного уложения, он не признает преступными.

Наконец, подсудимый Вайнштейн-Звездин⁴¹ заявил, что он признает себя виновным, но вину свою усматривает в том, что деятельность его в Совете не была так значительна, как могла бы быть.

При дальнейшем развитии процесса подсудимые принимали самое живое участие в ходе судебного следствия, предлагали свидетелям вопросы, разъясняли смысл оглашавшихся во

время процесса документов и, как я уже говорил, произносили речи.

Таких речей было произнесено восемь; распределены они были по следующему плану: Хрусталеv в качестве председателя Совета изложил его историю от дня возникновения Совета до ареста Хрусталева. Сверчков, вошедший после этого ареста в состав президиума, продолжил рассказ Хрусталева до последнего дня существования Совета. Большевик Кнунианц и Авксентьев, входившие в Совет в качестве представителей политических партий, разъяснили суду взаимоотношения Совета и партий: социалистов-революционеров и социал-демократов.

Симановский говорил на тему «Совет и печать», Злыднев — на тему «Совет и граф С. Ю. Витте», а Троцкий взял на себя тему «Совет и вооруженное восстание».

Наконец, кроме перечисленных вождей Совета говорил также и один из подсудимых — Эразм Комар. Эта речь не была, так сказать, программной, но самый факт ее произнесения был чрезвычайно характерен.

Комар входил в состав исполнительного комитета Совета, но не был в числе руководителей его деятельности. Простой рабочий литейного завода, он очень скромно сам выражал недоумение, почему именно на него выпала доля быть в Совете представителем завода. На суде Комар счел необходимым выступить с особой речью, чтобы усиленно подчеркнуть свою солидарность с намерениями и деятельностью Совета.

Технически Комар уличался показаниями нескольких свидетелей, которые на суде от ссылок на него отказались. Сам он на дознании почти никаких объяснений не дал, и таким образом в смысле обвинения против него почти ничего не оставалось. Я считал, что Комар обвинен быть не может, и вдруг он по собственному почину произнес свою речь. Он говорил о своем участии в борьбе с существующим строем и закончил словами, что Совет можно обвинять только в том, что он не достиг своей цели, не сумел свергнуть государственную власть и не добился возможности «водрузить красное знамя на здании русского Учредительного собрания».

Первая по очереди речь подсудимых, речь Хрусталева-Носаря, была

очень хороша и по содержанию, и по форме.

Это был действительно отчет председателя Совета своим избирателям.

Хрусталеv обрисовал всю деятельность Совета, доказывал, что Совет не мог не бороться с правительством, так как оно даже «не оплатило векселя „17 октября“». Хрусталеv называл Совет рабочих депутатов «рабочим парламентом», а исполнительный комитет — его ответственным министерством, причем иронически замечал, что их министры не получали ни субсидий, ни казенного жалованья.

Вместе с тем Хрусталеv подчеркивал, что Совет был лишь выразителем желаний, исполнителем воли петербургского пролетариата и в силу этого не мог не быть чрезвычайно демократичным, так как в нем играл широкую роль референдум, обеспечивавший постоянное обновление его состава. Закончил Хрусталеv пророческим заявлением, что Совет рабочих депутатов представляет собой такую политическую форму, которая далеко не изжила себя и должна скоро опять воскреснуть*.

В общем, в своих основных чертах изложение Хрусталева мало разнилось от изложения фактической стороны обвинительного акта, и я не знаю, зачем Хрусталеву понадобилось прибегнуть к полемическому приему в форме заявления, что после его речи «от обвинительного акта должна остаться одна сплошная опечатка в 57 печатных страниц».

Речь Сверчкова-Введенского явилась продолжением речи Хрусталева и излагала деятельность Совета от 26 ноября до 3 декабря 1905 года, т. е. за тот период времени, когда правительство, по выражению Сверчкова, объявило Совету открытую борьбу. Описав избрание президиума Совета в составе Троцкого, Злыднева и самого оратора, Сверчков подчеркнул, что к концу существования Совета его авторитет возрос и расширился настолько, что к его защите и влиянию прибегали уже отдельные лица с разных концов России.

* Речь Хрусталева составила впоследствии содержание его большой литературной статьи, которая под заглавием «История Совета рабочих депутатов» вошла в сборник под этим названием, книгоизд. Глаголева.

Речи Кнунианца и Авксентьева были чрезвычайно характерны.

Оба они, в сущности, говорили на одну тему — «Совет и партия», но отношение каждого из них к этому вопросу было глубоко различно.

Кнунианц, как и Авксентьев, признавал, что Совет был беспартийным, но в то время, как Авксентьев считал это одним из крупнейших организационных достоинств Совета, Кнунианц как бы только мирился с таким положением, хотя и утверждал, что обвинительный акт говорит неправду, ссылаясь на то, что социал-демократы требовали принятия Советом их программы. В то же время Кнунианц указывал на то, что Совет вел с.д. политику, потому что, как классовая пролетарская организация, он мог следовать только этой политике.

Авксентьев решительно утверждал: «Мы (т. е. эсеры. — В. Б.) стояли за беспартийность Совета, мы понимали, что настаивание на партийной программе уничтожит солидарность и разрушит единство Совета».

Кнунианц утверждал, как будто то же самое, но в действительности чувствовалось, что это «то, да не то». На суде все время чувствовалось, что между эсдеками и эсерами шла в Совете борьба за влияние, причем влияние эсеров было неизмеримо слабее влияния эсдеков. Борьба эта сдерживалась как объединяющим настроением исторического момента, так и большим количеством в составе Совета беспартийных рабочих.

Теперь, когда знаешь все соображения бывших партийных членов Совета не только по судоговорению, но и по их печатным статьям, истина не подлежит никакому сомнению.

«Социал-демократические элементы в Советах были настолько сильны, — говорит в своем сочинении Кнунианц-Радин, — что все шаги Совета определялись партийной тактикой и направлялись партийными деятелями».

«Большевики особенно настаивали, — продолжает Радин, — на необходимости употребить все усилия для принятия Советом партийной программы. Меншевики стояли за более медлительную тактику».

Такой же более медлительной тактики держался и Хрусталеv, примыкавший к меньшевикам. В своем печатном изложении деятельности Совете

та он только подтверждает выводы обвинительного акта. «Фракция большевиков,— говорит он,— определенно ставила дилемму: или Совет должен принять социал-демократическую программу, или Совет должен быть распущен». Хрусталеv был решительно против этого: «Разве 200 000 рабочих могли мгновенно превратиться в социал-демократов от одного голосования программы на заседаниях Совета! — восклицает Хрусталеv. — Это грозило бы разбить мощную классовую революционную организацию пролетариата».

Еще решительнее была позиция социалистов-революционеров, которые, оказывается (на суде это известно не было), вынесли даже весьма резкую резолюцию протеста, в которой говорилось: «1) Совет не имеет права присоединиться к какой-нибудь партии, так как избирался он для представления всех рабочих, и 2) утверждение федеративного комитета соц.дем. о том, что их партия является единственной представительницей интересов рабочих, не соответствует истине».

Теперь, когда знаешь все перипетии этой внутренней полемики, становится бесспорным, что в качестве автора обвинительного акта я не погрешил против истины, поместив в его тексте осторожную ссылку на статью легальной газеты «Новая жизнь», автор которой признавал, что «Совет в политике своей идет за социал-демократией, что партии он заменить не может и что вопрос о его способности руководить активными действиями масс может быть решен лишь в смысле принятия Советом социал-демократической программы и лозунгов».

Совет остался беспартийным; попытки противников этой беспартийности разбились, и Кнунианцу, конечно, тактически важно было демонстрировать перед судом единство Совета, не обнаруживая шедшей в Совете партийной борьбы.

Понятно поэтому, что, говоря об обвинительном акте, Кнунианц с горячностью восклицал в своей судебной речи: «Ничего подобного! Совет не занимался спорами о партийности и программе. Это были споры партий, а не Совета!»

Речи Симановского и Злыднева дополняли общую картину. Обе эти ре-

чи давали лишние штрихи, лишний фактический материал к объяснениям Хрусталева. Из этих речей я помню признание Симановского, что рабочие печатного дела действительно взяли на себя «цензурные функции», но применяли их только к «черносотенной прессе», а также что рабочие угрожали насильем за неисполнение их требований, но что авторитет Совета был так силен, что прибегать к насилью фактически не приходилось.

Злыднев произнес речь на тему «Совет и власть». Он говорил о двух случаях объяснений членов Совета с графом С. Ю. Витте, которые были изложены в обвинительном акте. Рассказ Злыднева не внес каких-либо существенных новых деталей в эти эпизоды, а более широкой картины взаимоотношений Совета и государственной власти Злыднев в своей речи не дал. Кончил свою речь Злыднев словами: «Так кончились сношения тайного сообщества с председателем Совета Министров!»

Восклицание это, очевидно, должно было подчеркнуть, что Совет отнюдь не был тайной организацией. Однако этого никогда не утверждало и обвинение, о чем я затем подробно говорил в своей речи.

Совершенно особняком от других стояла речь Троцкого-Бронштейна.

Эта речь была наиболее обширна по своему объему из всех речей, произнесенных подсудимыми, и имела своей главной темой «Совет и вооруженное восстание».

Говорил Троцкий с большим подъемом, иллюстрировал свои мысли чрезвычайно сильными примерами и доводами, и надо сказать откровенно, что эта речь была одним из самых ярких моментов процесса.

Восстанавливая теперь, через 11 лет после процесса, содержание этой речи, я пользуюсь вырезками из разных петербургских газет, которые я тщательно собирал во время слушания дела. Но, разумеется, этот материал, как, впрочем, и всякая передача устной речи, кроме стенограммы, не дает ясного представления о формах, а потому и о впечатлениях речи.

Тем не менее я попытаюсь сжато восстановить ее содержание, потому что выводы, сделанные мною из данных судебного следствия, отразили, между

прочим, и мою субъективную расценку доводов Троцкого.

Троцкий начал с характеристики деятельности Совета. Он разъяснял суду, что представлял собой Совет с точки зрения его участников. Совет, по словам Троцкого, являлся «органом власти революционных масс» и, как всякая власть, считал себя вправе применять репрессии к тем элементам масс, которые не желали подчиняться воле большинства. Подчеркивая разницу между социалистами и анархистами, Троцкий говорил о том, что социалисты, как «государственники», не могут не признавать неизбежности «государственного насилия».

Но, противопоставляя Совет существовавшей в то время государственной власти, Троцкий называл эту власть «организованным насилием меньшинства над большинством», а в деятельности Совета он видел волю большинства, подчиняющую себе меньшинство.

От этого определения Совета «как органа новой власти» Троцкий перешел к изложению точки зрения Совета на Манифест 17 октября. Назвав этот манифест «бумажной гарантией», Троцкий говорил о том, что Совет так же, как и манифест, стремился к осуществлению свободы собраний, слова и проч. Но в то время, как манифест представлял собой лишь обещание, оставшееся невыполненным, деятельность Совета направлялась к фактическому осуществлению реальных свобод, причем Совет понимал, что достижение этой цели возможно лишь путем открытой борьбы.

Осуществить это Совет считал возможным только через Учредительное собрание, причем такое решение было лозунгом революции еще до возникновения Совета, так что Совету даже не приходилось останавливаться над этим вопросом.

Осветив таким образом сущность Совета и его цели, Троцкий перешел к главной своей задаче — к вооруженному восстанию.

Противопоставляя революционные массы организованной государственной власти того времени как двух врагов, Троцкий указывал, что эти массы путем всеобщей забастовки, а главным образом забастовки железнодорожной и телеграфной, парализовали аппарат власти и уже в силу

этого находились в положении восставших против власти.

Из этих предпосылок Троцкий делал такой вывод: «Всеобщая политическая стачка есть в существе своем восстание».

В результате этого восстания и создались одновременно две власти, вступившие между собой в борьбу.

В этой борьбе нарастал после всеобщей стачки второй этап, а именно стремление революции привлечь на свою сторону вооруженные силы старой власти, т. е. армию и флот. Такой переход не мог осуществиться мирным путем, а мог явиться только в результате открытой борьбы, так как старая власть не стала бы сдавать добровольно своих позиций, а следовательно, создавшееся положение диктовало неизбежность вооруженного восстания.

Троцкий указывал на то, что идея вооруженного восстания проходила красной нитью через всю деятельность Совета рабочих депутатов, но в то же время Троцкий подчеркивал, что технической подготовкой восстания Совет не занимался.

Совет, по словам Троцкого, не заготовлял для восстания оружия, не составлял боевых диспозиций и проч., а «готовился» к этому восстанию как к неизбежности, но не «готовил» его. Эта подготовка не должна была в своем результате развить «способность убивать», а должна была укрепить «готовность умирать».

Подчеркнув эту идейную сторону подготовки, Троцкий упомянул о том, что прокуратура в недоумении стоит перед несколькими десятками револьверов, которые оказались у рабочих, и из этого делает вывод о технической подготовке восстания.

Между тем этот факт не дает права подводить деятельность Совета под понятие 100-й и 101-й статей Угол. улож.

Объясняя вооружение рабочих необходимостью обороны против черносотенных погромов, опасность которых в то время нарастала в Петербурге, Троцкий закончил свою речь указанием на то, что если черносотенные погромщики и официальный аппарат власти — это одно и то же, то тогда действительно надо признать, что рабочие вооружались против власти.

Эту мысль Троцкий выразил такими приблизительно словами: «Если нам скажут, что погромы и насилия, что события, происшедшие в Твери или Курске, в Кишиневе или Белостоке, есть образ правления Российской империи — тогда я вместе с прокурором признаю, что рабочие массы действительно вооружались против образа правления Российской империи...»

Когда Троцкий закончил свою речь, кто-то из защитников (кажется, А. С. Зарудный) попросил объявить перерыв, и эта просьба была удовлетворена.

Останавливаясь сравнительно подробно в своих воспоминаниях на речи Троцкого, я делаю это потому, что часть доводов Троцкого и его освещение фактов, в связи с другими данными судебного следствия, толкнули меня на совершенно реальный шаг, на отказ от обвинения по 101-й статье Уг. улож., т. е. от обвинения в приготовлении вооруженного восстания.

К этому меня привело следующее. Данные жандармского дознания фиксировали такие моменты, как найденная в делах Совета записка какого-то неразысканного Богданова⁴² о доставлении ему «транспортов оружия» и как заметки в черновиках советских бумаг о вооружении «тысяч рабочих». Между тем на суде никаких реальных подтверждений таких приготовлений к вооруженному восстанию не было установлено. Действительно, осталось только несколько десятков револьверов, найденных у рабочих. Едва ли при таких условиях можно было говорить о «техническом приготовлении», которое по закону должно дать «возможность осуществить задуманное преступление». Задумать вооруженное свержение монархии и для этого запастись 10 или 20 револьверами — это явная несообразность. Это значит признать, что гора родила мышь, и доказывать такую позицию значило идти вразрез с фактическими обстоятельствами дела.

С другой стороны, в моих глазах сильно изменилось на суде представление о реальном нарастании в Петербурге реакционного течения в некоторых группах населения, готового перейти к насилию.

Как я уже говорил, в октябре и ноябре 1905 года я был в Нижнем Новгороде, а не в Петербурге, а потому

о событиях того времени я судил не как очевидец, а по газетам, по рассказам, по данным дознания.

Когда на суде картина того времени стала для меня, так сказать, облекаться в плоть и кровь, то мои выводы сильно изменились. Я понял, что субъективное сознание опасности погромов в рабочих массах было, а следовательно, логически было естественно и вооружение этих масс, и притом именно в пределах и формах, достаточных для обороны от погромщиков, но абсолютно негодных для реального осуществления вооруженного восстания против монархии.

Другими словами, обстоятельства дела убедили меня в правильности утверждения Троцкого, что деятельность Совета не укладывается в рамки 101-й статьи Уг. улож., и от этого обвинения я решил отказаться.

Конечно, я понимал, что этот отказ почти наверное вызовет против меня «громы и молнии», а потому до конца судебного следствия и до своей речи никому об этом не говорил.

Речи подсудимых не исчерпывали их участия в ведении судебного следствия. Почти все подсудимые принимали в происходившем на суде активное участие на всем протяжении следствия, и я не могу не подчеркнуть, что все они были безусловно корректны к суду и что на этом процессе не было ни одного выпада в тех явно оскорбительных формах, к которым иногда прибегали на суде некоторые наши революционеры.

VI СВИДЕТЕЛИ

Свидетели на этом колоссальном процессе были так многочисленны, что пришлось бы написать целую книгу, чтобы хоть в сжатом виде изложить сущность их показаний. Вместе с тем было очень мало свидетелей в том смысле, в котором мы привыкли понимать это слово в обыденной жизни.

Мне кажется, что я правильно определю значение свидетельских показаний по делу Совета, если скажу, что каждый из свидетелей принадлежал к одной из трех категорий: враги, союзники и лица, посторонние делу.

К первой категории принадлежали чины полиции и корпуса жандармов,

ко второй — рабочие и представители либеральной и радикальной интеллигенции и, наконец, к третьей — те люди, которые стояли вне непосредственной деятельности Совета, которые не принимали участия в событиях Октябрьской революции и которых привели в залу суда случайные обстоятельства.

Эта последняя группа свидетелей почти никакого общественного интереса не представляла. Показания этих свидетелей носили чисто эпизодический характер и удостоверяли факты, не имевшие прямого политического значения. Это были или служащие тех типографий, в которых «явочным порядком» печатались «Известия» Совета, или почтово-телеграфные чиновники, не желавшие примкнуть к забастовке, или, наконец, нижние чины, участвовавшие в арестах и обысках.

Невольное припоминается комический диалог между одним из таких свидетелей и защитой. Старый жандармский унтер-офицер дает показания с непоколебимым спокойствием и чувством собственного достоинства. Вдруг один из защитников спрашивает его:

— Скажите, свидетель, что такое черносотенец?

— Вы сами знаете, — неожиданно огрызается свидетель и затем еще более неожиданно добавляет: — Вот некоторые и меня называют черносотенцем, а я человек правительственный.

На дальнейшие попытки защиты выяснить тот же вопрос свидетель круто поворачивается к председателю и говорит:

— Ваше превосходительство, разрешите прекратить голословный разговор.

В зале смеются, судьи с трудом сдерживают улыбки, и свидетель удаляется, окинув защиту победоносно-презрительным взглядом.

Допрос свидетелей-врагов чрезвычайно взвинчивал и без того нервное настроение залы. Чувствовалось, что в ход процесса ворвалась струя безграничной ненависти и взаимного непонимания и что нельзя дать ни объективных свидетельских показаний, ни объективной их оценки.

Мне бесчисленное количество раз приходилось видеть полицейских свидетелей перед уголовным судом; я знал психологию большинства этих

людей; я приучился учитывать значение таких показаний, но никогда я не видел такого посрамления, как то, которое обнаружилось в этом деле. Недаром же свидетели этой категории употребляли все усилия, чтобы избежать явки в суд; очевидно, если не все, то некоторые предвидели, что гласное освещение их работы обратится в нечто весьма тяжелое для них.

В общем, из всех этих показаний можно было сделать один вывод. Полицейско-жандармское дознание велось безобразно; при этом дознании был допущен целый ряд грубых нарушений, и многое не было разработано с той спокойной объективностью, которая придавала бы работе характер бесспорной доказанности. Я уже говорил в начале моих воспоминаний, какое гнетущее впечатление произвело на меня открытие, которое не могло не возмутить до глубины души.

В актах дознания значилось, что подсудимые были предъявлены свидетелям и свидетели опознали в том или другом подсудимом то именно лицо, которому свидетели в своих показаниях приписывали определенные действия.

На суде подсудимые в один голос заявили, что никогда такого следственного действия над ними произведено не было и никаким свидетелям они не предъявлялись. Было совершенно ясно, что жандармская власть (и, к сожалению, отдельные представители прокуратуры) допустила явные нарушения закона.

Противоречие между утверждением подсудимых и заявлениями жандармов в конце концов выяснило следующее.

Жандармы, очевидно, понимали, что если свидетелю-рабочему предъявить обвиняемых, то свидетели откажутся их опознавать и откажутся от своих показаний. Между тем только путем личного предъявления можно было твердо связать показания свидетеля с личностью того или другого подсудимого. Для этого жандармы прибегли к следующему незаконному способу. В жандармское управление вызывались группами подсудимые, которых ни о чем не предупреждали, а свидетелям показывали подсудимых, просто проводя свидетелей через залу или даже показывая им арестованных через стеклянные двери. Затем состав-

лялся протокол предъявления, произведенного якобы с соблюдением требований устава уголовного судопроизводства, и создавался точный и определенный для обличения отдельных подсудимых материал.

Ничего не подозревая, я, конечно, внес этот материал в обвинительный акт, и разоблачение действительной обстановки на суде произвело на меня впечатление взорвавшейся бомбы. Конечно, такой сюрприз был полностью использован защитой, и генерал Иванов, признавая, хотя и с оговорками, приведенные факты, чувствовал себя у пюпитра свидетеля едва ли очень приятно.

Да вообще свидетели этой категории во время допросов поджаривались, как на огне. По уголовным делам мне иногда приходилось заступаться за чинов полиции, когда на них велась несправедливая, по моему мнению, атака со стороны защиты, но по этому делу я твердо решил не ввязываться в допросы. Свидетели пожинали плоды собственных трудов, и я чувствовал невольное раздражение, понимая, что все эти дефекты и нарушения закона бросают тень и на прокуратуру, и на родное мне судебное ведомство.

Если бы я ненавидел это ведомство, если бы я был ярым революционером и старался дискредитировать судебную и правительственную власть, я бы поручил дознание по этому делу именно тем, которые его производили, о чем я уже говорил в начале своих заметок.

У всякого слушавшего процесс невольно являлся справедливый вопрос: если уж по такому всероссийскому делу так велось расследование, то что же делается по более мелким делам, и притом не в Петербурге, а где-нибудь в глухой провинции? Если так велось дознание, то как может суд строить на таких доказательствах приговор?

Люди, которые бы так рассуждали, были бы, конечно, правы.

Вот почему по процессу Совета рабочих депутатов можно было основываться только на письменных доказательствах и на тех фактах, которые признавали подсудимые.

Так я и поступил в своей речи, но я должен сказать, что если бы подсудимые, пользуясь своим правом, отка-

зались давать объяснения, то в распоряжении суда не было бы никакого материала, кроме письменных доказательств, и если бы эти доказательства и привели суд к выводу о наличии по делу 102-й статьи, то субъективная судьба отдельных осужденных, в зависимости от уличающего материала, была бы, надо думать, иная.

Дознание по делу Совета кричащим образом подняло вопрос о пригодности жандармской власти к следственному производству. Хотелось сказать творцам этого жандармского производства, что впредь ни одно дело не должно идти каким бы то ни было путем, кроме нормального предварительного следствия.

Для меня это, разумеется, истина, но я не могу не сказать, что дознание по делу Совета было одним из худших известных мне примеров подобного рода расследований.

Отрицая дознание как способ предварительной разработки судебного материала, я исходил из принципиальных, отчасти теоретических соображений. Моя резко отрицательная оценка дознания по делу Совета не дает мне права, вне принципиальной точки зрения, огульно утверждать, что за длинный ряд лет моей службы в прокурорском надзоре я видел только такие более чем неудовлетворительные дознания. И я все-таки с уверенностью скажу, что закон 7 июня 1904 года о замене следствий дознаниями, закон, созданный В. К. Плеве, был одним из вреднейших законов старого режима⁴³.

Расследование политического преступления — это дело чрезвычайной трудности, требующее большой чуткости, осторожности и совестливости. К сожалению, даже некоторые судебные следователи, специализировавшиеся на этой отрасли следствий, приобрели своеобразное, не судебное отношение к делу, а между тем только полное и искреннее соблюдение судебных уставов именно по этим делам могло укрепить в тяжелое последнее десятилетие падавшее доверие к судебному ведомству.

Если причины постепенной утраты этого доверия очень сложны и многообразны, если иногда недоверие создавалось и без достаточных причин, то надо сказать, что одним из наиболее действительных и наиболее печальных оснований для падения обще-

го уровня судебных нравов была именно постановка расследований по делам о государственных преступлениях.

Свидетели-союзники были представлены на суде, конечно, прежде всего рабочими.

Рабочие являлись наиболее многочисленной группой свидетелей. За все время процесса перед судом давали показания несколько сот рабочих. Некоторая часть из них была вызвана мною, а значительное большинство допрашивалось по ходатайству подсудимых.

Однако в этом деле в среде рабочих не было той разницы, которая создала в судебной практике даже два технических названия: свидетели обвинения и свидетели защиты. Не было того, ненормального конечно, явления, которое выражается в том, что об одном и том же объективном факте два очевидца рассказывают диаметрально противоположное.

Все вызванные в суд рабочие удостоверяли одно и то же, и весь фактический материал, который они сообщали, был направлен против обвинения. Из этого можно было бы сделать вывод, что, значит, и факты говорили против обвинения. Я, однако, глубоко убежден, что объективно это было не так. Рабочие чувствовали себя в этом деле не свидетелями, а заинтересованной стороной, они видели в подсудимых своих представителей, своих «депутатов», и потому совершенно понятно, что их показания были ярко окрашены в защитный цвет. Я далек от мысли утверждать, что субъективность и односторонность показаний являлись результатом лжи и извращения фактов. Нет и, конечно, нет!

Рабочие считали правильной революционную политику Совета, они и в зале суда продолжали видеть в большинстве подсудимых своих идейных руководителей, верить их авторитету, признавать себя солдатами одной с подсудимыми революционной армии.

Общий смысл, общее содержание показаний рабочих сводились к утверждению, что Совет являлся лишь «выразителем воли масс», а потому все рабочие ответственны за действия Совета совершенно так же, как и лица, сидящие на скамье подсудимых. Многие рабочие прямо заявляли палате просьбу о том, чтоб и их посадили

на скамью подсудимых. Еще больше это выражение солидарности проявлялось в резолюциях разных фабрик и заводов, резолюциях, которые в большом количестве были представлены палате свидетелями. Эти резолюции, вынесенные от имени тысяч рабочих, протестовали против суда, указывали на Совет как на выразителя воли масс, и некоторые из них кончались требованием предать всех рабочих суду вместе с их депутатами.

Кстати, некоторые представители магистратуры и прокуратуры упрекали меня за согласие приобщить к делу и огласить эти резолюции. Я признавал и признаю, что это было формальным нарушением, ибо, разумеется, эти резолюции заменяли свидетельские показания и, следовательно, оглашению не подлежали, но я утверждаю, что отказать в оглашении этих резолюций было бы мелочно и недостойно, так как подсудимые твердо считали, что содержание резолюций доказывает невозможность или неправильность применения судебных норм к одним только рабочим «депутатам». Следовательно, резолюции (с точки зрения защиты) имели и могли иметь не только политическое, но и судебное значение.

Общность показаний объяснялась общностью психологии. Ведь не подлежит сомнению, что судебный процесс был предметом постоянных обсуждений и разговоров на всех фабриках и заводах; везде и всюду у рабочих складывалось убеждение, что «депутаты страдают за них», что они охраняли именно интересы рабочих, а при таких условиях не подлежит сомнению, что чувство солидарности создавалось у рабочей массы самостоятельно, без постороннего давления.

Однако я не менее твердо убежден, что внешние формы этой солидарности явились результатом определенной тактики. Это было вполне естественно и неизбежно. Судебный процесс Совета представлял собой чрезвычайное сильное и действительное агитационное средство для представителей социалистических партий, особенно для социал-демократов, и было бы наивно думать, что активная партия оставит такой козырь без употребления и не воспользуется им для внедрения и упрочения в рабочих массах революционного настроения.

Надо думать, что резолюции протеста принимались на собраниях и митингах после обмена мнениями по этому поводу и, разумеется, партийные агитаторы если и не диктовали резолюций, то давали общие директивы для их содержания. Этим объясняется, я думаю, даже внешнее сходство выражений, помещенных в резолюциях. Можно ли, однако, из этого сделать вывод об искусственности содержания самих резолюций? Конечно, нет!

Только перед сочувствующей аудиторией можно было требовать резолюций протеста. Только при солидарности образа мыслей можно было толкнуть на претворение этого сочувствия в определенные внешние формы.

Позиция свидетелей рабочих на процессе Совета лишней раз убедила меня в самостоятельном значении роли руководителей рабочих масс. Руководители выводили настроения масс из пассивного состояния, облакали это настроение в реальные формы, и я был прав, говоря в речи, что именно это и делает руководителей ответственными при безответственности масс, так как «революция не есть образ мышления — революция есть образ действия».

Наблюдение над показаниями этой категории свидетелей дало бы специальному исследователю богатый и интересный материал для суждения о степени политической сознательности в столичной рабочей среде того времени. Конечно, на процесс были вызваны наиболее сознательные элементы. Бесцветные и бледные слои рабочих, а тем более реакционные группы их не давали сами по себе такого материала, который в глазах защиты делал бы их нужными в роли свидетелей.

Но и в той длинной ленте свидетелей, которая прошла перед судом, степень сознательности не была одинакова у всех допрошенных судом рабочих. Некоторые из них поражали своим критическим отношением к переживаемому моменту. Из их ответов чувствовалось, что их показания являются результатом не только навеянного, но продуманного и сознательно воспринятого мирозерцания. Конечно, точка зрения их была однообразна в том отношении, что все они почти сплошь считали себя по своему

политическому credo социалистами, преимущественно социал-демократами, и что почти во всех их взглядах чувствовалась не только антипатия, но и прямая ненависть к существующему строю.

Рабочие из менее сознательных говорили по существу то же самое, что и остальные их товарищи, но у них чувствовалась более книжная, более навеянная оценка внешних событий. Трудно было говорить, конечно, о широких горизонтах, о том, что критическое отношение к воспринимаемому сделало уже каждого рабочего готовым политическим деятелем, но считать рабочих действующими в качестве бессознательной толпы — значило бы не знать и не понимать их психологии, их настроения.

Бесконечно наивно звучало на суде чтение известного воззвания графа С. Ю. Витте к рабочим, начинавшегося словами: «Братцы рабочие...»⁴⁴. Уже один этот тон обращения, заимствованный из патриархального солдатско-крестьянского быта, свидетельствовал о безграничном непонимании действительности, которое делало язык рабочих чуждым, даже враждебным для носителей высокой государственной власти. Можно сказать, что это обращение премьера к рабочим опоздало по своей форме лет на 50.

Суд над Советом обращался минутами не то в экзамен, не то в турнир между председателем и рабочими.

Н. С. Крашенинников со свойственным ему умением ставил рабочим вопросы по существу их показаний, допытываясь от них самостоятельного определения таких понятий, как Учредительное собрание, демократическая республика, вооруженное восстание...

Некоторых свидетелей председателю удавалось, конечно, что называется, загнать в тупик... Они сбивались, и их ответы делались путанными и неясными, другие свидетели приходили в состояние раздражения и начинали отвечать председателю резкостями, но эти дефекты ответов далеко не всегда объяснялись, мне кажется, непониманием вопроса. Свидетели отвечали с опаской, они чувствовали, что их прижимают к стене, что от них хотят ответов, которые могут повредить подсудимым. Этого они боялись, и это заставляло их уклоняться от прямых ответов, а иногда придавать своим отве-

там чрезмерно смягченный характер, вроде утверждений, что Совет заботился о материальных нуждах рабочих и политической борьбы не вел или что задачей Совета было проведение в жизнь Манифеста 17 октября.

Однако значительное количество рабочих надо было признать выдержавшими председательский экзамен и проявившими большую продуманность в ответах. Особенно мне памятен представитель союза конторщиков Лучинин, чрезвычайно ярко и красочно разъяснявший суду разницу между идейной и технической подготовкой вооруженного восстания.

В общем, я бы решился сделать такой вывод.

Рабочие массы Петербурга в конце 1905 года представляли собой элемент, готовый к участию в управлении политической жизнью страны. Классовое самосознание, я бы даже сказал — инстинкт, делал рабочих пламенными социалистами, резко противопоставляя их идеалы существующему буржуазно-капиталистическому строю; но при этом рабочие, усвоив себе твердо социалистические лозунги, мало входили в оценку тех путей, той тактики, которыми можно было прийти к проведению их идеалов в жизнь. В этом отношении они шли за своими руководителями, вверяли им избрание той или иной формы борьбы и по их зову были готовы на жертвы.

Переходя к воспоминаниям о следующей группе свидетелей-союзников, а именно к представителям либеральной и радикальной буржуазии, я должен сказать следующее.

Совет рабочих депутатов, при всей своей беспартийности, был самым существом своим отмежеван и справа и слева. Справа он упирался в наиболее радикально настроенные слои интеллигенции и буржуазии, слева — он отграничил себя от анархистов, которым не было дано места в Совете.

Таким образом, интеллигенция, объединявшаяся главным образом в «Союзе союзов», стояла от Совета особняком и занимала в ходе революции особое место.

Отношение Совета к либеральным слоям буржуазии было совершенно определено и ясно — это было отношение полуироническое-полупрезрительное. «Революционеры на час!» — иро-

низировал по адресу либералов Хрусталев.

«Либерализм держится того мнения,— говорил Троцкий в одной из своих статей, изданной, кажется, после процесса,— что недостаток силы следует при всяких условиях возмещать быстротой ног. Истинно мужественной, зрелой, обдуманной и целесообразной тактикой он считает дезертирство в самую решительную минуту. Его громадное преимущество состоит в том, что он легок на ногу, благодаря тому, что на нем не тяготеет тяжелое бремя доверия массы и ответственности перед ней».

Подобного рода мнение своих лидеров разделял и Совет. В своем печатном органе, «Известиях», Совет иронизировал, что разные «Союзы союзов» только пишут резолюции да выносят бумажные протесты в то время, когда пролетариат проводит фактически революционные начала в жизнь. Словом, Совет изображал наших либералов и радикалов в роли крыловской мухи, которая ехала на рогах революции и при достижении успехов с гордостью заявляла: «Мы пахали».

На суде появились подлинные представители этого класса общества, очень разнообразные по наименованиям, но близкие друг к другу по своему политическому облику и по своему отношению к Совету.

Профессора, инженеры, адвокаты, литераторы, педагоги — они все стояли именно на платформе «Союза союзов» и, конечно, отличались своими воззрениями и тактикой от чисто пролетарского Совета.

Тем интереснее представлялись на суде их показания. Можно было ожидать от них освещения деятельности Совета, так сказать, «со стороны». Однако этого не случилось.

Свидетели эти разбились по существу своих показаний на две группы.

Одна — весьма малочисленная (всего несколько человек), преимущественно, кажется, из гласных Петербургской городской думы, явно эволюционировала вправо за период с октября 1905 года по день суда. Ясно чувствовалось, что их объяснения на суде сильно разнятся от их действий и речей в октябрьские дни. Если память мне не изменяет, то наибольшие неясности на суде возникли при освещении вопроса об образовании в Петербурге город-

ской милиции. Я лично так и не понял, какую же позицию в этом вопросе занимала в октябре городская дума.

Другая группа свидетелей этой категории, гораздо более многочисленная, в своих показаниях ни в чем не обнаружила принципиальных разногласий своих с деятельностью Совета.

Я лично вынес, может быть, и неверное, но определенное впечатление. Свидетели этой категории считали, что зал суда не место для того, чтобы сводить счеты или спорить с представителями пролетариата, особенно когда над этими представителями нависла угроза каторжных работ.

Вот почему я отношу этих свидетелей тоже к «союзникам». На фоне их показаний объяснения, которые давали рабочие, стали еще ярче и красочнее, так что весь этот материал судебного следствия еще больше усилил, если можно так выразиться, ту позицию, которую последовательно и планомерно занимали на суде подсудимые.

VII ЗАЩИТА

Мои воспоминания о том материале, которым мог оперировать суд при рассмотрении и разрешении дела, исчерпаны.

На этих же позициях строила и могла строить свои оборонительные позиции и защита, и, ввиду несомненного общественного интереса, который представляло собой занятое защитой положение, я считаю себя обязанным высказать по этому поводу мой взгляд в моих воспоминаниях.

Я никогда не понимал профессионального антагонизма между обвинением и защитой. Я допускал и допускаю, что в пылу борьбы, в желании убедить суд в правильности того или иного положения, в котором убежден сам, возможна и даже неизбежна страстность и вызываемая ею иногда резкая противоположность в позициях обвинения и защиты. Но в то же время я считаю, что обвинение и защита — это вовсе не враги, это фланги одной и той же армии, служащей правосудию, и перед этими флангами должна стоять одна общая задача — сильное обнаружение истины.

По делу Совета рабочих депутатов,

как я уже говорил, перед каждым участником процесса лежало два пути. Один путь — политического освещения дела и другой — гораздо более короткий и прямой путь, направленный к чисто судебной разработке материала и к судебным из него выводам.

Я избрал второй путь. Подсудимые вполне естественно пошли по первому пути. Та же дилемма стояла перед защитой, которая, надо думать, была не совсем свободна в своей тактике, ибо защита не могла игнорировать желаний подсудимых, в интересах которых она прежде всего действовала.

Я не ошибусь, если скажу, что защита разрешила стоявшую перед ней дилемму, избрав для своего участия в процессе средний путь.

Все ведение дела защитой как бы говорило, что она поставила своей задачей политическое освещение дела, что в этом защита усматривает общественную сторону своей работы, но вместе с тем защита попутно разрабатывала судебное следствие, стремясь привести палату к выводу о невозможности обвинительного приговора за отсутствием состава преступления по 102-й статье (сообщество) и за фактической недоказанностью 101-й статьи (приготовление вооруженного восстания).

Так, по крайней мере, я понимал последовательное развитие дела со стороны защиты, так понял я и ее сенсационный уход с процесса в конце судебного следствия, уход, который был логически в полном соответствии с той позицией, которую с настойчивостью и последовательностью все время занимала защита.

Политически общественное задание защиты сводилось к стремлению широко осветить деятельность Совета как организации общественно-политической; дать картину взаимных отношений государственной власти и общественных течений, с одной стороны, и Совета — с другой. Не знаю, конечно, какой из этого вывод хотела сделать защита.

Думаю, что вне связи с судебными задачами процесса это политическое освещение дела и не должно было иметь определенного вывода. В задачи защиты входило лишь фиксирование известной исторической картины, а выводы сделало бы уже обществен-

ное мнение. Это мнение, впрочем, было уже predetermined, и для его выводов не надо было судебного процесса.

В этом отношении было очень характерно замечание В. В. Х-ва в газете «Товарищ». «Обществу должно быть трудно помириться с происходящим теперь судом,— говорил этот автор.— Оно не может не чувствовать, что вместе с Советом рабочих депутатов судят его собственное молодое время, полное увлечений, верований и надежд, от которых теперь не осталось ничего реального, но о котором, как всегда о молодости, вспоминается хорошо».

Защита, принимавшая активное участие в событиях октября 1905 года, входила, в лице большинства своих представителей, именно в эти слои общества, и не подлежит сомнению, что даже и вне судебного разбирательства и симпатии защиты были на стороне Совета.

Понятно поэтому, что, если меня спросят, была ли защита объективна, выясняя общественно-политическую сторону процесса, я искренно отвечу — нет.

В судебной разработке дела, в содействии его судебному освещению защита и не могла быть объективной. Сторона в процессе — она и освещала дело именно с одной стороны. Это было не только право защиты — это была ее обязанность.

Однако, если бы мне пришлось кратко ответить на вопрос и по этому поводу, если бы меня спросили не как обвинителя, а как человека, соответствовали ли юридические выводы защиты фактическим обстоятельствам дела, я столь же искренно тоже отвечу — нет.

Прежде всего защита вместе с подсудимыми стремилась установить, что Совет был исполнителем воли масс, что ответственность Совета и этих масс неделима. В этом отношении защита исчерпала все. И показания свидетелей-рабочих, и резолюции заводов и фабрик, и описание заседаний и порядка голосований в Совете — все это подчеркивалось защитой в явном стремлении доказать, что воля подсудимых не была свободна, что они лишь проводили в жизнь веления пролетариата.

Вторым доводом, выдвигавшимся за-

щитой для опровержения выводов обвинения, было указание на отношение к Совету исполнительной власти. На этой почве, в сущности, и возник первый коренной конфликт между Судебной палатой и защитой.

Деятельность Совета протекала открыто: власть входила в сношения с Советом; власти были известны все распоряжения Совета — так, в полном согласии с обстоятельствами дела, утверждала защита.

Это верно, но это не делало наказуемого ненаказуемым, о чем я довольно подробно говорил в своей речи. Мне хочется думать, что юридического спора по этому поводу не стала бы поднимать во время нормальных прений и защита, если бы она не сочла нужным говорить о мере ответственности.

Я вполне понимаю, что политически этот вопрос представлялся чрезвычайно важным. Я понимаю, что политическая защита домогалась вызова в качестве свидетелей: гр. Витте, Трепова⁴⁵, Бирилева⁴⁶, Редигера⁴⁷, градоначальника Дедюлина и проч., но я думаю, что судебная защита должна была признать объективно правильным отказ в этом вызове со стороны палаты. Вызов этих свидетелей имел бы значение, если бы был какой-нибудь спор об осведомленности власти по поводу деятельности Совета, но ведь этого не было и быть не могло. Весь обвинительный акт говорил об открытой деятельности Совета, и свидетельские показания по этому поводу доказывали бы только желание ломиться в открытые двери.

Н. Д. Соколов говорил по этому поводу: «Отказав нам в этих вызовах, палата, по нашему мнению, нарушила процессуальные гарантии защиты». О. О. Грузенберг добавлял к этому: «Юрист не может примириться с тем, что из числа вызываемых на одинаковом основании свидетелей Иванова, Петрова и т. д. можно вызывать, а Витте, Бирилева, Редигера и проч. — нельзя».

Я не могу, однако, согласиться с тем, что вызов разных «Иванова», «Петрова» и пр. и вызов Витте и др. был построен «на одинаковом основании». В этом и заключается сущность спора.

По моему мнению, вызов судом, по ходатайству защиты, «Ивановых» был

сделан для целей судебных, а вызов Витте и др. был бы сделан для целей политических.

Этого палата не имела права делать; это значило бы именно обращать суд в политический резонатор, забывая о прямых и единственных задачах суда. Это мое положение косвенно признавал в той же цитированной газетной заметке и О. О. Грузенберг. «Защита,— говорил Грузенберг,— обязана подчиниться заявлению подсудимого, если он пригласил адвоката только как юридического руководителя, чтобы получить возможность вывести на свет те факты, которые он считает общественно важными».

С этим выводом я всецело согласен. Вызов представителей государственной власти был общественно важен, и подсудимые должны были этого желать.

Они достигли бы своей цели блестяще, ибо их цель была допросом гр. Витте и др. дискредитировать их в общественном мнении. Эта задача была чрезвычайно легка.

Трудно себе представить более яркую правительственную неразбериху, чем одновременная дряблость премьера Витте и умопомрачительная, прямолинейная решимость Трепова и Дедюлина.

«Братцы рабочие, пожалейте ваших жен и детей»,— сентиментально взывает премьер Витте... «Патронов не жалеть»,— отвечает ему на это диктатор Трепов.

Рабочие собираются торжественно хоронить убитых, и граф Витте поучает рабочих: «Нужно, чтобы все обошлось по-хорошему, чтобы на похоронах все прошло по-человечески», а Трепов разъясняет: «Генерал-губернатор приглашает устроителей манифестации отказаться от своего замысла... ввиду решительных мер, к которым может быть вынуждена прибегнуть полицейская власть».

Это управление столицей по евангельскому способу, когда правая рука не знала, что делала левая, служило, конечно, весьма благодарной темой для полного дискредитирования власти.

Недаром же один опальный и очень умный сановник, прослушавший из любопытства почти весь процесс, сказал мне как-то:

— Вы пропустили одного обвиняемого в списке. Его тень все время витает в зале суда.

На мой вопрос, кто же этот обвиняемый, сановник ответил мне:

— Как это? Конечно, граф Сергей Юльевич Витте— это же типичный попуститель!

Если уж сановнику граф Витте решился не у свидетельского барьера, а на скамье подсудимых, то нельзя не признать, что свидетелем он мог бы быть только по 722-й статье устава, т. е. он мог бы не отвечать на вопросы, так как они уличали бы его самого в совершении должностных преступлений, и именно в форме попустительства, караемого по должности как бездействие власти.

Я замечаю, что, вспоминая процесс, я невольно сам увлекся политической ролью носителей государственной власти. Это допустимо в воспоминаниях, но не в зале суда, и потому я не могу не повторить: там, в этой зале, эти показания были бы для суда лишним, хотя и интересным балластом.

Конечно, можно было бы утверждать, что, вызывая представителей власти и именно их дискредитируя, защита тем самым доказала бы, что этим устанавливается преступность власти, хотя бы в форме попустительства, но— с точки зрения защиты— не к деятельности Совета, а к организации погромов, против которых вооружалась рабочая масса.

Тем очевиднее, что вызов этих свидетелей и в этом случае имел в виду допрос их в роли обвиняемых в самостоятельных должностных преступлениях, на что суд не имел формального права, так как это не составляло судебной цели процесса.

Подсудимые хотели дискредитировать власть, и в этом отношении они совершенно последовательно шли и дальше. Они хотели подорвать всякое доверие и к расследованию, и к суду над ними.

По этому пути за подсудимыми пошла и защита.

Когда совместными усилиями подсудимых и защиты вскрывалось все несуразное и неправильное в области дознания, то судебная правда была, конечно, на стороне защиты. Это было ее обязанностью. Она тем самым говорила суду: «Не верьте ничему, кроме признаний подсудимых и документов,

которые вы сами видели. Все остальное отбросьте как недоказанное». Защита явно достигла своей цели, и выводы палаты, несомненно, не были основаны на данных жандармского дознания.

Однако защита пошла и дальше за подсудимыми.

Она хотела подчеркнуть, что суд, его данный состав, действует незаконно. Поэтому отказ в вызове свидетелей гр. Витте и др. был возведен Н. Д. Соколовым в «нарушение процессуальных гарантий защиты». Поэтому М. С. Маргулиес говорил в печати о «заранее отмежеванных Судебной палатой пределах расследования».

Это было уже заподозривание искренности мотивов палаты, своего рода чтение в сердцах, и делалось это из опасения, что без этих подчеркиваний судебная власть останется или может остаться вне подозрений.

П. Н. Малянтович говорил в печати: «Для публики в течение всего процесса не было заметно особых правонарушений со стороны суда». «В обществе,— повторял М. С. Маргулиес,— создалось убеждение в неслыханной до сих пор в русском политическом процессе свободе исследования».

Судебная свобода подчеркивалась и всеми газетными хроникерами либеральных газет, и защитниками в их опубликованных беседах.

Защитники, очевидно, опасались, что этот всем видимый простор судебного следствия произведет нежелательное впечатление на общество. По крайней мере, кроме М. С. Маргулиеса о том же говорил и О. О. Грузенберг газетному интервьюеру. «У общества,— говорил он,— могло при первом взгляде создаться впечатление даже известной корректности процесса. Позволяли говорить подсудимым, оглашались их резолюции и т. д. Но эта корректность только внешняя и поверхностная».

Разрушение «иллюзий» корректности и свободы процесса, действительная наличность которых была бесспорна, защита считала одной из своих задач.

По этому поводу я не могу не сказать, что М. С. Маргулиес ошибается, говоря, что свобода расследований имела пределы, «заранее отмежеванные палатой». Я утверждаю, что никаких пределов палата заранее не от-

межевывала; я не мог бы этого не знать. Конечно, известные пределы расследования были, но определялись они не каким-нибудь предварительным, недостойным палаты сговором, а естественной задачей каждого суда выполнить судебную, а не политическую функцию. Суд освещал дело в пределах наличности или отсутствия состава преступления, но суд не должен был допустить расширения перспективы для иных целей, кроме судебных, и в том числе для фиксирования общественно-политического значения Совета рабочих депутатов в тех его проявлениях, которые, по мнению суда, не заключали в себе признаков наказуемого деяния.

Я невольно останавливаюсь так подробно на рамках судебного следствия, на нормальности пределов расследования по этому процессу потому, что процесс Совета не был грустным проявлением судебного «застенка», наподобие процесса А. А. Лопухина⁴⁸.

Недаром же так неистово шипела по адресу суда черная пресса; и не только пресса типа «Русского знамени», «Черного сокола» и т. п., обещавшая даже мне лично (по выражению газеты «Сегодня») показать за этот процесс «кузькину мать», но даже и внешне приличное «Новое время» не выдержало стиля и стало попросту ругаться. Устами С. Смирновой⁴⁹ в длинном фельетоне, неприлично озаглавленном «Пикник в Судебной палате», «Новое время» уверяло: «Допуская всевозможные издевательства над собой как со стороны подсудимых, так и защиты, суд в этом процессе унизил себя до какой-то публичной сходки, до митинга с товарищами. Председатель бесстрастно выслушивал все, что говорили подсудимые, и только изредка делал какое-нибудь замечание, чтобы напомнить, что это все-таки суд, а не ресторан».

Сопоставление этих впечатлений, когда одним процесс представлялся «унизительным для суда митингом с товарищами», а другим в то же время мерещились призраки инквизиции времен испанского короля Филиппа II, сопоставление это убеждает, что в действительности суд стоял в середине этой борьбы, занимал позицию судебную и не дал увлечь себя ни в сторону одушения политических противников, ни в сторону предоставления залы су-

да под арену для восстановления не судебных, а объективно-исторических перспектив деятельности Совета.

Положение защиты становилось тактически трудным. Подсудимые участвовали в суде из побуждений политических. Защита думала, что и суд будет орудием политической борьбы, обращенным против подсудимых, а потому ей будет легко, используя залу суда как политическую арену и аудиторию, прервать свое участие в процессе и сказать, что власть, преследовавшая подсудимых, обратила и суд в орудие той же политической борьбы. Это не удавалось защите. Следствие подходило к концу, а серьезных поводов для разрыва не было. Эти поводы приходилось создать, и единственным *casus belli*⁵⁰ между судом и подсудимыми можно было избрать только отказ суда в вызове свидетелей — представителей власти. Этим отказом защита должна была логически воспользоваться и придать ему форму угнетения ее интересов.

Вот почему уже в конце дела наступил совершенно неожиданный момент в процессе.

12 октября, уже после допроса всех свидетелей и во время скучного чтения документов, когда механизм суда дал подсудимым все, что им политически было нужно, присяжный поверенный О. О. Грузенберг сделал от имени защиты новое заявление.

Он заявил, что в его руках находится письмо бывшего директора Департамента полиции Лопухина на имя П. А. Столыпина⁵¹, в котором Лопухин указывает, что черносотенные погромы создавались Департаментом полиции и что там же фабриковались заведомо ложные прокламации о растратах, будто бы учиненных рабочими депутатами. Защитник просил огласить это письмо, а затем дополнил свое ходатайство просьбой о вызове Лопухина в качестве свидетеля. Я помню до сих пор мое ощущение при заявлении этого ходатайства. Я всем существом своим почувствовал, что это новое и, вероятно, последнее выступление с целью заставить суд расширить рамки процесса и вывести судебное следствие из сферы судебной в область политическую.

Н. С. Крашенинников объявил краткий перерыв и потом объяснил мне, что он это сделал, полагая, что мне

нужно время, чтобы вдуматься в ходатайство защиты и дать заключение. Я в этом перерыве не нуждался.

Для меня было ясно, что это политический ход, и я бы сразу и без всякого перерыва высказался за отказ в ходатайстве защиты. Так я и поступил. Кратко мотивируя свое мнение отсутствием значения письма Лопухина для участи подсудимых, я полагал письма этого к делу не прибавлять, а следовательно, отказать и в вызове Лопухина в качестве свидетеля.

Ответ палаты последовал лишь на следующий день.

В своем подробно мотивированном определении палата говорила, что самые широкие права защиты и подсудимых имеют один предел. Этот предел требует, чтобы представляемые доказательства разъясняли или опровергали виновность подсудимых. Разоблачения Лопухина, как признавала палата, несомненно имеют большое общественное значение, но для суда они значения иметь не могут, ибо не могут повести к выяснению виновности или невинности подсудимых.

Приобщение письма и вызов Лопухина, поясняя далее палата, были бы со стороны суда актом, которым суд вышел бы из границ, сводящихся к определению доказанности или недоказанности вины подсудимых.

Итак, защита не достигла желанных результатов: суд упорно замкнулся в формальных рамках процесса.

Я уверен, что если бы палата не поставила точки на этом требовании защиты, то логическим последствием вызова Лопухина был бы вызов Столыпина, а затем Комиссарова⁵², гр. Вите, Трепова и всех тех, вызова которых требовали подсудимые. Палата ушла бы от судебного масштаба и обратилась бы в арену судебно-безразличной политической борьбы.

Отказ палаты открывал перед подсудимыми формальную возможность разрыва сношений с ненужным уже к этому моменту для них судом, чего они, в сущности, и домогались. Это до известной степени пояснил даже присяжный поверенный Н. Д. Соколов, который после оглашения определения палаты заявил, что отказ палаты разрушает существенную часть плана защиты, выработанного ею на совместном совещании с подсудимыми. Поэтому защита просит

палату объявить перерыв для обсуждения возможности дальнейшего ведения дела.

Перерыв был объявлен и длился более суток.

14 октября заседание возобновилось. Настроение залы было чрезвычайно повышенное. Газеты огласили в городе о происшедшем между палатой и защитой столкновении, и жажда узнать, как это столкновение разрешится, привела в судебное заседание массу публики. Места за судьями были полны представителями судебного ведомства и Сената.

Заседание возобновилось около полудня.

Защита явно волновалась предстоящими минутами. Не мог скрыть своего волнения и О. О. Грузенберг, который должен был говорить от имени защиты. Я никогда не видел его таким бледным. Волновались и подсудимые, и это приподнятое настроение передавалось в публику и создавало в зале мучительно напряженное и тяжелое настроение.

«Возобновляю заседание,— произнес своим властным тоном Н. С. Крашенинников,— слово принадлежит защите».

В зале царил мертвая тишина.

Поднялся О. О. Грузенберг и от имени всей защиты сделал мотивированное заявление, которому от себя предпослал несколько слов.

«Господа судьи,— говорил Грузенберг,— подсудимые пришли сюда только для того, чтобы выяснить правду дела о Совете рабочих депутатов. Всю правду, ничего, кроме нее... Широко как будто и как будто свободно развертывается вот уже в течение месяца судебное следствие. Но не с первого ли дня мы встречаем отказ в том, что является содержанием дела? Мы просили о вызове графа Витте, Дурново, военного и морского министров⁵³, всех тех, при которых протекала деятельность Совета, всех тех, кто разрешал его заседания и легализировал его деятельность...

Обвинение не хочет понять, что на смену отжившей власти явился Совет так же естественно, как на смену опавшим листьям является весной молодая зеленая листва... Раскрытие деятельности Департамента полиции, охватившего, как доказывает в своем письме Лопухин, всю Россию железным

кольцом преступлений, вы отвергли, сказав, что это общественно важно, но для суда неинтересно. Но ведь это значит убить душу процесса, свести его к ряду мелких фактов, по признакам статей Уголовного уложения...

Для вас невозможно расширить пределы судебного исследования до того размера, который подсказывается запросами правды. Для нас, защитников, невозможно работать без нее. С согласия подсудимых мы уходим».

После этой речи О. О. Грузенберг огласил письменное заявление защиты, которое в своих мотивах вновь ссылалось на стеснение пределов исследования, выразившееся в отказе вызвать свидетелей и приобщить письмо Лопухина.

Защита утверждала, что Судебная палата обнаружила стремление лишить дело того глубокого общественного значения, которое ему принадлежит, вследствие чего деятельность Совета как одного из крупнейших этапов народного освободительного движения в рамках нынешнего судебного разбирательства не получит освещения, требуемого общественными интересами.

Эти мотивы побудили защиту прекратить свое участие в процессе...

Итак, уход защиты был вызван именно спором о пределах исследования. Для меня этот спор решался без колебаний, и я понимал, что уход защиты есть лишь логический вывод из всего предыдущего.

П о л и т и ч е с к а я роль защиты кончена. Все данные дела освещены перед гласным судом. В судебной защите подсудимые не нуждались, они ее отвергли. При таких условиях защита считала себя исполнившей свою задачу.

Оценка ухода защиты вызвала в судебном ведомстве горячие споры и противоречивые мнения.

Я нахожу, что с профессиональной точки зрения защита имела право с согласия подсудимых поступить, как она поступила, но по существу ее поступок не имел достаточных оснований, ибо, конечно, задачей суда именно и было «свести процесс к ряду фактов по признакам статей Уголовного уложения».

Намеченные защитой пути были пройдены ею до конца.

Путь общественно-политический не привел защиту к желанным результа-

там, ибо суд не пошел в этом отношении за защитой, и больше в этом отношении защите было нечего делать.

Путь судебный прерывался для защиты отказом подсудимых от ее услуг, да к тому же узкосудебный материал оставлял мало сомнений в исходе процесса. Доказать отсутствие состава 102-й статьи, я полагаю, защита не могла бы, так как формальный состав преступления одними признаниями подсудимых был, мне кажется, доказан бесповоротно. Опровергать наличие 101-й статьи едва ли была надобность. Это обвинение было разрушено судебным следствием, и если даже защита не ждала от меня отказа от обвинения, который потом последовал, то в оправдании подсудимых в этой части обвинения защита, я думаю, могла быть уверена.

При таких условиях защита своим уходом не нарушила своих обязанностей в смысле охраны судебных интересов подсудимых, и тем не менее тяжелое чувство по поводу ухода защиты я все-таки ощущаю до сих пор. Не за самый факт ухода, не за формы ведения процесса, а за то, что поводом для этого ухода защита избрала незаконные будто бы действия суда.

Если бы защита довела судебное следствие до конца, а затем заявила: «Подсудимые отказываются от нашей дальнейшей помощи, и мы уходим, так как подсудимые не желают, чтобы участие защиты влияло на субъективный для них исход процесса, а его общественно-политическое освещение в пределах, доступных суду, закончено», то я понял бы защиту до конца, и у меня не было бы осадка при мысли, что для достижения политической цели защита избрала повод, не являвшийся в действительности нарушением закона и прав защиты со стороны суда.

Защита ушла. В зале водворилось тягостное молчание. Я лично испыты-

вал тяжелое ощущение как бы от нанесенного мне лично незаслуженного оскорбления...

Оказалось, что самые тяжелые минуты еще впереди.

После ухода защиты поднялся Хрусталив и в очень сдержанных выражениях просил палату разрешить подсудимым «удалиться в Дом предварительного заключения». За Хрусталивым ту же просьбу позволить уйти из суда повторил кто-то из подсудимых от имени подсудимых, не содержащихся под стражей.

Затем поднялся Троцкий и в несвойственных ему мягких тонах повторил то же самое, закончив словами: «Я прошу суд не учинять над нами насилия и не заставлять нас против нашей воли присутствовать на суде».

При напряженном внимании публики Н. С. Крашенинников обратился ко мне со словами: «Господин прокурор, ваше заключение».

Какая бесконечная вереница мыслей пронеслась в эти минуты в моем мозгу! Я понимал, что уход подсудимых — это в сущности нарушение процессуального закона, но в то же время все существо мое протестовало против их насильственного удержания в зале. Ведь присутствие их по закону установлено в их же интересах. Если их не отпустить, то к чему это поведет? Поведем к физическому протесту, к скандалу, к безобразию. Неужели же суд приобретет право удалить подсудимых только тогда, когда они начнут бить пюпитры и ломать скамьи?!

Это казалось мне почти безумным.

Я развил в заключении своем волновавшие меня мысли и решительно высказался за удаление подсудимых.

Вздых облегчения пронесся по зале. Ужас перед отвратительными сценами насилия и возможной физической борьбой с конвоем рассеялся. Все находившиеся в зале почувствовали, что страшный момент миновал, не мог не почувствовать этого и я.

(Окончание см. в т. 2)

НИКОЛАЙ II, СУХОМЛИНОВ И СИНОД

(К характеристике положения русской церкви перед революцией)

В 1909 году в Петербурге долгое время служил злобой дня брак тогдашнего военного министра Владимира Александровича Сухомлинова¹: о нем говорили и в обществе, и в печати, и даже на заседаниях некоторых ученых кружков юридического характера.

Разумеется, широкую публику интересовал не преклонный возраст «женых», решившегося на седьмом десятке лет надеть на себя брачные узы, и не высокое служебное положение его, а тот исключительный процесс, который предствительствовал вступление его в брак и с которым тесно связаны были имена виднейших государственных деятелей того времени и даже самого Николая II.

Сухомлинов наметил подругой своей жизни некую Екатерину Викторовну, урожденную Гошкевич, бывшую замужем за дворянином Владимиром Николаевичем Бутовичем.

Хотя супруги Бутович и жили в последнее время раздельно, но муж будущей мадам Сухомлиновой, щадя свою фамилию, не поднимал вопроса о разводе и, чтобы не видеть и не слышать о далеко не безукоризненном поведении своей жены, уехал с сыном и его гувернанткой г-жой Лорэн за границу, где и поселился в одном из парижских отелей.

Чтобы вступить в новое супружество, Е. Бутович приходилось, таким образом, самой начинать иск о расторжении ее брака, что было тогда делом нелегким, а в ее положении даже и совершенно неосуствимым.

Тогдашнее законодательство признавало лишь четыре повода к разводу: заключение брака в близких степенях родства, безвестная отлучка одного из супругов в течение не менее пяти лет, добрачное сумасшествие и нарушение супружеской верности одною из сторон*.

Ни один из этих мотивов к делу Бутовичей приложить было нельзя: до-

брачного родства между ними не было; местопребывание В. Н. Бутовича хорошо было известно; психической ненормальности он не проявлял, а по отношению к женщинам, по общему признанию, держался безукоризненно.

Получить развод при таких условиях для рядового обывателя нельзя было и думать, но жених Е. Бутович принадлежал к числу тех избранников, для которых все законы нарушались.

Сухомлинов привлек на помощь своей нареченной чуть не всех власть имевших лиц: и главноуправляющего канцелярией по принятию прошений на высочайшее имя барона А. А. Будберга, и председателя Совета Министров П. А. Столыпина, и министра императорского двора графа (тогда еще барона) В. Б. Фредерикса, и даже самого Николая II.

При таких помощниках нельзя было ни минуты сомневаться, что Е. В. Бутович получит желаемый развод, но «ради черни непросвещенной» приходилось все-таки проделать процедуру бракоразводного иска.

Ходить, однако, по духовным консисториям, где обыкновенно начинались бракоразводные дела, давать разные показания, ответы на вопросы и т. п. будущей «министерше» было совсем не по вкусу, и вместе с министром они решили получить развод другим способом.

Как раз в это время в Синоде происходили заседания комиссии по умножению поводов к разводу. В числе других мотивов, признанных этою комиссиею достаточным основанием для расторжения брака, было указано и жестокое обращение мужа с женою. Этим-то новым поводом и решили воспользоваться Сухомлинов и его невеста.

Е. Бутович тотчас же подала прошение на высочайшее имя о жестоком обращении с нею мужа, доходящем будто бы до истязательства. Будберг, минуя судебные власти, распорядился произвести расследование этой жалобы, которое, конечно, установило

* Как курьез следует отметить, что если обе стороны, т. е. и муж, и жена, нарушали «святость» брака, то он оставался в силе.

«факт» истязаний В. Н. Бутовичем своей жены.

Сухомлинов и Е. Бутович уже уверены были в успехе своего дела, но радость их оказалась преждевременной: по своему полному юридическому невежеству и Сухомлинов, и его невеста, и даже сам Будберг не сообразили, что постановления синодской комиссии не прошли еще ни через Государственную думу, ни через Государственный совет и потому представляют собой пока только законодательные предположения, а не закон, и до надлежащего утверждения их бракоразводные дела должны производиться по старому законодательству.

Волей-неволей Е. Бутович пришлось обратиться в С.-Петербургскую духовную консисторию и вчинять иск о расторжении ее брака с В. Бутовичем, причем поводом к этому было выставлено прелюбодеяние последнего.

Бракоразводное законодательство требовало, чтобы при предъявлении подобных обвинений указывалось как лицо, с которым обвиняемая сторона нарушила «святость» брака, так и свидетели, видевшие факт этого нарушения.

Это требование поставило Е. Бутович вновь в очень тяжелое положение: муж ее жил в Париже и, следовательно, свидетелей его прелюбодеяния, а равно и соучастницу нужно было искать там же.

Сухомлинов и здесь оказал своей невесте могущественную поддержку: при помощи одного из членов русского посольства в Париже * найдены были два специалиста-сыщика по бракоразводным делам — Иосиф Эмар и Август Валч, очень быстро доставившие Е. Бутович документ, в котором приводили показания, будто бы данные им служащими в том отеле, где жил ее муж, — Адольфом Гибодо, Оскаром Элле, Полем Плянте и супругами Фиевез — о том, что В. Бутович сожительствует с гувернанткой своего сына Лорэн, которую навещает по ночам в ее номере.

Опираясь на этот документ и расследование барона Будберга, Е. Бутович и подала в Петербургскую консисторию прошение о расторжении брака ее с В. Бутовичем, по прелюбодеянию последнего с Лорэн.

* Через посредство небезызвестного И. Ф. Манасевича-Мануйлова,

Так как на консисторию также оказано было «воздействие», то она очень быстро решила дело в пользу истицы, причем «ради ускорения» производства допустила целый ряд самых вопиющих правонарушений.

Так, вопреки прямому требованию закона, В. Н. Бутович не был даже уведомлен, что о нем начинается дело, оправданий от него не потребовано, свидетели истицы официально не допрошены, и пр.

Благодаря такому способу рассмотрения дела последнее решено было буквально в несколько дней, и 11 мая 1909 года митрополит петербургский Антоний (Вадковский) представил уже это решение на утверждение Синода.

Тогда же консисторию послано было уведомление о состоявшемся постановлении и В. Н. Бутовичу.

Сухомлинов и его невеста торжествовали. Они так были уверены, что со стороны Синода никакой задержки не будет, что назначили даже день свадьбы, причем обещали священнику, что бракоразводный документ невесты будет доставлен в церковь перед венчанием.

В назначенный день храм наполнился приглашенными; приехали и жених с невестой; но вместо нужного документа пришло известие, что В. Н. Бутович опротестовал консисторское решение и прислал в Синод две апелляционные жалобы, так серьезно обоснованные, что Синоду, вероятно, придется отменить постановление консистории.

Собравшимся на свадебный пир пришлось размахаться по домам, а Сухомлинов бросился за помощью к царю.

О том, что происходило дальше пусть говорят официальные документы *.

* Дело Бутовичей велось в Синоде в величайшем секрете. На заседаниях присутствовали только члены Синода (митрополит петербургский Антоний, архиепископ алеутский Платон, епископы: рязанский — Никодим и тобольский — Антоний и протопресвитеры Янышев и Желобовский), а из светских чинов лишь обер-прокурор Синода С. М. Лукьянов, его товарищ А. П. Рогович, управляющий синодальной канцелярией С. П. Григоровский и помощник его С. Г. Рункевич. Большинство документов в канцелярию не сдавалось, а отправлялось в особый секретный отдел синодского архива в запечатанных конвертах с надписью: «Вскрывать только по распоряжению г. обер-прокурора или управляющего синодальной канцелярией».

Первый из этих документов — всеподданнейший доклад Синода Николаю II от 27 августа 1909 года.

Вот он дословно:

«Всепресветлейшему державнейшему
великому государю императору
самодержцу всероссийскому
всеподданнейший
доклад Синода

В четырех заседаниях — двух официальных и двух частных — Синод самым внимательным и подробным образом рассматривал бракоразводное дело супругов Бутовичей, по обвинению женою мужа в нарушении супружеской верности прелюбодеянием, вникая во все подробности и тщательно обсуждая их, ввиду того, что г. Бутович в своей апелляционной жалобе совершенно отрицает взводимое на него женою обвинение в прелюбодеянии и представляет много засвидетельствованных показаний различных лиц, защищающих его невинность в прелюбодеянии. К особо тщательно рассмотрению сего дела побуждало Синод и то, что на сие дело устремлено высочайшее внимание вашего императорского величества.

Из сего рассмотрения дела Синод вынес твердое убеждение, что жизнь супругов Бутовичей полна взаимных неприятностей, разногласий, ссор, обид, а со стороны г. Бутовича по отношению к жене — грубых оскорблений и даже побоев, так что если бы священные каноны и закон признавали поводом к разводу грубое и жестокое обращение мужа с женою, то развод сей, по надлежащем юридическом обследовании соответствующих данных, не встретил бы препятствий; но в то же время Синод вынес твердое убеждение и в том, что представленные г-жою Бутович доказательства виновности г. Бутовича в прелюбодея-

Благодаря тесной дружбе с управляющим синодальной канцелярией С. П. Григоровским пишущему эти строки удалось снять копии с наиболее характерных документов, но дав слово, что при жизни С. П. Григоровского и его помощника С. Г. Рункевича ни один из этих актов ни целиком, ни в выдержках не будет опубликован. В 1912 году Григоровский скончался; в 1925 году умер и Рункевич. Поэтому автор считает себя свободным от данного слова и решает опубликовать это дело, ярко рисуящее отношение Николая II и его приспешников к законам церковным и гражданским и к требованиям справедливости.

нии, при употребленном ею способе собрания их на месте, а отчасти и по своей сущности, не могут быть признаны вполне юридически правильными, убедительными и неопровержимыми для того, чтобы на них можно было обосновать решение о разводе. Так, они являются свидетельскими показаниями по слуху, собранными частью заинтересованною стороною и судом не проверенными, и касаются не факта прелюбодеяния или очевидных для всех и каждого близких, до совершенного подобия супружеским, отношений, а только таких отношений, в которых можно лишь подозревать близкую связь, но которые в то же время можно объяснить и естественными, совершенно обыденными условиями курортной жизни, не имеющими в себе ни чего-либо особо предосудительного, ни преступного.

При такой своей юридической и фактической недостаточности для развода по вине прелюбодеяния эти доказательства, кроме того, обессиливаются представленными г. Бутовичем при апелляционной жалобе засвидетельствованными показаниями тех лиц, от имени которых г-жа Бутович представила доказательства интимных отношений ее мужа с гувернанткою его сына, о том, что они, эти свидетели, никаких и никому об означенных интимных отношениях г. Бутовича к гувернантке показаний не давали. Этими показаниями подрывается, таким образом, самая основа процесса. Постановить на основании именно этих данных решение в пользу иска г-жи Бутович о разводе ее с мужем, по его прелюбодеянию, было бы нарушением требований справедливости, чего Синод, как высший орган православной русской церкви, сделать не мог. Единственное постановление, которое возможно было в данном случае, по существу приведенных сторонами данных, — это полное прекращение дела за недостаточностью улик по нарушению мужем супружеской верности.

Но Синод, во внимание к тяжелому положению г-жи Бутович в супружеском союзе, совершенно лишившейся чрез то надежды на развод, а равно во имя беспристрастия, заставляющего так же строго критически относиться к доказательствам г-на Бутовича как к доказательствам лица заинтересованного и вследствие этого требую-

шего юридически-судебной проверки, не сделал такого постановления об отказе в иске г-жи Бутович, но счел долгом справедливости проверить узаконенным порядком показания той и другой стороны и уже на основании этих строго юридических данных со всем беспристрастием постановить свое окончательное решение, для какой-либо проверки и постановил возвратить, согласно закону, епархиальному суду — С.-Петербургской духовной консистории — самое дело.

Так как многие лица, указываемые тяжущимися сторонами, находятся за границею, то, несомненно, на проверку означенных данных и на имеющие сопровождать оную сношения с подлежащими учреждениями должно потребоваться немало времени. Между тем обер-прокурор Св. Синода довел до сведения Синода о воспоследовавшем требовании вашего императорского величества кончить сие бракоразводное дело к первому сентября.

Почитая своим священным долгом исполнение воли вашего императорского величества, Синод силою вышепоименованных обстоятельств сего бракоразводного дела поставляется в необходимость всеподданнейше об оных изъяснить вашему императорскому величеству и смиреннейше просить разрешения продлить срок для решения дела до тех пор, пока будут выполнены требуемые существом дела и законом действия по судебной проверке доказательств той и другой стороны, без какой-либо проверки постановления в пользу той или иной стороны совершенно невозможно и по закону и по христианской совести.

Вашего императорского величества верноподданные слуги и богомольцы

Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладужский

Платон, архиепископ Алеутский и С.-Американский

Антоний, епископ Тобольский и Сибирский

Никодим, епископ Рязанский и Зарайский.

1909 г. Августа 27».

Но толковать с Николаем II о «справедливости», «законе», «христианской совести» и т. п. было все равно «что черпать воду решетом»: раз он решил, что Бутович должна быть разведена и повенчана с Сухомлиновым, ника-

кие убеждения не могли отклонить его от этого решения.

В силу этого 3 сентября 1909 года синодальный обер-прокурор С. М. Лукьянов получил от П. А. Столыпина такое письмо:

«Совершенно секретно.

Председатель Совета Министров, свидетельствуя совершенное почтение его высокопревосходительству Сергею Михайловичу, имеет честь препроводить при сем, по принадлежности, копию шифрованной телеграммы, полученной сего числа из Севастополя от генерал-адъютанта барона В. Б. Фредерикса.

3 сентября 1909 г.

Его высокопревосходительству
С. М. Лукьянову».

К этому письму приложен был следующий документ:

«Разбор шифрованной телеграммы из Севастополя, яхта «Штандарт», от генерал-адъютанта барона Фредерикса на имя статс-секретаря Столыпина, за № 2317.

подана 2 3 ч. 55 м. пополудни.
получена 3 10 ч. пополудни.

сентября 1909 г.

За неимением шифра для сношения с обер-прокурором Св. Синода прошу ваше высокопревосходительство — передайте тайному советнику Лукьянову следующее:

Государь император, ознакомившись с перепискою по делу о разводе супругов Бутович, поручил мне сообщить вашему превосходительству нижеследующее: его императорское величество, разделяя доводы членов Св. Синода в отношении недоказанности прелюбодеяния Бутовича, сомневается, чтобы какие-либо добавочные показания могли бы дать убедительные для Св. Синода доказательства виновности Бутовича, а лишь затянут дело на неопределенный срок. Государь император усмотрел из высказанной Вами в Вашем *, что совместная жизнь супругов Бутович немыслима, что развод не может состояться, главным образом,

* Очевидно, пропущен шифр.

лишь по причинам формального свойства и что члены Св. Синода не признают* другой применимой к данному случаю причины разводу — кроме прелюбодеяния.

Принимая во внимание изложенное, его величеству угодно решить этот вопрос на основании верховных своих прав, почему государь император повелевает Св. Синоду представить новый доклад, дающий возможность решить** это дело в смысле развода супругов Бутович и ожидает от усердия владык — членов Св. Синода и вашего превосходительства такой постановки этого вопроса, которая, ничем не задевая достоинства членов Синода, содержала бы такие нравственные мотивы, которые дали бы основание вмешательства верховной власти.

Ожидая скорейшей присылки доклада Св. Синода и Вашего относительно него заключения, государь император желает, чтобы Вы ознакомили статс-секретаря Столыпина с содержанием этой телеграммы и совместно с ним обсудили бы способ исполнения выраженной высочайшей воли.

Благоволите по получении сего меня уведомить телеграммой для доклада его величеству, когда предполагаете возможным прислать означенный доклад Синода.

Верно: исп. об. секретаря князь Оболенский».

На это сообщение обер-прокурор Синода С. М. Лукьянов 4 сентября отвечал следующей телеграммой:

«Телеграмма
4 IX 909 г., в 6¹/₂ час. вечера.
Севастополь.
Яхта «Штандарт».

Министру императорского двора.
Телеграмму вашего высокопревосходительства с сообщением высочайшего повеления по делу Бутовичей я получил вчера, третьего сентября, в восемь часов вечера. Сегодня утром члены Синода приступили к обсуждению способов исполнения высочайшей воли. Надеюсь иметь возможность отправить всеподданнейший доклад по настоящему делу в конце наступающей недели. Благоволите обо всем выше-

изложенном доложить его императорскому величеству.

Обер-прокурор Святейшего Синода
С. Лукьянов».

6 сентября возвращен был из Севастополя, где проживал тогда на яхте «Штандарт» Николай, и приведенный выше доклад, на котором рукою царя была написана резолюция, помеченная 4 сентября: «Святейшему Синоду поступить согласно моему повелению, переданному в телеграмме министра двора обер-прокурору».

Получив такое приказание, Синод оказался в крайне затруднительном положении: с одной стороны, пред ним стояли точные и определенные требования закона, которые он обязан был охранять, с другой — воля царя-самодура, которой нельзя было не исполнить, не рискуя своим служебным положением.

Пять раз собирался Синод для обсуждения вопроса, как выйти из такого положения, и не придумал ничего другого, как сделать еще попытку обдумать Николая II.

Поэтому 11 сентября 1909 года он представил царю новый доклад следующего содержания:

«Всепресветлейшему державнейшему
великому государю императору
самодержцу всероссийскому
всеподданнейший
доклад Синода

Обер-прокурор тайный советник Лукьянов передал Синоду высочайшее вашего императорского величества повеление вновь рассмотреть бракоразводное дело супругов Бутовичей и представить о нем всеподданнейший доклад. При этом Синоду объявлено, что, соглашаясь с представленными Синодом соображениями о недостаточности данных для расторжения сего брака по вине прелюбодеяния и находя, что дальнейшее дополнение и расследование сего дела в этом направлении едва ли даст возможность скорейшего его разрешения, ваше императорское величество повелеть соизволили, чтобы Синод, исходя из оценки нравственных данных о взаимных отношениях супругов Бутовичей и сохраняя полное достоинство Синода в изложении его заключения, представил доклад, который мог бы служить основанием для изъявления высочай-

* В тексте: «не признавая».

** В тексте: «лишить».

шей вашего императорского величества воли в порядке верховного управления.

Во исполнение таковой высочайшей воли Синод, подвергнув это дело подробному обсуждению в четырех частных совещаниях и одном синодальном секретном заседании, приемлет долг всеподданнейше доложить нижеследующее:

Обстоятельства дела, поскольку они освещаются взаимными обвинениями и письмами супругов и дознанием, произведенным по распоряжению статс-секретаря барона Будберга, представляют весьма мрачную картину семейной жизни, вполне расстроенной начавшимися вскоре после заключения брака раздорами и пререканиями, дошедшими до оскорблений, личных обид и доведшими супругов до совершенного взаимного отчуждения, разъезда и ненависти, по-видимому непримиримой.

Если бы церковные и гражданские законы позволяли в основание расторжения браков принимать столь прискорбные обстоятельства, свидетельствующие о наступившем между супругами полном телесном и духовном отчуждении, то настоящее дело включает в себе признаки, которые позволили бы допустить возможность расторжения брака по жестокому обращению. Но при такой постановке дела пред Синодом возникает вопрос: может ли он и имеет ли право, как выразитель голоса церкви, свидетельствовать пред вашим императорским величеством, что по изложенным обстоятельствам брак Бутовичей подлежит расторжению.

И на этот вопрос Синод, руководствуясь духом божественного писания и основанными на нем священными канонами церкви, долгом беспристрастия и строгого соблюдения закона, вынужден, не обинуясь, свидетельствовать пред вашим императорским величеством, что сего оно сделать не может, не колебля священных канонов и не роняя своего достоинства как блюстителя всех уставов церковных.

В скорбной летописи бракоразводных дел, проходящих пред судом Синода, порывы взаимной вражды и ненависти принимают, смотря по степени умственного и нравственного развития тяжущихся, более или менее резкие виды проявления и являются, к

сожалению, обычным спутником семейных раздоров, доводящих супругов до иска о разводе. Это прискорбное жестокосердие, свойственное испорченной грехом человеческой природе, и было основанием, почему учрежденная при Синоде комиссия, рассматривавшая в минувшем году вопрос об умножении поводов к разводу, в предположениях своих остановилась на возможности дозволения развода в случаях доказанного судом жестокого обращения. Но это является пока только предположением, еще не рассмотренным высшею церковною властью,— против допущения такого повода раздаются сильные возражения многих иерархов православной церкви, и во всяком случае, пока этот повод к разводу не получит силы церковно-гражданского закона, пока это не является правилом для всех подданных вашего императорского величества, Синод, очевидно, не может возводить такое предположение в закон для единичного случая и, не навлекая на себя обвинения в лицепрятии и неправосудии, не может и дерзать испрашивать высочайшее соизволение вашего величества на такое решение, которое не имеет под собою основания в церковных и гражданских законах.

Уже и теперь настоящее дело, по некоторым сопутствующим ему обстоятельствам, сделалось предметом широкой огласки, и если ему дать движение в совершенно исключительном порядке, то это, несомненно, вызвало бы десятки и сотни подобных же ходатайств, в которых положение враждующих супругов будет не менее тягостно, но в которых Синод обязан будет, за неимением оснований в церковных и гражданских законах, отказывать.

Таковы соображения, вытекающие из существа дела. Но, не ограничиваясь сим, Синод почитает долгом всеподданнейше представить на всеилостивейшее вашего императорского величества благовозрение еще соображения формальные, касающиеся порядка рассмотрения дел.

По действующему закону дела о расторжении браков вчиняются в первой инстанции церковного суда — в духовных консисториях и только по воспоследовавшим в них решениям, объявленным сторонам, и по истечении установленного апелляционного

срока обжалования восходят на рассмотрение и утверждение Синода. В настоящем же случае, так как состоявшееся решение консистории о расторжении брака по прелюбодеянию, несмотря на поступившую апелляционную жалобу ответчика, по высочайшему вашему императорскому величеству указанию, подлежит прекращению, то предположения Синода о расторжении брака по жестокому обращению, если бы даже такие допустимы были существующими узаконениями, в данном случае явились бы пред вашим величеством в виде непосредственного синодального решения без предварительного рассмотрения в первой инстанции, без объявления обвиняемому и без предоставления ему права защиты.

Если справедливы нарекания, раздающиеся на излишний процессуальный формализм, в виде допускаемой иногда учреждениями волокиты, т. е. промедления, канцелярских придинок, то такое нарекание не должно, несомненно, обнимать собою понятия о необходимом для всякого суда соблюдении основных форм судопроизводства, как-то: порядка предъявления иска, проверки доказательств, объявления решения тяжущимся и соблюдения законных сроков обжалования, ибо соблюдение этих формальных требований закона ограждает интересы тяжущихся и является необходимым обеспечением правосудия.

Порядок же рассмотрения бракоразводных дел непосредственным решением Синода, представляемым на высочайшее утверждение, хотя и предусмотрен законом, но он касается исключительно членов императорского дома (ст. ст. 194 и 195 Учреждения о императорской фамилии, т. I, ч. I свода основн. государств. зак.).

Таким образом, Синод приходит к заключению, что если бы им, при наличии действующих законов, был повергнут на высочайшее вашего императорского величества рассмотрение доклад о расторжении брака Бутовичей по жестокому обращению, то такой доклад был бы представлен Синодом в явное нарушение как материального, так и процессуального брачного законодательства, выдвигая повод к разводу, доселе ни священными канонами церкви, ни законом гражданским не признанный, и притом в

порядке, установленном основными законами империи исключительно для членов императорского дома.

Повергая все вышеизложенное на милостивый суд вашего императорского величества, Синод, проникнутый чувством беспредельной верноподданнической преданности и готовности всегда в точности осуществлять волю вашего величества, направленную ко благу церкви и в согласии с священными канонами, смиренно молит ваше императорское величество, дабы повелено было: 1, или, согласно первоначальному предположению Синода, подвергнуть пересмотру и дополнению уже последовавшее в С.-Петербургской консистории определение по иску госпожи Бутович, обвиняющей мужа в прелюбодеянии, 2, или же, прекратить дело о расторжении брака Бутовичей по прелюбодеянию мужа, предоставить госпоже Бутович вчинить новый иск о расторжении брака по иной какой-либо причине, законом признаваемой, хотя бы, например, по добрачному сумасшествию мужа, так как в деле имеются указания на наследственную психическую ненормальность г-на Бутовича.

Все вышеизложенное представляет собою суждение четырех членов Синода: митрополита Антония, епископа Никодима, епископа Антония и протопресвитера Янышева. Остальные два члена Синода: архиепископ Платон и протопресвитер Желобовский выразили свое суждение по настоящему делу в нижеследующей форме.

Тщательно изучив дело супругов Бутовичей и узнав, что эти супруги живут раздельно уже более двух лет, что отношения между ними приняли весьма ненормальный характер, что Владимир Бутович обращался с своей женою очень жестоко, доводя жестокость свою до побоев, что супруги питают друг к другу полное отвращение и что они уже по одному этому обстоятельству не смогут продолжать совместную жизнь в христианском браке, что, наконец, единственным мотивом к просьбе ответчика об оставлении брака в силе, по его же собственному признанию, является месть, мы высказались бы за расторжение брака супругов Бутовичей на основании этих условий, если бы данные условия супружеской жизни их действующими ныне нашими церковно-гражданскими уза-

конениями признавались поводом к разводу.

Повергая все сие на всемиловейшее вашего императорского величества благоволение, Синод приемлет долгом присовокупить, что, по действующей практике Синода и регламенту, синодальным решением признается либо единогласное решение Синода, либо решение большинства его членов.

1909 г. Сентября 11».

Как ни ярко обрисована была в этом докладе та пропасть, в какую царь толкал высшую церковную власть, на Николая он подействовал так же мало, как и предыдущий.

Николай, по-видимому, нашел только, что обер-прокурор С. М. Лукьянов действует недостаточно настойчиво по отношению к Синоду, и потому решил привлечь к делу Бутовичей самого П. А. Столыпина, пользовавшегося репутацией «энергичного министра».

Вследствие этого 21 сентября Лукьянов получил от Столыпина такое сообщение:

«Сов. секретно

Председатель
Совета Министров.
21 сентября 1909 г.

Милостивый государь
Сергей Михайлович,

Имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству копию с весьма секретного письма министра императорского двора от 18 сего сентября за № 1166, по делу о разводе супругов Бутович.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности

П. Столыпин
Его высокопревосходительству
С. М. Лукьянову».

К этому документу было приложено в копии следующее письмо:

«Весьма секретно

Министр
Императорского
Двора.
Ливадия

Милостивый государь
Петр Аркадьевич,

Государь император, приняв во внимание доводы, изложенные Вами в письме к его величеству, поставил на рапорте Св. Синода по делу о разводе супругов Бутович резолюцию в

предположенном Синодом смысле, а именно: чтобы дело было возвращено в консисторию для нового дополнительного пересмотра.

Его величество, согласившись на это, надеется, что Вы совместно с обер-прокурором Св. Синода наблюдаете за тем, чтобы консистория не затянула этого дела и представила бы Св. Синоду такое решение, которое последним могло бы быть утверждено. При этом его величеству угодно, чтобы затем решение Св. Синода было окончательным, не желая более входить в рассмотрение этого частного дела, но вместе с тем государь император изволил высказать пожелание, чтобы Св. Синод при своем решении имел в виду, что его величество не может оставаться безучастным зрителем там, где несправедливость допускается лишь из-за формальных мотивов, что в данном случае подтверждается заключением самого Синода, а в особенности мнением его меньшинства, которое говорит, что брак этот с нравственной стороны подлежит расторжению, препятствием к чему являются лишь причины чисто формального характера.

Государь император просит ваше высокопревосходительство доводить до сведения его величества о занятиях по этому делу консистории и Св. Синода, а также ранее окончательного постановления Синода поставить его величество в известность о предположенном решении.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Барон Фредерикс

№ 1166
18 сентября 1909 г.
Его высокопревосходительству
П. А. Столыпину.

С подлинным верно: и. об. секретаря при председателе Совета Министров В. Граве».

На другой день по отправлении этого письма, 19 сентября, Николай сдал для обратной отсылки и синодский доклад, полученный Лукьяновым также 21 сентября, со следующей резолюцией, написанной, как видно из приведенного выше письма Фредерикса, по совету Столыпина: «Подвергнуть пересмотру и дополнению уже следовавшее в Петербургской духовной консистории определение по известно-

му иску и незамедлительно привести дело к желательному окончанию».

Этой резолюцией хотя и давалась Синоду возможность направить дело установленным в законе порядком, но вместе с тем прямо предписывалось закончить дело Бутовичей в желательном для Сухомлинова смысле, т. е. дать Е. В. Бутович развод с правом вступления в новый брак, а для этого обвинить мужа ее В. Н. Бутовича.

Кроме того, Синоду приказано было проделать все это «незамедлительно», так что нельзя было и думать о соблюдении хотя бы внешних форм судопроизводства: проверке судебным порядком показаний свидетелей истицы, опросе свидетелей ответчика и т. п.

Как ни незаконно было предписанное Синоду деяние, он безропотно подчинился «повелению» и, собравшись 24 сентября на заседание, вынес такое определение:

«№ 7657. 1909 года сентября 24 дня. По указу его императорского величества Святейший Правительствующий Синод слушали: 1, представленные преосвященным митрополитом С.-Петербургским от 11 августа 1909 года за № 7280: а) дело и решение епархиального начальства по прошению жены дворянина Екатерины Викторовой Бутович о расторжении брака ее с Владимиром Николаевым Бутовичем, по его прелюбодеянию и б) две апелляционные жалобы Владимира Николаева Бутовича на означенное решение епархиального начальства; 2, полученный 18 августа 1909 года отзыв Екатерины Викторовой Бутович по тому же делу и 3, доставленное при отношении г. главноуправляющего канцеляриею его императорского величества по принятию прошений от 17 августа 1909 года за № 60943 дело означенной канцелярии о семейных несогласиях супругов Бутовичей.

Обстоятельства настоящего дела изложены в прилагаемом при сем экстракте, составленном в С.-Петербургской духовной консистории.

Подлинное консисторское производство, две апелляционные жалобы Владимира Николаева Бутовича с приложениями, отзыв Екатерины Викторовой Бутович и дело канцелярии его императорского величества по принятию прошений также при сем прилагаются.

Приказали: По прошению жены дворянина Екатерины Викторовой Бутович о расторжении брака ее с Владимиром Николаевым Бутовичем по его прелюбодеянию С.-Петербургское епархиальное начальство 11—12 мая 1909 года постановило брак этот расторгнуть по вине ответчика. Недовольный таким решением епархиального начальства ответчик Владимир Николаев Бутович, в двух апелляционных жалобах Святейшему Синоду, отрицая свою виновность и указывая на допущенные, по его мнению, неправильности и отступления от закона при ведении его бракоразводного с женою дела, благодаря которым он не имел возможности сделать своевременно возражения против возбужденного его женою бракоразводного с ним иска, представляет, в опровержение сего иска, письменные показания разных лиц и другие документы, а также, не вчиняя с своей стороны формального встречного иска, предъявляет к жене своей встречное обвинение о нарушении ею самой супружеской верности прелюбодеянием и при этом ходатайствует об отмене означенного решения епархиального начальства по бракоразводному его, просителя, с женою делу и о новом расследовании сего дела путем допроса в законном порядке свидетелей, указанных истицею, а равно свидетелей, указываемых им, ответчиком. Со своей стороны Екатерина Викторова Бутович в отзыве Святейшему Синоду, отрицая основательность возражений ответчика против представленных ею доказательств его виновности, а равно отрицая и справедливость обвинения ее самой в нарушении супружеской верности, просит утвердить решение епархиального начальства о расторжении ее брака с мужем по его вине, в подтверждение которой представляет некоторые новые данные. Рассмотрев обстоятельства бракоразводного дела супругов Бутовичей и приняв во внимание: а) что показания указанных истицею, в доказательство виновности ответчика, свидетелей Адольфа Гибодо, Оскара Элле, супругов Эмиля и Берты (она же Варвара) Фиевез и Поля Плянте даны ими без присяги, причем показания последних четырех свидетелей приведены не как неопровержимые данные, а лишь со слов Иосифа Эмара и Ав-

густа Валча, пред которыми они якобы давали эти показания, и остаются ими не подписанными и надлежащим порядком не удостоверенными, между тем ответчик, Владимир Николаев Бутович, представил при поступающей от него первой апелляции жалобе удостоверенные заявления четырех свидетелей — Оскара Элле, Эмиля и Варвары Фиевез и П. Плянте — о том, что они никому никаких показаний по делу супругов Бутовичей не давали, б) что ответчиком ныне представлены в свое оправдание данные, которые не могли быть указаны им, по не зависящим от него обстоятельствам, до постановления по настоящему делу решения епархиального начальства, и в) что истица с своей стороны представила отзыв, направленный к опровержению доводов ответчика, Святейший Синод определяет: предварительно разрешения настоящего бракоразводного дела по существу предписать С.-Петербургскому епархиальному начальству незамедлительно подвергнуть пересмотру и дополнению последовавшее в С.-Петербургской духовной консистории определение по сему делу в связи с обстоятельствами, изложенными как в двух апелляционных жалобах Владимира Николаева Бутовича, так и в отзыве Екатерины Викторовой Бутович, и, постановив по настоящему делу соответствующее решение, представить таковое Святейшему Синоду. О чем, для должных к исполнению распоряжений и для объявления супругам Бутовичам, преосвященному митрополиту С.-Петербургскому послать указ, с возвращением консисторского производства и препровождением апелляционных жалоб Владимира Николаева Бутовича, с следующими к ним документами, а также отзыва Екатерины Викторовой Бутович на имя Святейшего Синода, с относящимися к сему отзыву документами».

Пока Синод налаживал таким образом формальную сторону дела, Сухомлинов также не терял времени даром.

Как ни секретно велось дело Бутовичей, слухи о нем все-таки проникли в общество и вызвали глубокое возмущение, отразившееся и в печати. Чтобы поправить положение дела и склонить общественное мнение на сторону Сухомлинова и Е. Бутович, одна из тогдашних петербургских газет —

«Биржевые ведомости», бывшая неофициальным органом военного министра, начала печатать заметки и статьи, посвященные делу Бутовичей, в которых Е. Бутович рисовалась невинной страдальцей, а муж ее — жестоким тираном, истязателем своей жены, садистом и т. п.

Прочитав такие сообщения, В. Н. Бутович 24 сентября обратился в Синод с прошением, в котором ходатайствовал о допросе целого ряда свидетелей, могущих подтвердить их лживость.

В заседании 28 сентября Синод заслушал это прошение и вынес такое определение (протокол № 7720):

«Настоящее прошение дворянина Владимира Николаева Бутовича проводить при указе преосвященному митрополиту С.-Петербургскому для приложения к бракоразводному делу супругов Бутовичей и для совместного с означенным делом рассмотрения».

Как и все вообще синодские постановления по делу Бутовичей, протокол этот в тот же день прочитан был обер-прокурором и пропущен к исполнению, и в тот же день был отправлен митрополиту Антонию и соответствующий указ за № 12861.

Как ни спешила консистория исполнить высочайшее повеление о «незамедлительном» разрешении иска Е. Бутович, но в деле этом встретилось одно препятствие, которое даже и консисторским крючкотворам не так-то легко было обойти.

При своих апелляционных жалобах В. Н. Бутович представил официально заверенные письма Оскара Элле, Поля Плянте и супругов Фиевез, удостоверяющие, что поименованные лица никому никаких показаний о В. Н. Бутовиче не давали и о каких-либо связях его с женщинами решительно ничего не знают.

Мало того, В. Н. Бутович выставил с своей стороны целый ряд свидетелей, удостоверяющих его полную безукоризненность в отношении женщин и свидетельствующих, наоборот, о далеко не целомудренном образе жизни его супруги.

Таким образом, из пяти свидетелей, на показаниях которых построен был иск Е. Бутович о разводе, оставался один только Адольф Гибодо, окончивший жизнь самоубийством и потому только не приславший также сво-

его отказа от приписываемого ему показания.

Но на показании одного Гибодо сделать постановление о разводе Бутовичей было чересчур уж незаконно: требовались по крайней мере еще один свидетель или свидетельница «прелюбодейный» В. Н. Бутовича, и Е. Бутович обратилась к консистории с просьбой допросить в качестве таковой ее «родственницу» Анну Андреевну Гошкевич.

Консистория удовлетворила ее просьбу, и эта «родственница», бывшая в действительности родной матерью Е. Бутович, под присягой показала, что В. Бутович «пытался ее, Гошкевич, изнасиловать».

Пока консистория таким образом оформливала дело, чтобы дать возможность Синоду утвердить ее решение без нареканий в нарушении закона, Сухомлинов продолжал травлю В. Н. Бутовича в «Биржевых ведомостях», приводивших все новые и новые «факты» тиранства последнего над женою.

Видя, что, несмотря на его просьбу, со стороны Синода не принимается никаких мер к ограждению его доброго имени, В. Н. Бутович 28 сентября вновь обратился в Синод с прошением, в котором ходатайствовал о допросе сорока свидетелей, могущих установить истинную картину отношений его к жене.

3 октября Синод заслушал это прошение и вынес такое определение (протокол № 7933):

«Не входя в рассмотрение по существу сего прошения, как и прошения его же, Бутовича, ранее препровожденного к С.-Петербургскому епархиальному начальству при указе от 28 сентября за № 12861, означенное прошение препроводить при указе преосвященному митрополиту С.-Петербургскому для приобщения к материалам по бракоразводному процессу супругов Бутовичей».

Определение это исполнено было в тот же день, 3 октября, и прошение вместе с указом за № 13182 отправлено было к митрополиту Антонию, а последним тотчас же сдано в консисторию.

Как ни торопились духовные власти с делом Бутовичей, Николай II нашел, что его «повеление» исполняется Синодом все же недостаточно быстро.

Поэтому он отдал синодальному обер-прокурору С. М. Лукьянову новое приказание, чтобы дело Бутовичей было закончено составом летней сессии Синода, которая обычно продолжалась до 1 ноября.

Таким образом, Синоду дано было около месяца срока для приведения дела «к желательному окончанию»: за это краткое время нужно было опросить и свидетелей истицы, живших за границу, и четыре десятка свидетелей ответчика, и составить решение, и объявить его обвиняемому, и дать последнему хотя бы две недели на обжалование консисторского определения, и окончательно рассмотреть дело в общем заседании членов Синода, и выполнить, наконец, мелкие канцелярские формальности, связанные с окончанием бракоразводного процесса, вроде выдачи документов на право нового вступления в брак, и т. п.

Чтобы обсудить это новое царское требование, Синод собрался 3 октября на заседание и вынес такое определение:

«Секретно

№ 7934, 1909 года октября 3 дня. По указу его императорского величества Святейший Правительствующий Синод слушал: объявленное г. обер-прокурором Святейшего Синода высочайшее повеление о том, чтобы дело о разводе супругов Бутовичей было закончено нынешним составом присутствия Святейшего Синода.

Приказали: Принимая во внимание, что настоящая сессия Святейшего Синода, по общему порядку сменных сессий, имеет закончиться предположительно в недалеком будущем, Святейший Синод определяет: 1, поручить преосвященному митрополиту С.-Петербургскому иметь особое попечение о незамедлительном течении в подведомой ему консистории бракоразводного дела супругов Бутовичей и принять все меры к тому, чтобы решение названной консистории поступило на уважение Святейшего Синода без всякой задержки, и 2, предоставить г. синодальному обер-прокурору войти в сношение с министрами внутренних и иностранных дел с просьбою об оказании с их стороны всяческого содействия к ускорению предпринятых С.-Петербургским епархиальным начальством процессуальных действий по допросу как живущих за гра-

ницей, так и в пределах России свидетелей по упомянутому делу, о чем и послать указ преосвященному митрополиту С.-Петербургскому, а в канцелярию обер-прокурора передать выписку из сего определения».

Сухомлинов тем временем продолжал травлю В. Н. Бутовича в «Биржевых ведомостях», не встречая, однако, поддержки со стороны других органов печати.

Видя, что просьбы к Синоду об ограждении его доброго имени не приносят никаких последствий, и не зная о той закулисной роли, которую играл в его деле Николай, В. Н. Бутович решился обратиться «к царскому милосердию» и подал прошение на высочайшее имя о допросе указанных им свидетелей в опровержение обвинения его в жестоком обращении с женою.

14 сентября Будберг отослал это прошение в Синод, а последний в заседании 15 сентября сделал по нему такое постановление (протокол № 8238):

«№ 8238, 1909 г. октября 15. Св. Синод слушал «полученное при отношении главного управляющего канцелярией его императорского величества по принятию прошений от 14 октября 1909 года за № 75682, на имя г. синоподального обер-прокурора всеподданнейшее прошение двор. Влад. Ник. Бутовича о допросе указываемых им 40 свидетелей в опровержение обвинения его в жестоком обращении с женою.

Приказали: Выслушав настоящее прошение дворянина Владимира Николаева Бутовича, Святейший Синод, не входя в рассмотрение сего прошения, — как и прошения его же, Бутовича, ранее, при указе от 3 октября за № 13182, препровожденного к С.-Петербургскому епархиальному начальству, — по существу, определяет: означенное прошение препроводить, при указе, преосвященному митрополиту С.-Петербургскому, для приобщения к материалам по бракоразводному процессу супругов Бутовичей».

Конечно, ни одно из этих прошений В. Бутовича консистория даже и не рассматривала. С одной стороны, она не могла этого сделать потому, что, приняв во внимание просьбы Бутовича,

она никак не сумела бы составить решение в указанном царем смысле; с другой — потому, что наступило уже 1 ноября, когда вызванные на летнюю сессию архиереи должны были разъезжаться по своим епархиям, а сессию эту, вследствие распоряжения Николая, нельзя было закрыть до окончания дела Бутовичей.

Поэтому консистория ограничилась только тем, что пришла просьбы Бутовича к делу и 10 ноября вынесла решение о расторжении брака Бутовичей по прелюбодеянию мужа, с представлением Е. В. Бутович права вступить в новый брак немедленно, а В. Н. Бутовичу по исполнении церковной епитимьи, т. е. не ранее как через два года.

Таким образом, первая половина приказания Николая о решении дела в «желательном» для Сухомлинова и Е. Бутович смысле была исполнена; оставалось исполнить вторую половину, чтобы решение это было и «окончательным».

Так как первое постановление консистории от 11—12 мая было Синодом отменено, то тем самым В. Н. Бутович получал право обжаловать в Синод в течение месячного срока и второе консисторское решение.

Чтобы лишить его этого права, консистория с митрополитом Антонием, а за ними и Синод, должны были прибегнуть к легонькому подлогу.

Фактически закончив дело 9 ноября 1909 года, консистория пометила, что решение состоялось 6—7 сентября; митрополит Антоний, в свою очередь, представив дело в Синод 10 ноября, написал, что оно представляется 7 сентября. Вследствие этого к 12 ноября, когда Синод приступил к слушанию дела, апелляционный срок оказался уже пропущенным, и В. Н. Бутович лишился права обжалования консисторского решения.

Так как Николаем было приказано, чтобы синодское решение было предварительно сообщено ему, то члены Синода 11 ноября устроили частное совещание для выработки текста определения, имеющего быть вынесенным на следующий день в официальном заседании.

Конечно, никто из них не сомневался, что будет вынесено единогласное постановление об утверждении консисторского решения о разводе Буто-

вичей, но на деле случилось иное: в самую последнюю минуту один из архиереев понял ту гнусную роль, которую играл в этом деле, и отказался подписать протокол о расторжении брака Бутовичей.

Этим смельчаком, рискнувшим отказать в повиновении самому царю, оказался один из самых малозаметных иерархов — епископ Рязанский Никодим Боков.

Как ни убеждали его остальные члены Синода и синодальные светские чины, присутствовавшие на совещании, подчиниться решению большинства, Никодим остался непреклонным и заявил, что к завтрашнему заседанию он представит свое мнение по данному делу в письменной форме.

Ввиду возникшего разногласия совещание вынуждено было составить следующий акт:

«Акт.

В частном совещании и. о. членов Святейшего Синода, обсуждавшем обстоятельства бракоразводного дела супругов Бутовичей, пятью голосами (митрополит Антоний, архиепископ Платон, епископ Антоний, протопресвитеры о. И. Янышев и о. А. Желобовский) против одного (епископ Никодим), постановлено: утвердить решение спб. е. начальства о расторжении брака Бутовичей, по вине прелюбодеяния ответчика.

1909 года ноября 9 дня.

Антоний, митрополит С.-Петербургский,

Платон, архиепископ Алеутский,
Никодим, епископ Рязанский — при особом мнении,

Антоний, епископ Тобольский,
протопресвитер Александр Желобовский,

протопресвитер Иоанн Янышев».

На следующий день Никодим действительно представил особое мнение, в котором не только отметил без всяких обиняков все беззакония, допущенные по отношению к В. Н. Бутовичу, но упомянул и о Сухомлинове, имя которого до сих пор замалчивалось в официальных документах. Вот что писал он:

«Отдельное мнение епископа Никодима Рязанского к решению Святейшего Синода о расторжении брака супругов Бутовичей

Со своей стороны я не нахожу возможным для себя присоединиться к решению всех членов Святейшего Синода утвердить постановление консистории о расторжении брака супругов Бутовичей по следующим основаниям:

I. В настоящей совокупности фактов, положенных С.-Петербургскою духовною консисториею в основание сего вторичного ее решения, заключается даже гораздо менее оснований к расторжению сего брака, чем их было при первоначальном ее решении, которое, однако, не было утверждено Святейшим Синодом, и во всеподданнейшем докладе государю императору относительно оных данных было сказано, что, при наличии только таковых, можно бы было постановить решение только исключительно о прекращении дела, за недостаточностью улик по нарушению мужем супружеской верности.

Так, при первом решении было по крайней мере четыре-пять свидетелей; при теперешнем же, вторичном, решении из прежних свидетелей остался только один — умерший Адольф Гибодо, так как от остальных четырех свидетелей г-жа Бутович отказалась как ввиду неполучения от них к сему времени показаний (а ей хотелось решить дело возможно скорее), так, очевидно, и ввиду данного ими г-ну Бутовичу нотариально засвидетельствованного отзыва о том, что они никаких показаний о прелюбодеянии ее мужа никому никогда не давали. Но показание Гибодо и при первом еще решении дела было и считалось данным по просьбе частного лица, и притом заинтересованного, — данным без присяги и без указания на ответственность за справедливость оного по закону (какового указания закон требует от бесприсяжных показаний) и, наконец, епархиальным судом не было проверено, вследствие чего и было, наряду с показаниями прочих свидетелей, Святейшим Синодом во всеподданнейшем докладе признано совершенно недостаточным для постановления приговора о расторжении брака.

Точно таковым же это показание Гибодо осталось и теперь, при настоящем вторичном решении, т. е. таким же совершенно ничтожным в юридическом отношении для обоснования на нем постановления о разводе, так как и при этом вторичном решении,

как и при первом, оно осталось бесприсяжным и не было, и даже не могло быть, проверено за смертью этого Гибодо, окончившего жизнь самоубийством. Равным образом и сущность показания Гибодо и при сем вторичном решении осталась тою же, какою она была и при первом решении, почему и была тогда признана совершенно недостаточною для постановления о расторжении брака в поданном Святейшим Синодом его императорскому величеству докладе. Как прежде, так и теперь в его показании указывается не на факт прелюбодеяния, а только на то, что г-н Бутович многократно посещал ночью номер гостиницы, в котором помещалась гувернантка Лорэн с его сыном; но, как прежде, так и теперь остаются в силе показания сожителей Бутовича по гостинице, что в это время был весьма сильно болен его малолетний сын и что посещения эти относились к больному сыну, а не к гувернантке. Как прежде, так и теперь остаются неизменными показания некоторых из жильцов в гостинице, что Гибодо к вечеру всегда бывал пьян, т. е. превращался в человека, не имеющего здравых физических чувств, наблюдения каковых лиц законом не приемлются за безусловно истинные. Наконец, как прежде, так и теперь имеется масса свидетелей из сожителей Бутовича по гостинице, которые, ссылаясь на личное наблюдение за его жизнью и поведением, не допускают даже и мысли о связи его с гувернанткой Лорэн, вследствие его нравственной безупречности, и тем опровергают «предположение» Гибодо, причем эти показания от означенных свидетелей, при настоящем рассмотрении дела, получили надлежащую силу и юридическое значение чрез проверку их епархиальным судом, а показание Гибодо и его «предположение», как было, так и осталось судом не проверенным, а потому и не имеющим юридической силы.

Таким образом, признание в настоящее время показания Гибодо имеющим достаточную силу для основания на нем постановления о разводе супругов Бутовичей, после того, как о нем Святейшим Синодом во всеподданнейшем докладе было высказано, наряду с суждением о прочих показаниях, что они не имеют никакой доказательной силы, является, с одной сто-

роны; противоречащим этому докладу, а с другой — не имеющим решительно никаких юридических оснований.

Что же касается введенного вновь г-жою Бутович в дело показания г-жи Гошкевич, своей родственницы, о попытке будто бы г. Бутовича совершить над нею насилие, то это показание не может ни подтвердить, ни усилить ничтожного в юридическом отношении показания Гибодо о прелюбодейных похождениях г-на Бутовича. Во 1-х, показание это, по моему мнению, говорит о совершенно неправдоподобном факте. Г. Бутович, так ревниво и так рьяно защищающий свой супружеский союз с женою хотя бы только потому, чтобы не отдать последнюю Сухомлинову, не мог предлагать близкой к его жене женщине вступить с ним в плотскую связь, почти на глазах жены, а тем более учинять над нею насилие, рискуя скандалом и даже судебным процессом, так как все это было бы слишком выгодно для жены его, желающей от него отделаться и рвущейся отдаться генералу Сухомлинову, — и это тем более, что для своих плотских похотений, если уже они так были бурны, как рисует их г-жа Гошкевич, он, как богатый человек, мог иметь много каких угодно женщин и наслаждаться с ними в более спокойной и безопасной обстановке и без описанных г-жою Гошкевич воинственных действий. Неправдоподобно это обстоятельство и потому, что если бы оно существовало ранее и в такой яркой форме, то г-жа Бутович в своем первом исковом прошении на него бы и указала как на повод к разводу, а не стала бы искать сомнительных свидетелей за границу. Во 2-х, это показание не может считаться даже и свидетельским-то показанием в строго юридическом смысле, так как г-жа Гошкевич, если она была действительно объектом прелюбодейных насильственных поползновений г-на Бутовича, является в сем случае уже (может быть, даже и не без повода с ее стороны, в виде многозначительных кокетливых взглядов) соучастницею или, в обратном случае, — потерпевшей; а показания соучастников и потерпевших, при отсутствии общезвестности и явного обнаружения пред всеми факта совершенного над ними насилия, по закону должны быть непременно доказываемы, почему от

всех потерпевших всякий суд всегда и требует доказательств виновности обвиняемого, принимая первоначальную жалобу о виновности простым оговором, подлежащим обследованию посредством установленных доказательств. Потерпевшим, как и обвиняемым, по закону и присяги не положено как лицам прикосновенным и заинтересованным, а следовательно, и сомнительным в отношении беспристрастия. Посему г-же Гошкевич консисторией присяга дана незаконно; а как данная вопреки закону — оная присяга естественно теряет свою доказательную силу, так как в судопроизводстве установлено за принцип, что потерпевшее или вообще заинтересованное лицо всегда делает показание только в своих интересах, будет ли оно допрошено под присягою или без присяги, вследствие чего и устраняется от присяги, не могущей ничего привнести в пользу чистой истины. Наконец, в 3-х, если бы это показание г-жи Гошкевич о попытке изнасилования г-ном Бутовичем и было вполне правдоподобно, то и тогда оно ни в каком случае не может быть положено в основу решения о расторжении брака Бутовича с женою, так как попытка к изнасилованию, как действие неосуществившееся, относится к области намерений, а не действий; браки же, по закону, расторгаются не по причине намерений прелюбодеяния, а по фактически совершившемуся прелюбодеянию; намерения же судятся церковным судом покаяния и наказываются только епитимьею.

Таким образом, если считать показание Гиبدو, как судом совершенно не обследованное, не имеющим никакого значения, а показание г-жи Гошкевич, по ее значению соучастницы или потерпевшей, как простой только оговор, нуждающийся сам, по закону, в подтверждении своей справедливости теми или иными данными, то в деле, при сем втором его рассмотрении, не остается ни одного факта и ни одного лица, которые могли бы свидетельствовать даже только о намерениях прелюбодеяния г-на Бутовича, совершенно не говоря уже о его фактическом прелюбодействе; а между тем в том же деле пред глазами суда имеется масса присяжных свидетельских показаний, свидетельствующих о со-

вершенно безупречном поведении г-на Бутовича в отношении женщин.

II. В ведении всего бракоразводного процесса г-н Бутович был в самом тяжелом положении: он не мог ни следить за делом, как должно, ни как следует защищаться.

Так, по заявлению жены, что он будто бы укрывается с целью уклониться от процесса, его дело начато даже без предъявления ему копии с искового прошения, без чего по закону дело не начинается, так что Бутович до самого конца дела — предъявления ему приговора в окончательной форме — не знал даже, что над ним производится суд. По собрании данных, вследствие этого объявления, в установленный сравнительно краткий срок, и нужных сведений к своему оправданию он вслед за апелляционной жалобой просил, для ведения дела и для представления ответов, о допущении поверенного, но в этом ему было отказано; не сообщено ему было и о новом обвинении его г-жою Гошкевич в попытке изнасилования, и он не имел возможности против сего защищаться; отказано было и во встречном иске против жены и, наконец, не сообщено о состоявшемся решении по вторичному рассмотрению дела.

Из сказанного ясно, что г. Бутович в его процессе лишен был надлежащих способов защиты, в чем закон не отказывает обвиняемому; а посему приговор при таком условии теряет силу вполне законного приговора.

По всем сим основаниям, я, по голосу своей совести, не нашел в себе решимости, чтобы голосовать со всеми членами за утверждение приговора консистории о расторжении сего брака и тем от лица церкви запятнать человека всенародно позорным наименованием «прелюбодея» без достаточных оснований (так как факта прелюбодеяния его не обнаружено) и без предоставления ему широкой возможности защиты.

Никодим, епископ Рязанский.
11 ноября
1909 года».

Само собой разумеется, что мнение это не оказало никакого влияния на остальных синодалов, и они составили такой протокол:

«№ 9048. 1909 года ноября 12 дня.
По указу его императорского величе-

ства Святейший Правительствующий Синод слушали: 1) представленное митрополитом С.-Петербургским от 7 сентября 1909 года за № 10158 дело и решение епархиального начальства по прошению жены дворянина Екатерины Викторовой Бутович о расторжении брака ее с Владимиром Николаевым Бутовичем, по его прелюбодеянию, с приложением двух апелляционных жалоб Владимира Николаева Бутовича на означенное решение епархиального начальства и отзыва Екатерины Викторовой Бутович по тому же делу, и 2) справку из производившегося в Св. Синоде бракоразводного дела супругов Бутович.

Обстоятельства настоящего дела изложены в прилагаемом при сем экстракте, составленном С.-Петербургской духовною консисториею.

Две апелляционные жалобы Владимира Бутовича, отзыв Екатерины Бутович и копия определения Св. Синода от 24—26 сентября 1909 года за № 7657, в коей изложена упомянутая справка, также при сем прилагаются.

Приказали: По прошению жены дворянина Екатерины Викторовой Бутович о расторжении брака ее с Владимиром Николаевым Бутовичем, по его прелюбодеянию, С.-Петербургское епархиальное начальство 11—12 мая 1909 года постановило этот брак расторгнуть по вине ответчика. Вследствие принесенных Св. Синоду Владимиром Николаевым Бутовичем двух апелляционных жалоб на означенное решение епархиального начальства Св. Синод определением от 24—26 сентября 1909 года постановил предписать С.-Петербургскому епархиальному начальству подвергнуть пересмотру и дополнению определение сего епархиального начальства, следовавшее по бракоразводному делу супругов Бутович, в связи с обстоятельствами, изложенными как в двух апелляционных жалобах Владимира Бутовича, так и в отзыве по поводу сих жалоб Екатерины Бутович, и, постановив по означенному делу соответствующее решение, представить таковое Св. Синоду. Вследствие сего С.-Петербургское епархиальное начальство по надлежащем дополнении бракоразводного дела супругов Бутовичей, рассмотрев это дело вновь в связи с данными, оказавшимися при дополнительном исследовании означен-

ного дела, и приняв во внимание, что виновность ответчика в нарушении им супружеской верности установлена показаниями Анны Андреевой Гошкевич и Адольфом Гибодо и в деле не имеется никаких существенных данных как к опровержению основного иска, так и к обвинению истицы в нарушении ею супружеской верности, признало бракоразводный иск жены дворянина Екатерины Викторовой Бутович доказанным, а предъявленное к ней мужем встречное обвинение в нарушении ею самой супружеской верности не подтвердившимся, и 6—7 сентября сего года постановило оставить в силе решение епархиального начальства от 11—12 мая 1909 года о расторжении брака супругов Бутовичей, по прелюбодеянию ответчика, с дозволением истице вступить в новое супружество, с разрешением такового и ответчику по выполнении им церковной епитимьи. Находя таковое решение С.-Петербургского епархиального начальства правильным, Св. Синод определяет: решение это утвердить. О чем преосвященному митрополиту С.-Петербургскому послать для исполнения указ с возвращением консисторского производства.

Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский,

Платон, архиепископ Алеутский и С.-Американский,

Никодим, епископ Рязанский и Зарайский — при особом мнении,

Антоний, епископ Тобольский и Сибирский,

протопресвитер Александр Желобовский,

протопресвитер Иоанн Янышев.

Особое мнение епископа Рязанского Никодима при сем прилагается.

Управляющий канцелярией С. Григоровский».

В тот же день протокол был прочитан синодальным обер-прокурором и пропущен к исполнению, о чем и послан был митрополиту Антонию указ за № 12265.

Бракоразводное дело супругов Бутовичей таким образом закончилось, и В. А. Сухомлинов беспрепятственно мог вступить в брак со своей избранницей, что он и не замедлил сделать.

В лице своей супруги и ее матери Сухомлинов нашел незаменимых себе помощниц: очень скоро в так называе-

мых «деловых» кругах узнали, что ни одна более или менее крупная поставка на армию не может быть получена, если поставщик не догадается предварительно поговорить с Екатериной Викторовной Сухомлиновой или ее мамашей Анной Андреевной Гошкевич.

На свое несчастье, во время русско-германской войны мадам Сухомлинова оказалась причастной к шпионству в пользу Германии, и это вызвало отставление ее супруга от должности военного министра, а затем и заключение их обоих в Петропавловскую крепость.

Что касается синодальных членов,

принимавших участие в ее разводе с первым мужем, то для них этот процесс имел самые разнообразные последствия: протопресвитер военно-морского духовенства А. А. Желобовский, особенно горячо ратовавший за расторжение брака Екатерины Викторовны, в тот же год получил одну из самых крупных наград — орден Владимира I степени; епископ же Никодим, позволивший себе заговорить о законе и совести, через некоторое время перемещен был с богатой рязанской кафедрой на более бедную — полоцкую, а затем и еще на худшую — в Астрахань, где вскоре и умер.

А. М. ФИЛИППОВ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ГНЕЗДО

(Типографский кружок в Петербурге)

В 1903 году в Петербурге владельцы и администраторы типографий основали общество под названием «Типографский музыкально-драматический кружок».

В списках почетных членов значились генералы, адмиралы, графы, фабриканты и др. Обыкновенный же состав состоял из членов семейств хозяев, администрации, их знакомых, наборщиков, державших их «кант».

Программа занятий была простая: всдевили, танцы, маскарады, карты.

На страницах журнала «Наборщик» можно было встретить описания: «Танцевали до утра с увлечением», «Распорядители были во фраках и белых перчатках», «Писали письма к хорошеньким», «Многие гости были в блестящих мундирах».

Чтобы дорисовать настроение членов кружка, приведем следующий факт: в субботу, 8 января 1905 г., во время «танцев с увлечением» раздались отдельные голоса с предложением прервать веселье, так как, может быть, завтра на улицах города прольется кровь народа, в том числе и типографских рабочих.

— Какое нам дело до завтрашнего дня?.. Мы не рабочие! — ответили танцующие.

Протестантам пришлось покинуть танцуюлку.

Другой факт — попытка избрать товарищем председателя комитета

кружка женщины — З. Вороновой. Она вызвала дикие выходки «зубров», как впоследствии окрестили их рабочие.

Вот что пишет об этом Дементьев в журнале типографских рабочих «Вестник печатников», № 5, 1906 г.: «Я не отрицаю, конечно, того, что черносотенный состав поступил идиотски, забаллотировав человека только потому, что она не мужчина, а женщина. Но вам, гг. черносотенцы, и Бог велел делать благоглупости».

Думается, достаточно этих фактов. Ясно видно, что из себя представлял «Типографский кружок».

1907 год. Стихает партизанская стачечная волна среди печатников. В связи с этим перед союзом рабочих печатного дела встает во весь рост очередной вопрос о культурной работе и об образовании своего клуба.

Выбор падает на «Типографский кружок», где мирно паслись «зубры» и в котором к тому времени все-таки находилась незначительная группа членов союза.

Сюда-то союз и направил молодежь, освободившуюся от подпольных своих районов, так как сам получил к тому времени легализацию.

Бурным потоком влилась волна рабочих в кружок, и закипела война за обладание этим обществом между нею и «зубрами». Борьба была упорная и длительная. Та и другая сторо-

на сплоченно отстаивали свои позиции. К «зубрам» на помощь пришел журнал «Наборщик», открывший на своих страницах бомбардировку против членов союза, влившихся в кружки. Ушаты грязи выливались на их головы.

Не без ведома противников рабочих поспешил на помощь «зубрам» и с.-петербургский градоначальник, запретив устройство в кружке лекций на том основании, что в уставе нет слова «лекции».

С трудом провели рабочие на созванном ими общем собрании дополнение к уставу, присоединив к названию кружка слова: «и образовательный», а также внеся слово «лекции».

Ничто не могло сломить стойкости и твердости рабочей молодежи, выполнявшей задание союза — вышить противника во что бы то ни стало из кружка, могущего стать хозяйской цитаделью, и собрать в него нити всех типографий Питера.

Шаг за шагом теснит противника рабочая волна. Медленно отходит он от своих старых позиций; место за местом уступает в комитете и ревизионной комиссии. Наконец, припертые к стене и видя, что ничто не помогает, кто-то из «зубров» в отчаянии провоцирует арест собравшихся на заседание комитета К. И. Николаевой, С. П. Слизкова, А. Звягина, В. Захарова и А. М. Филиппова. Испуганные арестами, от кружка отошли, однако, и противники рабочих. Таков был финал бескровной, но отчаянной и длительной борьбы за обладание «кружком».

С этой минуты переворачивается страница истории кружка.

Пробыв месяц в тюрьме, молодежь, возвратясь в кружок, увидела там пустое место. Вещи оказались в другом помещении, в кассе ни копейки денег. За этот перерыв группа, оставшаяся на воле, перешла работать по другим организациям.

Несмотря на создавшееся положение, оставшаяся группа, в которой были кроме названных Николаевой, Слизкова и Филиппова З. Э. Шалыт и А. Е. Плотников, не бросила работы. С трудом достали 25 р. и переехали с Серпуховской улицы (дом гражданских инженеров¹) на Лиговку, в дом 73 или 75², на извозничий двор, в небольшую квартиру. Чтобы попасть

в нее, приходилось шагать через навоз, выброшенный из конюшни.

Привезли вещи. На дворе народ презрительно поглядывал то на мебель, то на новых жильцов. На арену появился вызванный кем-то околотошный. Вид серьезный.

— Кто хозяин? — задает он вопрос, входя в квартиру и пробираясь между нагроможденной до потолка мебелью.

— «Типографский кружок», — ответили ему, подавая список «почетных» и «пожизненных» членов кружка.

Увидел околотошный в нем немало «важных» особ — графов, генералов, адмиралов, действительных тайных и статских советников, фабрикантов, типографов и др.

— А вот и наш устав, — не давая опомниться изумленному околотошному, добивали его, — он разрешен министром внутренних дел фон Плеве в 1903 году.

— Я поставлю в известность помощника пристава. Он вас сам посетит. Разрешите взять с собой устав и членский список.

— Пожалуйста.

Околотошный взял под козырек, шаркнул ногой и, по-военному повернувшись кругом, вышел из помещения.

Мы весело засмеялись.

С тех пор никто нас не тревожил, пока мы жили в этой квартире. В это время к нашей группе примкнули и активно работали литограф П. Смирнов, наборщик С. Сивошинский и С. Шарбалов.

Тем не менее положение кружка было печальное. Отсутствие средств давало себя чувствовать так сильно, что иногда не было 3 копеек на фунт керосину, и заседания комитета происходили в темноте.

Надвигалось лето.

Как известно, летом культурная работа замирает. Казалось, неизбежна смерть и этой культурно-рабочей организации. После многих заседаний решено было — умирать так умирать с честью.

Остановились на лекциях. Выбор лектора сделан был удачно: был приглашен д-р С. А. Марковский с его циклом лекций «Тайна неба и земли», с платой по 5 коп. за вход. Помещение для лекций достали у Общества Народных Университетов³.

Группа лихорадочно работала, агитируя о первой лекции.

И вот наконец настал желанный день. Это было в июне. Опровергая наше, да и не только наше, предположение, что летом лекции не посещаются, собралось 80 человек. Вторая лекция — 120 человек. И не помню которая — собрала свыше 200. Вход в помещение был прекращен полицией, и порядочная толпа осталась на улице. Слушатели устроили лектору бурную овацию.

Неожиданный успех вдохновил молодежь. Еще интенсивнее заработала она. Пошла усиленная запись в члены кружка. Кружком заинтересовалась рабочая среда.

Но, к сожалению, сильно тормозило работу отсутствие подходящего своего помещения. Устраивать лекции в нашей полукошюшине-полуквартире было невозможно, так как никто не дал бы разрешения — ни технический осмотр, ни градоначальник. Опять было приуныли, да спас случай.

Секретарь Общества Народных Университетов, узнав, что в нашем помещении градоначальник не дает разрешения на устройство лекций, бесед и т. д., предложил нам открыть от Общества Народных Университетов курсы в нашем помещении.

— Мы открываем с разрешения попечителя округа, так что разрешения градоначальника и технического осмотра не надо.

— Позвольте, но у нас нет средств платить вашим лекторам.

— Это уже нас не касается. Пользуйтесь бесплатно, а нас только поставьте в известность, кто будет лектор.

Итак, к нашей радости, выход был найден. Конечно, если бы они видели нашу квартиру, и разговора о курсах не возникло бы.

Предложение их было, конечно, принято, и кружок быстро покатился по рельсам общественной жизни. Никто его не тревожил.

В других просветительных рабочих обществах градоначальник лекцию то не разрешит вовсе, если же разрешит, то конспект потребует, а в кружке мы сами себе разрешали. Конечно, курсов и в помине не было. Так было внутри кружка.

С внешней стороны нами тоже были приняты меры. Наш «титулован-

ный» членский список был вручен домовладельцу, управляющему, старшему дворнику и даже лавочнику... чтобы давал иной раз в долг керосин.

Кипучей и плодотворной была работа «Типографского кружка» среди пролетариата. Тысячи людей прослушали лекции, посетили концерты, литературные вечера, выставки, экскурсии и проч. И наконец, кружку, с помощью светлой памяти покойных профессора С. А. Венгерова⁴ и доктора С. А. Марковского, удалось показать питерским рабочим читку по ролям пьесы Ибсена «Бранд» артистами Московского Художественного театра Качаловым, Москвиным и др.

Нечего и говорить, что Большой Народно-дом Нобеля⁵, где она проходила, не мог вместить всех желающих.

По поручению всех просветительных рабочих обществ Петербурга «Типографский кружок» преподнес москвичам следующий «адрес» от имени петербургских рабочих:

«Гг. артистам и дирекции
Художественного театра.
Милостивый Государь.

Мы хотели бы отблагодарить вас за вечер 7 сего мая.

Мы давно привыкли ценить и уважать ваш труд на поприще родного искусства, давно знали, что ни один театр не относится так вдумчиво и серьезно к замыслам авторов, не воплощает так полно самый дух драматического произведения.

Но знали мы это из вторых рук, понаслышке, по газетам и журнальным статьям о вас. 7 мая в доме Нобеля вы дали нам возможность услышать и оценить вас непосредственно, и своим художественным чтением вы зажгли наши сердца. Мы горячо благодарим вас за такое огромное художественное наслаждение, какое так редко выпадает нам на долю.

Но это не все.

Та отзывчивость, с которою вы откликнулись на нашу, петербургских рабочих, просьбу, самая постановка чтения, в котором участвовали многие артисты и сотрудники вашего театра с лучшими его силами во главе, — все это показало нам, что вам дороги духовные интересы рабочих, и ощущение вашей к нам близости оставило глубокий след в нас.

Позвольте же приветствовать вас за тот праздник красоты и мысли, который вы нам подарили,— за этот вечер, посвященный великому норвежскому художнику и мыслителю Генриху Ибсену...

Петербургские рабочие говорят вам свое горячее спасибо».

На адресе — печать кружка и подпись его секретаря.

Все социалистические партии находили себе приют в стенах кружка. Вот что говорит активный большевик тов. Ш. о периоде 1907—1911 гг.:

«Одним из очагов социалистического движения, где в условиях свирепствовавшей тогда реакции собирались и группировались лучшие пролетарские элементы, были культурно-просветительские рабочие клубы. Лучшим из существовавших в то время клубов, несомненно, являлся типографский под наименованием: «Типографский музыкально-драматический и образовательный кружок». Вначале он помещался на Серпуховской, 10, а затем, по мере надавливания полицейского пресса, переезжал с одной квартиры на другую, вплоть до окончательного его закрытия.

Главными руководителями и организаторами этого клуба были: Филиппов А. М. (беспартийный), Шалыт З. Э. (большевик), Николаева К. И. (большевичка), Слизков С. П. (большевик), Азовский В. Ф. (большевик) и Плотников А. Е. (большевик).

Так как партийная работа тов. Азовского проходила, главным образом, в другом районе города, организация и работа большевистской группы в клубе происходили под непосредственным руководством тов. Шалыта, представлявшего эту группу в коллективе городского района партии.

Между прочим, в краткую эпоху «отзовизма»⁶ и «ультиматизма»⁷ означенная группа стояла на противоположной позиции к тем и другим.

Следует отметить, что на одном из очередных заседаний районного коллектива при обсуждении вопроса о доизбрании одного товарища в ПК в результате горячей схватки голосом тов. Шалыта, давшим перевес, был делегирован противник «отзовизма» и «ультиматизма».

Одной из работ большевистского кружка в клубе было влияние на во-

спитание членов клуба в марксистском духе, что в большинстве случаев и удавалось, так как товарищи, не входившие тогда в большевистскую группу, по характеру своей работы ничем от большевиков не отличались: все революционные методы не только ими поддерживались, но они и сами, очевидно, инстинктивно проводили их в жизнь.

Небезынтересно подчеркнуть, что число активных работников в то время было крайне ограниченным, и каждому из нас приходилось работать на нескольких фронтах: партийная работа, клубная работа, профсоюз и проч. Само собою разумеется, что об излишней аккуратности в посещениях собраний и интенсивности в работе не могло быть и речи. Все же, как видно по некоторым товарищам, вышедшим из наших рядов, наша работа дала хорошие результаты».

В том же помещении кружка происходили собрания рабочих групп различных съездов: алкогольного, ремесленного, по борьбе с проституцией, женского и др. и вообще рабочих организаций.

Нельзя не отметить царившие среди членов кружка моральные и нравственные качества: смелость, честность, отзывчивость, решительность, самоотверженность, презрение к роскоши, франтовству.

Приведем некоторые примеры. При аресте одного политического, бежавшего с каторги, нашли у него членский билет кружка. Жандармское управление потребовало от комитета кружка его вступительный бланк. Посмотрели, кто его рекомендует,— они и сами кандидаты на каторгу. Пришлось бланк разорвать, написать новый. Нашлись рекомендатели — фальцшвица А. Шелепина и накладчик Рогозин. В ту же ночь они были арестованы.

Терроризировавший одну большую типографию штрейкбрехер-хулиган был вывезен в тачке на улицу благодаря С. Слизкову, личным примером разбившему гипноз страха рабочих перед этим типом.

К. И. Николаева, будучи делегаткой на ремесленном съезде, несмотря на требование полиции, не встала при пении гимна.

Много других примеров можно бы привести.

Кружок был одним из пионеров и в области развития спорта среди рабочих; он, между прочим, устраивал лыжные прогулки за город.

Конечно, такой деятельности правительство долго потерпеть не могло, и в 1911 году кружок был закрыт.

Таким образом, «Типографский музыкально-драматический и образовательный кружок» до конца своего существования уже не возвращался к семейно-танцевальному учреждению, где так приветливо встречали «во фраках», «писали письма к хошеньким», «танцевали с увлечением», где со сцены увеселяли порнографией.

Рабочая волна на своем гребне подняла, сломала и сбросила в неведомую даль обломки «зубровского» безделья... Волна сама погибла... Но след от нее остался в жизни надолго.

Ряд членов «Типографского круж-

ка» и ныне принимает активное участие в общественной жизни страны: В. Азовский, сталинградский губпрокурор; М. Вейн, член ЦК «Всемередикосантруд»; Б. Иванов, б. член ЦИК; Б. С. Левкович, председатель «Госполиграфа»; И. Макаров, начальник учебной части одной из школ воздухоплавания; М. Макаров, начальник учебной части Ленинградской школы летчиков-наблюдателей; К. И. Николаева, член ЦИК и ЦК партии; А. Е. Плотников, профессор Зиновьевского университета; А. В. Сергеев, б. начальник воздушного флота республики; С. П. Слишков, уполномоченный «Хлебопродукта» на юге; З. Э. Шалыт, профработник; Г. Л. Шидловский, секретарь редакции «Красной летописи»; Юдин, инструктор Городского района Ленинградской организации ВКП(б), и др.

А. Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МОСКВА В ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА *

IV

ОКТЯБРЬСКАЯ НЕДЕЛЯ.

«ВИКЖЕЛЬ». БОИ И ПЕРЕМИРИЕ.

Артиллерийский обстрел.

Оборона Кремля.

Мирный договор

Когда подходишь к описанию отдельных эпизодов великой борьбы тех дней, которые действительно, по образному выражению, «потрясли мир», чувствуешь всю необычность задачи и слабость отпущенных сил.

Герои и малодушные, отважные безумцы и осторожные мудрецы, хаос звуков и хаос событий, смерть, проклятия, кровь и слезы.

Черные силуэты теней, гибнущих на улицах, в подвалах, в красном зареве пожара, и время, летящее молнией, тяжкое, как вечность.

У этих дней будут свои достойные историки и летописцы, и будущее поколение, читая их строки об Октябре, ответит на них жгучим биением сердца.

В эти дни страшной пустотой слепых глаз зияли впадины окон и магазинов, темнели призраками развалины многоэтажных домов, и в ушах,

как шепот осенних листьев, слышался жалобный шелест разбитых стекол, мешавших двигаться пешеходам.

В эти дни тяжкое сознание неправимой катастрофы и гибели наполняло отчаянием сердца побежденных, зато хмельная радость победы опьяняла сердца победителей, широко раскрытым глазам которых виделся в этих развалинах старого новый, преобразенный мир, мир будущего.

В октябре над черными толпами, двигавшими событиями, поднялась гигантская фигура человека, вздернувшая катившуюся в бездну революцию снова на дыбы на самом краю этой бездны.

27 октября было днем начала октябрьской борьбы в Москве, борьбы, политический и экономический результат которой в полной мере не могли предвидеть ни побежденные, ни даже победители.

Силы сторон, вступивших в борьбу, были неравны: на стороне Комитета общественной безопасности было 2 военных училища и 6 школ прапорщиков, затем незначительные отряды ударников и добровольцев, студентов и офицеров.

Хорошо знавший силы противника Н. И. Муралов определяет их всего до 10 000 человек.

* Окончание. Начало см.: Приложения, с. 153

Силы Военно-Революционного Комитета были значительно выше, тот же Н. И. Муралов определяет их не менее 50 000* человек.

Правда, на стороне войск Комитета общественной безопасности были качественное и организационное превосходство, дисциплина, разведка, организация.

Зато на стороне Военно-Революционного Комитета была артиллерия, решавшая, главным образом, судьбу боя.

Что касается одушевления, с которым велись бои, то, нужно отдать справедливость, обе стороны сражались с боевым пылом и истинным одушевлением.

Но в то время, как солдаты и рабочие, боровшиеся на стороне Военно-Революционного Комитета за мир и за власть Советов, ясно отдавали себе отчет в том, за что они борются, добровольцы и юнкера боролись за власть совершенно непопулярного и дискредитировавшего себя в их глазах правительства.

Они не могли быть опьяненными какими-либо надеждами, они шли с пустотой в душе, порой с отчаянием в сердце, исполняя, как им казалось, свой долг.

Поздно вечером 27 октября стало известно, что щелканье пулемета и одинокие орудийные выстрелы раздаются вокруг Кремля и на Красной площади.

Под утро отряду юнкеров удалось занять Кремль и обезоружить непокорный гарнизон Кремля, состоявший из 2-х батальонов 56-го полка.

Первый приказ Рябцева по поводу этих успехов составлен в бодрых и оптимистических тонах.

Рябцев писал:

«Кремль занят. Главное сопротивление сломлено, но в Москве еще продолжается уличная борьба. Дабы, с одной стороны, избежать ненужных жертв и чтобы, с другой, не стеснять выполнения всех боевых задач, по праву, принадлежащему мне на основании военного положения, запрещаю всякие сборища и всякий выход на улицу без пропуска домовых комитетов. Все граждане приглашаются немедленно уведомить меня по телефону городской думы о всех домах, где в

окнах или на крышах засели вооруженные люди. Предупреждаю, что в ответ на выстрелы из домов последует немедленно пулеметный и артиллерийский обстрел дома. Обращаюсь к чувству сознательности граждан помочь избежать всех лишних жертв».

В следующий день, 28 октября, несмолкаемая трескотня пулеметов заливала Москву потоками пуль. Но это было лишь прелюдией, и когда в субботу 28 и в воскресенье 29 на стороне Военно-Революционного Комитета загрохотала артиллерия, Комитету общественной безопасности стало ясно, что победит тот, кому окажет поддержку «Викжель».

Всероссийский Исполнительный комитет железнодорожников («Викжель») сформировался после съезда железнодорожников в конце августа 1917 года.

Первоначально, как и везде, в «Викжеле» преобладало влияние эсеров и меньшевиков.

Постепенно умеренная политика «Викжеля» в разрешении вопросов труда вызвала значительное недовольство железнодорожников, каковым умело воспользовались большевики, которые через периферийные органы «Викжеля» стали раскалывать «Викжель» и готовить новый съезд железнодорожников.

Их райком и райсовет получили большое влияние у железнодорожников и укрепились в Московском узле, особенно среди железнодорожных рабочих.

Главные железнодорожные комитеты Александровской, Казанской, Виндавской железных дорог целиком поддерживали «Викжель».

На Северной был раскол, на Курской железной дороге существовало даже два главных Комитета: один стоял за Военно-Революционный Комитет, а другой за Комитет общественной безопасности.

Таким образом, эсеры и меньшевики и среди железнодорожников к Октябрю значительно потеряли свое влияние.

Остаток же власти и влияния в дни октябрьской борьбы они не сумели использовать каким-либо решительным шагом.

Сам «Викжель», как известно, действовал в Петрограде, а в Москве находилось только Бюро, которое с тру-

* См.: Пролетарская революция, 1922, № 10.

дом сносилось с «Викжелем» и вело себя растерянно.

Как же, однако, держал себя в эти исторические дни «Викжель»?

Роль безликого, загадочного «Викжеля» в дни октябрьской борьбы была неясной и путаной.

Деятели «Викжеля» не отличались решительностью и после заявления о его нейтральности не знали, что делать им дальше.

Получив, однако, сведения о разгоревшейся гражданской войне в Москве, «Викжель» становится более активным.

Сохранились материалы о разговоре между членами «Викжеля» по телефону 29 октября, т. е. в разгар борьбы в Москве.

Петроградский представитель «Викжеля», сообщая московскому, что «Викжель» в Петрограде оказывает давление на воюющие стороны, угрожая забастовкой в случае продолжения братоубийственной войны, предлагает московскому представителю «Викжеля» также связаться в Москве с Военно-Революционным Комитетом для переговоров, ибо каждая минута промедления углубляет войну.

Московский представитель «Викжеля» сообщает, что петроградскую резолюцию они вручают Военно-Революционному Комитету, требуя в ультимативной форме согласия Военно-Революционного Комитета. В случае упорства Военно-Революционного Комитета они объявляют ему, что переходят на сторону Комитета общественной безопасности и будут пропускать в Москву те войска, которые «Викжелем» задержаны по дороге.

Рисуя положение в день 29 октября в Москве, представитель «Викжеля» сообщает петроградскому представителю о том, что в Москве весь день стреляют, выйти нельзя, и за вчерашний день убитых и раненых насчитывают до 700 человек, везде расставлены тяжёлая и легкая артиллерия и броневики*.

Вот эти-то сообщения об ужасах в Москве с сильно преувеличенным количеством убитых и раненых ускорили выработку «Викжелем» ультиматума и предъявление этого ультиматума враждебным сторонам.

Ультиматум «Викжеля» о прекра-

щении гражданской войны, полученный в Москве 29 октября, был адресован «Викжелем» всем железнодорожным организациям.

Вот о чем взывал «Викжель» в своем довольно нескладном воззвании:

«В стране нет власти, и идет ожесточенная борьба за власть. Каждая из борющихся сторон стремится создать эту власть силой оружия. Идет братоубийственная война. В то время, как внешний враг угрожает свободе народа, демократия решает свои внутренние споры кровью и железом. Временное правительство, возглавляемое Керенским, оказалось не в силах удержать в своих руках власть. Образовавшийся в Петрограде Совет Народных Комиссаров, как опирающийся только на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране. Необходимо создать такое правительство, которое пользовалось бы доверием всей демократии и обладало бы моральной силой удержать эту власть в своих руках до созыва Учредительного собрания. Таковую власть можно создать только путем разумного соглашения всей демократии, но никоим образом не силой оружия. Братоубийственная война никогда не создавала и никогда не может создать власть, авторитетную для всей страны. Народ, отвергающий смертную казнь, как форму правомерного воздействия, и войну, как способ разрешения международных споров, не может признать гражданскую войну за способ разрешения своих внутренних споров. Всякая гражданская война ведет явно к контрреволюции и бывает выгодна только врагам самого народа. В видах сохранения свободы страны и спасения революции Центральный Исполнительный комитет Всероссийского железнодорожного союза с самого начала настоящей междоусобицы признал для себя обязательным строгий нейтралитет и объявил, что единственным средством достижения мира внутри страны он признает однородное правительство, в создании которого должны принять участие все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно. К этому призыву союза присоединились многие общественные организации и партии Петрограда и Москвы. Центральный Исполнительный комитет Всероссийского

* Материалы музея Революции.

железнодорожного союза заявил и заявляет, что весь железнодорожный аппарат он предоставит только тем, кто разделяет эту платформу. Центральный комитет заявляет всем гражданам, рабочим, солдатам и крестьянам свое непреклонное решение и категорическое требование: немедленно остановить гражданскую войну и сплотиться для образования однородного революционно-социалистического правительства. Железнодорожный союз заявляет, что к проведению своего решения он будет стремиться всеми имеющимися у него средствами, вплоть до прекращения всякого движения на дорогах. Остановка движения наступит в 12 часов ночи сегодня с 29 на 30 октября, если к тому времени боевые действия в Петрограде и Москве не будут прекращены. Всем железнодорожным организациям предлагается немедленно принять все меры к проведению таковой забастовки в жизнь и сейчас организовать стачечные комитеты. Железнодорожный союз объявляет всех тех, кто будет продолжать споры силою оружия, врагами демократии и предателями родины».

Ультиматум «Викжеля» значительно поднял настроение Комитета общественной безопасности, так как давал ему моральную поддержку перспективой образования демократического правительства, и поэтому Комитет общественной безопасности охотно согласился на перемирие.

29 октября в 18 ч. 30 м. дня Рябцев издал приказ начальникам всех боевых участков прекратить стрельбу, указывая в приказе, что противная сторона издает такое же распоряжение.

Военно-Революционный Комитет также издал приказ о прекращении военных действий.

29 октября бои должны были быть прекращены на сутки, т. е. до 12 часов ночи 30 октября.

Было подписано воюющими сторонами соглашение о нейтральной зоне, при участии члена «Викжеля» А. Гара.

Перестрелка к ночи стала затихать, но, увы, взаимное озлобление зашло настолько далеко, что выстрелы не прекращались и следующий день, и в день перемирия было так же опасно ходить по городу, как в дни войны.

Посредничество «Викжеля» не привело ни к чему.

В «царском павильоне» Курского вокзала собрались представители двух враждующих лагерей, в присутствии десятка представителей «Викжеля».

Руднев, Шер и Кобесский бесцельно спорили с Мураловым, Смидовичем и Кушнером.

Делавшееся еще раньше большевиками предложение об образовании советского революционного органа, с тем чтобы в этом органе было 9 большевиков и 8 представителей других партий, не встретило сочувствия.

Споря с представителями Военно-Революционного Комитета, члены Комитета общественной безопасности в лице Шера договорились до роспуска Красной гвардии и ареста членов Военно-Революционного Комитета.

Переговоры кончились провалом.

С глубокой горестью члены «Викжеля» констатировали полный неуспех своей мирной конференции.

Под слезы и истерику некоторых наиболее нервных членов «Викжеля» бои снова вспыхнули по всей линии.

После провала мирных переговоров перевес резко перешел на сторону Военно-Революционного Комитета. Артиллерия Комитета разрушает позиции противника, кольцо вокруг центра все сжимается и сжимается. Скоро от него останется последний оплот — Кремль.

31 октября Рябцев снова выпустил воззвание, звучавшее не властным голосом победителя, а слабым воплем побежденного, падающего в бессильной борьбе человека.

Рябцев, взывая к гражданам Москвы, взывал ко всем, в ком горячее сердце и любовь к родине, — помочь в борьбе за право народа и против большевиков.

Желая поднять падающий дух своих борцов, потерявших надежду на поддержку, он успокаивал:

«Мы не одни. К нам подошла и еще подойдет так долго ожидаемая помощь. Офицеры, юнкера и солдаты, призываю вас к полной готовности, бодрости и решительности...

Призываю всех и словом убеждения, и силой оружия не допускать установки артиллерии на улицах Москвы. Она не страшна верным государственным войскам, неоднократно выдавшим смерть на полях сражения,

а страшна только для мирного населения, женщин и детей.

Надо ускорить прибытие подходящих с фронта и других пунктов верных порядку войск, часть которых подошла, но большинство искусственно задержано постановлением «Викжеля» в пути.

Сплотитесь, граждане,— заканчивал минорным тоном Рябцев,— вместе с вами мы подавим войну анархии и банду хулиганов».

Всякому, кто внимательно читал это воззвание, было ясно, что дела Комитета общественной безопасности безнадежны, что дни его сочтены, что, несмотря на уверения Рябцева о грядущей помощи, на эту помощь нечего рассчитывать, ибо она снова задержана «Викжелем».

Картина расположения боевых частей в первые дни боя была такова.

Отряды Комитета общественной безопасности, имея главный штаб в Александровском военном училище, занимали следующие пункты: телефон, телеграф, «Метрополь», Думу, «Националь», Университет, Моховую, площадь у храма Христа Спасителя, Пречистенку, Штаб, Пречистенский бульвар, Арбатскую площадь, Никитский бульвар и половину Тверского бульвара до здания Градоначальства, которое являлось передовым фортом.

Отряды Военно-Революционного Комитета занимали Страстную площадь, Тверскую почти на всем протяжении, бывшую Скобелевскую, ныне Советскую, площадь, Капцовское училище, прилегающие к Совету части Леонтьевского, Брюсовского и Чернышевского пер., часть Гнезниковского пер. с д. Нирзее.

Рабочие окраины были в руках Военно-Революционного Комитета, они служили неисчерпаемым резервуаром боевой силы и энергии, из них он вел наступление на центр. В руках Военно-Революционного Комитета находились почти все время все вокзалы, а главное, важнейшие из них, с которых могла прийти юнкерам помощь с фронта: Александровский и Брянский.

Здание Совета на Тверской было слабо защищено, но отряды Рябцева не сумели вовремя захватить его, хотя первые дни сам Военно-Революционный Комитет, опасаясь за свое существование, собирался перевести

свой штаб из Дома Советов в Замоскворечье.

Сам Рябцев почти все время находился в Думе в Комитете общественной безопасности и руководил оттуда военными действиями штаба, помещавшегося на Знаменке в Александровском училище.

Эта разобщенность, как передавали сами руководители военных операций, немало вредила успеху их дела.

Занимая центр, войска Комитета общественной безопасности были в западне, так как были окружены с двух сторон кольцами противника, занимавшего линию Окружной дороги, вокзалы, окраины, казармы.

Благодаря занятию окраин Москвы Военно-Революционный Комитет получил непрерывную военную поддержку гарнизонов прилегающих к Москве городов и местечек: Серпухова, Клязьмы, Павловской Слободы, Сергиева Посада, откуда приходили на поддержку Комитету свежие военные части и вступали в борьбу.

Технические части и специальные войска были на стороне Военно-Революционного Комитета, которому они оказали громадную помощь, наравне с помощью артиллерии, действовавшей против Рябцева в составе не менее 9 легких и 1 тяжелой батареи.

Броневые части и авиационные были почти исключительно на стороне Комитета общественной безопасности, причем броневики оказывали юнкерам существенную поддержку.

Первыми из войск Военно-Революционного Комитета перешли в наступление отряды двинцев, выпущенных из Бутырской тюрьмы и насоро снабженных винтовками, и самокатчики¹⁶.

Перейдя в наступление на Кремль 28 октября, они понесли тяжелый урон и отступили с поля сражения.

Со второй половины этого дня войска Военно-Революционного Комитета перешли уже в наступление по всей линии.

Ураганный огонь пулеметов поливал главную боевую артерию, которая вела к Совету и к Александровскому военному училищу,— Тверской бульвар, сделавшийся в эти дни бульваром смерти.

И в первых же столкновениях на стороне Военно-Революционного Комитета выступили те же двинцы.

Эти солдаты, сыгравшие столь заметную роль в Октябрьские дни, попали в Москву при посредстве правительства Керенского, на борьбу с которым потом они так охотно вступили.

860 солдат 5-й армии, арестованных в июле и августе на фронте за большевистские взгляды, были посажены в Двинскую тюрьму, а оттуда переведены были в Москву, в Бутырскую.

200 человек из них в сентябре объявили голодовку, вследствие чего по требованию Московского Совета дела заключенных двинцев были пересмотрены, и накануне Октября, а именно 22 сентября, Рябцев освободил 593 человека двинцев.

Вот эти-то двинцы (593 человека, выпущенные ранее Рябцевым, и остальные, освобожденные в дни октябрьской борьбы) вступили в бой с рябцевскими войсками.

Выступив на помощь пехоте и отрядам Красной гвардии, большевистская артиллерия стала сразу склонять чашу весов на сторону Военно-Революционного Комитета.

Как указано выше, сам Рябцев в первом своем приказе грозил гражданам Москвы применением артиллерии против тех домов, из которых будут сделаны выстрелы.

И скоро сам же Рябцев обращался к населению с просьбой не допускать установки большевистской артиллерии на улицах Москвы, потому что Рябцев воочию видел те пагубные разрушения, которые производило действие артиллерийского огня среди занятых юнкерами домов, служивших укрепленными позициями.

Артиллерия Военно-Революционного Комитета 29 октября обстреливала центр со Страстной площади, с Ходынки, с Замоскворечья, со стороны Зоологического сада. В Лефортове артиллерия обстреливала Алексеевское военное училище.

В этот же день отрядами Военно-Революционного Комитета были прочно заняты вокзалы, Симоновский пороховой склад, где была взята масса патронов, в которых нуждались большевистские войска, Крымская площадь, Катковский лицей и, наконец, на Тверской дом № 54 бывш. губернатора, где помещались Совет солдатских депутатов и Совет крестьянских депутатов.

Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов, окончательно

разошедшийся с солдатской массой, успел 29 октября выпустить воззвание, которое некому было читать, так как в местах боев оно не могло быть расклеено.

В воззвании солдаты призывались сплотиться вокруг Совета солдатских депутатов, так как Военно-Революционный Комитет состоит из одних только большевиков.

«Устраивайте немедленно собрания в частях и выносите постановления о прекращении кровавой войны, присылайте представителей в Совет солдатских депутатов, Тверская, 54», — приглашало воззвание.

Голоса нейтральных, исходившие из дома № 54 на Тверской, 29 октября затихли, ибо помещение, как сказано, в этот день уже целиком было в руках большевиков, занятое, кажется, теми же солдатами-«двинцами».

Действия артиллерии Военно-Революционного Комитета сказались не сразу, так как в артиллерийских дивизионах при обстреле Арбатской площади, Никитских ворот, Красной площади, а затем и Кремля не было таблич стрельбы.

Разрывы снарядов весьма часто производились не в намеченной цели, чему пиущий эти строки был сам свидетелем, и только после пристрелки, довольно продолжительной, оказывали свое решающее действие.

Работа артиллерии большевиков достигла максимального напряжения после окончания неудачных мирных переговоров.

30 октября Военно-Революционный Комитет объявил революционным войскам и Красной гвардии, что с 12 часов ночи 30 октября перемирие окончено, что, отстаивая твердо правое дело, Военно-Революционный Комитет с этого момента вступает в полосу активных действий.

Активные действия прежде всего выразились в планомерном усилении артиллерийского огня.

Обстреливается телефонная станция, городская дума, «Метрополь», «Националь».

Установлены были орудия в тылу юнкеров и по флангам: орудия били с Пресни, с Кудринской площади, с Замоскворечья.

Хамовническая артиллерия, пристрелявшаяся, также била по Александровскому училищу.

Ночью Москва освещалась только ярким пламенем пожаров, возникавших от действия снарядов.

30 октября после бомбардировки последовала сдача Алексеевского военного училища в Лефортове.

Окраины были совершенно очищены от отрядов белой гвардии.

По мере того, как суживалось кольцо вокруг оставшихся в центре отрядов Комитета общественной безопасности, они покидали свои позиции, ища последнего прибежища в Кремле.

Оставив здание городской думы, куда попало несколько снарядов, перешел под защиту кремлевских стен и сам Комитет общественной безопасности.

Тогда настали дни осады и бомбардировки Кремля.

1 ноября в 5 ч. 40 м. вечера Замоскворецкий военно-революционный комитет пишет центральному Военно-Революционному Комитету, что промедление и малая решительность может весьма губительно отразиться на успехах революции, и требует, предложив юнкерам сдать, в случае отказа их, открыть на другой день, т. е. 2 ноября с 10 ч. утра, огонь по Кремлю.

В ответ на это предложение Военно-Революционный Комитет 1 ноября сообщил Замоскворецкому, что им еще вчера послан спешный приказ Замоскворецкому военно-революционному комитету открыть огонь по Кремлю, и не в 10 ч. утра, а гораздо раньше, теми орудиями, которые стоят на Москве-реке, на углу Волхонки и Моховой и у Б. Каменного моста.

Т. о. на Замоскворецкий комитет пала задача сосредоточить стрельбу на Кремле.

Еще накануне, 31 октября, ему Военно-Революционным Комитетом было также дано задание, явившееся прологом к последнему бою: здание обстрелять, правда, не самый Кремль, а Кремлевскую стену, выходящую к Манежу, и занять позицию с правой стороны Бабьегородской плотины, пробив брешь в Кремлевской стене у Троицких ворот.

В ночь с 1 на 2 ноября началась усиленная бомбардировка Кремля, которая с перерывами продолжалась почти весь следующий день.

В Военно-Революционном Комитете

горячо дебатировался вопрос о возможности обстрела исторических зданий; против него решительно возражал покойный ныне В. П. Ногин¹⁷.

Сторонники обстрела Кремля указывали, что бомбардировку Кремля вызывают сами юнкера, пользуясь стенами Кремля как прикрытием.

Повреждения кремлевских зданий в результате обстрела не были такими значительными, как их изображали первоначально газеты.

Так, по словам самого патриарха Тихона, произведенным им вместе со специальной комиссией осмотром были обнаружены: пробоины в куполе Успенского собора, разрушения в Николаевском дворце, в церкви 12 апостолов и Чудовом монастыре*. Арсенал и старое здание бывшего Окружного суда почти не пострадали.

После начавшегося обстрела Кремля с некоторым запозданием выступает на сцену Всероссийский Церковный Собор, делегаты которого во главе с митрополитом Платоном лично вручили 2 ноября Военно-Революционному Комитету следующее обращение Собора, подписанное его председателем Тихоном:

«Во имя Божие, Всероссийский Священный Собор призывает сражающихся между собою дорогих наших братьев и детей воздержаться от дальнейшей ужасной кровопролитной брани. Священный Собор от лица всей нашей дорогой православной России умоляет победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных. Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всей России наших в нем святынь, разрушение которых и поругание русский народ никогда и никому не простит, Священный Собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу».

Подобное же обращение было представителями Собора вручено Комитету общественной безопасности, начальнику обороны Кремля, было это воззвание распространено также среди солдат.

В результате ходатайства Собора Военно-Революционный Комитет дал делегатам Собора обещание, что Кремлю не будет причинено повреждений.

* См.: Утро России, 1917, 9 ноября.

За это время в центре города падали последние укрепления и защищаемые позиции юнкеров. Была занята телефонная станция, занята «Метрополь».

Для Комитета общественной безопасности безвыходность положения стала ясной.

В ночь перед усиленным обстрелом Кремля в Военно-Революционный Комитет явилась делегация из эсеров и меньшевиков, чтобы выяснить, на каких условиях Военно-Революционный Комитет согласится прекратить борьбу.

Военно-Революционный Комитет поставил следующие условия: 1) вся власть Советам, органом которых является семерка. В эту семерку могут быть допущены представители других демократических организаций, но с тем, что большинство будет составлять представители Советов, большевики. Комитет общественной безопасности должен быть распущен. До принятия этих предложений Военно-Революционный Комитет отказывался вступать в какие бы то ни было переговоры.

Делегация удалилась, бои снова продолжались почти весь день 2 ноября.

2 ноября к 9 часам вечера наконец появился приказ Военно-Революционного Комитета, в котором сообщалось, что революционные войска победили и юнкера и белая гвардия сдают оружие.

Военно-Революционный Комитет приказал прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь), с тем, чтобы войска Советов оставались на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией.

Приказ Военно-Революционного Комитета был вызван предложением о сдаче, сделанным Комитетом общественной безопасности Военно-Революционному Комитету через «Викжель» 2 ноября в 7 часов 15 минут вечера. Комитет общественной безопасности писал в этом историческом заявлении следующее:

«Артиллерийский расстрел Кремля и всей Москвы не наносит никакого вреда войскам, разрушает лишь памятники и святыни и приводит к избитию мирных жителей. Уже возникают пожары и начинается голод. По-

этому в интересах населения Комитет общественной безопасности ставит Военно-Революционному Комитету вопрос: на каких условиях Военно-Революционный Комитет считает возможным немедленно прекратить военные действия. С своей стороны Комитет общественной безопасности заявляет, что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-Революционным Комитетом, перейдя к методам борьбы политической и представляя будущему в общегосударственном масштабе вопрос о конструкции власти в центре и на местах».

2 ноября мир был подписан.

С пятницы 3 ноября уже появился приказ № 1 Военно-Революционного Комитета, которым предписывалось открыть все магазины, лавки, молочные, трактиры и проч. Военно-Революционный комитет вступил в управление всей Москвой. В этот же день был выпущен приказ по военному округу № 2, который извещал, что командующий войсками Рябцев смещается с занимаемой должности и на его место назначается солдат Муралов.

Назначенный солдат Муралов распорядился, чтобы все трупы, находящиеся в ненадлежащих местах, немедленно перевезти в анатомический театр на Моховую и в анатомический институт при клиниках и в ближайшие мертвецкие при больницах.

Гражданская война в Москве закончилась.

После общей краткой характеристики того, что происходило в центре Москвы, необходимо рассказать об отдельных эпизодах борьбы в старом здании Градоначальства.

Приехав туда 27 октября после заседания Комитета общественной безопасности, я застал всех сотрудников в ожидании и тревоге; на собранном совещании из докладов выяснилось, что из 52-х участковых комиссариатов только около 10 работали без контроля представителей Военно-Революционного Комитета, остальные же, несмотря на сопротивление, были заняты и разоружены отрядами войск Военно-Революционного Комитета и Красной гвардии.

Картина была, не внушавшая никаких-либо надежд.

На совещании решено было тем не менее выдерживать ожидаемую осаду и по мере возможности защищаться.

Ввиду того, что в Градоначальство явился от Петровских казарм отряд конной милиции, кроме того, непрерывно подходили милиционеры из захваченных комиссариатов, в Градоначальстве набралось совершенно неожиданно около 200 человек, считая жен и детей служащих, живших в казенных квартирах.

Все же, благодаря принятым заранее мерам, продовольствия хватило на всю эту массу в течение 3-х дней.

Назначенный начальником обороны здания полковник Г., перенесший тяжелую рану в войне с немцами, и помощник его капитан С. заняли отрядами входы и выходы большого здания, выходящего на Тверской бульвар и в Большой и Малый Гнездиновские пер.

Штаб Рябцева из Александровского училища прислал отряд в 25 юнкеров и двух пулеметчиков с одним пулеметом, но с ограниченным запасом патронов.

В помещении бывшей сыскальной полиции в этом же владении находилось правление Союза милиционеров, перешедшее целиком на сторону Военно-Революционного Комитета.

Члены его были устранены от телефонной связи, а на их место посажен был инспектор милиции, который, сидя у телефона, получал справки от отделений Союза в районах о ходе борьбы.

Эти же справки давал по телефону непрерывно лично и через своих агентов бывший начальник уголовного розыска Маршалк, не пожелавший подвергать себя опасностям осады и оставшийся в городе, наблюдая за общей картиной борьбы.

Часов в 8 вечера подошел на помощь отряд человек в 20 студентов во главе с прапорщиком.

Студенты эти, одушевленные желанием сражаться на стороне Комитета общественной безопасности, были симпатичными юношами, но обращаться с оружием почти совершенно не умели.

Они залегли в большом зале, выходящем на Тверской бульвар, под окнами и непрерывно стреляли из ружей в окна на Тверской бульвар, не

прицеливаясь, прямо в черную мглу и пустоту.

Скоро пришел второй отряд студентов, также человек 15. Эти были еще моложе, еще неопытнее.

Вслед за этим вторым отрядом к запертым наглухо железным воротам Градоначальства подошел небольшой отряд большевиков, в нем были солдаты и красногвардейцы.

Они потребовали немедленной сдачи.

Сдача, конечно, была отвергнута, и с этого момента осада началась.

Глухой Б. Гнездиновский переулок еще не был занят противниками, и по нему ходили патрули милиции.

Над всеми домами и двором, над всем владением старого Градоначальства, равно как над всей Тверской с переулками и над Страстной площадью, возвышался величественным, уходящим в небо замком дом Нирнзее-Рубинштейна.

Этот дом был ключом к нашей позиции, так как достаточно было установить на крыше его пулемет, чтобы поливать оттуда весь двор и все здания, лежащие внизу, остающиеся открытыми, как на ладони.

При разговорах по телефону с Рябцевым ему было указано на необходимость занятия и удержания дома Нирнзее, господствующего над всем прилегающим районом.

Рябцев несколько раз обещал занять дом, но, очевидно, по недосмотру или по неимению достаточных сил это сделано не было.

Занятие дома Нирнзее открывало действию пулеметного огня всю Страстную площадь, на которой нельзя было бы совершенно установить артиллерии, всю Тверскую ул. с прилегающими переулками.

В доме Нирнзее была сформирована большая вооруженная дружина для охраны дома из жильцов.

Приглашенный в Градоначальство для переговоров начальник дружины, какой-то отставной офицер, хвастливо клялся, что никогда не позволит большевикам занять дом, что в его распоряжении боевой отряд, что можно быть спокойным и т. д.

Конечно, все эти уверения оказались пустыми.

Кажется, уже наутро 28 октября боевые дружины жильцов дома Нирнзее сдали свое оружие без всякого боя

отряду Военно-Революционного Комитета, который занял с винтовками и пулеметами одну из лучших позиций, господствовавших над центром.

Защитники Градоначальства оказались в естественной мышеловке, окруженные с трех сторон, обстреливаемые из окон и с чердака Капцовского училища и с крыши дома Нирнзее.

Уже на второй день осады перебежать по двору не было возможности, так как стены не защищали от выстрелов сверху.

Особенно тяжелым было положение семейств служащих, их матерей, жен и детей, сидевших, забившись в подвалы, около 3 дней почти без пищи и воздуха.

Ночью все здание уже представляло вид военного лагеря, все спали по своим местам с оружием, посты и караулы сменялись в порядке.

В одном из небольших флигелей здания находилась маленькая типография.

Ночью, на основании полученных извне успокоительных сведений, был составлен бюллетень последних известий и отпечатан как приложение к выпускавшемуся тогда «Вестнику милиции».

Было решено его распространить с утра 28 октября по Тверской улице и прилегающим районам.

Ночь прошла спокойно. Патрули милиции встретились ночью с патрулями Военно-Революционного Комитета в Б. Гнездиновском пер., побеседовали, поиронизировали друг над другом и мирно разошлись.

Кругом здания раздавались редкие винтовочные выстрелы, но ни пулеметного, ни орудийного огня еще не было.

Это было последнее затишье перед бурей, разыгравшейся 28 октября после полудня.

В этот день утром добровольцам, вызвавшимся распространить отпечатанное за ночь воззвание к населению с информацией о событиях, удалось раздать и расклеить его в значительном количестве на Тверской около редакции «Русского слова» и по переулкам, прилегающим к Б. и Малой Бронным.

На Тверской в доме 54, по словам разведчиков, еще заседали Исполнительные комитеты солдатских и крестьянских депутатов.

С полудня все здание Градоначаль-

ства было осыпано пулями отдельных отрядов солдат, стрелявших с противоположной стороны Тверского бульвара, со стороны Сытинского переулка, с крыш противоположных зданий, со стороны Капцовского училища и с крыш дома Нирнзее.

Со звоном пули пробивали стекла и, словно гвозди, вколачивались в карнизы, потолки, в стены.

Осколки известки, разбитые стекла сыпались на наши головы.

Тогда в ответ загрохотал пулемет, поставленный в Градоначальстве со стороны Гнездиновского пер., осыпая противников градом пуль.

С ответной стороны также защелкали пулеметы, и поток пуль посыпался на старое полицейское здание, еще не оправившееся от пожара Февральской революции.

Бесперывная перестрелка и пулеметные бои шли до самого вечера.

К вечеру, когда пальба стала немного стихать, на собравшемся совещании, при обсуждении положения, стало ясно, что сил для обороны скоро будет уже недостаточно.

Студенты и юнкера, дежурившие и отстреливавшиеся без смены по 8 часов, буквально падали от усталости. Пулеметные ленты и пуль к винтовкам не хватало.

Штаб Рябцева только отделялся успокоительными заверениями по телефону, но ясно было, что штабу не до нас.

Тогда явилась необходимость, прожившись только на свои силы, использовать добровольцев — «охотников».

Когда стало темнеть, три самоотверженных человека, двое служащих и один шофер, вырвались под обстрелом на автомобиле из Градоначальства и помчались в штаб на Знаменку.

Через час или два эти «охотники» привезли из штаба еще один пулемет, зарядные ленты, небольшое количество ручных гранат, винтовочные патроны и двух сестер милосердия.

Так же внезапно, как они выехали, они, воспользовавшись наступившей темнотой, проскочили обратно на автомобиле, поднимая новым боевым материалом дух защитников.

Новый пулемет начал немедленно действовать, настолько энергично расходуя свои запасы лент, что его могло хватить в конечном счете очень ненадолго.

Стали получаться сведения о том, что солдаты Военно-Революционного Комитета ночью готовят штурм Градоначальства.

За это время несколько человек было легко ранено и один, студент Островский, был убит.

Следующий день должен был быть последним, так как, по расчету, последнего запаса ружейных патронов могло хватить только до утра.

Поздно ночью собралось совещание ответственного центра и «совета милиции». Настроение у собравшихся было тягостное. Для всех было ясно, что надеяться больше не на что.

Учитывая безнадежность положения, пишущий эти строки предложил собрать оставшееся оружие и снаряды, погрузить винтовки, чтобы они не достались противнику, в автомобили и, воспользовавшись темнотой, пробиваться — если нужно, с боем, помещив безоружных в середину, — к Александровскому военному училищу.

Все молчали. Тускло мерцал огонек электрической лампы, прикрытый, чтобы не привлекать внимания.

Начальники обороны полковник Г. и капитан С. также не считали возможным продержаться и следующий день, воскресенье 29 октября, если не будет подкреплений, и сдача, по их мнению, была неминуема.

После некоторых споров собрание согласилось с моим предложением, хотя я не видел на лицах измученных защитников Градоначальства большого желания вступить в немедленный уличный бой, не воспользовавшись хотя бы частью ночного отдыха. Стали складывать ружья в пачки.

В эту минуту стоявший с ружьем к ноге глубоко штатский человек Лев Соломонович Бессмертный стукнул прикладом о поле и сказал протестующе: «Мы должны ждать до завтра. Завтра мы можем получить подкрепление, а оставаясь до завтра, мы выигрываем для обороны Москвы лишний день».

Тогда решение выйти немедленно с боем было поколеблено.

Всем показалось, что необходимо еще выиграть время, что Бессмертный прав.

Совещание оставило вопрос открытым до окончательного выявления, возможно ли действительно рассчиты-

вать на поддержку, обещанную штабом.

Помню Бессмертного, он стоял бледный с ружьем у ноги, не то решимость, не то отчаяние были написаны на его лице.

Он чувствовал, что исполнились сроки... Человек с этой странной для русского уха фамилией Бессмертный, решив остаться до завтра, шел, как фаталист, к назначенной ему судьбой смерти.

Утром 29 октября, когда он стоял на карауле в 3-м этаже дома, пуля со стороны Капцовского училища поразила его в грудь.

Он прожил всего несколько минут, перед смертью сказав только одну фразу: «Я чувствовал, что сегодня я буду первым».

Бессмертный был меньшевик, общественник, немало приносивший пользы своей деятельностью в адвокатуре.

Судьба толкнула его вместе с другими против выступившего народа, и он пал жертвой своих убеждений, своей честной ошибки.

Итак, вопрос об уходе из Градоначальства остался открытым.

Штаб в окончательных переговорах с ним снова успокаивал обещаниями помощи и наконец сообщил, что через несколько времени придет броневик, который отгонит наступающие цепи солдат противника, кольцом сжимавшие форт, обратившийся для защитников его в западню.

Как и следовало ожидать, обещания помощи оказались пустыми обещаниями, так как штабу Рябцева было не до нас и он сам с трудом отбивался от наседавшего со всех сторон противника.

Ожидавшийся броневик не приехал, а вместо него поздно ночью пробился отряд юнкеров под командой боевого офицера У.

Отряд этот был достаточно замотан и не мог выдерживать долго сопротивления, так как не принес с собой патронов ни для пулемета, ни для винтовок.

Помощь от него сидевшим в осаде была только психологическая, потому что в борьбу вступили новые свежие люди, ибо старые валились с ног от усталости. К усталости прибавлялся и голод, так как запасы продовольствия кончались.

В эту ночь почти никто не спал.

Старое здание обстреливалось непрерывно вплоть до рассвета.

К утру 28 октября из числа студентов оказался еще убитый, студент-путеец Борис Попов.

В 10 часов утра с верхнего этажа вниз снесли тело убитого Л. С. Бессмертного.

Все знали и любили Бессмертного, и ненужная гибель его поразила товарищей.

Мертвецкая увеличивалась, лазаретная комната для раненых также уплотнялась.

Скоро начальник прибывшего отряда юнкеров капитан У. оказался раненым в ногу и должен был лечь в лазарет.

Поток пуль лился вдоль Тверского бульвара к Никитским воротам и поперек его к дому Градоначальства.

Осаждавшие, очевидно, решили в этот день покончить с осадой Градоначальства.

Видя, что осажденные почти не отвечают, осаждающие усиливали ружейный и пулеметный огонь. Наконец около 12 часов дня грохотавшие орудийные выстрелы со Страстной площади были направлены на Градоначальство.

Первые выстрелы артиллерии причиняли мало вреда. Они попадали в крыши и чердаки соседних и близлежащих домов. Но в конце концов разрывы артиллерийского огня стали ближе и ближе.

Снаряды начали разрываться во дворе и наконец стали попадать в крышу и в самое здание Градоначальства.

Осколками снаряда был тяжело ранен один шофер и легко еще двое из дружинников.

Однако осажденные не думали о сдаче и никаких парламентариев к противникам не посылали.

Момент ликвидации осажденного Градоначальства в исторической литературе осаждающих был описан неточно, в виде легко доставшейся победы.

На самом деле, как мы видим, победа досталась после борьбы, и самый факт этой борьбы только увеличивает ценность победы Октябрьской революции.

Формальной сдачи, как таковой, не было.

Около 2 1/2 ч. дня бомбардировка стала стихать. К воротам Градоначальства подошел солдат из лагеря противника с белым флагом и потребовал, чтобы его провели внутрь здания для переговоров о сдаче Градоначальства.

Предложения парламентария были таковы: немедленная сдача, защитникам Градоначальства гарантировалась безопасность, для детальных переговоров об условиях сдачи он просил прислать с нашей стороны также парламентариев.

На коротеньком совещании было решено послать парламентариев к начальнику отряда противника, Саблину, чтобы выяснить, каковы условия предполагаемой сдачи.

Парламентарю большевиков завязали глаза, и он отправился вместе с нашими парламентариями в лагерь противника.

За это время весть о предложенной сдаче облетела мигом все Градоначальство.

Милиционеры, в особенности принадлежавшие к конному отряду, заявили, что они не будут сражаться.

Студенты молчали, но их измученные, истомленные лица и брошенные винтовки показывали, что они ни на какое сопротивление не способны.

Я с группой товарищей вышел во двор и наблюдал следующую картину.

Милиционеры, бросив оружие, бродили по двору, на посту стояли только юнкера.

Солдаты противника, не дожидаясь окончательных переговоров, воспользовались перемирием и быстро перебежали с противоположной стороны бульвара к зданию Градоначальства; при этих условиях, если бы мир и не состоялся, ворваться во двор им было уже нетрудно.

Наши парламентарии скоро явились с известием, что начальник осаждающего отряда Саблин отказался продлить срок для переговоров, каковой остается 15 минут, осажденные должны были сдать оружие, при сдаче гарантировалась полная безопасность.

На этом переговоры и закончились, сдача не была принята формально, но осуществлялась на деле, так как уже была открыта калитка на Тверской бульвар.

Этой калиткой воспользовались от-

лы защитников Градоначальства вышли на бульвар и перебежали на обратную сторону, за ними вышла большая группа и направилась в сторону Никитских ворот.

К пишущему эти строки подошли несколько человек товарищей и стали убеждать пойти с ними на Тверской бульвар через соседнее владение, которое предложило нам гостеприимство, с тем чтобы нам оттуда попытаться пробраться в Думу.

Наша трагическая миссия была здесь окончена, неизвестное будущее представлялось более привлекательным, чем пассивное сидение под охраной, и, склонившись на убеждения товарищей, я отправился с ними.

Нас набралась группа человек около десяти.

Мы прошли через двор к соседнему владению, выходившему на Тверской бульвар, без труда перебрались в него.

Только очутившись в этом доме и разобравшись в быстро нахлынувших событиях, мы увидели, что сделали ошибку.

Мы все же оказались под арестом, так как из дома выхода не было.

К парадному подъезду был привязан полевой телефон войск Военно-Революционного Комитета, нижний этаж был полон ранеными солдатами, выхода в переулок не было. Настроение быстро упало, и мы оказались охваченными жесточайшей реакцией.

Любопытно, что нашу судьбу разделил и один из милиционеров, арестованный в правлении Союза милиционеров за деятельность, направленную на пользу Военно-Революционного Комитета.

Оглушенный грохотом оружейной пальбы и трескотней пулеметов, забыв, что он принадлежит к враждебному лагерю, он во время кратковременного затишья подошел к нашему отряду и просил его взять с собой.

Как в известной пьесе «Потоп», мы сидели вместе, люди, только что бывшие врагами, соединенные общим несчастьем и общей опасностью.

Нашему спутнику ничего не стоило выдать наше местопребывание, но он этого не сделал.

С болью в сердце видели мы, как провели оставшихся в Градоначальстве под конвоем солдат.

Дорогой на углу Б. Гнездиновского переулка они были обстреляны из винтовок, а затем, за неимением места, были размещены в конюшнях Дома Советов.

Утром 30 октября арестованных перевели в гостиницу «Дрезден», где заключенных в количестве 180 человек устроили в помещении ресторана, рассчитанном на 50—60 человек; здесь они просидели сутки.

На следующее утро судьба сыграла с пленными трагическую шутку.

Броневик штаба, вероятно один из тех, которые были обещаны на поддержку Градоначальству при последних переговорах, неожиданно прорвался с Большой Дмитровки в Козьмодемьянский переулок и сделал два выстрела из гаубицы в гостиницу «Дрезден».

Первый снаряд влетел в угловое окно комнаты, где сидели пленные, и произвел ужасающий взрыв.

Разрыв снаряда снес часть потолка и разрушил стену, отделявшую комнату от смежной. Комната наполнилась удушливым дымом и известковой пылью, а на голову заключенных посыпалась гряда обломков.

В этот момент второй снаряд попал в следующую смежную комнату, также превратив ее в щепы.

В результате действия дружественной гаубицы штабного броневика среди пленных оказалось трое раненых и один, Л. А. Абрамов, которому осколок снаряда попал в грудь, убит.

Остальные были контужены и забрызганы кровью.

Убитый Л. А. Абрамов был один из деятельных защитников Градоначальства, и судьба сулила ему пасть от руки союзников и единомышленников.

Заключенные, перенесшие столько волнений, были все освобождены на другой день около 6-ти часов вечера.

Все это потом пришлось узнать от самих товарищей.

Наша же группа, попав в ловушку, оказалась под своего рода домашним арестом, так как часовые были вокруг нас и у дверей.

Канонада после падения Градоначальства возобновилась с новой силой.

Один из снарядов ударил во фронт нашего дома, причем был тяжело ранен один из солдат, стоявший около полевого телефона.

Ночью, когда начались пожары соседних домов, в душу закрадывалось мрачное отчаяние.

Пылал огромным заревом разбитый орудийным выстрелом газовый фонарь около здания Градоначальства.

Газ вырывался из чугунного столба и горел красным факелом, отбрасывая прыгающие страшные черные тени.

Загорелось Градоначальство, из-под крыши которого клубился густой дым. Выстрелы, попадавшие на чердак, подожгли старые сухие стропила крыши.

Языки пламени пробивались сквозь железо и длинными красными молниями пронзали небо.

На наших глазах горел, как огромный костер, старый дом кн. Гагарина, в котором помещались аптека, меблированные комнаты и столовая Троицкой, в которой обычно питалась интеллигентская богема.

Старый дом разрушался снарядами изнутри, дрожал и содрогался от взрыва аптекарских химических материалов, бензина и горючих масел внутри.

Какие-то черные фигурки метались со своим скарбом, озаряемые заревом пожара и поражаемые выстрелами винтовок и отдаленных пулеметов.

Длинным протяжным заревом горел высокий дом в конце Тверского бульвара, б. Коробкова, прозванный по архитектуре «замком дракона».

Пожар начался с квартиры 7-го этажа, разрушенной снарядами.

В полосе огня орудийного и пулеметного пожарные были бессильны и не пытались даже тушить разгоравшийся над домом гигантский костер.

Таяла и лилась вниз, как расплавленное масло, цинковая крыша дома, со звоном лопались и падали на зем-

лю, разбиваясь на мелкие стекла.

Жильцам бежать было некуда.

Продольный огонь юнкеров от Никитских ворот встречался с непрерывной канонадой и пулеметным дождем от Страстного монастыря.

Обитатели дома прятались в подвалах и гибли, когда обрушивались пол и потолки, когда лопались водопроводные трубы, выпуская воду в подвалы потоками. От дома остался длинный черный безобразный скелет, словно костяк действительно какого-то гигантского допотопного дракона-плезиозавра.

Если в мечтах поджег города,
Пламя зарева со мною навсегда...—

стучали в мозг слова поэта.

Мы сжигали, и мы горели. Нескончаемая стрельба соседней батареи методически посылала в минуту два выстрела, от которых дрожал до основания старенький дом, давший нам приют.

В стороне Кудринской Садовой краснело отдаленное зарево огня.

Замоскворечье посылало далекие желтые полосы потухающего или начинающегося пожара.

Краснело небо в разных местах, горела старая Москва огнями двенадцатого года.

Следующие дни перестрелка вдоль Тверского бульвара почти не затихала.

Часы Комитета общественной безопасности были сочтены.

2 ноября он искал приюта под стенами старого Кремля, купола старых соборов которого дрожали от выстрелов, а штукатурка сыпалась на искавших спасения молящихся.

Октябрь пришел победителем.

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Павел Елисеевич Щеголев, родился 5 апреля 1877 года в с. Верхняя Катуховка Воронежской губернии и уезда в семье государственных крестьян. Дед отбывал военную службу в военных поселениях на Кавказе «кантонистом», отец, как «сын солдатский», был со дня рождения зачислен приказом по полку в военное ведомство,

учился в школе солдатских детей и был на линии определения на действительную службу полковым писарем, но после издания в 1856 году закона¹, раскрепощавшего солдатских детей от военной службы, мог приписаться обратно к крестьянскому сословию и в 1862 году вместе со своей семьей с Кавказа вернулся на родину в Воро-

нежскую губернию. Как человек грамотный, он вскоре нашел себе службу по письменной части при мировом посреднике. Раннее детство я провел в деревне. Впоследствии мировой посредник стал мировым судьей в городе Воронеже; отец продолжал свою службу при нем и переселился в город. Мне в это время было лет 6—7. Отец, знавший цену просвещению, на медные деньги, как говорится, отдал меня в маленькую частную школу; в 1886 году я поступил в приготовительный класс Воронежской классической гимназии, но в следующем году едва не был исключен из гимназии по циркуляру министра народного просвещения, запрещавшему принимать в гимназию детей низших классов. Циркуляр² был издан после попытки на царевийство, совершенной А. И. Ульяновым и др. Но я отлично учился, был первым учеником и потому был пощажён. Все же я оставался единственным крестьянским сыном в своем классе за весь гимназический период.

Воронежская гимназия была в это время типичнейшей «толстовской» гимназией³, в которой классическая система в полной мере выполняла поставленную ей политическую задачу обезличить учеников и подавить в зародыше инстинкты общественной деятельности. С внешней стороны все обстояло как будто прилично: гимназический режим не был резким и жестоким, но он был бессмысленным и тупым. Он даже не мог привить любви ни к науке, ни к литературе. Образовываться можно было только за стенами гимназии, и могучим средством образования явилось, конечно, чтение книг, к которому я пристрастился с детских лет. Читал я преимущественно классиков — Пушкина, Гоголя, Жуковского, Тургенева и, наконец, Достоевского и Л. Толстого, читал запойно, целиком полные собрания.

Как это ни странно, но возбуждал и поддерживал мою страсть к чтению не кто иной, как мой отец, «солдатский сын», не сильно грамотный, веровавший, может быть даже суеверно, в силу просвещения. Другим интеллектуальным возбудителем был театр, усердным и частым посетителем которого я был несмотря ни на какие начальственные запреты... Моим первым литературным опытом была рецензия о театральном сезоне, напеча-

танная в журнале «Артист», когда я был еще в 7-м классе гимназии. Благодаря классовому отбору ученического состава, с одной стороны, и бдительной хватке гимназической администрации — с другой, гимназия была ограждена и от влияния с поднадзорной средой и революционными кружками. Нелегальные издания были почти неизвестны среди гимназистов. Я вспоминаю некоторые беседы со мною В. П. Махновца (Акимова)⁴, не мало поработавшего среди воронежских рабочих. В последних классах гимназии я подпал под влияние толстовства; представителями его были Г. А. Русанов и В. А. Алмазов. В краткую бытность Л. Н. Толстого в Воронеже в апреле 1893 года (в семье Русановых) я имел случай видеть и беседовать со Львом Николаевичем; личность его произвела на меня поражающее впечатление, обеспечившее еще на несколько лет простор влияния толстовства. В 1895 году я окончил курс гимназии (с медалью) и поступил в Петербургский университет на санскрито-персидско-армянский разряд факультета восточных языков. И до сих пор не могу отдать себе отчета, почему из Воронежа меня потянуло на Восток, в Индию...

В течение трех лет я слушал лекции на восточном факультете. Здесь проф. Н. Я. Марр⁵ и С. Ф. Ольденбург⁶ и К. Г. Залеман⁷ были моими первыми учителями в филологии. Учился я санскриту, иранской филологии, древнеармянскому, но ни ориенталиста, ни языковеда из меня не вышло. Любовь к литературе побудила одновременно с этими занятиями на восточном факультете слушать лекции и на историко-филологическом факультете. Сильнейшее впечатление производили на меня лекции А. Н. Веселовского⁸ по поэтике и истории сюжетов. Под руководством его, а также проф. Жданова⁹ я начал овладевать филологическими методами и специализироваться. Уже на втором и третьем курсах я работал над темой по сравнительной истории апокрифа; в 1898 году за сочинение о «Сказании Афролитиана» я получил золотую медаль и лестный отзыв И. Н. Жданова. (Эта работа была напечатана в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук» — 1899, кн. 1 и 4.) В этом же году я напечатал и «специ-

альный» разбор докторской диссертации проф. И. П. Созановича¹⁰. Кроме названных выше профессоров на склад и характер моих научных интересов оказали влияние не бывшие тогда в университете А. А. Шахматов¹¹ и А. Н. Пыпин¹². Очевидно, мне предстояло оставление при университете, но вышло по-иному.

Общественное возбуждение, открывавшее эпоху последнего подъема к первой русской революции, не могло не затронуть университета, оно-то и прервало мои занятия наукой. Это было время легального выступления марксизма и победоносной его борьбы с народничеством; время оживления борьбы рабочих с капиталистами, сопровождавшееся крупной победой (фабричный закон 2 июня 1897 года), время деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», окрашенной в эти годы в цвета «экономизма». В среде студенчества тоже шла борьба между соц.-демократами и только что народившимися соц.-революционерами. В «кассе взаимопомощи», тогдашней студенческой организации, соц.-демократы получили решительный перевес. Я примкнул к руководящей группе (Н. И. Иорданский, А. И. Свиерский, С. Н. Салтыков, М. М. Могиланский и С. А. Волкенштейн) и в 1899 году принял самое активное участие в организации крупнейшего студенческого движения. Примененная нами форма протеста — забастовка впрямь до получения гарантий известной неприкосновенности личности — была явным сколком с форм рабочего движения. Я был исключен из университета, арестован (13 марта 1899 года) и после двухмесячного заключения освобожден и оставлен в Петербурге впрямь до разрешения студенческого дела в административном порядке, но еще до его разрешения началось новое дело.

Сейчас же по освобождении мне пришлось принять участие в пропаганде среди рабочих. Как раз в это время аресты сильно расстроили ряды главенствовавшей в Петербурге организации — «Союза борьбы». Связи с рабочими были ослаблены, и кружки нуждались в пропагандистах и революционной литературе. Но «экономизм» «Союза борьбы» не удовлетворял революционно настроенную молодежь; поэтому возникали автономные

организации, не включавшиеся в «Союз», а ведшие свое дело отдельно. Они завязывали связи с рабочими, создавали кружки и в своей пропаганде выдвигали на первый план политические моменты. Та группа, которую в середине 1899 года создало несколько организаций в Петербурге, участники студенческого движения (в их числе и я), вела преемство от созданной В. Гуттовским (Маевским)¹³ «Группы рабочих для борьбы с капиталом» и в свою очередь была исходной для так называемой «Группы 20», заменившей нас после ареста и в свою очередь разгромленной в 1900 году. Деятельность нашей группы падает на лето и осень 1899 года. Связи наши были среди рабочих главным образом Путиловского завода; на мою долю выпало вести пропаганду в кружке путиловских рабочих (помню рабочих Богдашева и Тимашева). Я был вновь арестован, привлечен к жандармскому дознанию и после восьмимесячного заключения в Доме предварительного заключения впрямь до решения дела выслан в Полтаву. В Полтаве я прожил 1900—1901 годы. Тут подошло разрешение моих дел: приговор по студенческому делу (два года полицейского надзора) был погашен приговором по рабочему — три года ссылки в Вологодскую губернию. Уже после моего отъезда в Вологду я был привлечен к новому (3-му) дознанию при Полтавском жандармском управлении — о распространении «Южного рабочего» и «Искры». По этому дознанию в 1902 году я был арестован уже в Вологде, просидел 4 месяца в вологодском остроге, но дальнейшего развития это дело не получило. В Вологде я провел 1901—1903 годы; вологодская ссылка в эти годы представляла любопытнейший и красочный конгломерат. Здесь был и А. А. Богданов (Малиновский), и значительная группа киевлян (по киевскому «Союзу борьбы»): Б. А. Кистяковский¹⁴, Тучапские, Шен, Бердяев¹⁵; был А. В. Луначарский¹⁶, здесь отбыл ссылку и Борис Савинков¹⁷ и Алексей Ремизов¹⁸, начинавший в то время литературное поприще; были москвичи Б. А. Жданов и др.).

Но, несмотря на аресты, высылку и ссылку, тяга к научной работе оставалась; участие в революционном движении дало новый смысл научной работе и произвело перемещение моих

интересов — от древней письменности, от филологии в узком смысле слова к новейшей литературе, к истории общественных течений. Мои интересы привлекала прежде всего эпоха декабристов; первая моя работа в этой области — «Первый декабрист Владимир Раевский» — была написана по печатной литературе и появилась в 1903 году. Изучение эпохи Раевского и его связей с Пушкиным завязало новую нить моих интересов к Пушкину. Будучи в Полтаве, я ознакомился с остатками семейного архива Гоголя и написал работу «Из школьных лет Гоголя». Но, разумеется, условия ссылки не были благоприятными для развития научных интересов и научной работы. Академики Веселовский и Шахматов, с которыми я находился в постоянной переписке, всячески поддерживали меня в моих занятиях и настойчиво советовали вернуться окончательно к научной работе, держать государственные экзамены и тотчас же перейти к подготовке к магистерским экзаменам и магистерской диссертации. Благодаря их хлопотам и их содействию департамент полиции разрешил мне приехать весной 1903 года из Вологды в Петербург держать государственные экзамены. Экзамен я, конечно, выдержал, но профессор по кафедре истории русской литературы И. А. Шляпкин¹⁹ не решился предложить оставление при университете меня с моим прошлым: для него я был, по его собственному выражению, «миросозерцательным супротивником». Таким образом, «академическая» карьера не удалась мне и на этот раз. Я должен был заботиться о заработке, а жил я еще с университетских лет и в ссылке исключительно литературным трудом. Я писал журнальные рецензии, составлял биографии для «Русского биографического словаря», с 1905 года я работал в радикальной газете проф. Л. В. Ходского²⁰ и «Товарищ». Но все же я продолжал работать и по науке. По ходатайству Академии наук я получил доступ в Государственный архив к делам декабристов, которые были тогда впервые открыты для исследователей. Первыми результатами моих архивных занятий были: «Грибоедов», «Декабристы» и «Декабрист Каховский». По документам архива мин. ин. дел [я] написал исследование «Дуэль Пушки-

на с Дантесом», ставшее зерном моей будущей книги. Тогда же я начал работать над рукописью «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева; подъем 1905 года позволил мне вместе с Н. П. Павловым-Сильванским²¹ выполнить работу крупного исторического и культурного издания — выпустить знаменитое «Путешествие» Радищева, книгу, которую русское правительство уничтожило в 1790 году и за 115 лет разрешило к выпуску только одно (полное) издание (А. С. Суворина, в количестве 100 экземпляров, по 100 руб. за экз.). Павлов-Сильванский написал для этого издания биографию Радищева, а я взял на себя текст и проработку его по рукописям. Тут же скажу, что на мою долю выпало счастье издать хранившуюся за семью печатями и считавшуюся страшной «Русскую правду» П. А. Пестеля (это издание, сделанное по копии, наспех, недостаточное, остается и по сей день единственным).

Со времени возвращения из ссылки я не принимал активного участия в революционном движении, но с ним были связаны мои научные интересы, мои занятия в области, как тогда выражались, «освободительного» движения. 1905 год дает новое направление моей деятельности, дает толчок к широкому массовому распространению знаний истории революционного движения. С этой целью В. Я. Яковлев-Богучарский²² и я разработали в подробностях план издания журнала, посвященного истории освободительного движения в России. Мы привлекли к ближайшему сотрудничеству на равных началах В. Л. Бурцева²³ и с его согласия дали журналу то название, под которым он выпускал за границей свои историко-революционные сборнички, — «Былое». Немедленному осуществлению мысли об издании «Былого» помог Н. Е. Парамонов²⁴, владелец издательства «Донская речь», выпускавшего сотнями тысяч экземпляров ту легальную литературу, которая сыграла крупную роль в революционной подготовке широких масс. Парамонов стал издателем «Былого», а официальными редакторами стали Богучарский и я, формальную ответственность мы распределили между собой по пунктам официальной программы. Первая книга журнала вышла 28 января 1906 года. Успех превзошел

все наши ожидания: первую книгу, отпечатанную в 10 тысячах экз., пришлось набрать и напечатать еще два раза по 10 тысяч экз. Дальнейшие книги «Былого» расходились на круг в 27—28 тысячах экземпляров. В области историко-революционной «Былое» явилось своего рода откровением для массового читателя, но и для ветеранов революции «Былое» давало много нового материала, как мемуарного, так и документально-официального, извлеченного из сокровеннейших правительственных источников. «Былое» понимало историю освободительного движения в широком, всеобъемлющем масштабе — от Радищева до 1905 года, оно останавливалось на деятельности всех революционных партий и организаций. Нужно добавить, что мы не ограничивались изданием собственного журнала, но поставили еще серию «Русской исторической библиотеки», в которой дали ряд отдельных капитальных изданий «Государственные преступления» Богучарского, «процесс 16-ти», работа Н. П. Сильванского «Декабрист Пестель» и общедоступных брошюр. Никогда еще в России не шло таким широким потоком распространение сведений и знаний по истории революционного прошлого. Книги «Былого» зачитывались до дыр в библиотеках, становились необходимым пособием в руках пропагандистов всех партий и давали материал для практических выступлений. Таким, например, было убийство предателя Курицына²⁵ на основании разоблачений, напечатанных в «Былом». Наш журнал мог выполнять четко и настойчиво свое дело и вести историко-революционную пропаганду, только опираясь на могучие революционные волны 1905—1906 года. Власть не могла не считаться ни со своеобразным историзмом журнала, ни с его репутацией, которую он снискал в самых широких кругах читателей, и в первое время не трогали ни журнала, ни нас, редакторов, но по мере спада общественного движения начались эти преследования «Былого», поднятые всевозможными чинами — ведомством печати, прокурорским надзором, следователями, жандармскими офицерами и возглавленные наконец Департаментом полиции: «Былое» обратило на себя особое внимание Департамента полиции. Любой чиновник Особого отдела

Департамента полиции, любой жандармский деятель не могли представить себе легального существования такого журнала, как «Былое». Поэтому на всех обысках без всяких дальних разговоров отбирали все книги «Былого», и иногда, давая исход своему недоумению, тот или иной жандарм запрашивал официально Главное управление по делам печати, действительно ли не конфискована та или другая книжка «Былого». А Департамент полиции поставил однажды Главное управление в известность, что конфискованные номера «Былого», несмотря на последовавшее воспрещение их обращения, открыто продаются в книжных магазинах Петербурга. Впрочем, сомнения в правильности обращения «Былого» исходили не всегда от жандармских властей; так, прокурору Петербургского окружного суда показалось зазорным делом допущение к обращению февральской книги журнала [за 1907 год], в которой прокурор отметил статью Н. И. Фалеева «Итоги военно-полевой юстиции».

Комитет по делам печати неоднократно арестовывал номера журнала и ставил перед Судебной палатой вопрос о привлечении к ответственности редакторов, но Палата не утверждала арестов и не привлекала до поры до времени. Но один процесс все-таки был проведен. В июльской книге журнала за 1906 год цензор усмотрел признаки преступлений — по ст. 128 [Уголовного] улож. в «Деле Бензенгра» и по ст. 107 в статье «Нечаев в Алексеевском равелине». Последнее преступление было в полном смысле историческим преступлением и состояло в оскорблении памяти деда и родителя неблагополучно царствовавшего в то время государя Николая II. Оскорбление это цензор усмотрел в письмах, писанных Нечаевым²⁶ из крепости. Судебная палата вознаградила усмотрение г. Андрияшева²⁷ не в полной мере; она отвергла ст. 128 и присудила меня по ст. 107 к заключению в крепости на 2 месяца. Этот приговор по ст. 107 едва ли не был единственным в судебной практике. До чего беспокойный был человек знаменитый революционер Нечаев: за его слова, да еще в письме, я все-таки отбыл два месяца одиночки «исторического» заключения (в «Крестах»). Разгром «Былого» не заставил себя ждать. Внима-

ние Департамента полиции стало докучным, назойливым, тягостным. Обязательство особого рода нервировали Департамент. В журнале стали появляться извлечения из особо секретных изданий Департамента — обзоров жандармских дознаний, секретных циркуляров, секретных документов и записок, из которых некоторые относились к новейшим событиям. Редакция «Былого» располагала в довольно большом количестве такими материалами, которые Департамент почитал недоступными ни для кого из непосвященных. Но часть этих материалов редакция получала как раз от лиц посвященных, между прочим и от известного деятеля секретного политического розыска — М. Е. Бакая (Михайловского)²⁸. Первое его появление в редакции «Былого» и первое его признание В. Л. Бурцеву относятся к осени 1906 года. Департамент не мог не заинтересоваться источником, из которого шли к ним его секретные материалы. Но интерес Департамента к делам «Былого» достиг кульминационной точки, когда он известился о том, что из редакции «Былого» идут фактические сообщения, ставящие партию социалистов-революционеров на след величайшего предателя в ее центре. Случилось это так. Данные, бывшие в распоряжении «Былого», говорили совершенно определенно и несомненно о присутствии в центре партии в боевой организации крупного предателя, но не давали указания имени. Ранней осенью 1907 года я побывал в Гельсингфорсе со специальной задачей сообщить Б. В. Савинкову полученные в редакции данные об этом предательстве. Савинков немедленно же поделился этими сведениями не с кем иным, как с «Иваном Николаевичем», т. е. Евно Азефом²⁹. Остальное понятно. Азеф потребовал от своего начальства выяснения источника сведений «Былого» и ликвидации «Былого», В. Л. Бурцева и редакции. Об этом категорическом требовании Азеф сам рассказывал В. Л. Бурцеву позже во Франкфурте³⁰. Затем все пошло как по-писаному. Вышедшая 28 октября 1907 года ежемесячная книга «Былого» оказалась последней. Она была конфискована, и я был привлечен в качестве обвиняемого. Второго ноября градоначальник Драчевский³¹ на основании положения о чрез-

вычайной охране распорядился приостановить издание журнала, а меня выслать из Петербурга «за вредную политическую деятельность». Такое основание казалось мне в то время туманным; я пытался лично узнать у Драчевского, в чем дело, но градоначальник стал приводить совершенно диковинные соображения, вроде ссылки на мои сношения с неблагонадежными лицами, в числе коих был назван на первом месте В. Я. Яковлев-Богучарский. Истинных оснований градоначальник, конечно, не имел возможности сообщить. Я добился невозможного, получил аудиенцию у Столыпина, но в ночь накануне приема получил известие об отказе мне в аудиенции: очевидно, Столыпин справился с моим делом и не пожелал открывать мне обстоятельства, вызвавших репрессии против меня³². Но мы не сдавались и после закрытия «Былого» продолжали дело, вместо двух недоданных за 1907 год книг журнала выпустили номер журнала «Наша страна», а с января 1908 года приступили к изданию нового журнала (с введением отдела **общественно-исторического** — «Историзм и литература») «Минувшие годы». После высылки из Петербурга я поселился в Сестрорецке и продолжал работать по журналу, часто наезжая в запретную для меня столицу. Но поездки мои кончились тем, что однажды я был арестован на улице и был брошен в арестное отделение Коломенской части — грязнейшую из всех мною виденных тюрьму. После месяца заключения по постановлению Особого совещания³³ теперь я был выслен под гласный надзор полиции на два года «за вредную политическую деятельность». Местом жительства выбрал я Юрьев; мне казалось, что мне уж не придется заниматься ни журнальной деятельностью, ни наукой. Поэтому я решил сдать государственные экзамены по юридическому факультету, думая, что юридический диплом будет полезен мне в предстоящей ссылке. Я переехал в Юрьев со всей семьей, — я работал здесь над экзаменными программами и в то же время вел литературный и общественно-исторический отдел в журнале «Минувшие годы». Но меня ждали новые неприятности. Временный прибалтийский генерал-губернатор, генерал от инфантерии барон Меллер-Закомельский³⁴, по

ходатайству лифляндского губернатора решил подвергнуть меня вторичному наказанию на том основании, что в Юрве находится университет и ветеринарный институт и что, кроме того, Юрв является центром революционной пропаганды среди эстонского населения. Прибалтийский воевода признал крайне опасным для общественного порядка и спокойствия мое в Юрве пребывание и постановил выслать меня... Здравый смысл и логика требует окончания: выслать... из Юрве, или Прибалтийского края, но, по Меллеру-Закомельскому, вышло так: выслать меня в Астраханскую губернию на время военного положения. Стоило больших трудов моим петербургским друзьям доказать вздорность и нелепость генерал-губернаторского каприза, но в конце концов Юрв я должен был оставить. Новое местожительство я выбрал на границе Петербургской губернии, в с. Любань Новгородской губернии. Осенью 1908 года я переехал в Любань и возобновил здесь свою работу по биографии Пушкина, пользуясь близостью столичных книгохранилищ. Но тем временем подошло и слушание моего дела по «Былому» в Петербургской судебной палате — 13 января 1909 года. Приехал я из Любани на суд, ожидая если не оправдания, то обычного приговора по литературным делам — года крепости. На случай изменения меры пресечения была добыта и обычная сумма залога — 1000 рублей. Но я оказался не в курсе дела, а председатель Судебной палаты Крашенинников знал, что ему делать в моем процессе, и приговорил: издание журнала «Былое» запретить навсегда, а меня подвергнуть заключению в крепости на три года. Тут же в зале суда — 13 января 1909 года — я был арестован, переправлен в Дом предварительного заключения, а после вступления приговора в законную силу (я имел наивность писать в Сенат кассационную жалобу, оставленную, конечно, без последствия) в столь знакомую мне С.-Петербургскую тюрьму («Кресты»), из которой я вышел в мае 1911 года после двух лет и четырех месяцев одиночного заключения. При отбытии крепостного заключения в одиночной тюрьме первый год считали два дня за три, а второй год три дня за четыре, но тюремная практика делала

такое сокращение срока только на полтора года сидения, а остальные свыше 1½ лет срок должен был отбываться в тех же условиях день за день. Эту явную несправедливость я обжаловал в Сенат и министру юстиции, но до принципиального разрешения дело не дошло, ибо я, по ходатайству Академии наук, был освобожден, пробыв ровно столько, сколько выходило по моему исчислению. Сенат вследствие моего освобождения оставил мою жалобу без рассмотрения.

Заключение вновь вернуло меня к академической научной работе. Я имел в своем распоряжении книги из крупнейших библиотек Петербурга, а кроме того, пушкинские рукописи в фотографиях, которые посылал мне в тюрьму С. А. Венгеров³⁵. Здесь я написал работу «Из разысканий в области биографии и тексте Пушкина». В ней я поставил методологические вопросы пушкиноведения и выдвинул, как необходимое условие всех изучений Пушкина, неперемное обращение к рукописям Пушкина и изучение всего чернового текста. Эта работа была напечатана в органе «Пушкин и его современники» и произвела значительное впечатление среди пушкинистов, если судить по отзывам прессы, по количеству научных докладов, ею вызванных, и по обильному пользованию ею как материалом при семинарских занятиях студентов. Внешний повод к исследованию был дан мне работой М. О. Гершензона³⁶. Я уважал его личность, ценил его за обширность и глубину знаний, но не мог равнодушно пройти мимо его мистицизма в научных построениях, порождавшего пророческие вещания и чтения в сердцах, совершенно бесплодного, даже вредного в филологической науке. В тюрьме я приступил к обработке материалов, извлеченных по моей просьбе, поддержанной Академией наук, из иностранных дипломатических архивов, относившихся к истории дуэли и смерти Пушкина.

По выходе из тюрьмы я вернулся по-прежнему к литературной работе, редактировал «Библиотеку мемуаров» в издательстве «Огни» (записки бр. Бестужевых, Н. В. Басаргина, В. П. Колесникова, Г. Винского, гр. Комаровского; две серии — дневник В. С. Аксаковой), редактировал «Сочинения С. Т. Аксакова» в изд. т-ва «Деятель»

(вышел только один том; издание приостановлено войной), принимал участие в редакции журнала «Современник» и в газете «День» (до весны 1917 года), выпустил две книги своих статей «Исторические этюды» и «Пушкинские очерки». Последняя книга получила Пушкинскую премию³⁷. К эпохе декабристов я вернулся небольшим исследованием по архивным материалам «Николай I» и «М. М. Сперанский»³⁸ в Верховном суде над декабристами и дал ряд публикаций материала (в журнале «Современник» и лит. приб. к газете «День» — «Откликах», которые я и редактировал); основной темой моей научной работы за это время был Пушкин. Я взял на себя редакцию сочинений Пушкина для «Академической библиотеки русских писателей», был набран первый том, но издание из-за войны прекратилось; приступил к проработке материала для биографии Пушкина, которую должна была издать Академия наук, и в 1916 году выпустил свою большую книгу «Дуэль и смерть Пушкина (Исследование и материалы)». На основании настойчивой филологической и исторической критики источников я старался дать соответствующую действительности картину умирания Пуш-

кина, освободить его образ от патристического и религиозного дурмана, о котором постарались его друзья, а затем его официальные почитатели, и разрушить легенду о царской дружбе и царских милостях к поэту. Война ограничила возможность и сильно спутала мои карты. Пришлось научную работу свертывать.

В 1917 году революция снова отрывает меня от историко-литературных работ и возвращает вновь к проблемам историко-революционным. В первых числах марта 1917 года А. Ф. Керенский предложил мне принять в свое заведование и приступить к разбору всех тех материалов, которые сохранились в помещении Департамента полиции в доме № 16 по Фонтанке и составляли собственный архив III отделения и огромное производство Департамента полиции с момента возникновения по текущий день (1880—1917). Этот огромный материал, разбитый и разбросанный в первые дни революции, развезенный по разным местам (в Академию наук, в Министерство юстиции), был собран под моим руководством и сосредоточен в одном месте и находился под разными названиями... (Дальше рукопись обрывается.— Ф. Л.)

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

КАК ВОЗНИКЛО ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЫЛОЕ»

Журнал «Былое», посвященный истории освободительного и революционного движения, своим возникновением и своей жизнью обязан эпохам революционного подъема. Первый период существования падает на годы первой русской революции. История этого периода (1906—1907 годы) изложена в статье, помещенной в журнале «Былое», 1917, № 1. С разгромом первой революции закончило жизнь и «Былое»: два редактора оказались не по своей воле за границей, а третий редактор, пишущий эти строки, поплатился почти трехлетним одиночным заключением и высылкой из Петербурга, а самый журнал был прекращен царским правительством «навсегда». Но революция 1917 года прекратила навсегда царское правительство и позволила возобновить издание журнала «Былое» летом 1917 го-

да. В сущности только после Февральской и Октябрьской революций с полной свободой во всей широте можно было изучать революционное движение. Инициатива возобновления принадлежала мне; первоначальный состав редакции: я, В. Л. Бурцев и В. В. Водовозов¹, заменивший В. Я. Богучарского, умершего в 1915 году. Бурцев, занятый политическими выступлениями и развивавший в своей газете «Общее дело» пропаганду войны до победного конца, почти не занимался делами «Былого», после же Октябрьской революции совсем отошел от редактирования и в январе 1918 года отбыл из Советской России. Бездействовал и В. В. Водовозов; его сменил Е. В. Тарле², но и он работал недолгое время (1918-й год). Фактически всю работу по редакции вел я, а после ухода Тарле и до последнего

дня я оставался единоличным редактором. Под мою ответственность как редактора и возобновлялось периодическое разрешение издания соответствующими организациями — сначала отделами печати при Петроградском Совете, в последнее время Гублитом. За редакторскую и литературную часть я нес ответственность единолично. Издательская часть испытала следующие изменения. Н. Е. Парамонов, начавший издание «Былого» в 1906 году, взял на себя издание и в 1917 году. Летом этого года он приехал на несколько дней в Петроград, заключил соглашение с редакцией и отбыл, не дождавшись даже выхода первой книжки и поручив ведение дела своему доверенному. Подошла Октябрьская революция, и издатель «Былого» оказался в другом — белом стане — на Дону у Каледина³, Корнилова⁴, Алексеева⁵, Деникина⁶ и с отступающей контрреволюцией ушел на запад. Понятно, издание журнала, служившего делу революции пропагандой историко-революционных знаний, было теперь для Парамонова делом не ко времени и не к месту. В начале 1918 года было получено от него распоряжение о закрытии журнала, через 2 месяца оно было повторено, но редакция и служащие решили пренебречь распоряжением сбежавшего хозяина; журнал хорошо распространялся, органы революционной советской власти оказывали содействие изданию и являлись главнейшими приобретателями, даже единственными, в эпоху военного коммунизма. Редакция и сотрудники издательства сочли правильным порвать всякие отношения с издателем и продолжить дело собственными силами. Так явочным порядком возникло товарищество по изданию журнала «Былое» и книг по истории революционного движения. В пределах революционного порядка товарищество получило оформление и стало работать по данному ему уставу производительной трудовой артели, приняв наименование «Кооперативно-издательское товарищество „Былое“». Подлинный устав находится в делах судебного ликвидатора. С течением времени этот примитивный устав был признан неудовлетворительным, и «Былое» обратилось в 1925 году с просьбой об утверждении нового типового устава. Копия его здесь прила-

гается. Не могу дать точного ответа, был ли к моменту расстройства дел «Былого» проведен этот устав через все инстанции.

Состав товарищества менялся, в товарищество входили в период работы все служащие конторы, редакции, редакторы и главнейшие сотрудники. Непременными и почетными членами товарищества были наши заслуженные революционеры, принимавшие близкое участие в «Былом» еще в первый период существования, деятели славной революционной партии «Народная воля» — Анна Павловна Прибылева-Корба⁷, Александр Васильевич Прибылев⁸, Иван Иванович Майнов⁹. Кроме них в последний состав членов товарищества, пайщиков входили профессор русской истории А. Е. Пресняков¹⁰, писатель по историческим и историко-литературным вопросам В. Ф. Боцяновский¹¹, начинающий историк П. П. Щеголев¹², Е. В. Бороздина¹³, вдова сотрудника «Былого» профессора А. К. Бороздина¹⁴; член коллегии защитников, в свое время принимавший участие в революционном движении, умерший в 1926 году М. Е. Феодосьев; вошедший в состав товарищества, так сказать, по наследству и заместивший умершего Я. Я. Брусова сын его П. Я. Брусов; П. А. Краков, ныне покойный, человек с революционным прошлым и, кроме того, специалист по издательской части, руководивший финансово-техническими издательскими функциями крупных предприятий (заведовал конторой газеты «День», управлял огромным делом «Биржевых ведомостей») и пользовавшийся солидной репутацией в издательском мире. Наконец, особо нужно поименовать последнего по времени вступления члена — А. О. Новикова. Это элемент, чуждый товариществу, но он был введен по инициативе Кракова как необычайный специалист по распространению издательской продукции, о нем шла слава, что он обогатил такое почтенное издательство, как издательство Коммунистической академии. Впоследствии оказалось, что репутация его не соответствует действительности, а деятельность его нашла зловещее освещение в обследовании РКИ и в статьях т. Ропзенмана в «Московской правде». Таким образом, в состав товарищества входили трудящиеся — авто-

ры, ветераны революции, люди чуткие к вопросам истории революции, но, конечно, не хозяйственники. Поэтому в вопросах хозяйственно-технических члены товарищества прибегали к руководству Кракова и на общем собрании избрали его заведующим издательской частью. Таким ответственным заведующим издательской стороны дела (технической, издательской, финансовой) он оставался до конца — ответственным перед общим собранием и перед органами власти. В анкетах, подаваемых в Гублит, были указываемы два ответственных лица: я — по части редакторской и литературной, Краков — по части издательской. В правление входили три члена: я, Краков и А. В. Прибылев. А. В. Прибылев не нес специальных обязанностей и был советником по литературной части дела. В январе 1925 года общим собранием был выбран в члены правления Новиков, и общее собрание дало ему поручение взять под свое наблюдение магазин издательства в Москве и организацию отдела подписных изданий.

При таком распределении обязанностей велось дело в «Былом». Журнал пользовался широким успехом, так же, как и отдельно выпускаемые издания; издательство приобрело прочную репутацию и встречало поддержку во всех госучреждениях и общественных организациях. Краков оправдал доверие, ему оказанное. На годичном собрании докладывались финансовые отчеты, и на 1 января 1925 года по отчету за 1924 год была даже прибыль. Но 1925 год оказался роковым для деятельности товарищества. На этот год приходится огромный издательский кризис, коснувшийся как крупнейших издательств (начиная с Госиздата), так мелких и средних. Протесты издательских векселей стали всеобщими, книжный товар потерял всякую ценность, книжные запасы стали равными цене макулатуры. Кроме общего кризиса крайне тяжело отозвалось на «Былом» и банкротство крупных покупателей, закупавших издания целыми тиражами, — издательств Л. Френкеля и затем В. Каганского. Издательство Каганского под фирмой «Россия» заключило с «Былым» договор на монопольное распространение изданий «Былого», причем оно установило и тираж выпус-

каемых книг. Вначале это издательство выполняло свои обязательства, платило деньги, затем исправно погашало свои векселя, но с отъездом Каганского за границу весной 1925 года начались перебои в платежах, частичные погашения, переписка векселей, а в начале 1926 года платежи издательством Каганского были прекращены. Этот крах подкосил издательство «Былое». Правда, Каганский предоставил на удовлетворение кредиторов претензии к своим должникам, превышавшие сумму его задолженности и рассеянные по всему Союзу ССР, но издательство «Былое» не воспользовалось этими претензиями ввиду отсутствия материальных возможностей заводить дела на всем протяжении СССР. В марте или апреле начались протесты векселей «Былого». Надо сказать, что ни я, ни Прибылев, ни остальные члены товарищества не представляли себе размеров той финансовой опасности, которая стояла перед «Былым». Отчет финансовый за 1925 год, доложенный в начале 1926 года, не возбуждал опасений: если на право был записан долг «Былого», то налево была записана равнявшаяся ему стоимость книготоргара, оцененного в 30—35% против номинала. Действительность 1926 года показала, что эта оценка неверна и ценить нужно в 3—4%. Когда пошли первые протесты, Краков заверил нас, что это не так важно, что протесты можно снять и восстановить кредит и что для этого надо достать деньги.

Действительно, благодаря поддержке отдела печати при ЦК партии «Былое» получило ссуду, но эта ссуда не могла его спасти. В эти первые месяцы начинающегося краха я не верил в гибель дела и до такой степени верил в то, что оно оправится и будет продолжаться, что пошел ему на помощь и собственными деньгами, и своим кредитом. О моих материальных отношениях к «Былому» я должен сказать, что ничтожный заработок по «Былому» (в последнее время 100 р. в месяц, которых я не получал и которые только записывались на мой счет) никогда не был для меня источником существования; я жил всегда на мои литературные гонорары, а в 1925—1926 гг. они были весьма значительны благодаря успеху пьесы «Заговор императрицы». Во все время су-

уществования «Былого» при отсутствии денег в кассе, бывшей на руках у Кракова, при отсутствии Кракова мне приходилось субсидировать контору, сотрудников из собственных средств; когда деньги появлялись, мне возвращали сделанные мной платежи по представляемым мной распискам. При разборе своих бумаг осенью настоящего года я обнаружил у себя немало расписок, которые не были мной совершенно представлены по моей небрежности и, следовательно, не были оплачены. Когда началось стесненное положение издательства, такие обращения ко мне за деньгами становились все более частыми; иногда мне приходилось давать не десятки, не сотни, а тысячи (кажется, в феврале 1926 года я дал 2 тыс. р.), но возвращения денег становились все более редкими и частичными. Когда начались протесты векселей «Былого» и когда банки потребовали замены подписей и бланков, поставленных «Былым», подписями и бланками, поставленными лицами неопротестованными, а таким был я, я, веря в будущее «Былого» и желая удержать от гибели дело, с которым я был так долго связан кровно и даже тюремно, не мог удержаться от подписи и бланкирования векселей «Былого». А так как в это время произошло падение моих литературных гонораров и, главным образом, по «Заговору», то случилось и мое разорение. Я не мог уплатить сразу по векселям, мной подписанным или бланкированным; пришлось прибегнуть к частичной уплате и переписке; дело дошло до протеста моих векселей, до предъявления их ко взысканию, до описи моего имущества, затянулось даже до настоящего времени. Векселя были учитываемы в обществах взаимного кредита по 3, 3¹/₄ и 3¹/₂% месячных; таким образом на тыс. рублей долга я уплачивал в год одних процентов около 500 р. Судебный ликвидатор может представить выписку из моего счета, я не знаю, в какой мере задолженность «Былого» мне нашла отражение в бухгалтерских книгах, но во всяком случае зафиксированный в книгах долг «Былого» мне, конечно, ниже той суммы, в которую обошлось мне желание поддержать дорогое мне дело; в книгах «Былого» не записаны, конечно, те колоссальные проценты, которые я уплатил по

принятым на себя обязательствам «Былого», и, кроме того, просто остались незаписанными многие мои платежи. Быть может, в последнем виноват и я, так как, ознакомившись летом 1926 года с финансовой катастрофой, постигшей «Былое», я увидел, что ни о каком, хотя бы частичном, возвращении моих расходов за «Былое» не приходится и мечтать, а потому, понятно, во мне остыло самое желание точной фиксации на бумаге долгов «Былого» мне, долгов, которые все равно не будут мне уплачены. И до самого последнего времени мне приходится платить за «Былое». Так, когда мне пришлось заключить договор на мою литературную работу с издательством «Красной газеты», последняя поставила непременно условием покрытие задолженности «Былого» «Красной газете» в сумме 165 рублей. Мне пришлось согласиться на уплату; расписка «Красной газеты» находится у меня и в ликвидационную комиссию не представлена. Еще пример: Госиздат, с которым у меня большой счет по моим литературным делам, преспокойно перенес на мой счет, несмотря на все мои протесты, задолженность «Былого» в сумме 630 рублей. Наконец, мной произведен ряд мелких уплат гонораров сотрудникам и служащим. Так я оплатил жалованье помощнику редактора т. Левину¹⁵, курьеру Минаеву, разным сотрудникам. Расписки их у меня и в ликвидационную комиссию не представлены за необходимостью. Вообще я считаю, что с начала 1926 года по сей день я уплатил за «Былое» 12 тысяч рублей, да остается еще мне уплатить по векселям около 6 тысяч рублей, считая проценты, судебные издержки и т. д.

По поводу финансово-коммерческой деятельности «Былого», по поводу ведения бухгалтерских и конторских дел я не могу дать никаких объяснений. В эту сторону деятельности ни я, ни Прибылев совершенно не входили. Занимался ею единственно Краков; он управлял конторой и бухгалтерией, держал кассу в своих руках, заведовал всей финансовой политикой. Мы относились к нему с абсолютным доверием и до самого последнего времени не имели оснований к иному отношению. Только в мае 1926 года, когда крах разразился, общее собрание потребовало от Кракова финансового

отчета, но отчета Краков не представил. Он был чрезвычайно подавлен раскрывшейся картиной гибели «Былого», замкнулся в себе, уклонялся от каких-либо фактических объяснений и разговоров, с величайшей неохотой отвечал на запросы уставной ликвидационной комиссии, которая с большими усилиями добивалась сдачи материалов и документов. В апреле месяце 1927 года он покончил с собой (бросился в Неву), не оставив никаких писем и объяснений. Летом 1926 года мне пришлось лично ознакомиться с постановкой дела в конторе и бухгалтерии и убедиться, что хозяйственная и финансово-издательская сторона дела была поставлена крайне плохо и находилась в беспорядке. Когда была учреждена уставная ликвидационная комиссия, дела были сданы ей в хаотичном виде. Комиссия привела в порядок все, что попало в ее распоряжение, и сдала судебному ликвидатору, затем я сдал то, что было у меня, и наконец при ликвидации помещения «Былого» были обнаружены целые вороха бумаг и документов, которые также были препровождены судебному ликвидатору и приняты им без описи¹⁶.

В период обостренного издательского кризиса издательство прибегало к открытию магазинов — книжных и писчебумажных. На многих примерах показана была прибыльность этих магазинов для издательского дела. И издательство «Былого» прибегало к этому средству. 2 раза оно открывало книжные магазины — в 1922 году в Петрограде и в 1925 году в Москве. Магазины открывались по постановлению общих собраний и с разрешения соответствующих органов — административных, хозяйственных и политических — исполкома, кулпрома и гублита, ни у кого из членов товарищества не возникало сомнения относительно законности открытия книжных магазинов и торговли продуктами не своего производства и не в районе Ленинграда. Особенно убедителен при-

мер открытия антикварного книжного магазина в 1922 году (он был закрыт издательством в следующем году): здесь, в Ленинграде, ни один из правительственных органов, которым устав был хорошо известен, не протестовал против торговли антикварными книгами, которую вел магазин «Былого». Также был открыт с разрешения соответствующих московских органов магазин в Москве, торговавший канцелярским товаром, отпускаемым ему госучреждениями. Магазин в Москве был открыт по предложению Кракова и под его руководством. Но и здесь издательству «Былое» не повезло; на должность управляющего магазином Краков пригласил некоего Гурского, и магазин вместо прибыли принес колоссальные убытки. Ревизия, произведенная издательством, обнаружила не только бесхозяйственность ведения дела, но и недостачу денег в кассе и растрату их. Краков передал дело о Гурском в Московский угрозыск, но прокуратура не нашла признаков уголовных в деяниях Гурского и прекратила следствие. Акт ревизии прилагается. По предложению Кракова и Новикова общее собрание постановило учредить отдел подписных изданий и поручило заведование этим отделом единолично Новикову. С Новиковым было заключено только соглашение, по которому он должен был вести это дело безубыточно для «Былого» с представлением «Былому» 40 или 50 процентов (точно не помню) с номинала по изданиям «Былого» и 10% по всем другим изданиям. Но, открыв отдел, Новиков не представил ни плана, ни организации, ни какого-либо отчета о ведении дела, несмотря на многократные и настоятельные требования правления «Былого», общих собраний, уставной ликвидационной комиссии и, кажется, даже судебного ликвидатора. Таким образом, я решительно ничего не могу сказать о подписном отделе: ни об его организации, ни об его оборотах.

В. Н. КАШИН

КОНСЕРВАТИВНЫЙ СОВРЕМЕНИК ДЕКАБРИСТОВ

(Князь Б. Н. Юсупов)

Догорали последние огни классической поры дворянского государства XVIII века, быстро менялась общественная среда, и «екатерининские орлы» теряли свое яркое оперение, сходя с жизненной сцены или отправляясь в Москву проехать свои поместья. Дворянство справилось с вулканическим взрывом пугачевщины, но не могло остановить подпочвенные течения, разъедавшие экономическую почву под его ногами и выделявшие цепкую крепостную буржуазию, выступавшую рядом с купеческим капиталом или усиливавшую ряды его представителей. Ситец побивал шелк и сукна. «Вольная» купеческая и даже крестьянская фабрика росла и крепла за пределами ограды дворянских привилегий. Недоступные для отечественной буржуазии горнозаводский Урал и зерновое хозяйство терпели поражение на английском рынке. Наступил кризис сбыта. К началу двадцатых годов почва заколебалась под ногами дворянства, и среди то и дело возобновлявшихся признаков разгромленной, но бессмертной пугачевщины широкие трещины в экономическом фундаменте грозили перейти и на социальные своды огромного здания дворянского государства, с которого быстро осыпалась либеральная окраска первых годов XIX века. Надобно было или укреплять его, или перестраивать.

Но после потери английского рынка склонность к английской ферме и английскому конституционализму уступила место «русскому манеру», а «аглицкий» клуб казался современнику Вигелю¹ средоточием «вестовщиков» и «едунов», «самый оппозиционный дух» которых был не опасным для прави-

тельства «совершенным вздором». Немногочисленная часть дворянства готова была примкнуть к движению за переустройство государства на буржуазный лад, но примыкать было не к чему, — декабристам пришлось оказаться не союзниками, а застрельщиками буржуазии. Сама эта буржуазия «аршинников» и «надувал морских» могла лишь ощипывать понемногу пышные геральдические хвосты благородного российского дворянства и, в лучшем случае, окружать декабристов атмосферой бесформенного сочувствия. Не менее бесформенная, но гораздо более напряженная атмосфера сочувствия притаившейся «пугачевщины» еще менее могла ободрять декабристов. Картина идеального буржуазного государства, рисовавшаяся взору западных либералов начала XIX столетия, была уже омрачена небольшим, но быстро разраставшимся штормовым облаком движения «четвертого сословия»². В отсталой России это облако не затемняло перспектив завтрашнего дня, и заимствованные декабристами у западного либерализма цензовые регуляторы буржуазного государства нужны были им для другой цели. Угроза могла исходить от несравненно более реальной фигуры крепостного крестьянина. Из-под палки работавшая на крепостной ниве и фабрике фигура эта могла вдохновлять декабристов на более или менее радикальные филиппики против экономических порядков крепостной вотчины и социального строя крепостнического государства. Та же мужицкая фигура более туманных очертаний, но с явственным топором в руках, сдерживала угрозой пугачевщины деятельность дворянских ра-

дикалов. Вопрос о мужике был двигателем, он же был и тормозом движения декабристов. Но буржуазия опасалась пролетариата в будущем, после революции, и чем радикальнее была эта революция, тем явственнее становилась угроза рабочего движения. Декабристы опасались пугачевщины в настоящем и, с технической стороны, в момент переворота, но чем радикальнее был он задуман, тем менее могло будущее грозить пугачевщиной.

Предваряя дворян-конституционалистов или либеральных земцев XIX—XX веков, декабристы были поэтому гораздо радикальнее их, особенно на фоне соответствующей социальной среды. Но тем сильнее был и отрыв этого ничтожного меньшинства дворянства от огромного консервативного большинства его. Питавшие радикальную струю декабристов либеральные течения начала XIX века иссякли задолго до формального разгрома, и, прежде чем картечь окончила железной точкой и вымарала кровью последнюю страницу истории заговора декабристов, они были уже политическими мертвецами. План меньшинства открыть шлюзы потоку буржуазного влияния рухнул. Консервативное большинство, став реакционным, с удвоенной силой принялось за осуществление попытки укрепить плотину против этого потока. Наступил ледниковый период, а с ним и усиление соответствующей дворянской фауны. На исторической сцене замелькали предки будущих российских «зубров». Методы консервирования дворянского преобладания среди крепнущих буржуазных течений экономической жизни страны предвкусали будущего пореформенного апостола оледенения, К. П. Победоносцева³. В крепостной вотчине вопрос об улучшении хозяйства ставился теперь в плоскости не изменения системы труда, а разработки организации и форм эксплуатации этого крепостного труда. В покоившемся на крепостной вотчине крепостническом государстве задачей момента стало не изменение, а уточнение и приведение его в порядок. Крепостник-помещик стал консерватором, и консерватизм сделался лозунгом и знаменем каждого государственного деятеля эпохи, начиная с императора Николая и кончая последним из «тридцатых тысяч столоначальников». Социальное лицо этих официальных героев

своего времени достаточно очерчено не только на полотне их портретов, но и на страницах посвященной им обширной литературы. Гораздо менее обрисована физиономия тех помещиков тридцатых годов, чей вотчинный консерватизм был источником консерватизма государственного. Страницы хозяйственной переписки, отражавшие повседневные, привычные и потому основные элементы социального мировоззрения консервативного помещика той эпохи, помогут нам оживить висевший в юсуповском особняке портрет князя Бориса Николаевича Юсупова, бывшего в расцвете своих сил консервативным сверстником декабристов, вступившего на самом пороге 30-х годов во владение обширными именьями отца и сумевшего умереть в 1849 г.—в начале явственного конца своей эпохи. А предвещающая эпоха дала портрету князя Б. Н. Юсупова удачный и яркий фон в лице его собственного отца⁴.

Когда по поводу слухов о намерении правительства учредить майораты желчный Вигель предвидит скопление в руках знати «огромных состояний» с соответственным обеднением все более многочисленной массы мелкого и среднего дворянства и раздражается негодующей тирадой против будущего «высокомошья бояр», он отмечает в своем дневнике, что «тогда-то водворится у нас Европа, тогда-то воскреснут между нами средние ее века,—о, блаженное время! Или, лучше сказать, постигнет нас участь благополучной Польши с ее завидной анархией, и наши Юсуповы будут сзывать сеймы, составлять конфедерации. Хороши мы тогда будем. Право, лучше бы удельные княжества». Вспоминая о князе Юсупове при первой же мысли о грядущем «высокомошью бояр», Вигель не без основания делал эту фамилию нарицательной для обозначения знатного барства. Старый вельможа XVIII столетия проживал в то время в Москве на покое среди других обломков и пережитков минувшего века. Сам будучи сыном одного из московских «бар», Герцен в своих воспоминаниях, подобно Вигелю, делает старика Юсупова типичным представителем этого барства, в центре которого стоит «блестящий умом и богатством русский вельможа, европейский *grand-sieur*⁵ и татарский князь Н. Б. Юсупов». Высокомошный боярин, угрожавший стать чем-то вро-

де удельного князя в саркастическом изображении «русолоба» Вигеля, grand-siegeur на языке и в воспоминаниях западника Герцена, престарелый князь должен был быть блестящим не только по «уму и богатству», но и по своей типичной яркости представителем былого прошлого, чтобы казаться таким и лучшему наблюдателю из мемуаристов эпохи, и крупнейшему из публицистов первой половины века. Герцен был прав относительно ума и «действительно артистического вкуса» Юсупова. Почти 20 лучших лет своей жизни подряд, с небольшими перерывами, в качестве сперва знатного путешественника, а затем представителя русского двора князь провел в картинных галереях, салонах и дворцах «блестящей Европы». Он с честью выполнял требовавшиеся веком светские и «общественные» обязанности: блистал в заграничных салонах, посетил Вольтера, встретился с Бомарше, беседовал с Дидро, познакомился с лучшими художниками и скульпторами эпохи, составил себе обширное собрание ценных картин, мрамора и табакерок и поставлял художественные камен и драгоценности своей императрице. А возвращаясь в Россию, писал в свои оброчные имения «старосте и всем крестьянам» для сведения, как, например, в 1788 г.: «...даю вам знать, что я из чужих краев в Россию возвратился, так сим вам и предписываю оброчные деньги на сей 788 год... с получением сего в самой скорости собрав бездоимочно, без всяких ваших отговоров, отправить и более повелением не ожидать, под опасением тебе, старосте, и первостатейным крестьянам жесточайшего наказания и гнева». Так на крестьянских медяках росли и улучшались сокровища искусства и артистические вкусы князя, и уже в 1782 г., познакомившись с ним, Леопольд Тосканский⁶ писал, что он «молодой человек весьма образованный и умел извлекать себе большую пользу из своих путешествий. Он большой знаток в древностях, в искусствах и картинах». Но чтобы заслужить такой отзыв, надо было уметь извлекать пользу не только из путешествий. Знатные современники Юсупова не любили «проливать кровь» за свое отечество иначе, чем в воспоминаниях о предках на страницах введений к пышным дворянским грамотам Екатерины или в речах

кн. Щербатова⁷ во время борьбы с купечеством в комиссии 1767 г. «Екатерининские орлы» Потемкиных, Суворовых, Румянцевых выходили больше из рядов худородного дворянства, были своего рода дворянскими разночинцами. Знать устраивалась иначе. Записанный младенцем в лейб-гвардию и семи лет пожалованный в корнеты, князь Юсупов, став поручиком в разгар турецкой войны, предпочел отправиться не на берега Кагула⁸, а в заграничные салоны. Вернувшись же в Россию, он числится сенатором, заведует театральным ведомством, совершенствует балет, и после такой подготовки ему поручаются сначала три казенных завода, а затем и пост президента мануфактур-коллегии. Новое столетие приносит пятидесятилетию князю освобождение от службы и ряд синекур и почетных придворных должностей и званий. Но, мало пробыв на действительной государственной службе, князь сумел извлечь из нее немало выгод. Обнаруживая незаурядное умение доить свое отечество везде, где к этому представлялся удобный случай, маститый вельможа не пренебрегал и мелочами, немедленно же по наступлении «дней Александровых прекрасного начала» использовал на свой лад либеральную ситуацию. В 1802 г., например, в кабинет его императорского величества приняты были от князя Юсупова две табакерки для приобретения в казну за 7300 руб., да «на спекуляцию», т. е. для комиссионной продажи, еще 2 табакерки за 6600 руб. и два перстня за 11 500 руб. Всучив императору излишние табакерки, с обязательством, впрочем, за свой счет приделать к ним царский шифр, и навязав кабинету его величества функции антикварно-ювелирного комиссионера, князь озаменовал свой совершившийся в этом году уход с поста президента мануфактур-коллегии не только такой хотя и деловитой, но мелкой «спекуляцией». Немедленно по оставлении мануфактур-коллегии он добивается совершившейся в 1803 г. передачи ему казной «в вечное и потомственное владение» обширной Купавинской шелковой фабрики на очень льготных условиях. В южных своих «малороссийских» имениях, вдобавок к пожалованной его отцу Ряшковской суконной фабрике, он открывает в Курской губ. вторую, Никольскую

фабрику, пользуясь выгодами от усиленных казенных поставок сукна. На берегах Каспийского моря он собирает обильную дань с купцов за право рыбной ловли в водах, на которые он сам, в сущности, никакого права не имеет. Когда же оказалось, что и лучшая часть его береговых владений была им незаконно захвачена у Войска Уральского, князь сумел затянуть судебный процесс на 25 лет, устроив собственные промыслы и спокойно получая с них доходы. А когда, по покрытии всех связанных с приобретением Купавинской фабрики издержек и получении большой прибыли в тепличный для русской промышленности период континентальной блокады, фабрика стала менее прибыльной, князь сначала добился перевода половины фабрики на обеспеченные казенными поставками сукноделие, а затем вынудил Александра предоставить ему исключительное право поставки шелка ко двору и обязательное бронированное количество суконных поставок в армию. Умело пользуясь всеми своими служебными преимуществами «дослужившегося» на почетных синекурах до высших чинов сановного вельможи, социальными привилегиями знатного дворянина и личными преимуществами *grand-sieigneur*'а, князь не чужд и экономическому либерализму первых десятилетий нового столетия.

Но не в хозяйстве была тут сила, и в этом либерализме больше элементов кунсткамеры и меценатства восемнадцатого века, чем хозяйственного прогресса начала девятнадцатого. В прославленном подмосковном Архангельском, наряду с сокровищами искусства, зверинцем и балетом, князь заводит паровую водоподъемную машину, и такой же насос работает на его Курском селитровом заводе. Приобретением веялок и молотилок отдается дань и «аглицким манерам» сельскохозяйственного прогресса начала века. Князь вводит вместо оброка барщинное зерновое хозяйство в некоторых имениях, переходит к машинам на своих южных фабриках и улучшает до некоторой степени технику на Купавинской фабрике в первые годы ее перехода к нему. Барское любопытство к диковинкам «просвещения» восемнадцатого века встречается в князе с кратковременной дворянской склонностью начала XIX века к техническо-

му прогрессу. Но третье десятилетие этого века мало способствовало сохранению и поддержанию хозяйственных новшеств. По данному купцами Бабкиными в начале 30-х годов отзыву, «все шерстопрядильные аппараты и ткацкие станы в Купавне так дурно устроены, что им решительно никакой цены назначить невозможно и не следует». А относительно барщинного хозяйства и его преимуществ по сравнению с оброчным князь предписывал управляющему тульскими имениями в 1826 г. по поводу издержанных на постройку риг, сараев и пр. более 5000 руб. из оброчной суммы, чтобы впредь таких расходов за счет оброчной суммы не производить, а присылать ее князю полностью, расходуя лишь экономические суммы, т. е. получавшиеся из доходов барщинного зернового хозяйства. В таком пренебрежительном отношении к этим экономическим доходам укрепляли князя весьма реальные, однако, соображения экономической ситуации двадцатых годов. «С давнего времени из степных вотчин не доставляется всей пропорции хлеба, вместо которого покупается на домашние мои надобности в Москве, а ежели сверх того и оброчная сумма издержана будет в вотчине, то доходы мои весьма будут невысоки».

Трудно было бы, впрочем, требовать какого-либо особого хозяйственного «либерализма» от князя, умершего в 1831 г. восьмидесятилетним стариком. Более высокие, «эстетические» интересы заполняли его жизнь. Доживая на покое в Москве свои долгие дни, этот, по характеристике того же Герцена, «старый скептик и эпикуреец» получил за год до смерти брильянтовый знак отличия за пятидесятилетие «беспорочной службы», но служба эта была посвящена не тем богам, которые царствовали на бюрократическом Олимпе. Более чем за 50 лет до этого юбилея, во время «образовательного» путешествия князя за границей, Бомарше в шуточных стихах обращался к нему со словами: «Служите доблестно красоте, объявляйте потаенно войну всем мужьям на земле, но сохраняйте вашу свободу, не забывая также, что предосторожность — мать здоровья». Полвека прошло со времени этих галантно-профилактических стихов, но современник золотых дней Трианона⁹ оставался верен себе, что на русской поч-

ве было, впрочем, и нетрудно. В Москве, по отзыву Герцена, «около него была целая плеяда седых волокит и esprits forts¹⁰ — всех этих Мосальских, Санти и tutti quanti¹¹. Все они были люди довольно развитые и образованные; оставленные без дела, они бросились на наслаждение, холили себя, любили себя, отпускали себе добродушно все прегрешения, возвышали до платонической страсти свою гастрономию и сводили любовь к женщинам на какое-то обжорливое лакомство». Единственно, в чем Герцен был не прав, так это в объяснении эротомании всех этих esprits forts их вынужденным бездельем, и Бомарше тому косвенный свидетель. Безделье было обычным состоянием обитателей не только подмосковных, но и иных дворянских гнезд, насколько не мешая деловитости как самого князя Юсупова, так и его столь же или менее ярких копий и пародий везде, где дело шло об использовании сословных преимуществ за счет государства, а обжорливая «любовь к женщинам» систематически придавала этим идиллическим гнездам терпкий привкус приватного публичного дома, или «гарема», как выражались вежливые потомки. Главный директор театров, покровитель иностранных артистов и особенно артисток, приведший в порядок столичные театры и украсивший их декорациями приглашенного им Гонзаго¹² и пр. знаменитостей, заказывает тому же Гонзаго декорации для собственного театра, держит большой оркестр и крепостную балетную труппу. Трудно было удивить крепостной труппой московских бар, считавших ее неслучайной принадлежностью своей дворни. Но зато во время балетных представлений у князя Юсупова по дававшемуся им сигналу все одеяния спадали с балерин, и утонченные ценители крепостной Терпсихоры¹³ могли любоваться освобожденным от всех оболочек чистым искусством. Посвященные восьмидесятилетнему князю стансы Пушкина¹⁴ каждой строкой своей свидетельствуют об этом рода интересах дряхлого «эпикурейца». Артистическая страсть к коллекциям стояла у этого старика выше, чем у кн. Одоевского¹⁵, собиравшего чучела птиц и для придания им большего интереса исправлявшего природу раскраской их от избытка своей фантазии. В одной из комнат Архангельско-

го были собраны, по слухам, портреты бесчисленного множества мимолетных и более долговременных любовниц князя. Юсупов не клеил зато коробочек из драгоценных произведений старой голландской живописи по дереву, как один из других представителей толпы титулованных московских развалин. «Скептик» Юсупов, поклонник Вольтера, украсивший свою огромную библиотеку восковым изображением Руссо, определяет местному иеромонаху пожизненную пенсию деньгами и сукном на рясу за то, что тот во время пожара догадался прежде всего организовать спасение мраморных «Амура и Психеи» Кановы¹⁶. А для своих картин и мрамора князь сумел приобрести в 1810 г. блистательную раму в виде самой роскошной и художественной из барских подмосковных усадеб знаменитого Архангельского, построенного Голицыным¹⁷ в середине 80-х годов если не при ближайшем участии Кваренги¹⁸, любимейшего из придворных архитекторов Екатерины, то по его проектам. Голицын умер, наследники продали Архангельское после его смерти, и отблеск славы построенной им резиденции пал на старого Юсупова и его потомков. Но не довольствуясь классическими строениями дворца, шедевром декоративного искусства конца XVIII столетия во внутренней отделке его зал и единственным для всей России памятником садового искусства в идеальном расположении его обширного парка, старый князь приобрел через несколько лет и находившиеся в 16 вер. от Москвы Горенки, усадьбу гр. А. К. Разумовского¹⁹, где вокруг роскошного дворца был разбит «русским Линнеем», проф. Стефани, в последние годы XVIII столетия прославленный английский сад, над устройством которого трудились лучшие садовники Европы. Н. Б. Юсупов оправдывал отзыв Герцена об его «действительно артистическом вкусе».

Но все эти сочные краски портрета старого вельможи стоили немалых денег. Барство конца XVIII века разорялось. Личные свойства Юсупова еще более способствовали тому, что с конца этого столетия и особенно во втором и третьем десятилетии следующего росли и долги князя. Одно за другим имения поступали в заклад. Когда наконец живой осколок золотого дворянского века, пережив в своем вель-

можном барстве и свое время, и самого себя, умер на 81-м году жизни, его сын, Борис Николаевич Юсупов, стал владельцем около 250 тыс. дес. земли и свыше 40 тыс. населявших ее крестьян обоего пола, унаследовал и тяготившие на них около 3 млн. руб. долга. Новый представитель княжеской династии, которому было уже 36 лет, вырос в обстановке увядания пышных традиций блистательно-расточительного века отца. Быстрый рост отцовских долгов ему об этом напоминал. Пора было хозяйничать, и новый владелец бросается знакомиться с состоянием своего обширного крепостного хозяйства, с раздражением отмечая хозяйственные и административные результаты порядков, господствовавших при одряхлевшем отце. «При жизни родителя моего множество было предпринято заведений и куплено вещей, но они кроме значительных убытков не принесли никакой пользы». Следы этих «заведений» негодующий взор наследника видел повсюду. Помимо «слов и лебедей» в курском имении, роскошных оранжерей и громадных поморанчевых деревьев или лам, фазанов и павлинов в зверинце прославленного подмосковского Архангельского там же имелись паровые водоподъемные машины, английские молотилки, веялки и соломорубки, ткацкие и прядильные станы и пр. «Машинного лому в экономиях моих от прежнего времени валяется много...—саркастически замечает впоследствии князь, но зато,—ни у одного помещика не числится на имениях такого большого количества недонимок, как у меня». И за этим утверждением в 1832 г. князь выражает на следующий год свое удивление, что «из такого имения, каково мое малороссийское, находящееся в цветущем крае, изобилующее землей, угожьями и работниками, я до сих пор не получаю никакого дохода, кроме незначительной платы за сукна»*. Бездоходности находившегося в «цветущем крае» курского имения соответствовало и состояние «золотой земли» тульских экономий. Вновь назначенный туда управляющий просит потерпеть ожидаемыми доходами, так как «имение в сущности дорогое, но в нем великое запустение от злоупотребле-

* В состав «малороссийских имений» входили и две суконные фабрики Юсуповых в Курской и Полтавской губерниях.

ний, вкоренившихся с давних времен».

Новый владелец объявляет наступление новой хозяйственной поры. «Ныне времен прежних уже не будет, и я не допущу их до конца дней моих,—настойчиво уверяет князь своего ракирянского управляющего в конце тридцатых годов, оглядываясь на прошлый «упадок» крестьян и хозяйства,—ибо я не из тех господ помещиков, кои не входят в положение и порядок, без хозяйского глаза и надзора оставляют свои имения на произвол судьбы». И, подчеркивая свое недовольство «прожектерами», стоявшими во главе имений при жизни его отца, князь еще в 1833 г. ставит своей целью достижение того, «чтобы каждое предприятие прежде всего исполнения было здраво обдуманно и приносило ожидаемую пользу». Вступив же на этот путь хозяйственных забот и попечений о подъеме доходности имений, князь чувствует себя героем, борющимся с многоголовой гидрой «прожектерства», злоупотреблений, «послаблений» и пр. грехов, чудящихся ему в каждом уголке его обширных владений. Увлеченный собственной решительностью, он суровым тоном спартанца поучает свою курскую администрацию, чтобы не делалось никаких приготовлений к его приезду. Пусть не заботятся «о мебели и прочих вздорах», ведь «сидеть можно на скамье, а спать на соломе». Идиллию отдыха на соломе в размышлениях о повышении доходности своих «малороссийских подданных» и набитых хлебом амбаров князю подсказывает все та же мысль об отцовских долгах как символе прежних порядков. К чему князю мебель,—ведь это прежние управляющие вместо хозяйственных забот «думали угодить своему господину подобными вздорами и тем отвлечь его внимание от дурного своего управления». И князь не устает повторять, что «те времена уже не существуют».

Приступая к своей задаче поднять и улучшить состояние своих обширных владений, князь меньше всего думал, однако, о каких-либо улучшениях в агрономической постановке самого сельского хозяйства. Характерная для подавляющего большинства помещиков 20-х и 30-х годов водобоязнь перед всякими новшествами охватывает князя. Если узость рынка, овеществленная в переполненных гниющими скирдами

гумнах, заставляла классовых сотоварищей князя отрешиваться от «агличских манеров» в земледелии, то у него были еще вдобавок свежи впечатления от «множества заведений» и «машинного лома» времен его отца, и эти впечатления подновлялись ежегодными платежами в казну за заложенные имения. «Я нововведений не люблю»,— строго замечает князь своему управляющему, внушительно подчеркивая это слово. «То, что введено временем и опытом, я неохотно переменяю и переменяю тогда только, когда будут очевидные уважительные причины»,— объясняет князь другому управляющему по поводу рыбных промыслов в конце 30-х годов. Эти уважительные причины не были еще настолько «очевидны», чтобы заставить консервативного помещика 30-х годов вступить на тот путь, по которому он был более склонен двинуться с конца 40-х. Настойчиво изъявляя желание видеть «цветущее состояние» своего издельного хозяйства, князь столь же настойчиво отклоняет попытки управляющих заговорить о многополье. Агрономические пожелания князя очень несложны — «чтобы поля были хорошо обработаны и подготовлены... порядочно, судя по возможности, удобрены и обсеяны чистым зерном, а не с куколом и позвонком», как объясняет владелец тульскому управляющему, признавая «излишним круто приняться за затейливое хлебопашество на иностранный манер» и выражая надежду, что «хозяйство на русский манер будет приближаться к цветущему состоянию». Такое предпочтение испытанного русского манера затейливому иностранному переносится и на всякое предлагаемое князю новшество вообще, причем иногда княжеское глубокомыслие пронизательно прозревает скрытую подоплеку невинных на первый взгляд «новшеств». Курский главноуправляющий предложил конторе Ряшковской фабрики князя высказаться по поводу присланной им модели печки, о которой он узнал на одной из больших краевых ярмарок. Контора нашла предложенное нововведение очень выгодным. Но, выразив ироническое любопытство узнать об этих выгодах, князь «заклучил» свое мнение уверенным замечанием, «что в России устройство простых печек доведено до полной известности и

что модели, должно быть рук евреев, есть пустое изобретение».

При таком мышлении на «русский манер» естественно стремление князя к проведению истинно русских начал в своих крепостных имениях. Ракитянский главноуправляющий предложил устроить новый хутор. Князь согласен, но пусть бурмистр называется не бурмистром, а атаманом. Патриотизм князя находил себе новую пищу и после переименования бурмистров. В начале сороковых годов князь с прискорбием узнал, что смотрители гумен и господских запасов все еще именуется «экономами». Он удручен своим открытием. «Сие иностранное слово не имеет того русского значения, которое бы каждому простолюдину было внятно и имело вес в кругу общества. Я русский барин и держу русского обычая, желаю, дабы и мои крестьяне были подчинены слову русскому, а не иностранному». И экономы по воле князя становятся «головами». А для большей понятности, в интересах того же простолюдина, князь не забывает указать тульскому управляющему, что, бывая часто в оброчных селах, последний может «каждого крестьянина чрез старосту наблюдать и давать русское нравоучение».

Высказываясь против новомодных печек, «должно быть рук евреев», и настаивая на «русском нравоучении», хозяйствуя «на русский манер» и подчиняя своих крепостных «русским словам», русский барин и не мог ограничиться проведением в жизнь одной лишь «народности», оставив втуне «православие и самодержавие» своей эпохи. Княжеские подданные должны были знать, что среди других обременявших их грехов есть «еще больший порок: не по в и н о в е н и е, которое я никогда не прощаю,— пишет князь в тульские имения,— потому что первая обязанность моих подданных есть повиновение к повелениям своего господина». Об этом следовало позаботиться с юных лет путем своевременного применения «нравоучительных розог», как добродушно выражается князь, ибо, наставляет он астраханского управляющего княжескими промыслами, «с малолетства-то и должно поселять послушание и следы останутся благодетельны, а первый долг каждого — повиновение, повиновение и повиновение старшим». А так как вотчинная адми-

нистрация являлась представительницей высокой особы князя, то на жалобу костромского крестьянина по поводу получения на сходе «плюхи» от старосты и воспрещения приходиться на сход канцелярия отвечает убежденным заявлением, что «всякое досаждение от подчиненного, а тем более не резонное, невыносимо и должно сопроводжаться не только плюхами, но и формальным наказанием на сходах розгами», дабы прогневавший старосту жалобщик знал, как требовать от старосты отчетов и как с начальником обходиться». Тем более, конечно, требовалось повиновение распоряжениям самой канцелярии, которая в ответ на донесение ярославского правления о несогласии крестьян, только что потерявших благодаря сделанной бурмистром расстрате 2630 руб. мирских денег на введение особого оклада для погашения недоимок, негодуяще указала правлению, что «мирское общество не смеет отзываться, что оно не согласно исполнять предписание канцелярии, и правление не должно было писать такую дерзость». Еще большей дерзостью показалось князю намерение его астраханских промысловых «крестьян-вольнодумцев» послать ходоков к своему господину с просьбой о прибавке платы ловцам, оплачивавшимся вдвое ниже занятых у частных рыбопромышленников. Князь не хочет верить, что кто-либо из них осмелится на такой проступок, но во всяком случае «эти мельчаки тотчас будут преданы в руки правительства как не повинующиеся власти начальства», потому что кто смеет толковать об условиях с господином и кто решается говорить о своих выгодах вопреки воле господина?» Вряд ли мог негодующий князь одняться до таких высот библейского Иафоса, не будь он искренне возмущен дерзким намерением астраханских мельчаков-вольнодумцев из глубины своих камышовых зарослей предстать блистательные чертоги его сиятельства, да еще с такой целью.

Но, провозглашая для сведения своих крепостных подданных, что «воля моя, над ними определенная, непоколебимая и не предпочтется никаким возражениям», князь исходит из понятия власти не только неограниченной, но и патриархально-попечительной. «Русский барин», властвуя при помощи русского нравоучения», охотно поль-

зуется, однако, идеологией этой патриархальной власти. «Я хотя против желания своего иногда принужден насчет негодяев употреблять строгие меры,— конфиденциально объясняет князь Юсупов своему управляющему в Ракитной,— но сердцу моему приятно, ежели добрые и честные мои крестьяне будут почитать отцом своим своего господина». Так господин становится любимающимся в «детей одного семейства», а непреклонная воля господская получает черты и облик семейной власти старшего. Так готова и новая формула отношений власти к подчиненным.

«Известно мое правило, что младший старшему должен повиноваться бесспорно»,— пишет князь тульскому управляющему, но прежнее суровое и жесткое требование беспрекословного подчинения воле господина прикрывало уже вуалью семейных взаимоотношений отца-помещика к своим «добрым и честным» крестьянам, а «добрый отец может ли желать зла своим детям?». «Настоящие желания мои те же, какие были в 1832 г.,— уверяет князь свою администрацию в конце тридцатых годов,— и нимало не изменились,— они суть: благосостояние моих крестьян». Незачем было проверять последствия этих желаний и предполагать наличие достигнутых благих результатов,— крестьяне должны были чувствовать себя счастливыми под попечительной властью князя. «При моем попечении и распоряжении мои крестьяне счастливы»,— решает он в 1845 г. относительно своих орловских и тульских подданных, а что касается оброчных крестьян малороссийских имений, то в одной слободе они должны «благословлять свое прекрасное состояние», а в другой «блаженствовали при покойном моем родителе и блаженствуют ныне при моем о них попечении». И свои воззрения на отеческую природу помещичьей власти князь подкрепляет при случае более вескими хозяйственными соображениями и обоснованиями, придавая им солидную твердость экономического базиса. «Вы должны знать мои мысли, что все богатство свое я поставляю в благоденствии моих крестьян»,— объясняет князь своему управляющему огромными имениями в Малороссии еще в 1834 г. и повторяет через пять лет, что «прозорливый помещик тогда богат,

когда крестьяне в хорошем состоянии и когда они благословляют жребий свой». Поэтому и местная вотчинная администрация, и центральная московская канцелярия князя должны стремиться к одной и той же постоянной цели «устраивать и вводить тот же порядок по моим имениям, какой существует везде в благоустроенных имениях и который составлял бы существенную пользу владельца и благосостояние крестьян». Это стремление к заботам о благосостоянии своих подданных и отечески-близкий к ним характер своей вотчинной власти князь всегда не прочь подчеркнуть в тех случаях, когда отсутствие его собственной заинтересованности позволяет ему спокойно играть роль справедливого и попечительного господина. Как в столицах, так и во время посещений расположенных на юге имений князь охотно выступает в роли третьей стороны, и ему нравится обращение к нему двух калужских крестьян с просьбой разобрать их денежный спор. Он любит в некоторых случаях, достаточно редких, чтобы не быть неудобными, разыгрывать роль вотчинного судьи на полном сборе сельского мира. Во время его пребывания в сел. Писаревка, многолюдном княжеском селении Харьковской губернии, один из местных крестьян был по доносу обвинен «громадой», т. е. всем миром, в краже ульев у односельчанина. Князь принял участие в разборе дела, взяв на себя роль следователя и судьи, и на площади слободы «при собрании громады всячески старался изведать истину». В этой торжественной обстановке вотчинного всенародного суда князь Юсупов, управляя вотчинное правосудие, пользуется и подобающими торжественными принципами и приемами. «Так как дело сие темно,— пишет он своей канцелярии,— то я решился следовать священному правилу: лучше десять виновных простить, чем одного безвинного наказать». И вот князь во главе всех собравшихся шествует с обвиняемым в церковь, и «в Писаревской церкви, в собрании громады, пред иконою Богоматери заставил его дать обещание быть всегда добрым крестьянином и служить благим примером для своего семейства и после простил его, о чем для надлежащего сведения и для примера вас уведомляю», — не забывает прибавить князь, любивший декла-

ративное обнародование своих решений и рассуждений к назиданию «поданных».

Охотно выступая в роли праведного судьи, князь не упускает случая и иным образом подчеркнуть свою заботливость о крестьянах, не останавливаясь перед противопоставлением себя самому действиям своей администрации и не колеблясь сваливать на нее ответственность за плохие последствия этих действий при первом удобном тому случае. Необходимой предпосылкой являлось, однако, убеждение князя в том, что порицание этих действий не причинит ему ущерба и не противоречит его материальным выгодам. Унаследовав от отца вместе с суконными фабриками также и чисто вотчинную «дворовую» полотняную фабрику в курской слободе Ракитной, на которой работало несколько десятков почти исключительно женщин и детей, князь с раздражением требовал от управляющего Бетхера улучшения и усиления деятельности этого «полотняного заведения». Для увеличения количества пряжи Бетхер заставил до полусотни крестьянок в порядке барщины работать на полотняной фабрике. Князь выжидал результатов. Но когда оказалось, что качество изделий фабрики не улучшилось, а количество увеличилось лишь незначительно, князь обрушился на Бетхера с упреками в том, что он вопреки его приказаниям расширил деятельность мастерской и отвлек вдобавок часть рабочей силы с полевой барщины. Причины недовольства князя крылись в полной негодности и непрактичности этой полотняной мастерской вообще, о чем он никогда не упускал случая заметить, сохраняя ее лишь потому, что некуда было девать труд занятых на ней дворовых женщин и ту пряжу, которая изготовлялась как местными, так и другими имениями дворовыми в порядке обязательной повинности в пользу господина. Но управляющий Бетхер был уволен в связи с недовольством князя состоянием курских имений, и князь не преминул воспользоваться подходящим случаем для торжественного отмежевания себя в глазах крестьян от действий уволенного главы местной администрации. Он предписал «в казенной палате полотняной фабрики иметь на стене по одному листу копии XXXIV пункта предписания моего 3

№ 63, дабы каждому известна была моя воля и каждый бы припомнил тому, кто поступает вопреки моей цели». В упомянутом же пункте объяснения Бетхера по поводу привлеченных к работе 46 крестьянок назывались «просто безрассудными», а его преемнику, г. главноуправляющему Постникову, а будет известно, что в Ракитной потонная фабрика учреждена единственно, чтобы занять праздных дворовых девок; не с целью ее увеличивать, но с намерением иметь хотя малейшие льготы от дворовых женщин и девок». Предь же предписывалось ни мужчин, ни женщин из крестьян сим «безельем не занимать».

Еще более ярким было поведение князя при самом увольнении заслужившего его немилость бывшего управляющего. В течение около семи лет праваяй всей обширной группой «магроссийских имений» князя, Бетхер сячески стремился выполнять постоянное требование владельца повышать оходность барщинного хозяйства путем не технических улучшений, упрямо князем отвергавшихся, а усиления апряжения и объема извлекаемого з крестьян труда. Сделав маломощных «пеших», т. е. безлошадных и малолошадных, тягловцев «полными» конями тягловцами, зачислив чуть не дей в число пеших тягловцев, широко ользуясь палочным принуждением, Бетхер сумел значительно расширить апашку и повысить общий сбор хлеба, а следовательно, и доходность имений. Но крестьяне разорались, аужденные работать на своих полях о ночам вследствие непосильной арузки господской барщиной в дневное время; число крестьянского скота в эти годы не только не увеличилось, но и уменьшилось даже в абсолютном аношении; стало замечаться, наконец, аменьшение прироста самого населения. Многократно посещавший за это время имения, управлявшиеся Бетхером, князь Юсупов не мог не видеть астояния крестьян, но продолжал требовать усиления барщины и строжайшего наказания «ленивцев и нерадивых». Жалобы на Бетхера князь называл клеветой, доносы демонстративно азрывал в присутствии созывавшейся а для этого администрации и дворни, а ретивому исполнителю своих предпаний повторно выражал устную и асьменную благодарность.

Положение крестьян между тем продолжало ухудшаться, компенсируемое зато увеличением сборов хлеба. Недостаточный рыночный спрос, низкие цены и невозможность реализовать урожай загромождали господские амбары и гумна и заставляли призадуматься о рациональности дальнейшего накопления зерна и скирд. А разорение крестьян стало выражаться в появлении исчезнувших было «пеших» безлошадных тягловцев. Произведенные по требованию московской канцелярии подворные переписи крестьянского имущества обнаружили во второй половине 30-х годов сильный упадок крестьянского благосостояния по сравнению с началом десятилетия.

Канцелярич не выдержала и, дав резкую оценку деятельности управляющего, неизменно вдохновлявшейся указаниями и требованиями самого князя, поспешила доложить князю о печальных итогах системы выжимания мужицкого труда.

Князь заколебался в своей оценке деятельности управляющего, но, когда до него дошли сведения о том, что тот самый хлеб, увеличение запасов которого привело к разорению княжеских крестьян, от долгого лежания портился и загнивал, князь сразу переменял свое мнение об управляющем, обозвав его действия «гнусными и глупыми». Канцелярия удачно, хотя и неумышленно, подчеркнула главную причину охватившего князя яростного возмущения хозяйственной системой немедленно уволенного князем, но так высоко ценимого им раньше Бетхера. Получив от вновь назначенного управляющего донесение о состоянии имений, она отметила в журнале своих заседаний, что «горестное положение, в каком нашел г. Постников ракитянских крестьян и до которого доведены они, по-видимому, бестолковым бывшим управлением, весьма огорчает канцелярию и, без сомнения, столь же причинит соболезнования его сиятельству, отцу своих крестьян. Впрочем, с помощью Божию и благоразумными распоряжениями один или два благополучных урожая хлеба крестьянское состояние опять поправят. Но не менее сожаления достойно и то, что следы беспечности и упрямства бывшего главноуправляющего и с другой стороны угрожают экономии великою потерю, т. е. хлеб урожая 1835 и 1836 го-

дов в весьма дурном состоянии». Увольняя управляющего и, кстати, удержав принадлежавшие ему и частью вложенные в тот момент в имение, частью хранившиеся в кассе около 22 тыс. руб., с большим трудом через несколько лет вытребованные им у князя обратно, князь решил одним ударом убить двух зайцев: наказать управляющего за убытки от порчи хлеба и одновременно свалить вину и ответственность за разорение крестьян на голову уволенного, укрепив свою официальную репутацию «отца своих крестьян». И столь строго охранявший авторитет начальства князь Юсупов внезапно обнаруживает незаурядные способности демагога. Запретив сначала хотевшему было уехать Бетхеру отлучку из имения и пригрозив ему арестом через полицию за попытку к этому, лично прибывший в имение князь организовал и инсценировал затем торжественное изгнание козла отпущения. «На другой день, 30 сентября, становой пристав объявил мне волю князя, чтобы чрез 3 часа я выехал из имения. Толпа народа тотчас обратилась в мою квартиру, вытаскивали и накладывали мебель на возы без всякого порядка, отчего часть вещей была изломана и испорчена; еще более было расхищено и многое за кратковременность срока должно было оставить в имении. Но этим не ограничились еще гонения князя: при отъезде служители его, выстроенные на дворе правления, в присутствии самого его и станового пристава, сопровождали меня и семейство мое посмеянием и криком, а по выезде за ворота фабричные работники встретили нас камнями и повторили такое нападение в другом месте». Так описывал сам пострадавший драматические подробности изгнания своего и своей семьи под свист, улюлюканье и град камней дворовых, натравленных на него тем человеком, в качестве орудия которого он довел до разорения несколько тысяч крестьян. Зато была оправдана репутация любящего отца своих крестьян и восстановлена требуемая теорией отеческой власти гармония интересов.

Как сама картина идиллического преуспеяния честных и добрых подданных под отеческой властью помещика, требующего беспрекословного подчинения от своих «детей одного семейства», но и изливающего на них отече-

ское благоволение, та и обратная сторона этой картины в достаточной степени ярко очерчены в вышеприведенных изречениях, рассуждениях и поступках Юсупова. Но сами подданные князя, блаженствуя и процветая под его отеческой властью, умели понимать смысл и значение всей этой терминологии «русских слов», подкрепляемых «русскими нравочужениями». При отце князя погорельцы освобождались обычно от уплаты оброка за полгода или даже за год, и им выдавался лес для восстановления сгоревших строевых. Новый владелец не мог отменить господской помощи в таких случаях, но он постарался привлечь самих крестьян к оказанию помощи за их счет. На сходе, собранном в Ракитной для наказания и порки нерадивых барщинных крестьян, они всем миром просили князя освободить их от принудительного сбора по одному возу соломы с каждого дома для покрытия крыш погорельцев. Князь раздражается упреками и грустно качает головой по поводу того, что его скупые подданные «забывают даже христианскую обязанность помогать друг другу и не стыдились просить меня избавить от помощи своим ближним в соломе, годной только для крыш, между тем когда я снабжаю их собственно от себя всем нужным. Христос Спаситель говорит кто забывает ближнего в несчастье тот сам будет забыт от Бога! От имени моего сии слова передать моим крестьянам: да устыдятся, что утруждали меня такую просьбою. Кому же помогать в несчастье, как не брату своему, а крестьяне мои не дети одного семейства?». Поэтому на просьбу крестьян правление торжественно ответило княжеским призывом устыдиться. А в предыдущую зиму голодного 1833 года князь Юсупов, приняв на свои скотные дворы подымавший от бескормицы скот оброчных селений того же ведомства ракинского правления, за скормленную этому скоту солому, бесцельно пропадавшую, по словам самого управляющего, ухитрился помимо очень ценного для господского земледелия навоза получить от крестьян этих пяти селений 30 тыс. руб. Так как управляющий понизил немного цену сравнительно с платой взимавшейся с посторонних, то князь растроганно ответил, что «такого рода распоряжения я всегда готов опробовать».

вать, ибо, любя моих крестьян, я всячески стараюсь подать им верные способы к облегчению и улучшению их благосостояния и знаю, что за подобные пособия, им оказываемые, они будут молить за меня Господа Бога», кончая свое скромное заявление вышеприведенными словами, что сердцу его приятно считаться отцом своих крестьян. И если ракирянским мужикам понадобилось втолковать высокие принципы христианской морали, то их тульские собратья и без этого, очевидно, имели случай хорошо усвоить себе значение теории семейной власти помещика. В 1839 году тульский управляющий по поводу остановки уплаты оброка в этот тяжелый для тульских селений голодный год, которому предшествовал и за которым следовал ряд других голодных лет, оправдывается перед московской канцелярией тем, что хотя он «в продолжение года всех вообще крестьян раз по пяти больно наказывал», но «они вместо оброка хлеба требуют». Бесплодность же дальнейшей порки упрямец управляющий прямо объяснил тем, что «зажиточные крестьяне, так же как и бедные, даже под наказанием не платят оброка потому, что е. с-во в недавнем распоряжении своем изволил сказать, что они без различия, как братья, отвечают друг за друга, то, боясь, чтобы за немущих и ленивых одним им не отвечать, оброка также не дают, покуда и бедные не станут платить». На это великолепное объяснение канцелярия ответила, что «г. главноуправляющий имеет опыт хитростей издельных крестьян», требующих помощи господским хлебом, а потому и в оброчных именных надлежало «местному начальству строжайше подтвердить против такой хитрости принять все нужные меры и отнюдь не дать крестьянам повода иметь надежду на экономическую ссуду».

Хитрые тульские мужики проникли в самую сущность горячих призывов своего сиятельного господина к всеобщему братству и семейной любви. Рассматривая различные стороны княжеского хозяйства, мы еще будем иметь возможность убедиться в реальной и значительной выгоде для помещика от применения теории братства к вопросу об уплате оброка. Пока же ограничимся еще парой примеров действительно значащих пышных и торжественных

заявлений князя о своей отеческой милости к крестьянам. Вышеприведенные слова канцелярии о ссудах в голодный год были бы сказаны самим князем иначе. Так как в 1833 году ракирянские крестьяне оказались не только без хлеба для пропитания, но и без семян для засева и управляющий запросил князя о разрешении выдать семенную ссуду уже при наступлении времени посевов, то князь, узнав об угрожающей перспективе незасева озимых крестьянских полей, выразил свое неудовольствие. «Ибо я,— пишет князь,— в подобных критических обстоятельствах никогда не препятствую распоряжению главноуправляющего, если только оно клонится к благосостоянию моих подданных и основано на зрелом размышлении». А в чем заключалась необходимость зрелых размышлений, князь объясняет немного позже, рекомендуя принять за неперемное правило всякое «вспоможение» крестьянам хлебом «делать заимообразно с крайнею осмотрительностью», ибо следует «всегда иметь в виду, что я выдаю крестьянам в то время, когда он продается дорогою ценою, а получать буду тогда, когда хлеб потеряет помянутую цену, следовательно, от каждой выдачи я теряю значительную сумму». Вняв указанию и зрело поразмыслив, управляющий сообщил князю, что ссуда будет выдана лишь самым бедным и с условием уплаты в будущем из расчета существовавших в тот момент высоких голодных цен, а оброчным крестьянам будет предоставлено закупать хлеб для ссуды на мирской счет, потому что в случае возможных убытков «подданным снисходительнее снести их на себе, чем экономии, тем более, что они между собою обязаны друг другу пособлять». Так спокойное сознание князем своей отеческой милости к крестьянам помогало ему с не менее спокойной совестью напоминать о необходимости зрелых размышлений в голодные годы, а обязанность братской помощи друг другу «детей одного семейства», вовремя припомянутая, вносила окончательное успокоение.

Были, конечно, случаи, когда и спокойствие князя не выдерживало: любящий отец своих крестьян забывал свой обычный попечительный стиль и выдавал себя с головой. Но это случилось лишь тогда, когда разыгравшийся аппетит князя был раздражен до

того, что заставлял его забывать требования хорошего тона и светского воспитания. Мы еще будем иметь случай коснуться этой стороны дела, но обычно до этого не доходило.

Одобрив в 1834 г. решение ракиятанского управляющего отобрать сдававшиеся в аренду крестьянам земли, князь пишет в ответ на донесение управляющего: «Я не хочу, чтобы мои подданные работали на богачей, своих товарищей, которые при прежнем правлении держали их в руках и богатели их бедностью», так как теперь (вследствие чрезвычайного усиления тяглового обложения и увеличения числа тягол) руки в имении есть, а от найма земли зажиточными крестьянами «всеми выгодами пользуются только те, которые их нанимают». Приличия, требуемые официальной теорией отеческой власти, соблюдены здесь до того, что лишь зрелое размышление обнаруживает причины заботливости князя о бедняках, — выгоды должны были доставаться ему самому, а не «богачам». Соблюдены требования хорошего тона и в другом примере княжеских попечений. «Желая оказать милость никольским подданным, а более всего то, что их народонаселение прибавилось», князь велит расчистить заросшую кустарником землю и, разделив ее на две части, одну предоставить самим крестьянам, а другую обратить под господскую запашку. Указание на прирост населения объясняет необходимость предоставить крестьянам половину расчищенной их руками земли, но князь остается верен себе. Акт милости несомненен, и дело в глазах и «отца», и его «детей» не должно меняться оттого, что князь добавляет оговорку: «С тем, однако ж, что когда они будут навоз возить на свои поля, то возили б оный и на господскую пашню», т. е. уваживали ее навозом от своего скота.

Итак, отеческое благоволение князя должно было выражаться в тех милостях, которые его подданным предлагались усматривать и тогда, когда им приказывалось вместо платной работы на своих богатых односельчан работать совершенно бесплатно на самого князя или же получить ту землю, которую они и так получали по тягловому наделению, но с удобрением вдобавок за свой счет господских полей. Были, однако, такие случаи, когда

чрезвычайно трудно было бы усмотреть милость или заботу помещика о своих подданных в требовании, предъявляемом к этим подданным. Уплата оброчными крестьянами своих оброчных окладов была, например, слишком односторонняя для того, чтобы крестьяне эти могли быть убеждены в пользе для них от такой уплаты. Теория попечительной и прежде всего о благосостоянии крестьян заботящейся власти этим, однако, не смущалась. Ведь по мнению князя, высказанному в назидание его костромским крестьянам, «своевременный платеж не тягостен и крестьянину, и приятен начальству и господину и рано или поздно, но надобно платить его». Нарушенная было гармония опять достигнута и восстановлена, а последнее замечание о неизбежности платежа, приоткрывая немного теоретическую завесу, дает возможность увидеть и тот скрытый за ней аппарат принуждения, существование которого давало «русскому барину» твердую уверенность в неизменном желании его подданных делать все, «приятное начальству и господину». Правда, приподнятый уголок теоретических покровов раскрывается шире руками самого князя. «Вообще, крестьяне сии должны почувствовать, что я не меняюсь одною перепискою и не люблю шутить, — старое время прошло, его уже не будет», — продолжает князь в том же предписании, выражая уверенность, что потребованная старосту в Москву канцелярия ему «даст такие нравоучения, мерами которых оброк был бы очищен весь». Но сами эти «нравоучения» предпринимаются князем отнюдь не из алчности. Им движет скорее все та же моральная заботливость о десятках тысяч своих подданных, ибо «невысканье долгов рождает в крестьянине беспечность и лень». А что этот высказанный князем своему ракиятанскому управляющему блестящий афоризм не случаен, подтверждает предписание тульскому его коллеге о неукоснительном сборе оброка, «ибо значительное ее приращение показывает беспечность крестьянина, и оную я никогда не прощу, дабы не дать тем повода крестьянам моим к лени и дурному поведению». Речь идет не о недомке, а о нетерпимой беспечности, ведущей к лени, а лень, как издревле известно, мать всех пороков.

Если поэтому княжеская канцелярия предписывает правлению одного из своих московских селений закоренелых недоимщиков «сечь, сечь и сечь», местная вотчинная переписка сообщает в 1832 г., что в нижегородском селе Безводном за недоимку в 5 руб. виновный был наказан «нещадно», в костромском селе Вотоманове другой «при собрании всех крестьян был наказан дубцом» (за что, впрочем, сама земская полиция, не выдержав, отдала всю вотчинную администрацию под суд), а тульский главноуправляющий в 1840 г., обобщая донесения своих мелких и невежественных коллег по управлению княжескими владениями, пишет, что «требование оброка всегда своевременно, но взнос без палки не бывает», за год до того перепоров по 5 раз «всех вообще» крестьян, и т. д., и т. д., то это отнюдь не дает правящим утверждать, что князь выколачивает мужицкие гроши. Князь вел борьбу с ленью, пороками, пьянством под знаменем морального исправления своих крестьян, потому что, по авторитетному его объяснению, «крестьяне, платящие свои подати исправно, показывают, что они трудолюбивы и честны, а недоимщики не что иное есть, как ленивцы и пьяницы, которых я не могу терпеть». Поэтому князь считает своим долгом не только одобрять все наказания, наложенные его администрацией, но и бороться против всякого обнаруженного им «послабления» со стороны вотчинных властей. Когда тульский управляющий, ссылаясь на маловажность нехватки муки у одного из посланных с обозом в Москву крестьян, просит князя отменить наказание, тот отвечает пометкой на полях донесения: «Взыскать для водворения порядка, дабы виновные были наказаны». В другой раз князь с раздражением замечает ракитянскому управляющему, что «негодяй дворовый Маринич, будучи дурным плательщиком оброка», все еще не сдан в рекруты — явное послабление. Управляющему пришлось оправдываться в запоздании тем, что обычно такого послабления не бывает, разве только «молодой человек, забывшись, впадает в проступок по летам его извинительный», и т. д. Зато князь никогда не упускал случая одобрить наказание, наложенное кем-либо из его вотчинной администрации,

и кратко, но выразительно пишет, например, тульскому управляющему, наказавшему виновных в отказе работать на заводе, куда крестьяне были в числе более ста человек насильственно отправлены, частью несколькими месяцами принудительных «тяжелых работ» в имении, а частью битьем батогами, что пусть это «научит их, что первый долг крестьянский есть повиновение. Вы весьма основательно прочих, не столь виновных, наказали батогами». Последнее слово князь не забывает подчеркнуть. Поэтому же одновременно с приказанием объявить крестьянам одного из московских сел «за дурной платеж оброка полный мой гнев», князь продолжает: «Чтобы дать более понятия крестьянам в пренебрежении ими попечений своего господина, поручаю: когда я буду в Москве, то востребовать и представить ко мне старосту и трех стариков,— я сам лично с ними объяснюсь». Но так как деликатное выражение его сиятельства не совсем понятно, то не мешает предоставить ему самому несколько яснее раскрыть смысл угрозы «личным» объяснением. Одному из допустивших в 1846 г. некоторую невяку хлеба должностных ракитянских лиц князь приказывает передать: «Я давно не был в Ряшках, и Стронин, верно, забыл мои правила; если еще будет допущено подобное зло, то я вытребую Стронина к себе для объяснений, а объяснения мои всем известно в чем состоят». Поэтому к списку всероссийских лоз и розог, костромского «дубца» и тульских «батогов» приходится прибавить и кулаки самого князя. Впрочем, все эти средства борьбы с крестьянской «беспечностью и ленью» были не так страшны крестьянам, как ссылка, и часто пожизненная, туда, где «они ничего не увидят, кроме неба и воды», под каковым красочным выражением следовало понимать каспийские рыбные промыслы, куда князь немедленно по своем вокняжении сослал несколько десятков душ обоего пола из курской слободы Ракитной, повторив такую же массовую ссылку и в калужских имениях, не считая отдельных довольно частых случаев ссылки из разных других вотчин.

Бывали, однако, случаи и некоторого разочарования. В 1846 г. князь приказал отправить одного из своих дво-

ровых в полицию для наказания, но пристав не решился исполнить желание князя, настолько болезненно выглядел присланный дворовый, и вместо порки устроил медицинское освидетельствование, установившее наличие тяжелой болезни. А иногда представители даже николаевской государственной власти заходили так далеко, что отец своих подданных чувствовал опасения за самые устои своей доктрины о повиновении господину как первом долге крестьян. В 1832 г. нижегородский губернатор, кн. Дадьянов, обратился к Юсупову с ходатайством об освобождении от рекрутчины предназначенного князем к сдаче одного из крестьян нижегородского села Безводного. «По вступлении моем в управление имениями, доставшимися мне после покойного родителя моего,— с достоинством начал князь в своем обычном для таких случаев тоне и стиле,— я последовал его примеру в том, чтобы пещись о благосостоянии моих подданных и о водворении всюду между ними спокойствия», а так как в числе виновных в «распрях» был и упомянутый крестьянин, то князь и был вынужден «для исправления отдать его в военную службу, где он может быть полезен отечеству». Но губернатор, по словам князя Юсупова, не только приостановил решение этого предписания, но еще и сообщил как местному поверенному князя, так и самому ему о могущих впоследствии «неизвестных князю неприятностях». Поэтому, пишет Юсупов, «я за нужное почел представить о сем г. министру вн. дел, ибо я ни с какой стороны ничем угрожаем быть не могу, и подобные слухи могут даже возродить неповиновение к начальству с. Безводного». Признаком этого неповиновения князю и его администрации казались даже те случаи, когда кто-либо из крестьян обращался к посторонним лицам с просьбой написать жалобу самому князю. Дядя крестьянина, «нешадно» выпоротого в Безводном за пятирублевую недоимку, обратился в канцелярию с жалобой на бурмистра, но она ответила, что «прошение подписано коллежским регистратором, не долженствующим в сем деле принимать никакого участия, и потому прошение оставить без внимания». В некоторых же случаях за нарушение официального

принципа семейных взаимоотношений между помещиком и крестьянами виновные в обращении к посторонним лицам или полицейским властям навлекали на себя суровое наказание. Но так как, с другой стороны, теория семейной помещичьей власти придумана была совсем не для удобства крестьян, то ни сам владелец, ни его администрация никогда не колебались, разумеется, обращаться к полицейским властям для расправы с крестьянами. Князь приказывал отправлять в полицию для соответствующей порки не только дворовых, но и крестьян деревень, расположенных в нескольких десятках верст от столиц. В провинции местной вотчинной администрации предписывалось немедленно обращаться к услугам станового или исправника не только для наказания, но и допроса, немалым отличавшегося от наказания, судя по тому, что одному из тульских крестьян исправник при «допросе» дал свыше 300 розог, всецело оправдывая тот полный искреннего доверия отзыв местного управляющего, который встречается в одном из его донесений: «Спасибо становым,— умеют поддержать власть!» Бывали, однако, и случаи иного рода, когда по приказанию князя его местная администрация всячески старалась освободить крестьян от грозившего им тяжкого уголовного наказания. Обычно это попечение о судьбе виновных имело место там, где дело шло о краже постороннего имущества, но иногда, как, например, в петербургском и тульском имениях, вотчинная администрация сумела спасти от уголовного наказания даже крестьян, совершивших убийство. В ракиятском имении удалось замять дело о сурово каравшемся властями корчемстве, т. е. тайной продаже вина. Горячее заступничество за «подданных» объяснялось в этих случаях, конечно, далеко не сентиментальными соображениями отеческой милости помещика к «детям одного семейства». Причины были более прозаическими, но и более существенными: теряя отправлявшегося в сибирскую каторгу или ссылку крестьянина, помещик терпел убыток, и поэтому он предпочитал спасти преступника от наказания и свой собственный карман от убытка, сдав затем спасенного в рекруты,— разумеется, с зачетом в счет будущих наборов. Тео-

рия семейных отношений оказывалась, таким образом, свято соблюденной каждый раз, когда за нею стояли материальные выгоды отца своих подданных. Она без колебания нарушалась тогда, когда те же материальные

выгоды, терпя ущерб хотя бы и от маловажных проступков крестьян, требовали обращения к скромно стоявшему за кулисами отеческой помещичьей власти ближайшему полицейскому или становому приставу.

(Окончание на с. 17)

В. А. БАЛЬЦ¹

СУД НАД ПЕРВЫМ СОВЕТОМ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ *

(Воспоминания прокурора)

I ПЕРЕД ПРОЦЕССОМ

В марте-месяце 1906 года я занимал должность прокурора нижегородского окружного суда.

Душевное состояние мое было до последней степени подавленным.

Надежды на чудодейственную силу Манифеста 17 октября и на воцарение в России нового правового строя разлетелись, как дым.

Со дня опубликования манифеста и до первых чисел декабря в Нижнем Новгороде не было пролито ни капли крови.

Уравновешенные люди, сдерживая одних, убеждая других, стремились безболезненно перейти к новым условиям русской общественной жизни.

Все это рушилось.

3 декабря в Петербурге был арестован Совет рабочих депутатов, и с этого же времени государственная власть вступила на твердый и определенный путь реакции.

В ночь на 3 декабря в Нижнем Новгороде, совершенно неожиданно для меня, были арестованы очень многие политические и общественные деятели. Все аресты были произведены Охранным отделением под руководст-

вом его начальника, пресловутого ротмистра Трещенкова, прославившегося впоследствии знаменитым расстрелом рабочих на Ленских приисках².

Губернатор барон К. П. Фредерикс не мог не знать о предстоящих арестах, и когда я его спросил, что все это означает, то он в виде особой откровенности показал мне телеграмму нового министра внутренних дел Дурново³, из которой видно было, что всем губернаторам предлагается немедленно арестовать лиц, политически неблагонадежных, причем телеграмма подчеркивала, что все аресты должны быть произведены «в порядке охраны», без предварительного соглашения с прокурорским надзором⁴.

С этих дней по всей России покати-лась волна совершенно безудержной реакции, и бороться дальше за мирное проведение в жизнь нового правового строя оказалось задачей совершенно донкихотовского стиля.

К марту-месяцу реакция уже шла полным ходом. Попытки социалистических партий толкнуть события дальше обещаний Манифеста 17 октября были разбиты, и очевидным результатом этих попыток явилось крайнее обострение правительственной борьбы за подавление всякой свободной мысли, которое характеризовало затем управление «либерального» кабинета гр. С. Ю. Витте⁵ вплоть до созыва первой Государственной думы⁶.

Такова была обстановка, в которой я жил и работал в Нижнем первые месяцы 1906 года, пока не разыгрался мелкий, но характерный эпизод, заставивший меня задуматься над необходимостью покинуть так мною люби-

* В связи с наступающим 20-летием процесса редакция считает полезным опубликование воспоминаний, написанных в 1917 г. Освещение событий у автора, конечно, разнится от освещения других участников процесса, что вполне естественно, если вспомнить, что автор стоял на трибуне обвинителя. Переживания автора тем более интересны, что, как известно, его выступление вызвало неудовольствие в правительстве и правой прессе и даже в первый момент едва не повлекло за собой увольнение со службы.

мую службу в прокурорском надзоре.

Эпизод этот сводился к следующему.

Как-то в первых числах марта ко мне в служебный кабинет в здании окружного суда явился пресловутый ротмистр Трещенков, ненавидевший меня всеми силами своей души, и заявил мне, что он счел своим долгом сделать мне сообщение, касающееся моей личной безопасности.

В ответ на мой изумленный вопрос, откуда же мне может грозить какая-нибудь опасность, ротмистр мне сообщил, что Охранным отделением будто бы получены сведения, что именно в этот день на меня готовится какое-то покушение около входа в мою квартиру, и что поэтому он рекомендует мне известную осторожность.

Я выслушал это сообщение, и для меня совершенно несомненно было одно — ротмистр Трещенков врет.

Он не то что возглавлял, а скорее, создавал активность известных групп населения, которые потом объединились в «Союзе русского народа», и его сведения могли исходить только от этих групп. Эти люди могли мне желать зла, хотя бы за сочувствие Манifestу 17 октября и за то, что я после черносотенного погрома в Нижнем 9 и 10 июля 1905 года (полугодовщина 9 января) арестовал организаторов этого погрома — содержателя ломового извоза Ключева и содержателя трактира Никиту Журавлева, по вине которых погибло много ни в чем не повинных людей. Но ротмистр Трещенков уверял меня, что насилие против меня подготавливается, так сказать, слева, а для этого не было, как мне казалось, решительно никаких оснований.

Поблагодарив Трещенкова за предупреждение, я сказал ему, что раз начальнику Охранного отделения заранее известно о намерении совершить покушение на прокурора суда, то это покушение, очевидно, уже не может состояться, и на этом мы распростились.

Немедленно после его ухода я позвонил губернатору и, рассказав ему о моем разговоре, добавил:

— Имейте в виду, Константин Платонович, что если со мной что-нибудь произойдет, то вина в этом будет лежать на Трещенкове.

Затем я позвонил к приставу 2-й Кремлевской части, в районе которой я жил, и приказал приставу немедленно отправить к моей квартире чинов полиции и установить, есть ли там что-нибудь подозрительное около входа, в смысле возможности каких-либо насилий против меня. К этому я добавил, что я поручаю приставу арестовать подозрительных лиц, которые могут оказаться у входа в мою квартиру, и о результатах мне доложить по телефону.

Приблизительно через час пристав позвонил в мой служебный кабинет и весьма смущенным тоном поведал мне о следующем. Посланные им люди заметили, что у входа в мою квартиру все совершенно спокойно, но около подъезда бродят два человека и, несомненно, следят как за квартирой, так и за лицами, идущими по Малой Печорке, т. е. по улице, где я должен был пройти, возвращаясь из суда в свою квартиру. Оба подозрительных субъекта были задержаны и доставлены в участок: пристав их лично опросил и смущенно доложил мне, что задержанные по моему распоряжению лица оказались... агентами Охранного отделения.

Откровенно говоря, я ожидал чего-нибудь подобного, хотя наглость происшедшего и превосходила все, что я мог ожидать от такого милостивого государя, как ротмистр Трещенков.

Я приказал приставу немедленно освободить задержанных лиц и объявить им, что арестованы они были по моему распоряжению и освобождаются также по моему же распоряжению.

Затем я лично проехал к барону Фредериксу, рассказал ему весь эпизод и категорически заявил, что прошу его содействия к немедленному удалению Трещенкова из Нижнего Новгорода.

Вернувшись домой, я в тот же день написал конфиденциальное письмо прокурору Московской судебной палаты В. Ф. Кругену⁷ и просил его настоять на удалении Трещенкова или о переводе меня немедленно из Нижнего, предупреждая, что я Трещенкову больше руки не подам.

Скандал получился настолько очевидный, что подлежащие власти признали необходимым убрать Трещенкова из Нижнего, и он получил новое назначение, кажется, именно в Си-

бирь, где и прославился своим расстрелом рабочих на Лене. Зная его, я готов допустить, что в этом расстреле была и провокация, и вообще какая угодно мерзость.

Уход Трещенкова, конечно, не мог сам по себе дать мне нужного спокойствия для дальнейшей работы, так как это был просто мерзкий эпизод, а причины моего разочарования и мучительной тоски лежали гораздо глубже. Я решил, что при создавшихся условиях должность прокурора суда станет невыносимой, и, несмотря на всю мою любовь к этой именно форме служения правосудию, написал частное письмо старшему председателю Московской судебной палаты Ф. Ф. Арнольду, которого уважало положительно все ведомство. В этом письме я просил Арнольда предоставить мне первую же должность товарища председателя окружного суда в пределах Московской палаты, кроме Архангельска и Вологды, причем я откровенно объяснил Арнольду причины, побуждающие меня пойти на такое понижение по службе.

Арнольд ответил мне чрезвычайно ласковым письмом, в котором уговаривал меня отказаться от моей мысли и писал, что именно теперь я не имею нравственного права уходить с должности прокурора суда.

Таково было мое настроение, когда в один прекрасный вечер я получил телеграмму от только что назначенного прокурора Петербургской судебной палаты П. К. Камышанского⁸ следующего содержания: «Телеграфируй, согласен ли принять должность товарища прокурора Петербургской палаты. Единственное условие — немедленный после приказа приезд».

Я не колебался ни минуты. С Камышанским меня связывали старые отношения по витебскому надзору, где он был прокурором, а я товарищем.

Я ответил согласием на сделанное мне предложение, выводившее меня из всех моих моральных мучений, и накануне Благовещенья⁹ уже покинул Нижний, чтобы начать новые для меня обязанности в новых условиях, но в старой и хорошо мне знакомой обстановке петербургского прокурорского надзора.

II СОСТАВЛЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА

В первый же день по приезде в Петербург я представился своему новому начальнику П. К. Камышанскому, который принял меня чрезвычайно сердечно, но после первых же слов приветствия огорошил меня следующим заявлением:

— Ты знаешь, что, приняв должность товарища прокурора палаты, ты тем самым выдал на себя вексель?

— Какой вексель? — изумленно спросил я.

— Ты должен принять на себя составление обвинительного акта и обвинять на суде по делу Совета рабочих депутатов.

Это сообщение Камышанского было для меня, что называется, «как снег на голову». Я, конечно, понимал, что, принимая должность товарища прокурора палаты, я буду обязан выступать обвинителем и по политическим делам, но я никак не мог ожидать, что с первого же дня на меня свалится такое сложное, сенсационное и неприятное поручение.

Однако формальных оснований для отказа от поручения у меня не было, и я только и мог подчиниться этому распоряжению, но выговорил себе три условия:

1. Если, ознакомившись с делом, я найду, что в нем нет формального состава преступления (признаков уголовно наказуемого деяния), то я оставляю за собой право заявить об этом, и тогда составление акта и обвинение поручается кому-нибудь другому.

2. Если я найду, что некоторые из обвиняемых не уличены в участии в преступлении, то я пишу о них заключение о прекращении преследования и не поддерживаю против них обвинения на суде, если бы палата, не согласившись с моим заключением, и предала их суду.

3. Если уже во время суда я приду к убеждению, что кто-либо из лиц, о которых мною написан обвинительный акт, опроверг предъявленное ему обвинение, то я равным образом откажусь от обвинения.

К этому я добавил, что принимаю на себя только судебные функции

по делу, т. е. составление акта и обвинение на суде, но никакого участия в производстве дознания, которое еще заканчивалось, я принимать не буду.

Камышанский на все эти условия согласился, сказав, что все это право прокурора, предоставленное ему законом, на что я ему ответил, что говорю об этом во избежание каких-нибудь личных с ним недоразумений.

На следующий день после этого разговора я в первый раз в жизни вошел в помещение Петербургского жандармского управления на Тверской улице. Там уже знали о возложенном на меня поручении, и меня встретил помощник начальника управления знаменитый генерал Иванов. Маленький, толстый человек, с постоянной ласковой и фальшивой улыбкой на устах, говоривший вкрадчиво любезные речи и известный всем, кто имел с ним дело, как совершенно беспринципный и скверный, хотя и очень умный человек.

Иванов провел меня в свой кабинет, во время разговора титуловал меня «ваше превосходительство», хотя я этого титула не имел ни по чину, ни по должности, и все время держал себя как будто бы и очень почтительно, но сквозь эту почтительность проглядывало самое настоящее пренебрежение и ироническое отношение не только ко мне лично, но и к судебной власти вообще.

— Вы что же предполагаете делать с дознанием, ваше превосходительство? — начал свой разговор генерал Иванов.

— Как что?! Предполагаю написать обвинительный акт, если преступление доказано, а в противном случае составить заключение о прекращении преследования.

— Значит, в случае, если вы изволите составить обвинительный акт, этих милостивых государей судить будут?

— Конечно.

— И кто же их судить будет? Военный суд?

— Ваше превосходительство, — заявил я, начиная раздражаться этим глумлением, — вы отлично понимаете, что я представитель гражданского судебного ведомства и, значит, если обвинительный акт составляю я, то судить их будет не военный суд, а палата с сословными представителями.

— Не мое, конечно, дело рассуждать, — заметил генерал Иванов, — но я бы никогда не посоветовал судить их. Да еще, пожалуй, при открытых дверях! Из этого, кроме скандала, ничего не выйдет, и вы этого дела до конца не доведете. Не знаете вы, ваше превосходительство, этой публики; им ведь все трын-трава, и они суду только обрадуются. Помилуйте, ведь это для них лишний митинг, и больше ничего.

— А что же, по вашему мнению, следует сделать с обвиняемыми? — спросил я.

— Как что? — словно в крайнем изумлении воскликнул Иванов. — Надо хорошенько разобраться в списках. Разобравшись, надо составить доклад в Особое совещание при министре внутренних дел и всех их рассортировать. Кой-кого «в места не столь отдаленные», некоторых просто из столицы выслать, а остальных отпустить на все четыре стороны. Поверьте мне, тихо это все пройдет и без затей, а так, как вы хотите, — получите скандал и шум на весь свет, и больше ничего, а им только удовольствие доставите.

Я ответил генералу, что вопрос о судебном направлении дела решен, и попросил его рассказать мне, кто собственно производит дознание, в каком оно положении и как удобнее всего ознакомиться с материалом дознания.

— Видите ли, ваше превосходительство, — заявил мне на это Иванов, — дознание произвожу я, но мне помогают мои помощники, полковники Горленко и Николаев, а в сущности, все управление это дознание производит. Ведь арестованных больше двухсот, да и в дознании томов тоже больше двухсот, где же одному человеку с такой махиной справиться. Дай Бог всем-то вместе разобраться. Да не угодно ли, я вам сейчас покажу, как дознание производится.

И, не давая мне времени для возражений, генерал Иванов вскочил с места, широко открыл дверь в соседнюю комнату и жестом пригласил меня войти, со словами «милости просим».

Ничего не оставалось, как подчиниться, и я прошел в очень большую залу, где увидел нечто совершенно необыкновенное. Вдоль стен стояло больше десятка столов. За каждым столом сидел жандармский офицер и

около некоторых из них находились лица прокурорского надзора. За одними столами допрашивали свидетелей, за другими, по-видимому, опрашивали обвиняемых, за третьими производился осмотр вещественных доказательств... И все это делалось одновременно, без всякой связи одно с другим, при общем шуме и говоре присутствующих. Я познакомился со всеми находившимися в зале должностными лицами и торопливо вернулся в кабинет генерала Иванова, обратившись к нему с просьбой показать мне самое дознание.

Генерал открыл большой шкаф, в котором стояло несколько сот отдельных томов дела. Большинство томов были совсем тонкие, в несколько листов. Я вынул наудачу один из томов и увидел надпись: «Дело о дворянине Верховском».

В деле было только постановление о привлечении Верховского, как задержанного 3 декабря 1905 г. на заседании Совета рабочих депутатов, к дознанию в качестве обвиняемого, постановление о содержании его под стражей и протокол допроса, в котором значилось, что Верховский виновным себя не признает и от показаний, а также от подписания протокола отказывается.

— Позвольте,— спросил я генерала Иванова,— а где же доказательство того, что Верховский был членом Совета?

— А это в деле Хрусталева¹⁰,— ответил мне Иванов и вытащил из шкафа толстый том № 1, названный «дело Хрусталева».

Оказывается, что жандармы избрали такую систему: все, что относилось к деятельности Совета вообще, они сосредоточили в одном томе, назвав его почему-то томом «Хрусталева», а в остальных томах помещали только то, что относилось к данному обвиняемому.

Я сразу понял, какая колоссальная предстоит работа, чтобы разобраться и просто классифицировать весь материал, и решил, что здесь, в помещении управления, это сделать невозможно.

В тот же день я сказал Камышанскому, что буду заниматься дома, и, получив его согласие, попросил по телефону генерала Иванова прислать мне «дело Хрусталева». К моему удивлению, Иванов запротестовал. Уверял,

что дело это, да и вообще все тома им нужны каждую минуту и что работать я могу только в жандармском управлении. Пришлось прибегнуть к вмешательству Камышанского, и только после этого я стал получать по утрам через унтер-офицеров нужные мне материалы, которые сдавались под расписку и под расписку же возвращались обратно.

Началась каторжная работа. Материал был громаден, разбросан; в нем была масса таких данных, которые ничего касающегося преступных деяний в себе не заключали, и, кроме того, материалы о том или другом лице были так причудливо размещены по разным томам, что приходилось делать длиннейшие выписки, чтобы распределить всю эту литературу.

Я понял, что мне в месячный срок, который был мне дан, никогда с такой задачей не справиться, и попросил Камышанского дать мне в помощь кого-нибудь из товарищей прокурора окружного суда. Просьба моя была удовлетворена. В мое распоряжение был командирован товарищ прокурора Г. В. Меллер, и с этого дня мы начали работать вдвоем. Меллер даже переселился на мою квартиру. Мы начинали ранним утром и с маленькими перерывами работали до позднего вечера. Так продолжалось изо дня в день на протяжении целого месяца.

Я не знаю, кому пришла в голову злополучная мысль поручить производство дознания жандармскому управлению, а не обратить его к производству нормального следствия. Решил ли так Совет Министров, была ли здесь инициатива Дурново или Акимова¹¹, или эта неудачная комбинация была принята Камышанским, но большей ошибки нельзя было сделать. Дело было очень трудное, оно требовало от следователя не только объективной, но и очень кропотливой, так сказать, мозаичной работы. В распоряжении Петербургского суда и палаты имелись такие следователи, как А. В. Бурцев, М. В. Белевцов и Н. В. Зайцов, и каждый из них справился бы с этой работой. Между тем дело бросили в неумелые и, я скажу, необъективные руки. Дали его людям, не имевшим никакого авторитета в глазах не только общества, но и в рядах судебного ведомства, и тем созда-

ли невероятно трудное и тяжелое положение обвинителя на суде, о чем я скажу в дальнейшем изложении.

После месяца работы проект обвинительного акта был готов. Вместе с Меллером мы проехали к Камышанскому, и целый вечер я читал ему текст составленной мной работы. В конце концов акт был сдан в печать в сенатскую типографию, и я мог немного отдохнуть, хотя и продолжал систематизировать материалы и вообще готовиться к обвинению.

Ко времени, когда обвинительный акт вышел из типографии, Камышанского в Петербурге не было, он был в какой-то командировке; отсутствовал и новый министр юстиции И. Г. Щегловитов¹².

Акт был предложен палате вместе с подлинным делом, и палата «дала ему ход».

Палата во всем согласилась с моими выводами. Мною было составлено заключение о прекращении о 200 с лишком обвиняемых, а предать суду было предположено, кажется, 52 лица. Часть из них скрылась до суда, и на скамье подсудимых было около 30 человек, если мне не изменяет память. Во всяком случае, в результате судебного процесса 15 человек было осуждено по 102-й статье и сослано на поселение, двое были приговорены в крепость, кажется, на год, и 12 человек было оправдано.

Я совершенно убежден, что если бы производилось предварительное следствие, а не дознание, то на скамье подсудимых и находились бы только те 15 человек, которые были осуждены палатой.

Передача мною в палату дела сопровождалась одним комическим эпизодом, характеризующим бюрократические петербургские нравы. Уезжая в командировку, Камышанский поручил мне, направляя дело в палату, один экземпляр обвинительного акта представить при рапорте министру юстиции, а один лично отвезти дворцовому коменданту В. А. Дедюлину¹³ для представления государю. Камышанский сказал мне, что это высочайшее повеление.

Я так и сделал. Позвонил Дедюлину по телефону, выехал по его приглашению в Петергоф, передал ему акт и вернулся домой.

Через несколько дней меня экстрен-

но вызвал заменявший временно Щегловитова милейший и добрейший товарищ министра юстиции М. Ф. Люце.

Он принял меня чрезвычайно сухо и холодно и встретил вопросом:

— Скажите, пожалуйста, по какому праву вы признали возможным передать составленный вами обвинительный акт дворцовому коменданту?

Я смутился, но ответил, что акт передан мною для представления государю. Я понял, что это было в отношении министра некорректно, но не считал себя вправе называть Камышанского и выслушал от Люце форменный выговор.

— Вы поставили меня перед его величеством в невозможное положение. Я поехал в Петергоф с очередным докладом и хотел передать государю обвинительный акт. Смотрю, а акт лежит уже на столе у его величества. Государь выслушал меня и сказал: «Благодарю вас, я уже имею этот акт от генерала Дедюлина». Понимаете ли вы, как вы меня подвели? Я это доложу Ивану Григорьевичу (Щегловитову), когда он вернется, и вам будет указана неуместность ваших действий. Можете идти.

Я ушел от Люце, искренне сожалея, что причинил хорошему человеку несколько неприятных минут. Мысленно обругал Камышанского, но скоро забыл о всей этой истории и только впоследствии узнал, что Люце, говоря обо мне, не выражается иначе как называя меня «крайне невыдержанный молодой человек».

III

ПЕРВОЕ СЛУШАНИЕ ДЕЛА

Дело Совета рабочих депутатов было в первый раз назначено к слушанию 20 июня 1906 года.

Отчетливо помню, как в это утро я вышел из своей квартиры на Фурштатской и пошел пешком к зданию окружного суда.

Уже около Сергиевского собора, на Литейном, заметно было начинавшееся скопление народа. Поперек улицы стояла цепь чинов полиции. Виднелись не только черные шинели городских, но и довольно много серых шинелей начальствующих чинов полиции. Последняя не препятствовала движению по улице и, по-видимому, получила

задание лишь помешать скоплению публики группами. Я прошел мимо цепи и, подходя к зданию суда, увидел, что вторая такая же полицейская цепь протянулась поперек Литейного и на углу Шпалерной, так что здание суда в сущности было кругом оцеплено. Тут, на Шпалерной, тоже стояли небольшие группы народа, преимущественно рабочих и просто любопытных прохожих.

Испытывая довольно сильное волнение, я решил не идти в совещательную комнату 1-го отделения суда мимо публики, собравшейся в кулуарах, а пошел хорошо мне знакомыми нижними коридорами, войдя в маленький подъезд со Шпалерной. Как только я вошел в коридор, мне бросилась в глаза следующая картина. В самом коридоре и во всех комнатах, обычно занимаемых сторожами, стояли, сидели и даже лежали на столах и лавках солдаты лейб-гвардии Павловского полка. В одной из комнат пили чай несколько офицеров. Проходя мимо фельдфебеля, я спросил его:

— Вас сколько здесь?

— Рота,— отвечал он.

— А давно вы здесь?

— С ночи привели.

Я не стал дальше расспрашивать и поднялся по внутренней лестнице в совещательную комнату.

Состав палаты был уже налицо. Были и судьи, и сословные представители, и несколько министерских чиновников, присланных послушать процесс, которых Камышанский не без остроумия называл «наведенными людьми».

Шел общий разговор, и все казались спокойными, кроме старшего председателя палаты И. К. Максимова¹⁴, который, видимо, нервничал и заставлял себя сосредоточиться на докладе секретаря о явившихся и не явившихся свидетелях.

Ко мне немедленно же подошел судебный пристав и сказал, что несколько лиц ждут меня в коридоре и желают переговорить по делу. Оказалось, что все это исключительно лица, желающие попасть в зал суда и не имеющие билетов. Все они уверяли, что им по должности необходимо прослушать процесс, и ссылались на самые разнообразие мотивы. Особенно наседали на меня адъютант морского министра капитан Зилоти. Я знал, что

билеты розданы, и в зале и на хорах, что называется, «до отказа», и потому нашел в себе характер отклонить все эти требования и вновь вернулся в совещательную комнату. Мне не хотелось ни с кем разговаривать, и я через маленькую дверь вышел в залу заседания, где я был скрыт от взоров высокими спинками кресел присяжных заседателей. Зала шумела, как растревоженный улей. Сзади было черно от публики. В местах для представителей прессы люди сидели плечо к плечу. Против меня на скамье подсудимых длинной лентой сидели обвиняемые. Все они весело между собой разговаривали; почти у всех в петлицах были вдеты красные цветы.

Между подсудимыми и мною стояла большая группа защитников и о чем-то оживленно беседовала. Один из защитников, присяжный поверенный Маргулиес¹⁵, заметил меня и направился в мою сторону, но я отмахнулся от него рукой и торопливо вернулся в совещательную комнату.

Там я прослушал сообщение секретаря о не явившихся свидетелях. Их было много, но я решил, что дело слушать можно, так как не видел гарантии, что в следующий раз свидетелей явится больше, а между тем значительное число обвиняемых содержалось под стражей уже с декабря месяца.

Я стал делать некоторые заметки карандашом, но вдруг Максимович взволнованно позвал меня к окну.

— Посмотрите, посмотрите, что там делается,— говорил он.

Под окнами суда на Шпалерной довольно большая толпа народа пыталась, очевидно, проникнуть в здание суда, а полицейский пристав, что называется, «честью просил разойтись».

В этот же момент раздалось совершенно непривычные для старых стен окружного суда звуки пения.

В здании Дома предварительного заключения, который выходит на тот же двор, арестованные пели «Марсельезу»:

Вставай, подымайся, рабочий народ...

В ответ на это пение раздалось то же пение «Марсельезы» из комнат, в которых ожидали допроса свидетели по делу.

В совещательную комнату вбежал уже измученный и усталый знамени-

тый церемониймейстер всех больших процессов, судебный пристав Н. Н. Ермолаев.

Он, волнуясь, докладывал Максимо- вичу, что никак не может успоко- ить свидетелей, что он разбил их на группы и развел по разным комнатам, но они не слушают его уговоров и поют.

— Мне с ними не справиться,— го- ворил Ермолаев,— их несколько сот, а я один, ваше превосходительство.

— Доложите прокурору палаты,— раздраженно ответил Максимович,— это его дело наблюдать за порядком в здании суда...— А затем, обратив- шись ко мне, Максимович, стараясь, видимо, меня подготовить, стал гово- рить, что при таких условиях суд не- возможен, что это не суд, а демонст- рация и что вести процесс в таких условиях немислимо.

Вскоре пение стихло. Успокоил ли певших Камышанский, или защита приняла в этом участие, не знаю, но, во всяком случае, водворилась тиши- на.

— Все готово, ваше превосходи- тельство,— доложил, вновь появляясь в совещательной комнате, пристав Ермолаев.

Максимович нервно прошелся по комнате, потом махнул как бы в от- чаянии рукой и впереди всех вошел в залу, торжественно объявляя своим мощным голосом:

— Прошу встать — суд идет!

Зашумела вся масса публики, за- щитников и подсудимых, вставая со своих мест, и в то же время откуда-то вновь донеслись вызывающие звуки революционной песни...

Вставай, подымайся, рабочий народ!

Еще минута — и в зале все стихло.

— Объявляю заседание откры- тым,— произнес, явно волнуясь, Мак- симович.

— Подсудимый Носарь-Хрусталеv, вас зовут Георгий Степанович?

И двинулась в ход сложная машина судебного процесса, внося своей при- вычной размеренностью успокоение в возбужденные нервы участников про- цесса.

Долго докладывал судебный при- став Ермолаев о нескольких десятках не явившихся свидетелей; еще долъ- ше, методично и отчетливо, докладыв- вал секретарь палаты Барановский о

причинах их неявки, и, наконец, на- ступил момент, когда я должен был произнести свои первые слова после обращения ко мне председателя: «Господин прокурор, ваше заключе- ние о последствиях неявки свидетелей и возможности слушать дело».

Сердце мое колотилось; предстоя- ло, в сущности, чисто деловое объек- тивное заключение, но сознание, что я сейчас сам услышу свой голос, что на меня повернутся сотни любопытных и в большинстве враждебных взглядов, уже меня волновало.

Однако мне не пришлось тогда же дать заключение.

Максимович, выслушав доклад пристава и секретаря, помедлил не- сколько секунд и неожиданно произ- нес: «Объявляю перерыв на четверть часа...»

В совещательной комнате Максимо- вич отвел меня в сторону и, уже не скрывая своего волнения и нервности, спросил меня:

— Какое вы дадите заключение?

Я ответил, что думаю продолжать заседание, потому что почти все под- судимые содержатся под стражей, а между тем у суда нет никаких гаран- тий более полной явки свидетелей к следующему заседанию.

— Послушайте, Владимир Алек- сандрович,— взволнованно возражал мне Максимович,— дело не в свидете- лях, а во внешних условиях процесса. Нельзя требовать от судей и сторон спокойствия, когда их все время будет взвинчивать обстановка. Это пение, эти толпы на улицах!.. Все это может вернуться в зал. Подумайте о досто- инстве суда...

Я стоял на своем, и в это время в разговор вмешался подошедший к нам прокурор палаты.

— Иннокентий Клавдиевич,— горя- чо заговорил Камышанский,— если Бальц даст заключение об отложении дела, я его отстраню и сяду на его место. Надо слушать, иначе — про- стите,— это просто малодушие.

— Ну, как знаете,— разочарованно ответил Максимович и отошел от нас.

Заседание возобновилось моим за- ключением, в котором я подробно мо- тивировал необходимость теперь же слушать дело.

У меня сохранилась в памяти ма- ленькая деталь этого момента процес- са.

«Неявку генерала Иванова и Алексея Суворина¹⁶, — говорил я, — я полагал бы признать незаконной, немедленно назначить им новый срок вызова и в случае вторичной неявки подвергнуть их приводу».

Говоря это, я заметил какое-то движение на скамье подсудимых. Второй по счету подсудимый — Троцкий¹⁷, оживленно жестикулируя, что-то говорил полупешепотом своим соседям Хрусталеву и Сверчкову¹⁸. Я понял, что подсудимые не ожидали, чтобы прокуратура дерзнула требовать привода жандармского генерала и всесильного тогда журналиста Суворина, и это доставило мне первое нравственное удовлетворение.

От имени всей защиты мне возражал О. О. Грузенберг¹⁹. К великому моему удивлению, защита требовала отложения дела. Формальных поводов для этого было, конечно, достаточно, и возражение Грузенберга было всесторонне мотивировано.

Палата удаляется для совещания.

Это совещание длилось больше часа. Было совершенно ясно, что в совещательной комнате шла борьба двух мнений: слушать дело или отложить.

Наконец раздался звонок. Палата вышла, и Максимович огласил длинное мотивированное определение о том, что палата постановляет: дело слушанием отложить.

В эту минуту я сделал, может быть, несвоевременное заявление. Я не дал Максимовичу объявить заседание закрытым и поспешил сказать, что я имею к палате ходатайство.

Максимович повернулся в мою сторону, заметно проявляя изумление и неудовольствие.

— Я прошу палату занести в протокол, — говорил я, — что в обвинительный акт вкралась две фактические ошибки.

Едва, однако, я успел объяснить, в чем именно эти ошибки заключаются, как Хрусталев вскочил с места и резко, торопливо стал говорить, что его объяснения тоже «извращены» в обвинительном акте.

Поднялся общий шум. Максимович уже явно выпустил из рук дирижерскую палочку и, торопясь, встал с кресла со словами: «Объявляю заседание закрытым».

И тем не менее защитник Н. Д. Соколов²⁰ просил отметить ходатайство об освобождении всех подсудимых из-под стражи, некоторые защитники, подойдя к судейскому столу, делали еще какие-то заявления. За общим шумом нельзя было ничего понять, и наконец Максимович со словами: «Палата все обсудит в распорядительном заседании» — беспомощно снял цепь и закрыл заседание.

Так кончилась первая попытка судебного рассмотрения дела Совета рабочих депутатов.

Я до сих пор не понимаю, что, собственно, побудило защиту и подсудимых требовать отложения дела. Обстановка момента была благоприятна именно для защиты, и защита, конечно, не могла не учесть всех подробностей этой обстановки. Состав суда был благоприятен, хотя бы потому, что покойный Максимович был мягкий человек, не обладавший силой сопротивления. Затем, ожидание амнистии не могло ничего изменить в ходе процесса, и было бы только политически эффективно для подсудимых требовать суда, несмотря на амнистию, которая все равно освободила бы их от ответственности. Наконец, защита не могла ожидать, что, откладывая дело, она добьется освобождения из-под стражи всех подсудимых. И действительно, главные участники процесса остались под стражей, а именно в них сосредоточивался широкий политический интерес дела.

Кроме того, для защиты было чрезвычайно благоприятно вести процесс во время деятельности первой Государственной думы. Всякое нарушение прав подсудимых, конечно, нашло бы себе отклик в Думе, самое существование которой было серьезной гарантией от полицейско-административного давления на суд или, вернее, на ход процесса. Повторяю — стремление отсрочить слушание дела мне непонятно, и удовлетворение этого требования создало лишь несколько месяцев лишнего содержания под стражей для многих подсудимых.

Не могу не отметить, что эти лишние месяцы неволи подсудимых были впоследствии поставлены прессой на счет судебной власти.

ВТОРИЧНОЕ СЛУШАНИЕ ДЕЛА

Прошло три месяца.

Наступило 19 сентября 1906 года — день вторичного слушания дела Совета рабочих депутатов. Казалось бы, что времени прошло не много, но все, вся обстановка до мелочей, до деталей изменилась до неузнаваемости.

Прошла и безвозвратно исчезла первая политическая «весна» русской государственной жизни. Сверкнула в общественном сознании и исчезла первая Государственная дума. Беззвучно прокатилось по России Выборгское воззвание²¹, бессмысленно и бесцельно изъяс из строя на целый ряд лет многих крупных политических деятелей. Благожелательный Столыпин²² времен первой Думы, а за ним и вся административная машина получили твердый уклон вправо. Выражения общественного мнения как-то замерли, и во все сферы политической жизни все тверже и непоколебимее проникала черная реакция, опиравшаяся на все ободравшиеся миллионы «Союза русского народа»²³.

Словом: «Облетели цветы, догорели огни!..»

В этот именно «глухой момент» стиличной жизни суждено было возобновиться процессу Совета рабочих депутатов. Изменилась и внешняя обстановка процесса. Так же, как и тогда, весной, у здания суда виднелись серые полицейские шинели, но тщетно было бы искать в настроении чинов полиции следов тревоги и волнения. Чувствовалась их твердая уверенность в своих силах, в том, что они снова — хозяева положения. И в самом здании суда не было уже ни роты Павловского полка, ни увеличенных жандармских нарядов. Не слышно было пения «Марсельезы», и И. К. Максимович мог бы вести процесс, не опасаясь демонстраций и эксцессов.

Но, увы! Не было уже и самого И. К. Максимовича. Волею судеб и министра юстиции И. Г. Щегловитова Максимович за лето успел перекочевать с Литейного проспекта на площадь у памятника Петру Великому и обречен был рассматривать дела коммерческих судов в роли сенатора Судебного департамента Сената.

Вместо Максимовича руководителем процесса явился новый старший пред-

седатель палаты Н. С. Крашенинников²⁴.

Его выдающаяся роль в деле, его далеко не заурядная личность привлекала к нему внимание всех соприкасавшихся с процессом...

И прессы, и защиты, и подсудимых.

Властный и твердый характер Н. С. Крашенинникова делал его везде и всегда не способным на вторые роли: именно это сделало его центром внимания и на процессе Совета рабочих депутатов.

С первых слов, с провозглашением им обычного: «Объявляю заседание открытым» — всякий почувствовал, что это уже не тремолирующие синкопы Максимовича, а уверенное и твердое *andante maestoso*²⁵.

Один из публицистов, А. Вергежский²⁶ в газете «Речь», так описывал свои впечатления о председателе:

«Председатель очень корректно представляет всем полную свободу слова и только иногда останавливает, и то не по цензурным соображениям, а скорее из желания сэкономить время. Но в этой свободе чувствуется что-то ужасно давящее, похожее скорей всего на высокомерное торжество победителя. Искусством перекрестной игрой вопросов загнать свидетеля в тупик председатель владеет в совершенстве. В самой фигуре председателя, в его желтом лице, в острых глазах и такой же острой улыбочке, играющей около тонких, бледных губ, есть что-то законченное, стильное. И большая цепь, падающая на впалую грудь, довершает эту законченность. Точно видишь перед собой испанского судью времен Филиппа II²⁷. Так и кажется, что раздадутся слова: „Именем Бога спрашиваю вас, сын мой“...»

Первая часть процесса, так сказать, судебная увертюра, разворачивалась без особых инцидентов и велась в том приподнято-торжественном тоне, который умел давать судебным заседаниям Н. С. Крашенинников.

Начался процесс с опроса подсудимых, и в эти минуты я впервые внимательно знакомился с индивидуальным обликом каждого из преданных суду бывших деятелей Совета рабочих депутатов.

Мне кажется, что, сколько бы еще лет я ни прожил на свете, я никогда не забуду скамьи подсудимых. И сейчас передо мной отчетливо представ-

ляется вся картина залы суда и подсудимые, с которыми я провел, можно сказать, почти неразлучно целый месяц. У меня создались определенные симпатии и антипатии к отдельным обвиняемым, мне минутами казалось, что это просто знакомые мне люди, из которых одни кажутся мне привлекательными, интересными, умными, искренними, а другие вызывают к себе или безразличное отношение, или даже явную антипатию.

Опрос подсудимых начался, конечно, тем же вопросом, которым три месяца перед тем начал заседание И. К. Максимович:

— Подсудимый Хрусталева-Носарь, вас зовут Георгий Степанович?

Со скамьи подсудимых поднялся молодой еще блондин среднего роста, с мягким, почти добрым выражением серых глаз.

Так вот он, знаменитый Хрусталева, имя которого гремело на всю Россию в октябре и ноябре 1905 года. Я представлял себе Хрусталева человеком высокого роста, брюнетом, словом, именно так, как нам обыкновенно рисуют театральный тип «вождя масс». В действительности ничего подобного в Хрусталева не было: только несомненное умение владеть собой, способность формулировать мысли и иногда неожиданная жесткость и резкость возражений показывали, что этот энтузиаст может обладать большой волей, что он в момент подъема способен подчинить себе на время коллективную волю и заставить толпу себя слушаться. Но в то же время Хрусталева производил на меня впечатление человека чрезвычайно нервного и к тому же недостаточно вдумчивого. Едва ли это был выдающийся ум, едва ли даже это был человек определенных верований и выработанных убеждений. Мне казалось, что это человек, который способен «вспыхивать», но не может «гореть».

— Подсудимый Бронштейн, — продолжал свой опрос председатель, — ваш литературный псевдоним Троцкий? Ваше вероисповедание?

В ответ на этот вопрос поднялся сосед Хрусталева по скамье подсудимых. Среднего роста человек, нервный и резкий, он с первого же взгляда производил впечатление чрезвычайно сильного волей человека. Он весь был словно соткан из энергии, ума и нена-

висти. Самообладание не покидало его ни на минуту, и раздражение свое он облекал в форму ответов, полных страстного яда, бесподобно формулируя свои мысли и прибегая иногда к почти театральному пафосу, который сильно взвинчивал и без того напряженную обстановку суда.

На вопрос о религии Троцкий ответил:

— Я не принадлежу ни к какой религиозной общине.

Опрос подсудимых продолжался. По очереди поднимались со своих мест и отвечали на рутинные вопросы председателя главные деятели Совета. Вот член президиума Совета, похожий по облику на помещика, Сверчков-Введенский. Вот Кнунынец²⁸, он же Радин, — вспыльчивый и резкий армянин, делегат в Совете от партии большевиков, автор очень интересной книги «Первый Совет рабочих депутатов». Рядом с ним представитель партии социалистов-революционеров Авксентьев²⁹, который своими личными свойствами и манерой держать себя на суде вызывал неизменные симпатии публики и прессы.

Троцкий и Авксентьев представляли собой, как тип, полную противоположность. Оба они, словно сочетание «blanc et noir»³⁰, отличались друг от друга всем, начиная с наружности.

Постепенно перед судом проходили остальные участники процесса. Крашенинников опрашивал каждого подробно, выдержанно, детально. Эти подробности судебного ритуала уже с первого заседания дали ему тот деловой характер, который до известной степени гарантировал сам по себе спокойный ход дальнейшего расследования.

Защита в этой стадии не вмешивалась в течение дела, она находилась в состоянии «перед боем», и я имел возможность внимательно всмотреться в ее ряды, в эту длинную ленту профессиональных моих противников, которые при нормальной постановке дела должны были в конечном итоге вместе со мной помочь суду в одной общей задаче — в установлении объективной судебной правды.

Можно сказать, что по делу Совета рабочих депутатов все, что могла дать талантливого, знающего, опытного в уголовном праве и процессе адвокатура обеих столиц, все собралось

на скамьях защиты, приготовилось оборонять подсудимых, которые, кстати сказать, едва ли хотели обыкновенной судебной защиты, а искали процессуальных руководителей в недостаточном им самим знакомой судебной борьбе.

Я не буду восстанавливать в своей памяти всех представителей защиты, скажу только, что между защитниками были: О. О. Грузенберг, Н. Д. Соколов, П. Н. Малянтович³¹, Н. К. Муравьев³², Л. Н. Андроников³³, братья М. В. и В. В. Беренштамы³⁴ и А. С. Зарудный³⁵. Это были люди, уже тогда имевшие определенную репутацию и известность в судебных кругах Петербурга и Москвы, а кроме них среди молодых адвокатских сил пришли защищать подсудимых П. Н. Переверзев³⁶ и пылкий, очень театральный, но всей душой преданный делу защиты А. Ф. Керенский³⁷.

Повторяю, я не могу здесь перечислять всех, но, конечно, кроме названных мною был и еще ряд адвокатов, нужных для интересов подсудимых, а был кроме них и ряд совсем еще юных «помощников», добросовестно просидевших весь процесс, все время молчавших и не внесших в дело ничего своего и нужного.

Я заметил, что на всех больших процессах всегда участвуют молодые люди на бессловесных ролях. Я всегда удивлялся их терпению, ибо единственным реальным результатом процесса для них было разве только право сказать: «Я защищал по делу Совета рабочих депутатов». Быть может, и почетно, но во всяком случае глубоко бесполезно.

Первые минуты, следовавшие за официальными формальностями начала процесса, связаны в моей памяти с совершенно новым для меня ощущением, с новой непривычной психологией. Первый обмен мнений между прокурором и защитой почти никогда не вызывает горячих, резких столкновений, несмотря на самую категорическую разницу точек зрения. Это совершенно понятно, потому что в этой стадии дела весь спор сводится к выяснению вопроса о том, можно или нельзя слушать дело. Субъективность взгляда на существо дела не играет при этом почти никакой роли, и в сущности обе стороны в процессе являются скорее союзниками, решающими

вопрос о лучших способах для установления объективной истины по делу. Так было всегда по всем делам об уголовных преступлениях за длинный ряд лет, когда мне приходилось стоять на трибуне государственного обвинителя.

На этот раз я неожиданно почувствовал пропасть между психологией обвинителя по уголовному делу и по делу политическому.

По делам уголовным прокурор стоит вне той борьбы, которая составляет жизненное содержание дела; обвинитель является стороной лишь в смысле процессуальном, но по существу дела он может по совести чувствовать себя посторонним судьей, не захваченным лично обстоятельствами дела. Это ощущение свободы в оценке дела и отсутствие заинтересованности в последствиях действий подсудимых могли создать действительно тот тип прокурора, который А. Ф. Кони³⁸ определил крылатым словом — «говорящий судья».

По процессу Совета рабочих депутатов я с необыкновенной ясностью почувствовал, что такая объективная позиция по политическому делу если не совсем невозможна, то очень труднодостижима. Нельзя перестать быть гражданином, нельзя убедить себя в том, что на время искания судебной правды надо забыть свои политические убеждения, надо объявить самому себе нейтралитет. Недаром же талантливый и пылкий Камышанский с раздражением доказывал мне, что попытка быть нейтральным не может ни к чему привести.

— Какой вздор! — говорил Камышанский. — Какой там «говорящий судья». Это неестественно. Это делает обвинителя не «говорящим судьей», а «кастрированным прокурором»!

Впервые я почувствовал, что в резких словах Камышанского была значительная доля правды. Неужели я не мог бы, если бы хотел, искренно опровергать политические построения, положенные в основу процесса? Неужели у меня совсем не нашлось бы слов, чтобы возражать против тех или иных соображений и защиты? Конечно, нет. Конечно, можно было не сводить своей задачи к доказательству формулы: состав наказуемого деяния доказан — значит, должен быть обвинительный приговор. Можно было, не противореча своей совести, приводить

соображения не только формальные, но и соображения по существу дела.

И тем не менее я наложил на себя в этой области veto и остался нейтральным. Не знаю, насколько мне это удалось, но знаю одно — это единственно верная позиция, которую может занять перед судом обвинитель по политическому делу.

Верная позиция потому, что никто, и тем более государственный обвинитель, не имеет права требовать для другого наказания за субъективную разницу в политическом мировоззрении. Требовать наказания можно, но только за нарушение закона, а не за вредоносность политического деяния, потому что эта «вредоносность» всегда останется спорной, и то, что один искренно считает гибельным для родины и человечества, другой может столь же искренно считать для них спасительным.

При таких условиях обвинитель и подсудимый могут легко и свободно поменяться местами, и решать спор будет призван уже не суд, а история.

Сдерживая себя, не позволяя высказываться или основываться при ведении процесса на своих субъективных политических воззрениях, я в то же время ясно видел, что эта раздвоенность психологии таится не только во мне, но и во всех участниках процесса.

Судьи, прокурор и защита не перестают быть гражданами во всяком политическом процессе, и в этом заключается кардинальный, основной дефект всех самых объективных намерений подойти ко всякому политическому процессу с узкосудебным масштабом. Я был близок тогда, близок и теперь к парадоксальному для прокурора выводу, что политические деяния вообще не могут быть предметом судебной оценки.

Один из публицистов во времена процесса обмолвился довольно ярким определением, сказав, что всякое государственное преступление есть в сущности «политический конфликт» между государственной властью и убеждениями отдельного лица или целой части общества. В этом есть много правды. Это «конфликт», а следовательно, это деяние, не аналогичное с преступлением в узком смысле этого слова, всегда предполагающим нару-

шение среднего уровня нравственности.

Раз это так, раз действия, направленные против государственной власти, вызываются не злой волей, а наоборот, субъективно понятным желанием добра, то это именно «конфликт».

Всякий конфликт требует его разрешения лицами, в нем не заинтересованными, а ни один сознательный гражданин не может не быть заинтересован в том или ином разрешении политического деяния, которое неизбежно или соответствует, или противоречит его собственному политическому сгедо.

Стало быть, не только суд коронный с искусственно созданной примесью сословных представителей, но и суд присяжных заседателей — это высшее и лучшее, что создано человеческой мыслью в уголовном процессе, — не может быть правомочен для решения политических дел, ибо в этих делах надо решить спор, в котором и сам присяжный заседатель является стороной.

Когда из побуждений политических совершается деяние само по себе наказуемое — убийство, экспроприация и проч., — тогда роль суда естественна и понятна. Факт преступления бесспорен для всякого, и вопрос сводится к вменению и мере ответственности. Но там, где из политических убеждений и во вред государственной власти совершены деяния, сами по себе уголовно безразличные, там, быть может, судебный критерий и вовсе не применим, и нужно что-то другое, до чего еще не додумалась человеческая мысль. Я говорю — не додумалась, потому что, охраняя свое государственное status quo³⁹, признанная в стране власть может, конечно, и не прибегая к суду обезвреживать борющихся с ней людей путем высылки, экспораций и проч. Но этот метод борьбы, применяемый властью сильного, будет еще хуже судебного метода, ибо он легко может превратиться в произвол, в акт административного мщения, и уничтожить даже те слабые гарантии, которые создает для ответчика перед государством судебная власть.

Сколько мучительных минут, сколько внутреннего разлада с самим собой пережил я в этих тяжелых размышле-

ниях, в этом желании служить России, не впадая во внутренние противоречия с самим собой. Ответ на эти сомнения, конечно, есть, и он очень прост.

Уйти от участия в судебном рассмотрении политических дел — вот и все.

Но это, конечно, не ответ. Это просто «моя хата с краю, ничего не знаю». Нет, участвовать в этой форме государственной жизни и сохранить спокойную совесть, найти линию поведения, устраняющую субъективизм, охранять не борющуюся сторону, а нарушенный закон — вот выход, который мне подсказывала моя мысль, моя совесть, и к этому выходу я стремился, этим путем шел. Сумел ли я претворить свое мировоззрение в своей обвинительной деятельности, судить не мне...

Необыкновенная громоздкость дела Совета рабочих депутатов создала, конечно, чрезвычайно длинное формальное вступление в процесс. Разные предварительные вопросы заняли несколько дней. Наконец все это кончилось. Палата постановила дело слушанием продолжать, и старший председатель, объявив об этом, обратился к секретарю Я. В. Барановскому со словами: «Г. секретарь, огласите обвинительный акт...» Судебная увертюра окончилась, начинался первый акт судебной драмы.

Я не собираюсь излагать в своих воспоминаниях подробно ход процесса или, вернее, ход судебного следствия. В мои намерения вовсе не входит составить задним числом судебный отчет по делу. Всякий желающий ознакомиться с этим громадным материалом легко найдет его в литературе, создавшейся по поводу истории Совета. Деятельность Совета изложена, между прочим, в печати и самими подсудимыми, и изложение это разнится от изложения обвинительного акта только в мелочах. Можно с уверенностью сказать, что фактическая сторона дела была установлена вне всякого спора. Обе стороны в процессе опери-

ровали над материалом настолько твердым, что, в сущности, его установление вовсе не требовало почти месячной работы судебного следствия.

И подсудимые, и я совершенно не оспаривали внешней истории деятельности Совета, начиная со дня его возникновения и кончая 3 декабря, т. е. днем ареста. Напротив, на суде кроме данных обвинительного акта фигурировало, подтверждая его, письменное заявление, составленное теми из обвиняемых, которые принадлежали к с.-д. партии, и направленное ими в Центральный Комитет этой партии.

Заявление это, уже после вручения подсудимым обвинительного акта, было найдено по обыску у Ю. Цедербаума (Мартова)⁴⁰. На суде подсудимые — и притом главнейшие из них — не отрицали своего авторства, а между тем содержание этого документа представляло собой сжатую форму отчета о деятельности в Совете членов партии, объясняло их намерения и подтверждало полностью выводы обвинения, так как авторы письма указывали, что они стремятся создать в России демократическую республику и готовят идейно для этой цели вооруженное восстание.

Повторяю: не в фактических обстоятельствах дела, изложенных в обвинительном акте, сосредоточился общественный и политический интерес процесса, а в том, что судебный процесс отразил в себе самые разнообразные общественные течения той эпохи и административной государственной власти, буржуазных и интеллигентных кругов и пролетариата, которые так причудливо переплелись между собой в это необыкновенное время, оборвавшееся резким, крутым поворотом к черной, твердой реакции.

Источником для суждения обо всех этих течениях явились на суде сами подсудимые, свидетели и защита.

Сообразно этим категориям я стараюсь восстановить в своей памяти наиболее яркие, наиболее типичные черты, характеризующие подсудимых, свидетелей и защиту.

(Окончание на с. 61)

МОСКВА В ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА *

I
МОСКОВСКИЙ СОВЕТ
НАКАНУНЕ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
ОРГАНИЗАЦИЯ
КРАСНОЙ ГВАРДИИ.
ДЕКРЕТ № 1.
СОБЫТИЯ В ПЕТРОГРАДЕ

Наступил октябрь.

Первую половину его можно характеризовать полным упадком деятельности умеренных социалистических партий в Москве и бодрым и энергичным настроением в лагере крайне левой демократии, которая открыто и практически не ожидая сопротивления готовилась к захвату власти. Подгонял Петроград.

Происходивший в Петрограде Северный областной съезд Советов в резолюции от 12 октября требовал решительных мер к переходу власти в руки Советов.

Представители Балтийского флота заявили, что флот более не подчиняется распоряжениям Временного правительства и, если власть в ближайшее время не перейдет в руки Советов, флот должен будет сам предпринять шаги к перемирию.

Советы Кронштадта и Гельсингфорса заявили, что вся власть уже в их руках, и в этих городах распоряжения Временного правительства исполняются только с санкции Советов.

Общая резолюция съезда Советов Северной области в резкой форме, говоря, что время слов прошло, требовала решительных мер для немедленного перехода власти в руки Советов, с тем чтобы Советское правительство немедленно предложило всем народам честный, демократический мир.

Всем было ясно, что сигналом к бою должно послужить открытие Всероссийского съезда Советов 20 октября.

В половине октября и Московский Совет перешел в наступление.

Еще 6 сентября Московский Совет рабочих депутатов на соединенном заседании с Советом солдатских депутатов после доклада Кипена (меньшевика) и содоклада А. И. Рыкова¹ вынес большинством 355 голосов против 254 резолюцию, требовавшую установления демократической республики, отмены собственности на землю, введения рабочего контроля, опубликования тайных договоров и немедленного всеобщего демократического мира.

В этой же резолюции устанавливалась необходимость вооружения рабочих путем создания Красной гвардии.

В октябре, через полтора месяца после принятия этой резолюции, Московский Совет, несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров, по докладу Розенгольца² принял организационный устав Красной гвардии.

Меньшевики, выступавшие в Совете в лице Трифонова против организации Красной гвардии, указывали, что организация Красной гвардии может посеять рознь между рабочими и армией, так как единственной опорой революции является революционная армия.

Впрочем, меньшевики соглашались на организацию для защиты порядка во время погромов и против нападения контрреволюционных банд специальных рабочих дружин. Дружины эти, организуемые под руководством Совета, не должны были без надобности иметь оружие на руках и должны быть тщательно обучены.

Нечего и говорить, что такая полвинчатая постановка вопроса совершенно не соответствовала требованиям момента.

Вопрос о Красной гвардии прошел в Совете в положительном смысле, огромным большинством 374 голосов против 8 и при 27 воздержавшихся.

Принятый Советом Устав Красной гвардии гласил, что она учреждается для защиты завоеваний революции, для охраны заводов, фабрик и мастерских.

Количество дружин соответствовало количеству районных Советов р. и

* Печатаемые ниже очерки б. комиссара Московского градоначальства эпохи Врем. правительства являются отдельными главами из имеющей выйти книги «Перед Октябрем».

с. д., причем каждая дружина приурочивалась к району.

Органом, управляющим действиями Красной гвардии, являлся центральный штаб, в состав коего должны были входить: 4 представителя от Исполнительного комитета Совета р. и с. д., два представителя от бюро профсоюзов и начальники районных дружин, причем центральный штаб избирал и непосредственного руководителя — начальника Красной гвардии.

Организация Красной гвардии была полувоенная: дружины делились на роты, взводы и отделения.

Ротные, взводные и отделенные начальники избирались на общем собрании соответственной организации — роты, взвода и отделения.

Самое прохождение службы красногвардейцами должно было производиться по уставу строевой службы, применительно к воинскому и гарнизонному уставам.

Для зачисления в дружину требовалось письменное ружейство соответствующей партийной организации района, или заводского комитета.

Оружие дружинникам могло выдаваться только при обучении и при оперативных действиях.

Самое оружие должно было храниться в районных и подрайонных центрах штаба Красной гвардии.

За целость выданного на руки оружия возлагалась на красногвардейца личная и денежная ответственность, падавшая и на рекомендовавшую его организацию.

Красногвардейцы за свою работу никакого содержания не получали, кроме членов штаба, начальников дружин и рот и инструкторов.

Средства на организацию и содержание Красной гвардии должны были составляться из отчислений с заработка московских рабочих и от случайных поступлений.

Таков был первоначальный Устав Красной гвардии, принятый накануне Октябрьского восстания, в котором Красная гвардия приняла самое деятельное участие.

Позиция городской думы по отношению к созданию Красной гвардии была отрицательной. Пишущему эти строки приходилось принимать участие в смешанной комиссии, организованной Советом по вопросу о создании Красной гвардии.

И пришлось убедиться, что вопрос о Красной гвардии выдвигался моментом: помимо всяких разговоров Красная гвардия создавалась в рабочих районах еще не организованно, но стихийно и непреодолимо.

Другим важным актом, принятым Московским Советом также накануне Октября, было издание декрета об экономической борьбе, получившего наименование декрета номер 1.

Этот декрет знаменовал собою уже переход к реализации власти путем осуществления ее законодательным путем, с этого момента кончилось время слов и резолюций, наступила пора декретов.

Принятию этого декрета предшествовала общая резолюция, сначала провалившаяся в соединенном заседании исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов, так как в исполкоме Совета солдатских депутатов у левой демократии еще не было большинства, а затем 19 октября принятая на Пленуме Советов подавляющим большинством 332 против 207 голосов.

В резолюции этой Советы в виде общей меры декретировали: 1) удовлетворение рабочих в тех отраслях, где назревает или идет стачка, 2) приглашали профсоюзы явочным порядком осуществлять положения декретов на фабриках и заводах, 3) предлагали капиталистов, саботирующих производство и вызывающих стачки рабочих, подвергать аресту, 4) обещали немедленно выпустить декрет о моратории на квартирную плату, 5) обещали принять самое активное участие в деле мобилизации масс и создания органов борьбы за переход власти к революционной демократии.

Меньшевики и эсеры протестовали против принятия этой резолюции, знаменующей, по их мнению, фактический захват власти в самой неразумной форме.

Тем не менее меньшевики в лице Кибрика добавили, что постановлению Совета об экономической борьбе они подчиняются, с тем чтобы положить все усилия к парализованию губительных последствий этой резолюции.

Московский губернский Совет рабочих и крестьянских депутатов одновременно с этим принял совершенно аналогичную резолюцию с резолюцией

Московского Совета, указав, что Советы должны открыть закрытые предприятия, воздействуя на фабрикантов-локаутчиков всеми мерами принуждения.

Пишущий эти строки имел возможность убедиться, работая с Литкенсом в губернском комиссариате, в том, какое впечатление произвела эта резолюция на московских фабрикантов и заводчиков.

Они являлись терроризированные, выражая свое возмущение и протест.

Мы направляли их к губкомиссару Эйлеру, но, конечно, последний был абсолютно бессилён им помочь.

23 октября был наконец принят в заседании Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов под председательством Смидовича³ выработанный специальной Комиссией по выработке декретов об экономической борьбе декрет № 1.

Декрет № 1, немногословный, но решительный, определил собою как бы начало военных действий против капиталистов со стороны Совета.

Он состоял всего лишь из следующих трех пунктов:

«Декрет № 1.

1) Прием и увольнение рабочих производятся администрацией предприятия с согласия фабрично-заводского комитета. В случае несогласия последнего дело переносится на рассмотрение районного Совета рабочих депутатов, решение которого является обязательным для сторон. До окончательного решения как прием, так и увольнение считаются несостоявшимися.

2) Прием и увольнение служащих производятся с согласия комитета служащих.

Примечание 1. В тех предприятиях, где не существует отдельного комитета служащих, прием и увольнение производятся с согласия общего комитета.

Примечание 2. Фабрично-заводской комитет рабочих имеет право опротестовать постановление комитета служащих, причем в этом случае дело разрешается соединенной примирительной комиссией при Совете рабочих депутатов.

3) Означенное постановление является обязательным для всех предприятий г. Москвы. Против виновных в нарушении этого декрета Совет рабочих

и солдатских депутатов будет применять решительные меры вплоть до ареста».

Меньшевики и эсеры пытались возражать против принятия декрета, являвшегося, по их мнению, анархическим, дезорганизирующим и гибельным для революции.

Но большинства у них уже давно не было: декрет № 1 был принят подавляющим большинством голосов.

Преобладающего большинства у большевиков не было только в Совете солдатских депутатов, вернее, в его Исполнительном комитете, так как меньшевики и эсеры употребляли все усилия, чтобы отсрочить перевыборы, понимая, что перевыборы дадут перевес большевикам. В Исполнительном комитете Совета солдатских депутатов после сентябрьских перевыборов было 16 большевиков, 26 эсеров и 9 меньшевиков.

Получив сведения о захвате власти в Петрограде, Советы рабочих и солдатских депутатов созвали 25 октября экстренное соединенное заседание в Политехническом музее.

Это было последним свиданием представителей враждующих в Совете партий перед борьбой.

Это историческое заседание прошло при участии московского городского головы Руднева и командующего войсками Рябцева⁴, выступавших во фракциях.

Собрание выслушало две различные информации о петроградских событиях: одна, оглашенная Мураловым⁵, говорила о поражении правительства и полной победе большевиков, другая, оглашенная эсеркой Е. Ратнер и меньшевиком Исуповом, утверждала, что правительство существует и что войска с фронта идут ему на помощь.

Эсеры и меньшевики, сознавая необходимость создания центрального органа в Москве, предлагали организовать временный демократический орган, составленный из представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городского и земского самоуправления, всероссийских железнодорожного и почтово-телеграфного союзов и штаба Московского военного округа.

Весь спор сводился к вопросу о большинстве в этом органе: большевики отстаивали советское большин-

ство, умеренные социалисты — думское.

Враждующие стороны, разбившись по фракциям, колебались принять то или иное бесповоротное решение.

Из Петрограда доносились все время совершенно противоречивые известия.

Настроение собрания было колеблющимся и неустойчивым. Эсеры в лице Е. Ратнер произносили горячие речи, убеждая собрание не допускать захвата власти Советами накануне Учредительного собрания.

Эсеры заявили, что они отказываются от голосования резолюции по этому вопросу и оставляют за собой свободу действий.

Резолюция большевиков о создании Военно-Революционного Комитета принимается большинством 394 голосов против 106 при 23 воздержавшихся.

Меньшевики заявили, что они входят в создаваемый Военно-Революционный Комитет, составляемый только из представителей Советов, но входят не для того, чтобы содействовать захвату власти, а для того, чтобы помочь пролетариату безболезненно изжить все последствия попытки захвата власти и «авантюризм» большевистских вождей.

Очевидцы передавали, что последняя часть заседания Совета прошла в величайшей напряженности и тишине.

Все чувствовали, что за стенами этого собрания принятые решения вызывают борьбу, сопротивление, междоусобную войну.

В члены Военно-Революционного Комитета были избраны от большевиков: В. М. Смирнов, Муралов, Усевич и Ломов, в кандидаты: Аросев, Москалев, Рыков и Будзинский, от меньшевиков: Тейтельбаум и Николаев, от объединенцев Константинов и кандидатами Гальперин и Янсон.

В эту же ночь Военно-Революционный Комитет издал ряд приказов и воззваний к железнодорожникам, почтово-телеграфным служащим, крестьянам и рабочим.

Таково было настроение Советов накануне Октября в Москве.

Когда-то хозяева положения, эсеры и меньшевики, очутились в меньшинстве, им уже почти не на кого было опираться: их представительным и административным органом являлась

Дума, сохранившая старый состав избранных, соответствовавший настроениям конца июля, а не конца октября.

Таким образом, по существу завоевание власти в Советах, в профсоюзах, в заводских комитетах большевиками закончилось к октябрю открыто, легально и без всякого насилия.

Пока Москва левела, перестраивалась на советский лад и издавала декрет, разбивающий устои капиталистического строя, что же делал Петроград в последние часы перед Октябрьской революцией?

В эти дни и часы Петроград готовился к съезду Советов, большевики — к восприятию власти, а старый состав ЦИК готовился к самоупразднению, доказывая, что время Советов прошло и что власть до созыва Учредительного собрания должна принадлежать правительству и парламенту в центре и городским муниципалитетам на местах.

В то время как умеренные социалистические партии готовились отнять всякую власть от Советов, большевики готовились передать всю власть Советам.

О грядущей гражданской войне говорилось В. И. Лениным в печати и в письмах, Троцким на митингах. Восстание для перехода власти в руки Советов также открыто объявлялось и приурочивалось ко дню съезда Советов.

Предстоящее восстание обсуждалось открыто, воробьи о нем чирикали на крышах.

Положение самого Петрограда под угрозой нашествия немцев было угрожающим.

Ввиду этого и под предлогом недоверия к военной стратегии генералов Временного правительства на пленуме Петроградского Совета было принято предложение фракции большевиков о необходимости создания военно-революционного штаба.

В середине октября было на заседании Исполнительного комитета принято предложение об организации Военно-Революционного Комитета, первоначально по составу пухлого и громоздкого, с участием представителей: Центрофлота, союза железнодорожников, союза почтово-телеграфных служащих, совета фабзавкомов и др. организаций.

Являясь органом Петроградского Совета, Военно-Революционный Комитет по форме должен был быть революционным штабом, управляющим вооруженными силами округа.

Меньшевики и эсеры, пуская в ход все свое влияние, пытались отговорить солдатскую массу от участия в готовящемся восстании.

Но их не слушали.

На собрании полковых комитетов, созванном Исполнительным комитетом, по докладу Троцкого было принято приветствие Военно-Революционному Комитету и обещание полной ему поддержки.

Военно-Революционный Комитет Петрограда приступил к действию.

23 октября в Москве мы получили сведения, что уже 22 октября Военно-Революционный Комитет назначил во все воинские части города своих комиссаров.

К населению Петрограда было расклеено объявление, в котором сообщалось, что «в интересах защиты революции Военно-Революционным Комитетом назначены комиссары при воинских частях и в особо важных пунктах столицы. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждению их комиссарами.

Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны».

С этого момента последовало как бы начало войны, вернее, ее объявление, так как этим приказом уже устранялась власть представителей Временного правительства — гражданских и военных.

Правда, Военно-Революционный Комитет заявлял, что он не ставит своей задачей захват власти, а лишь защиту интересов революции от контрреволюционных посягательств.

Но по существу его мероприятия, конечно, являлись уже захватом власти.

В противовес приказу Военно-Революционного Комитета был издан приказ по Петроградскому военному округу, воспрещающий солдатам и офицерам предпринимать какие бы то ни было самостоятельные выступления, а также воспрещающий исполнение войсками каких-либо приказов, исходящих от различных организаций.

Накануне открытия съезда Советов штаб военного округа перешел к ак-

тивным действиям: Смольный институт, как штаб большевиков, был выключен из телефонной сети, началась разводка мостов, чтобы разобщить рабочие окраины с центром.

Были напечатаны газеты «Рабочий путь» и «Солдат».

Что делал в это время сам Керенский и его правительство?

Керенский собирался перейти к решительным действиям по восстановлению порядка.

24 октября он появился в заседании Совета Республики и с самым решительным видом потребовал от Совета крайних мер: неограниченных ему, Керенскому, полномочий и одобрения ареста членов Военно-Революционного Комитета.

И здесь-то, в этом историческом заседании, случилось нечто неожиданное, вполне подтвердившее пустоту, окружавшую Керенского, и пустоту на том месте, где должна была быть общереспубликанская власть, заменившая Учредительное собрание.

Детище Керенского, его опора, Совет Республики проявил растерянность и страх перед начавшейся гражданской войной.

Закрывая глаза на то, что происходит вокруг них, перепуганные отцы отечества на требование санкционирования решительных мер для борьбы с крайней левой демократией ответили молчаливым отказом.

В этот день Керенский вместе с аплодисментами правой части Совета Республики получил в итоге платоническую резолюцию Совета Республики, в которой от правительства требовалась активная внешняя политика и передача земель в ведение земельных комитетов.

Как будто бы на улицах не начинались вооруженные столкновения около мостов и у редакций газет, как будто бы Октябрьская революция не глядела в окна беспомощного и ненужного Российского парламента.

Правительство лишилось своей опоры, своего фундамента, лишилось даже доверия Совета Республики.

Единственные представители крайней демократии в парламенте — левые эсеры — потребовали немедленного ухода в отставку представителей правительства со всех постов.

Во имя чего шла в дальнейшем борьба?

Ниже будет показано, что в октябрьские дни правительство не имело опоры и поддержки даже в Комитете общественной безопасности, который возник сам по себе и не признавал авторитета правительства.

В эту ночь, с 24 на 25 октября, Петроград принимал уже зловещий вид города, вступившего в полосу междоусобной войны.

Уже появился приказ Военно-Революционного Комитета, датированный 24 октября, призывающий к оружию. Приказ этот гласил коротко и решительно следующее: «Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов грозит опасность. Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции». Приказ был подписан за председателя Военно-Революционного Комитета Подвойским⁶ и за секретаря Антоновым⁷.

Военно-Революционный Комитет, приступив к действиям, открыл печатную типографию газет «Рабочий путь» и «Солдат», поставив около типографии охрану Литовского полка.

Начальник войск Петроградского военного округа полковник Полковников также переходит с юнкерами и частью броневиков в наступление, защищая мосты, телеграф и телефонную станцию.

Но первые же действия революционеров дали им быстрый и решительный успех. Восставшими в течение нескольких первых же ночных часов были заняты телефонная станция, защищавшаяся броневиками, затем телеграф, почта, мосты.

В эти часы Временное правительство прекращало свое бытие.

В ночь на 25 октября в Петрограде был еще разгар революционной борьбы.

А 25 октября Военно-Революционный Комитет в 10 часов утра уже мог расклеить по городу воззвания к населению, возвещавшие падение Временного правительства и создание правительства Советов.

В Петрограде Временное правительство пало почти так же быстро, как пало в феврале самодержавие.

Октябрьский ураган сломил Временное правительство, как высохшую осеннюю ветку, и разметал ее листья по лицу земли русской.

II МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА ПЕРЕД ОКтябрьСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ. НАСТРОЕНИЕ ДУМСКИХ ВОЖДЕЙ. ДУМА И ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ. ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

Как было указано выше, крайним настроениям рабочих организаций и организаций Московского гарнизона противостояла только Дума, внеклассовый орган, не опиравшийся на физическую силу.

В распоряжении Думы условно могли быть: часть офицерства, юнкера, незначительная часть гарнизона, милиция.

Массовый обыватель как таковой, могущий в решительный момент борьбы путем организации добровольческих отрядов из мелкой буржуазии, части интеллигенции, словом, путем создания «белой» гвардии в противовес «красной», повлиять на решительный ход борьбы за власть,—этот массовый обыватель не проявил ни инициативы, ни энергии.

Он оказался равнодушен к своим собственным интересам; может быть, это было еще и потому, что этот же мелкобуржуазный обыватель был совершенно разочарован в своем Временном правительстве, в Керенском и в революции.

Он крепко засел за печку, организуя по призыву Думы домовые комитеты, охраняя домашний очаг от воров ухватами и кочергой, и махнул рукой на происходящее.

В открытое столкновение с Советом должна была вступить только городская дума.

И силою вещей Дума, как орган власти, параллельный Совету, выступила против Совета.

Вожди думской фракции эсеров слишком верили в жизнеспособность Временного правительства.

Эту уверенность поддерживали в них некоторые члены Временного правительства — социалисты, сообщавшие все время оптимистические све-

дения из Петрограда о том, что Керенский с фронтовыми войсками идет на поддержку, что съезд Советов не может открыться, что у большевиков полная растерянность.

Эти сообщения окрыляли некоторой надеждой думских вождей, создавая и питая в них иллюзию на скорый конец большевистского засилья.

Этой уверенности способствовало и полученное в Москве 26 октября воззвание Центрального исполнительного комитета Советов, выпущенное по поводу созыва съезда Советов, в котором ЦИК объявлял съезд Советов несостоявшимся и рассматривал его как собрание делегатов большевиков.

Вожди Московской городской думы цеплялись за соломинки: они надеялись на сопротивление ЦИКа, на сопротивление Совета крестьянских депутатов, на поддержку Ставки, куда за помощью отправился Керенский, на помощь казаков.

Этим надеждам не суждено было осуществиться, и в связи с событиями, происходящими в Петрограде, Московская городская дума также доживала свои последние дни.

В среду 25 октября должно было собраться историческое, последнее заседание Думы, посвященное обсуждению событий, происходящих в Петрограде.

Дума должна была выявить ту или иную позицию в отношении кризиса власти в Петрограде, стать определенно на ту или другую сторону.

Из переговоров с Рудневым пишущий эти строки видел, что настроенные главы думского большинства чрезвычайно подавленное, не лучше было настроение и других вождей думской фракции с.-р.

Все больше углублялся раскол по вопросу о текущем моменте у левых и правых эсеров, все сильнее и определеннее становилось левое крыло эсеров на сторону большевиков, отмежевываясь от правительства Керенского.

Москва имела сумрачный и зловещий вид.

Помню, что поздно вечером в день думского заседания уж появились на стенах домов первые воззвания Военно-Революционного Комитета.

Население читало их со страхом и недоумением.

Городское население только что пережило панику в связи с объявленной забастовкой городских рабочих, когда стачечный комитет рабочих постановлял прекращение действия трамвая, газового завода, водопровода и канализации.

Забастовка эта, сорванная в последний момент согласием Думы на все требования рабочих, оставила неизгладимый след в сердцах московских жителей, которые знали, что городские рабочие пойдут за Военно-Революционным Комитетом, а следовательно, в случае разногласия Комитета с Думой в перспективе снова нужно запастись водой, хлебом и сидеть дома в темноте ввиду остановки трамвая и угасания электричества.

С фронта доносились зловещие слухи, раздуваемые сторонниками порядка до крайних пределов.

Буржуазные газеты били тревогу, — дни их также были сочтены.

В окончательное падение Временного правительства, однако, еще верили немногие.

Средний, рядовой обыватель все еще надеялся на какое-то непостижимое чудо и уже только от этого чуда ждал спасения.

В Москве наступало тяжелое удручающее затишье перед Октябрьской бурей.

В день последнего заседания Думы в переговорах с Рудневым было решено принять меры охраны, так как Руднев предполагал, что в этот же вечер большевики учинят в Москве coup d'etat⁸, арестуют городского голову и членов управы, как единственных носителей муниципальной власти.

Решено было оцепить Думу усиленным нарядом конной милиции, которая была хорошо вымуштрована и оставалась безусловно верной своему хозяину — городскому самоуправлению.

Помню, когда в этот исторический вечер я подъезжал к Думе на последнее заседание и увидел мрачное здание Думы, окруженное молчаливым отрядом конной милиции, мне вспомнились ясные морозные дни февраля, когда Москва собиралась здесь, полная надежд на светлое будущее. Какая разница между этими еще недав-

но пережитыми днями и сегодняшним днем!

Стоял осенний мокрый вечер. Тьма лежала на почти не освещенных улицах. Кругом было пустынно и глухо.

Мы должны были схоронить сегодня весенние иллюзии единства социалистического фронта.

Вместо борьбы за расширение завоеваний революции, дружной борьбы рука с рукой, сторонники умеренной революции готовились встать против вчерашних товарищей, заграждая им путь.

Толпа любопытных понемногу стекалась к Думе, многим и очень многим хотелось быть на этом решающем заседании, и в конце концов думские хоры были битком набиты.

Я замешкался в вестибюле Думы, разговаривая с встретившимися товарищами, мы стояли и смотрели в окно на думскую площадь.

Помню, мимо нас в тот вечер озабоченно сбежал по лестнице вниз Муралов, тот солдат Муралов, которому скоро суждено было сыграть видную роль в Октябрьской революции, а после нее в управлении Московским военным округом.

Я был знаком с Мураловым, который, как представитель Московского Совета, являлся в Градоначальство в связи с различными практиковавшимися уже административными репрессиями.

Теперь, глядя на его поспешно удаляющуюся по площади громадную фигуру в простой серой солдатской куртке, согбенную под моросившим дождем, я понимал, что человек этот торопился, может быть, в Военно-Революционный Комитет, что человек этот стал уже опасным врагом существующей власти.

Было странно, нелепо и жутко сознавать это, видеть воочию ту пропасть, которая разбила всех на два лагеря, чувствовать себя бессильным перешагнуть эту пропасть, не выполнив того, что казалось тогда долгом перед родиной.

Поднявшись в зал, я застал уже думские фракции разбившимися на обычные совещания.

Атмосфера накаленная, тревожная и негодующая насыщала думские комнаты, залы и коридоры.

С озабоченными лицами люди встречались, наспех обменивались пос-

ледними новостями из Петрограда и, точно муравьи, сообщавшие друг другу о разорении их хрупкого жилища, торопливо бежали дальше.

На лицах кадетских лидеров не было привычной торжественной иронии, которую они проявляли обычно в думской обстановке.

Красивое лицо профессора Новгородцева с ассирийской бородкой не сохранило следов обычной профессорской величавости.

Он был бледен и встревожен. Ему пришлось слушать слова Бухарина⁹, обращенные к нему в думской зале, полные злого сарказма: «Неужели категорический императив Канта подсказывает вам необходимость расстрелов солдат и арестов революционных крестьян и рабочих?»

Волнуются Юренев, Тесленко, Бурышкин.

Наконец в 9 часов вечера старый, согбенный, седобородый апостол эсеровской революции Минор¹⁰ в качестве председателя Думы открывает заседание.

Все думские места заняты гласными, пришли все, полны, яблоку упасть негде, думские хоры и коридоры.

Городской голова Руднев докладывает информацию о совершающемся в Петрограде перевороте, о царящем насилии большевиков, о попытках захвата ими власти.

Руднев характеризует переворот в Петрограде как неорганизованное выступление, так как, в частности, такая мощная организация, как Совет крестьянских депутатов, выступает с протестом против переворота.

Заканчивая свой доклад, говоря о задачах Думы в текущий момент, Руднев указывает, что хотя городская дума бессильна помочь. Временному правительству, так как она, может быть, и не располагает физической силой, но, будучи единственной «верховой» властью в Москве, Дума не может дать своей санкции тому, что творится в Петрограде.

Кроме того, на Думе лежит обязанность и ответственность за охрану безопасности населения столицы.

Мрачный, трагический доклад окончен.

Застрельщиком, открывшим бой, выступил кадет Щепкин, иронически пригласив Думу выслушать в первую очередь виновников наступивших в

стране грозных событий, сидящих здесь на левых скамьях.

Вызов был принят, и от крайней левой выступил И. И. Скворцов¹¹.

Речь его была обличительной речью, направленной главным образом по адресу молчаливо сидевших представителей партии с.-р.

И. И. Скворцов указывал на то, что страна отдала свои симпатии, свое доверие большевикам, что эсеры и меньшевики не являются больше представителями рабочих и крестьян, а являются предателями революции.

«Наше выступление,— заканчивал он речь вызовом и угрозой,— вы хотите представить как выступление кучки заговорщиков, вы отлично знаете, что это неправда, из большинства вы стали меньшинством, вы хотите ликвидировать выступление рабочих и крестьян силой, что же, попробуйте, посмотрим, как это вам удастся!»

После обвинительной речи И. И. Скворцова, вызвавшей возмущение центра и правой части думского амфитеатра, начался словесный и бесполозный бой по всей линии.

Лидеры с.-р., а со стороны кадетов Астров и др. обвиняли большевиков в срыве Учредительного собрания, в открытии фронта врагу и пр.

Эсеровский оратор Лившиц поставил вопрос определенно. «Нам надо сказать,— заявил он,— либо власть принадлежит Советам, либо городской думе, которая избрана всеобщим избирательным правом».

Но все, что говорилось, было ненужно, бесцельно, упреки были тусклы, всем, и говорившим, и слушающим, было понятно, что гражданская война уже глядится в думские окна.

Так к этому и отнеслись представители крайней левой демократии.

Под аккомпанемент речей представителей думского большинства, обвинявших их в измене, они спокойно, один за другим покидали думские скамьи и разъезжались для организации и работы в районы.

Они прекрасно учитывали, что теперь дорога каждая минута, и не желая тратить время на выслушивание давно уже знакомых обвинений, уходили к ожидавшему их делу.

Постепенное опустение скамей большевистской фракции подействовало

на остающуюся часть собрания еще более удручающе.

Речи бледнели, слабели и угасали.

Около 12 часов ночи Дума приняла длинную резолюцию по текущему моменту.

В ней с возмущением говорилось о петроградских событиях, население приглашалось, во имя близкого созыва Учредительного собрания, сплотиться вокруг городской думы и дать отпор большевикам.

Все стали расходиться. Думская зала и хоры опустели.

Щелкая копытами лошадей по камням, удалилась охранявшая Думу конная милиция.

Руднев, Коварский и пишущий эти строки после заседания собрались в кабинете городского головы.

Сидели некоторое время в оцепенении.

Руднев, подавленный и расстроенный, стал спрашивать нашего совета, нужно ли размножить принятую Думой резолюцию и рассылать ее телеграфно по России.

Из самого вопроса этого можно было вывести заключение, что Руднев совершенно пал духом.

Принимая обращенную к России и городским муниципалитетам резолюцию, в которой говорилось о необходимости сплочения населения вокруг дум, Московская городская дума, естественно, должна была такую резолюцию довести до всеобщего сведения, сообщив ее по телеграфу.

По существу же Руднев был прав: положение было настолько мрачным и безнадежным, что посылка такого призыва на места являлась мерою уже запоздавшей и даже вредной, так как создавала некоторые надежды и иллюзии у провинции, следившей за поведением Москвы, сердца России.

Во 2-м часу ночи мы ехали на автомобиле из Думы.

Улицы были мрачны и пустынно. Завтра вставало неясным тяжелым призраком.

По предложению Руднева, во избежание ареста в постели, решено было не ночевать дома*.

Городские деятели перешли на нелегальное положение и в эту ночь нашли убежище в частных квартирах.

* Руднев был прав, т. к. в эту ночь предполагалось его арестовать (см. ст. Ч-ва в сборнике «От Февраля к Октябрю»¹²).

III
**ОБРАЗОВАНИЕ КОМИТЕТА
ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ.
СОСТАВ КОМИТЕТА.
РЯБЦЕВ И РУДНЕВ.
НАЧАЛО
БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ**

В то время как грозные события надвигались и каждая минута промедления грозила непоправимыми бедствиями для существующей власти, представители этой власти находились еще в состоянии нерешительности.

Вся исполнительная власть и вся реальная физическая сила находились в этот момент в руках двух лиц: Руднева, как городского головы, и Рябцева, как командующего войсками Московского военного округа.

Оба эти человека в эти дни до 26 октября все не могли сговориться и не могли встретиться.

Руднев искал Рябцева, но безуспешно.

Рябцев предпочитал вести переговоры с Военно-Революционным Комитетом совершенно самостоятельно. Несомненно, он надеялся, что удастся избежать конфликта.

О Рябцеве пишущему эти строки пришлось говорить в эти дни с Рудневым.

Утром в среду 25 октября я приехал к Рудневу, как было условлено с ним накануне.

Во время нашего небольшого совещания Руднев сетовал, что он до сих пор не повидался с Рябцевым, что он вызывал его также на среду утром, но Рябцев почему-то не приехал. Видимо, это уклончивое поведение Рябцева в такой решительный момент возмущало Руднева.

Было ясно, что бездействие военной власти в настоящий момент непостижимо и что власти этой нужно принять какое-нибудь решение или договориться с Военно-Революционным Комитетом.

Руднев это понял и обещал принять меры к тому, чтобы Рябцев был у него в четверг 26 октября, причем просил, чтобы и я непременно был на этом совещании.

На этом мы расстались.

Из разговора этого я мог убедиться,

что Руднев находится в состоянии сильнейшего разочарования. Действительно, очевидно было, что глава военной власти в Москве ведет себя странно и слишком долго колеблется самоопределиться.

За это время Рябцев успел разражаться только успокоительным приказом, датированным 24 октября.

Приказ этот гласил следующее:

«В обществе распространяются слухи, будто бы округу, и в частности Москве, кто-то откуда-то и чем-то грозит. Все это совершенно неверно, а между тем слухи эти волнуют и без того взволнованное население и еще более сгущают напряженную атмосферу. Родина переживает тяжелые дни, и, может быть, никогда еще революция и свобода не были в большей опасности, чем теперь. Но эта опасность — в той анархии и в погромном настроении, которое разлито и льется по стране, поддерживаемое темными силами и на благо реакции.

Армия стоит на страже законности, государственности, порядка и интересов народа. Армия не допустит срыва или отсрочки Учредительного собрания, она не допустит и того, чтобы выборы в него производились под давлением анархических безответственных сил.

Стоя во главе вооруженных сил округа и на страже истинных интересов народа, которому одному только служит все войско, я заявляю, что никакие погромы, никакая анархия не будут допущены. В частности, в Москве они будут раздавлены верными революцией и народу войсками беспощадно. Сил же на это достаточно».

Но, как мы видели, успокоительные заверения были уже запоздалыми. События требовали не слов, а действий и решений.

Приехав в Градоначальство, окруженный сотрудиниками, спрашивающими меня, что будет дальше, я был вынужден с горечью рассказать об отсутствии какого бы то ни было плана у сторонников Временного правительства и Учредительного собрания.

Я не скрыл от товарищей, что нам придется на днях, сегодня или завтра, мирно сдавать дела новой власти в лице большевиков.

Воцарилось уныние.

Всем нам по наивности казалась такая сдача позиций недостойной и трусливой.

Нам было страшно за родину, которую мы видели под пятой сурового врага — немца. Пугало массовое разложение армии, рост анархии.

Плохое настоящее казалось все же лучше темного будущего.

Работа валилась из рук, всех угнетало сознание бесцельности, ненужности этой работы перед развернувшейся под ногами пропастью.

Еще большее уныние вызвала сделавшаяся известной меланхолическая устаревшая информация из Петрограда от погибшего Временного правительства.

Правительство решило не сдаваться, передать власть только Учредительному собранию и вручить себя защите народа и армии.

В заключение сообщалось, что первое нападение на Зимний дворец в 10 часов вечера отбито и что Ставка посылает на поддержку правительства отряд войск.

Таков был последний голос Временного правительства.

Все уже знали, что это был голос из могилы, что самое правительство сидит не под защитой народа, а под охраной матросов.

В то время как сторонники Временного правительства держались в полемике с большевиками в Думе и в прессе умеренно-выжидательного тона, большевистские органы открыто указывали на то, что и в Москве пора перейти в наступление и передать всю власть Советам.

«Социал-демократ» в номере от 24 октября передовую статью озаглавил: «Гражданская война началась».

Начиналась статья словами: «Война объявлена», а заканчивалась указанием, что время разговоров прошло — надо начинать действовать.

В статье от 25 октября тот же «Социал-демократ» призывал к организации повсеместно военно-революционных комитетов и доказывал, что сторонники Советской власти могут быть в любой момент поставлены перед необходимостью решительных действий и должны приложить все усилия, чтобы не быть захваченными врасплох.

Радуюсь окончательному падению Временного правительства, «Социал-

демократ» в последнем номере перед началом вооруженной борьбы в Москве в статье «На пороге мировой революции» писал, что переворот 25 октября является поворотным пунктом мировой истории и знаменует перестройку всех современных международных и внутренних отношений.

Все эти бодрые слова противников звучали как похоронные удары колокола в ушах умеренных социалистов.

Как бы во исполнение этих призывов к наступлению в этот день уже не замедлили поступить сообщения о наступательных действиях Военно-Революционного Комитета.

Военно-Революционный Комитет приступил к захвату типографий буржуазных газет.

Одной из первых была захвачена федерацией анархистов типография газеты «Московский листок», к которой была приставлена военная охрана.

Теперь за «Московским листком» последовали «Русское слово» и «Раннее утро», занятые уже не анархистами, а большевиками.

Была получена и распространялась по Москве радиотелеграмма Петроградского Военно-Революционного Комитета, которая, в противовес успокоительному объявлению Рябцева и информации Временного правительства об отбитии штурма Зимнего дворца, сообщала о происшедшем в Петрограде перевороте и о полной победе Военно-Революционного Комитета.

Было ясно для всех, что Петроградский и Московский Военно-Революционные Комитеты энергично действуют — первый завершил переворот, второй приступает к нему, — между тем как Московский военный штаб бесильно колеблется.

К вечеру уже стали поступать сведения, что юнкера и часть офицества, возмущенные бездействием штаба, волнуются ожиданием выступления.

Однако ночь с 25 на 26 октября прошла спокойно.

Утром в четверг 26 октября пишущий эти строки был на совещании у Руднева. Последний сообщил, что он уже вступил в переговоры с Рябцевым.

В 2 два часа должно было состояться совещание представителей де-

мократических организаций по созданию нового органа власти в Москве, формируемого в противовес Военно-Революционному Комитету, выступившему в качестве претендента на власть.

Вернувшись в Думу к 2 часам, я застал в кабинете городского головы и самого Рябцева.

Пока подходили другие делегаты созываемого совещания, я поговорил с Рябцевым и ближе присмотрелся к этому человеку, сыгравшему такую трагическую роль в дальнейших событиях в Москве и закончившему свою жизнь не менее трагически.

Среднего роста, приземистый, темноволосый, он был человеком по внешности заурядным, но в общем казался симпатичным.

Заменивши собой энергичного Верховского, он, по-видимому, хотел держаться его линии, но больше, чем его предшественник, заигрывал с Советами и старался вести политику примирительную.

Кто он был по убеждению, трудно было сказать.

В исторических очерках по Октябрьской революции мне приходилось читать, что Рябцев был эсером. Это неверно. Рябцев никогда в партии эсеров не состоял; кажется, он примыкал к народным социалистам, хотя не знаю, был ли зарегистрирован в партии народных социалистов.

Рябцев интересовался литературой, пописывал сам в качестве военного обозревателя «Русских ведомостей».

На Украине, куда он переехал после Октября, он работал в меньшевистской газетке и считал себя меньшевиком.

Во всяком случае, по структуре своей он не был склонен на сильные и решительные действия, он был миролюбивого характера, скорее сторонник компромисса, чем сторонник гражданской войны.

Неделя гражданской войны в Москве не дала этому человеку, как побежденному, славы, наоборот, настроила против него все контрреволюционное офицерство.

После Октябрьского восстания в Москве со стороны офицеров на голову Рябцева сыпались обвинения в измене, да и московский массовый обыватель-мещанин, везде видящий предательство и измену, сильно подозре-

вал Рябцева в измене и сдаче Москвы большевикам.

Эта потеря Москвы, эта сдача Москвы, в которой Рябцев не был виноват более других, способствовала гибели Рябцева.

В 1919 году, когда денкинские войска, оттеснив Красную Армию, на некоторое время вторглись на Украину, бандой офицеров, чинивших бесчинства, как-то был захвачен живший на Украине, в Харькове, Рябцев.

Убедившись, что перед ними «виновник» сдачи Москвы, продавшийся большевикам изменник Рябцев, они расстреляли его под обычно практиковавшимся тогда предлогом — «при попытке к бегству».

Этот расстрел человека, которому нечего было бежать от своих в сущности единомышленников, прошел для офицерской компании совершенно безнаказанно и никакого расследования не вызвал.

Ибо всегда так было и так будет в истории: «Горе побежденным!»

Так закончил свою карьеру человек, на которого в Октябре были устремлены все взоры «защитников порядка».

В этот знаменательный день, решивший судьбу России и судьбу его самого, Рябцев нервничал. Настроение его было напряженное, в ожидании открытия заседания он нервно вертел карандаш, что-то писал на бумаге, перебрасываясь короткими фразами.

Открытие совещания состоялось в 2 часа дня.

Совещание, принявшее название «Комитет общественной безопасности», состояло из представителей следующих организаций: двух представителей Думы, представителя Московского уездного земства, делегатов от Совета солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, представителя почтово-телеграфного союза, представителя военного штаба в лице Рябцева, двух делегатов от эсеров и меньшевиков (последние присутствовали, кажется, только на последующих заседаниях Комитета, а при сформировании его не были).

Любопытно было отношение собрания к представителям Временного правительства в Москве.

Официальных агентов Временного правительства было в Москве два:

губернский комиссар Эйлер и заместитель комиссара по г. Москве Базилев.

Их обоих я встретил нервно расхаживающими в коридоре около кабинета городского головы во время заседания формировавшегося Комитета общественной безопасности.

Помню отлично, что оба они выразили желание присутствовать в заседании Комитета.

Но увы, по предложению Руднева собрание не пожелало допустить в этот важный момент на решающее совещание комиссаров Временного правительства.

Точно не помню мотивов обидного отказа. Но смысл был такой, что Комитет отмахивался от скомпрометировавшего себя правительства и, в качестве органа демократического, создаваемого при Думе, не желал иметь с правительством ничего общего.

Так низок был авторитет Временного правительства, что люди, выступавшие на защиту его, не пожелали видеть в своей среде его официальных представителей, хотя бы для информации.

В конце заседания, правда, появились с унылым видом бывшие члены павшего правительства, которые за отсутствием работы пришли послушать, что собирается делать Москва.

Это были приехавшие С. Н. Прокопович¹³ и второй, кажется, А. Г. Хрущев¹⁴.

Оба они сели скромно в углу кабинета на мягком темно-сером диване, не подавая признака жизни, и просидели на нем до конца заседания, молча созерцая происходящее.

Собрание открыл Руднев, произнеся короткую речь о целях настоящего собрания, которое должно явиться органом демократической власти, призванным в интересах населения в противовес Военно-Революционному Комитету охранять порядок в Москве.

Комитет общественной безопасности объявлялся сконструированным.

По желанию собравшихся слово было предоставлено Рябцеву для выяснения обстановки, наличия реальных сил и возможности поддержки Комитета войсками Московского гарнизона.

Рябцев встал в большом волнении и произнес нервную, горячую речь.

Он поведал собранию историю своих переговоров с Военно-Революционным Комитетом, рассказал об угрожающем положении на фронте, о разложении гарнизона в Москве.

Рассматривая соотношение сил двух враждующих лагерей, он не высказал определенной уверенности в решительной победе преданных штабу военных частей в случае решительного столкновения с противниками.

Он говорил только о надежде на успех, причем совершенно не упомянул, что артиллерия не находится в его руках.

Закончил он речь патетически и с надрывом:

«В эту историческую минуту, принимая на себя всю ответственность за дальнейшее, я хотел бы, чтобы вы, собравшиеся здесь для решения судьбы Москвы, армии и России, разделили эту тяжелую ответственность за будущность родины со мной, чтобы вы, сознавая и чувствуя весь ужас положения и все бремя этой ответственности, сказали мне, как я должен поступить, как истинный сын России, видящий ее гибель, и что я должен сделать для ее спасения.

И если вы скажете, что, не останавливаясь ни перед какими жертвами, мы обязаны выступить на защиту отечества, жизни и чести России, выступить для спасения нашей родины, то я сделаю все, что прикажет мне долг и моя совесть!»

Рябцев сел, и воцарилось длительное тяжелое молчание.

Нарушил его Руднев, предлагая, ввиду необходимости, не теряя времени, принять решение немедленно, высказываться как можно короче и подавать голос за или против вступления в борьбу с Военно-Революционным Комитетом.

Опрос производился поочередно, по кругу лиц, сидевших вдоль овального стола.

Среди присутствующих был задан вопрос Рябцеву, надеется ли он при помощи сил, имеющихся в его распоряжении, на победу.

Рябцев ответил утвердительно, добавив, что он рассчитывает также на поддержку Ставки, обещавшей прислать помощь с фронта.

Снова одним из членов Комитета был задан вопрос, будет ли оказана Всероссийским железнодорожным со-

юзом поддержка Комитету общественной безопасности.

Не помню кто, но, кажется, председатель почтово-телеграфного союза или Совета солдатских депутатов, заявил, что Всероссийский железнодорожный союз («Викжель») безусловно окажет поддержку, что делегат «Викжеля» должен был присутствовать сегодня на собрании и запоздал, очевидно, случайно.

Это непроверенное, безответственное заявление имело пагубное и решительное влияние на решение собравшихся.

Рассчитывая на поддержку в Ставке, которая при помощи «Викжеля» могла перебросить свои войска к Москве через два дня, члены Комитета общественной безопасности склонились на сторону перехода к активным действиям против Военно-Революционного Комитета.

Один за другим собравшиеся голосовали за переход к военным действиям, в случае если попытка соглашения с Военно-Революционным Комитетом не даст никаких результатов.

Самая форма этого соглашения собранием не предусматривалась, но никакого решения об ультиматуме Военно-Революционному Комитету и об аресте членов Комитета не было принято.

Рябцев снова закончил речь, что теперь он исполнит свой долг перед родиной, что борьба будет трудна, но он надеется на победу.

Собрание Комитета было закрыто часов около 5 вечера.

Рябцев быстро уехал.

Присутствующие разбились на группы, создавая планы защиты Москвы и проекты организации отрядов самообороны.

Проходя по коридору, я снова встретил двух комиссаров Временного правительства: Эйлера и Базилева, нервно ожидавших решения Комитета общественной безопасности.

Узнав о решении Комитета выступить активно, представители Временного правительства заявили, что они надумали со своей стороны послать телеграмму на фронт Духонину¹⁵ с просьбой о поддержке и о присылке войск в Москву.

Действительно, кем-то из упомянутых комиссаров правительства была

в тот же день послана телеграмма Духонину, на которую 28 октября был уже получен от Духонина ответ, что он обещает поддержку и посылает на помощь войска с фронта.

Так заканчивался день 26 октября. Москва еще не знала ничего о формировании Комитета общественной безопасности, о предстоящих кровавых столкновениях.

Граждане Москвы вечером 26 октября мирно разбрелись по театрам, не подозревая, что со следующего дня им придется забиться в подвалы, лежать под окнами, озаренными ярким пламенем пожаров, и целую неделю слушать неумолчную трескотню пулеметов и грохот артиллерийской стрельбы.

Поздно вечером и в ночь на 27 октября отряды юнкеров и добровольцев-офицеров стали сосредоточиваться в Манеже и около Кремля.

Ночь прошла спокойно.

Утром 27 октября, в пятницу, население, вышедшее на работу, уже с удивлением читало расклеенное объявление Комитета общественной безопасности, призывавшее к гражданской войне.

Комитет общественной безопасности объявлял следующее: «Военно-Революционный Комитет, образованный большевистской частью Советов рабочих и солдатских депутатов, приступил к захвату власти. Ответственность за последствия этого действия ляжет на него. Настоящим объявляется, что все законные распоряжения исходят лишь от Комитета общественной безопасности. Все распоряжения, исходящие от Военно-Революционного Комитета, не подлежат исполнению. Комитет общественной безопасности призывает все сплотившиеся вокруг него силы к стойкой и твердой защите правого дела. Комитет объявляет о своей непоколебимой решимости оставаться на том пути, на который его призвали события. Комитет общественной безопасности объявляет, что все попытки со стороны преступных лиц использовать момент, чтобы начать погромы и грабежи, будут подавляться решительно, вплоть до применения вооруженной силы».

Прокламация Комитета общественной безопасности не осталась без ответа.

Через несколько часов на стенах домов появилась прокламация Военно-Революционного Комитета.

Военно-Революционный Комитет писал:

«Революционные рабочие и солдаты гор. Петрограда, во главе с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, начали решительную борьбу с изменившим революции Временным правительством. Долг московских солдат и рабочих — поддержать петроградских товарищей в этой борьбе.

Для руководства ею Московский Совет рабочих и солдатских депутатов избрал Военно-Революционный Комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей.

Военно-Революционный Комитет объявляет: 1) весь Московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-Революционного Комитета, 2) никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-Революционного Комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

Пытаясь сохранить в своих руках ускользающую от его влияния солдатскую массу, Комитет общественной безопасности в воззвании, обращенном в тот же день к военным комитетам, предлагал им объявить во всех частях войск, что они должны исполнять распоряжения штаба Московского военного округа, а распоряжения Военно-Революционного Комитета, как самочинной организации большевиков, подлежат исполнению не должны.

Солдаты призывались сплотиться вокруг Комитета общественной безопасности и помочь ему довести Россию до Учредительного собрания.

Солдатская масса, несмотря на противодействие Совета солдатских депутатов, члены коего входили в Комитет общественной безопасности, не пошла за Комитетом, а в значительном большинстве пошла за большевиками.

Решавшая судьбу октябрьских боев артиллерия все время стояла на стороне Военно-Революционного Комитета и оказала ему громадную поддержку.

Днем 27 октября занятия во всех учреждениях шли своим порядком.

Было, однако, известно, что Военно-Революционным Комитетом готовится всеобщая забастовка.

В 11 часов утра пишущий эти строки приехал в Думу.

Заседание Комитета общественной безопасности еще не начиналось.

В небольшом кабинете было тесно, накурено. Члены Комитета находились в крайнем возбуждении.

До заседания я ознакомился с положением дел. Оно становилось все более напряженным.

Комитетом было уже вынесено постановление об объявлении Москвы на военном положении.

В обращении к населению с объявлением военного положения, датированном 27 октября, Комитет указывал, что переговоры его с Военно-Революционным Комитетом ни к чему не привели, что Военно-Революционный Комитет не вывел из Кремля отказавшуюся повиноваться воинскую часть (56-й полк) и им было допущено широкое расхищение оружия, пулеметов и снарядов. Военно-Революционным Комитетом захватываются типографии, комиссариаты, гаражи и склады.

Комитет общественной безопасности, сознавая всю тяжесть лежащей на нем ответственности, санкционировал в Москве и Московской губернии военное положение.

В тяжелый и грозный час, переживаемый Россией, призывая не прерывать снабжения фронта и тыла продовольствием, Комитет звал всех граждан помочь довести страну до Учредительного собрания.

Кончалось обращение решительным заявлением, что Комитет общественной безопасности примет все меры и не допустит никаких выступлений, направленных против завоеваний революции, откуда бы они ни исходили, ни справа, ни слева.

В данный момент члены Комитета обменивались взглядами по вопросу о реальном соотношении сил.

Представители Совета солдатских депутатов, кажется Шубников и Маневич, сохраняли оптимистическое настроение.

Но было одно известие, которое сильно расхолаживало бодрость собравшихся.

Выяснилось, что «Викжель» решил держаться нейтральной позиции и не посылает своего делегата в Комитет общественной безопасности.

Это обстоятельство сильно разочаровало многих членов Комитета, так как все планы борьбы строились на поддержке «Викжеля».

Правда, «Викжель» открыто не говорил о переходе в ряды союзников Военно-Революционного Комитета, и этой его «нейтральностью» успокаивали пессимистов.

Характерно, что Комитет, приступая к вооруженной борьбе, был уверен в поддержке фронта и в поддержке «Викжеля», хотя у него тогда еще не было ответа из Ставки и не было формального согласия «Викжеля».

Не знаю, удалось ли Ставке послать реальную помощь Рябцеву и Комитету общественной безопасности,—установлено, что попытки послать такую помощь, попытки,строенные «Викжелем», были.

Согласие Ставки пришло на следующий день, 28 октября, когда Рябцевым была получена из Ставки Главнокомандующего от Духонина следующая телеграмма: «Для подавления большевистского мятежа посылаю в ваше распоряжение гвардейскую бригаду с артиллерией с Юго-Западного фронта. Начинает прибывать в Москву 30 октября с Западного фронта артиллерия с прикрытием. Необходимо решительные и совокупные действия для подавления выступления, повергнувшего страну в пропасть».

Такую же успокоительную телеграмму и также на другой день после начала военных действий, т. е. 28 октября, получил от главнокомандующего Юго-Западным фронтом, генерала Балужева, В. Руднев.

Балуев телеграфировал: «На помощь против большевиков к Москве двигается кавалерия. Испрашиваю разрешения Ставки выслать артиллерию. В районе фронта создано положение тоже тяжелое, но армия, стоя на страже революции и родины, поборол большевистское выступление и шлет привет сердцу России, будучи уверена, что в настоящий грозный момент Москва, как собирательница России, соединит всех верных сынов ее и спасет родину. От армии фронта шлю сердечную благодар-

ность и пожелание полного успеха в борьбе с врагами революции».

Как известно, эти успокоительные телеграммы, значительно поднявшие надежды и шансы Комитета общественной безопасности, никакой реальной помощи за собой не принесли.

За исключением небольшого отряда казаков и групп ударников, вооруженная сила фронта не дошла до Москвы.

Заседание Комитета наконец открылось. Председательствовал Руднев.

Самого Рябцева не было.

Было известно, что он в Кремле, ведет последние переговоры с Военно-Революционным Комитетом. Ждали его с часа на час.

Заседание Комитета по преимуществу было информационным.

Докладывались какие-то довольно фантастические телеграммы из Петрограда, кажется, от бывшего товарища министра внутренних дел Богуцкого и других, самого оптимистического содержания.

В телеграммах этих говорилось о разложении Петроградского гарнизона, о близком подходе Керенского во главе войск с фронта.

Около 12¹/₂ дня были получены сведения из штаба, что юнкера цепью окружили Кремль.

Действие военного положения начало сказываться. Можно было ждать начала столкновения с минуты на минуту.

Получив сведения о движении юнкеров, Комитет в нервном волнении ждал известий от Рябцева.

Напряжение все увеличивалось, тревога росла, стали доходить слухи, что Рябцев и его спутник, комендант Москвы полковник Мороз, отправившись для переговоров, арестованы.

Между тем в Думе уже начали появляться группы студентов, гимназисты, офицеры с просьбой записать их в добровольческие отряды и снабдить оружием.

Добровольцы эти горячились и обвиняли Комитет в медлительности.

Наконец, часов около 2¹/₂ дня стало известно, что предъявленный Рябцевым Военно-Революционному Комитету ультиматум с предложением немедленно, сложив полномочия, объявить себя распушенным, предварительно же вывести 56-й полк из Крем-

ля, выдав все оружие, которым снабжались из кремлевского арсенала солдаты и красногвардейцы, остался безрезультатным.

На все предъявленные ему требования Военно-Революционный Комитет ответил категорическим отказом.

Военные действия должны были начаться с минуты на минуту.

Выжидательно-напряженное состояние нарушил какой-то внезапно появившийся представитель районной Думы, сообщивший в волнении, что большевики в целях ликвидации городской думы созывают сегодня в 6½ вечера в сухаревском Народном доме соединенное заседание всех районных Дум для обсуждения переживаемого момента.

Из Александровского военного училища сообщили, что там уже сформирован и приступил к действию оперативно-полевой штаб.

От имени Рябцева и штаба сносились с Комитетом полк. Кравчук и Ровный.

Где-то вдали слышалось отдаленное щелканье выстрелов из винтовок.

Нужно было спешить туда, куда призывал служебный долг.

Я ехал по пустынным затихающим улицам. Начинало темнеть.

Около Кремля и дальше к Манежу тянулись цепью юнкера.

На Тверской, у Дома Советов, стоял какой-то небольшой отряд вооруженных солдат.

Солдаты стояли «вольно» и как будто чего-то ждали.

Издали стала снова слышна трескотня ружейных выстрелов.

Непоправимое начиналось.

Старый открывший дверь швейцар, доставшийся от прежнего правительства, прислушиваясь к ружейным выстрелам, с эпическим спокойствием читал Библию.

Я заглянул: это был Екклезиаст, глава I.

И странно было в момент грядущего Нового прочесть мистические старые строки: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает навеки».

«Что было, то и будет, и нет ничего нового под солнцем!»

Старое читало Библию, Новое стучало в окна трудовым стуком швейной машинки пулемета.

(Окончание на с. 99)

ПРИМЕЧАНИЯ

В. Н. К а ш и н
Консервативный
современник декабристов
(Князь Б. Н. Юсупов)

¹ Вигель Филипп Филиппович (1786—1856), известный мемуарист, человек реакционных взглядов.

² Здесь имеется в виду пролетариат.

³ Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор Синода, один из руководителей внутренней политики в царствование Александра III и Николая II, придерживался крайне реакционных взглядов.

⁴ Юсупов Николай Борисович (1750—1831), князь, сенатор, член Государственного совета, дипломат, екатерининский вельможа, главноуправляющий Московской экспедицией кремлевского строения и мастерской Оружейной палаты, коллекционер и меценат.

⁵ Grand-sieigneur (фр.) — вельможа, большой барин.

⁶ Леопольд II, римско-германский император (1747—1792), брат Марии-Антуанетты, королевы Франции, с 1765 г. герцог Тосканский.

⁷ Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790), князь, публицист и историк. В Екатерининской комиссии по составлению нового Уложения защищал дворянские привилегии.

⁸ Кагул — река, левый приток Дуная. Во время первой турецкой войны русская армия 12 июля 1770 г. одержала на Кагуле победу в сражении с турками.

⁹ Трианон — название двух дворцов в Версальском парке. Большой Трианон построен в 1687—1688 гг., Малый Трианон сооружен в 1771—1776 гг. Речь идет о Малом Трианоне, в котором Мария-Антуанетта устраивала галантно-увеселительные вечера.

¹⁰ Esprit fort (фр.) — вольнодумец.

¹¹ Tutti quanti (ит.) — все до одного.

¹² Гонзаго Пьетро (1751—1831), итальянский архитектор, театральный художник, живописец и устроитель парков в 1790 г. Гонзаго по приглашению Н. Б. Юсупова переселился в Россию, где два года работал в Архангельском, подмосковном имении Юсуповых, затем переехал в Петербург и поступил на службу в Дирекцию императорских театров. Почти сорок лет Гонзаго работал над планировкой парков Павловска и Гатчины, им созданы эскизы декораций для многих театральных постановок, в 1799 г. он участвовал в конкурсе на сооружение Казанского собора в Петербурге.

¹³ Терпсихора — одна из девяти муз, божество греческой религии, покровительница танца.

¹⁴ После посещения А. С. Пушкиным Архангельского он написал 23 апреля 1830 г. сти-

хотворение «К вельможе», посвященное Н. Б. Юсупову.

¹⁵ Одоевский Иван Иванович, (1732—1806) князь.

¹⁶ Канова Антонио (1757—1822), выдающийся итальянский скульптор. Упомянутая скульптура находится в Эрмитаже.

¹⁷ Усадьба Архангельское начала строиться в 60-х годах XVII века боярином Я. Н. Одоевским. С 1681 по 1703 г. усадьба принадлежала М. Я. Черкасскому, затем перешла Голицыным. Около 1730 года при князе Д. М. Голицыне был разбит регулярный парк и построен усадебный дом, послужившие основой для нового строительства, предпринятого Н. А. Голицыным в 1780 г. и законченного Н. Б. Юсуповым, купившим имение в 1810 г.

¹⁸ Кваренги Джакомо (1744—1817), один из крупнейших европейских архитекторов, с 1780 г. работал в России. В Архангельском Кваренги ничего не строил.

¹⁹ Усадьба Горенки в первой четверти XVIII века принадлежала Долгоруковым, в 1747 г. императрица Елизавета Петровна пожаловала ее своему мужу А. Г. Разумовскому (1709—1771). После его смерти Горенки перешли к племяннику владельца — А. К. Разумовскому (1748—1822), министру народного просвещения в царствование Александра I.

²⁰ Четверть — мера сыпучего вещества, равная одной пятой кубического метра.

²¹ Акафист — молитвенно-хвалебное песнопение в честь Богоматери. Слово имеет греческое происхождение и может переводиться как несидален, то есть церковная служба, которая непременно выслушивается стоя.

²² Причт — полный состав служащих при одной церкви, состоящий из церковнослужителей и священнослужителей. Причт каждой церкви образуется по установленному для нее штату.

²³ Уваров Сергей Семенович (1786—1855), президент Академии наук, министр народного просвещения, автор реакционной формулы «Православие, самодержавие, народность».

С. Я. Елпатьевский
В Сибири
(Из воспоминаний)

¹ Заимка — земельный участок с жилыми и хозяйственными постройками, занятый кем-либо при заселении.

² Станок — почтовая или ямская станция в Сибири и на востоке России.

³ Аршин равен 71 сантиметру.

⁴ Маркс Максимилиан Осипович (ок. 1816—1880-е), окончил Витебскую гимназию, учился

в Московском университете. Заподозренный в участии в польском восстании 1863 года, сидел в Петропавловской крепости, привлекался к делу Д. А. Каракозова, стрелявшего 4 апреля 1866 г. в Александра I, отправлен в ссылку, умер в Енисейске.

⁵ Процесс участников польского восстания 1863 года.

⁶ Плевэ Вячеслав Константинович (1846—1904), действительный статский советник, статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор, директор Департамента полиции с 1902 г., министр внутренних дел, реакционный деятель двух последних царствований, убит эсером Е. С. Сазоновым.

⁷ Гласко Иосиф-Мариан Иосифович (ок. 1856 — после 1903), польский революционер, входил в партию «Народная воля», арестован в марте 1881 г. за связь с И. И. Гриневицким, участником покушения на Александра II, в 1882 г. выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции.

⁸ Михалевиц Афанасий Иванович, народник.

⁹ Рогальский Сигизмунд-Станислав Осипович (1858 — после 1900), в 1879 г. арестован в Варшаве за пропаганду среди рабочих, в 1880 г. выслан в административном порядке в Восточную Сибирь под надзор полиции с проживанием в Енисейске, в 1886 г. выехал в Томск, в 1900 г. получил разрешение на проживание в Петербурге.

¹⁰ Гортынский Петр Васильевич (1857—1898), входил в состав московской народо-вольческой группы, в 1881 г. отправлен в Киев связным Исполнительного комитета. По высочайшему повелению выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на пять лет, жил в Минусинске, Енисейске. В 1888 г. выехал в Европеюскую Россию, умер в Ялте от туберкулеза.

¹¹ Зак Лев Маркович (ок. 1852—1897), вел пропаганду среди рабочих в Петербурге и Самаре, в 1877 г. содержался в Петропавловской крепости, в 1879 г. по высочайшему повелению выслан в Восточную Сибирь, жил в Енисейске и Минусинске. По возвращении в Россию за участие в кружках, проводивших пропаганду среди рабочих в 1888 г., в административном порядке вторично выслан в Восточную Сибирь. В 1896 г. возвращен из ссылки. Работал над переводом «Капитала» Маркса.

¹² Давидович Семен Климентьевич (1860—1925), участвовал в работе народо-вольческих кружков, в 1883 г. арестован и привлечен к дознанию в связи с арестом В. Н. Фигнер. По высочайшему повелению отправлен в Восточную Сибирь на пять лет под надзор полиции, ссылку отбывал в Енисейске. Вернулся в Европеюскую Россию в 1889 г.

¹³ Мадзини Джузеппе (1805—1872), адвокат и журналист, итальянский революционер, участник революции 1848 г. и гарибальдийского движения.

¹⁴ Клеменц Дмитрий Александрович (1848—1914), видный этнограф, археолог. Участь в Петербургском университете, активно участвовал в революционном движении, автор пропагандистских стихотворений и сказок. В 1875 г. бежал за границу, жил в Женеве и Париже, сотрудничал в журналах «Вперед» и «Община». Вернувшись в Россию, в 1878—1879 гг. редактировал «Землю и волю». Арестован в 1879 г. и заключен в Петропавловскую крепость, в 1881 г. в административном порядке

отправлен на пять лет в Восточную Сибирь, где вел большую научную работу, организовывал экспедиции, способствовавшие изучению Сибири, Восточного Туркестана, Центральной Азии. В 1897 г. вернулся в Петербург, работал в Музее антропологии и этнографии, сотрудничал в журнале «Русское богатство».

¹⁵ Иванчин-Писарев Александр Иванович (1849—1916), учился в Московском и Петербургском университетах, с 1871 г. участвовал в работе революционных кружков, в 1881 г. арестован и сослан в Восточную Сибирь, возвратился в 1889 г. в Нижний Новгород, затем в Петербург.

¹⁶ Тырков Аркадий Владимирович (1854—1924), народоволец.

¹⁷ Белокопский Иван Петрович (1855—1931), статистик, публицист, писатель, народник, в 1880 г. выслан в Сибирь.

¹⁸ Венцовский Александр Иванович (ок. 1854 — после 1887), польский революционер, в 1880 г. в административном порядке выслан в Восточную Сибирь.

¹⁹ Мартынов Сергей Васильевич, член Исполнительного комитета партии «Народная воля», сослан в 1883 г.

²⁰ Лебедев Василий Степанович, член Исполнительного комитета партии «Народная воля», сослан в 1882 г.

²¹ Ведерников Иван Васильевич, в апреле 1866 г. заключен на три месяца в Петропавловскую крепость за «нигилистическую пропаганду», в 1870-х гг. — акцизный надзиратель. Ведерников Василий Иванович (ок. 1867 — после 1900), в 1889 г. арестован; просидев год в одиночной камере, был освобожден под негласный надзор полиции, служил статистиком в Москве и Туле.

²² Виктор Петр Петрович (1853 — после 1885), учился в Московском университете, член партии «Земля и воля», в конце 1881 г. выслан на пять лет в Восточную Сибирь.

²³ Кашенко Петр Петрович (1858—1920), крупный русский психиатр.

²⁴ Герьевские курсы — так назывались женские курсы, организованные в Москве в 1872 г. историком В. И. Герье.

²⁵ «Процесс 193-х» («Большой процесс») проходил с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г. в Петербурге, судили народников за пропаганду социалистических идей.

²⁶ Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), князь, генерал-адъютант, московский генерал-губернатор (1865—1891).

²⁷ Михайлов Александр Дмитриевич (1855—1884), один из организаторов и руководителей «Земли и воли», член Исполнительного комитета «Народной воли», осужден по «процессу 20-ти».

²⁸ Теллалов Петр Абрамович (1853—1885), член Исполнительного комитета «Народной воли», осужден по «процессу 17-ти».

²⁹ Тихонравов Николай Саввич (1832—1893), историк литературы, археолог, в 1877—1883 гг. ректор Московского университета.

³⁰ Тихомиров Лев Александрович (1852—1923), публицист, член Исполнительного комитета «Народной воли», редактор народо-вольческих изданий, в 1882 г. эмигрировал из России. В 1888 г. отрекся от революционных взглядов, вернулся в Россию, сотрудничал в реакционных газетах.

³¹ Фонвизин Михаил Александрович (1788—1854), декабрист.

³² Восстание 1863—1864 гг. в Польше против российского самодержавия.

³³ Офеня — мелкий торговец, разносивший или развозивший по селам и деревням галантерейные и другие товары, а также книги и лубочные картинки.

³⁴ Врангель Фердинанд Петрович (1796—1870), адмирал, почетный член Академии наук, мореплаватель, руководил экспедицией по изучению Северо-Восточной Сибири, в 1829—1835 гг. — главный управитель Аляски, в 1840—1849 гг. — директор Русско-Американской компании, в 1855—1857 гг. — морской министр.

³⁵ Ядринцев Николай Михайлович (1842—1894), публицист, исследователь Сибири, этнограф и археолог, руководитель экспедиций на Алтай и в Минусинский край.

³⁶ Федор Кузьмич (ок. 1777—1864), человек, которого молва считала императором Александром I.

В. А. Бальц

Суд над первым Советом рабочих депутатов (Воспоминания прокурора)

¹ Бальц Владимир Александрович (1871—?), тайный советник, сенатор. Окончил Училище правоведения, служил в Екатеринбургском окружном суде, затем в Нижнем Новгороде, Петербурге, Казани. С августа 1915 г. — директор II департамента Министерства юстиции, с августа 1916 г. — товарищ министра внутренних дел, в январе 1917 г. ушел в отставку из-за невозможности работать с министром внутренних дел А. Д. Протопоповым. При Временном правительстве — председатель следственной комиссии по расследованию злоупотреблений генерала Н. С. Батюшина, бывшего председателя комиссии по расследованию злоупотреблений тыла.

После того как журнал «Былое» прекратил свое существование, воспоминания Бальца вышли отдельной книгой (*Бальц В. А. Суд над первым Советом рабочих депутатов. М., 1929*).

² Трещенков Николай Викторович (1875—1915) в Нижнем Новгороде оставался до 1908 г., затем, сменив несколько мест службы, в мае 1911 г. был назначен помощником начальника Иркутского губернского жандармского управления. Во время вспыхнувшей в марте 1912 г. забастовки на Ленских золотых приисках командирован по распоряжению Департамента полиции на прииски с подчинением ему всей местной полиции и жандармерии. По его распоряжению 5 апреля произведен расстрел рабочих. Трещенкова освободили от должности и возбудили против него уголовные преследование. Погиб на фронте.

³ Дурново Петр Николаевич (1845—1915), министр внутренних дел с 23 октября 1905 г. по 22 апреля 1906 г.

⁴ Вплоть до Февральской революции в России действовало высочайше утвержденное 14 августа 1881 г. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (Положение об усиленной охране). Оно допускало без ведома прокуроров производить арест и высылку лиц, которых полицейские власти объявляли способными к противоправительственным выступлениям. Положение об усиленной охране фактически перечеркивало все законодательные акты, касавшиеся государственных (политических) прес-

туплений, и устанавливало полный произвол полицейских властей.

⁵ Витте Сергей Юльевич (1849—1915), председатель Совета Министров.

⁶ I Государственная дума заседала с 27 апреля по 9 июля 1906 г., после чего была распущена, так как оказалась по своему составу и действиям слишком прогрессивной.

⁷ Клуген Валерия Федорович, фон (1851—1919), тайный советник, сенатор, в 1902—1906 гг. — прокурор Московской судебной палаты.

⁸ Камышанский Петр Константинович (1862—1910), действительный статский советник. Окончив Петербургский университет в 1888 г., служил в судебных учреждениях империи, с 17 января 1904 г. — товарищ председателя Петербургской судебной палаты, с декабря 1905 г. ее прокурор.

⁹ 25 марта по старому стилю.

¹⁰ Хрусталева-Носарь Георгий Степанович (1877—1918), председатель Совета рабочих депутатов; помощник присяжного поверенного, политический авантюрист. Родился в зажиточной крестьянской семье, в Приятенском уезде Полтавской губернии, окончил гимназию в Киеве и поступил на юридический факультет Петербургского университета. За участие в студенческих беспорядках 1899 г. выслан на три года из столицы. В 1905 г., желая войти в комиссию Шидловского, расследовавшую события 9 января, уговорил депутата П. А. Хрусталева уступить ему свои документы. Так Носарь превратился в Хрусталева-Носаря.

В Совет рабочих депутатов прошел от Союза печатников. На втором заседании Совета 14 октября избран председателем. Политических руководителей Совета его кандидатура вполне устраивала, так как председателем могло быть лишь нейтральное лицо. 26 ноября 1905 г. Носаря арестовали, и он дал откровенные показания. Суд приговорил его к ссылке в Сибирь. В марте 1907 г. он бежал во Францию и там занялся мелкими межпартийными интригами. После длительных хлопот в сентябре 1915 г. он получил русский паспорт, в котором имелась запись: «Направляется в Петроград на предмет представления судебным властям». 27 февраля 1917 г. его освободили из Дома предварительного заключения. Он уехал на Украину и летом 1917 г. организовал в Переяславле независимую республику. После прихода Красной Армии расстрелян в Переяславской ЧК.

¹¹ Акимов Михаил Григорьевич (1847—1914), действительный статский советник, сенатор, с 16 декабря 1905 г. по апрель 1906 г. министр юстиции. Именно он энергично поддержал предложение охраны об аресте Совета рабочих депутатов.

¹² Щеголоватов Иван Григорьевич (1861—1918), действительный тайный советник, член Государственного совета, сенатор, с апреля 1906 г. по июль 1915 г. министр юстиции.

¹³ Дедюлин Владимир Александрович (1858—1913), генерал-адъютант, с октября 1903 г. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов, с января 1905 г. петербургский градоначальник, с сентября 1906 г. дворцовый комендант.

¹⁴ Максимович Иннокентий Клавдиевич (1850—1913), тайный советник, сенатор, в 1902—1906 гг. старший председатель Петербургской судебной палаты.

¹⁵ Маргулис Мануил Сергеевич, присяжный поверенный, один из основателей партии

демократических реформ, редактор газеты «Радикал».

¹⁶ Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), писатель, журналист, издатель реакционной газеты «Новое время».

¹⁷ Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940), один из лидеров Петербургского Совета рабочих депутатов, выдающийся деятель коммунистического движения, окончил реальное училище, вступил в Южно-русский рабочий союз, в 1898 г. был арестован и отправлен в Сибирь, в 1902 г. бежал в Вену, затем переехал в Лондон, в 1902—1905 гг. сотрудничал в газете «Искра», по процессу Совета рабочих депутатов был сослан в Сибирь, откуда в феврале 1907 г. бежал и до 1917 г. жил в странах Западной Европы и Америки, после Октябрьской революции — один из руководителей республики.

¹⁸ Сверчков Дмитрий Федорович (1882—1938), один из руководителей Совета рабочих депутатов, казначей, член РСДРП с 1899 г., меньшевик, впоследствии член Коммунистической партии, псевдоним — С. Введенский.

¹⁹ Грузенберг Оскар Осипович (1866—1940), присяжный поверенный, участник крупных политических процессов, во время суда над Советом рабочих депутатов стоял во главе защиты, по политическим убеждениям конституционный демократ.

²⁰ Соколов Николай Дмитриевич, присяжный поверенный, неоднократно выступал защитником по политическим делам, в 1917 г. член Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов, представитель Совета в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

²¹ «Выборгское воззвание» — документ, подписанный и опубликованный частью бывших депутатов I Государственной думы, собравшихся в Выборге после ее роспуска. Воззвание призывало население в знак протеста против разгона Думы отказаться от уплаты налогов и поставки рекрутов.

²² Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), выдающийся государственный деятель, министр внутренних дел и председатель Совета Министров.

²³ «Союз русского народа» — одна из крайних правых политических организаций, существовавших в России в 1905—1907 гг. Образовался для борьбы с революционным движением.

²⁴ Крашенинников Николай Сергеевич (1857—1918), тайный советник, член Государственного совета, сенатор, с 15 июля 1906 г. — старший председатель Петербургской судебной палаты. Под его председательством слушались дела о государственных преступлениях.

²⁵ *Andante maestoso* (ит.) — величественно, горжественно.

²⁶ Вережский А., псевдоним Ариадны Владимировны Борман, урожденной Тырковой (1869—после 1917), писательницы, журналистки.

²⁷ Филипп II (1524—1598), испанский король.

²⁸ Кнуныанц Богдан Мирзодович (1878—1911), социал-демократ, искровец, псевдоним — Б. Радин.

²⁹ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943), один из руководителей партии социалистов-революционеров, во Временном правительстве министр внутренних дел.

³⁰ *Blanc et noir* (фр.) — белое и черное.

³¹ Малянтович П. Н. (1870—1939) — при-

сяжный поверенный, министр юстиции во Временном правительстве.

³² Муравьев Николай Константинович, присяжный поверенный, неоднократно выступал защитником по политическим делам, после Февральской революции председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

³³ Андроников Луарсаб Николаевич, присяжный поверенный и столичный присяжный стряпчий.

³⁴ Беренштам Владимир Вильямович (1870—?), присяжный поверенный, публицист. Беренштам Михаил Вильямович, присяжный поверенный.

³⁵ Зарудный Александр Сергеевич (1864—1934), присяжный поверенный, выступал защитником по многим политическим делам, при Временном правительстве — министр юстиции.

³⁶ Переверзев Павел Николаевич, присяжный поверенный, выступал защитником по политическим делам, один из защитников на процессе журнала «Былое», защищал П. Е. Щеголева, автор журнала «Былое».

³⁷ Керенский Александр Федорович (1881—1970), присяжный поверенный, выступал защитником во многих политических процессах, один из руководителей Временного правительства.

³⁸ Кони Анатолий Федорович (1844—1927), выдающийся юрист, мемуарист, критик.

³⁹ *Status quo* (лат.) — существующий порядок вещей.

⁴⁰ Цедербаум Юлий Осипович (1873—1923), крупный деятель социал-демократической партии, меньшевик, публицист, псевдоним — Мартов.

⁴¹ Вайнштейн Семен Лазаревич (1879—1923), член Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, социал-демократ, журналист, псевдоним — В. Звездин.

⁴² Возможно, А. Богданов. Настоящая фамилия — Малиновский Александр Александрович (1873—1928), социал-демократ, врач, философ, экономист, входил в состав Совета как представитель ЦК РСДРП.

⁴³ 7 июня 1904 г. Николай II утвердил указ «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного уложения». Этот указ позволил упростить процедуру подготовки дел о политических преступлениях к слушанию в судах.

⁴⁴ Имеется в виду телеграмма: «Братцы рабочие! Станьте на работу, бросьте смуту, пожайте ваших жен и детей. Не слушайте дурных советов. Государь приказал нам обратить особое внимание на рабочий вопрос <...> Послушайте совета человека к вам расположенного и желающего вам добра. Граф Витте».

⁴⁵ Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906), генерал-майор, в 1896—1905 гг. московский обер-полицейстер, 11 января 1905 г. назначен петербургским генерал-губернатором, 24 мая 1905 г. — товарищем министра внутренних дел, 26 октября 1905 г. — дворцовым комендантом.

⁴⁶ Бирилев Алексей Алексеевич (1844—1915), вице-адмирал, член Государственного совета, в 1905—1907 гг. морской министр.

⁴⁷ Редигер Александр Федорович (1853—1918), генерал от инфантерии, в 1905—1909 гг. военный министр и член Государственного совета.

⁴⁸ Лопухин Алексей Александрович (1864—1928), действительный статский советник, в 1902—1905 гг. директор Департамента полиции. За разоблачение провокатора Е. Ф. Азефа против Лопухина было возбуждено уголовное преследование. Его судили 28—30 апреля 1909 г. в Особом присутствии правительствующего Сената и, несмотря на формальное отсутствие состава преступления, осудили на три года ссылки в Восточную Сибирь.

⁴⁹ Смирнова С., девичья фамилия Сазонова Софья Ивановна (1851—1921), писательница, публициста.

⁵⁰ Casus belli (лат.)—повод к войне.

⁵¹ Имеется в виду открытое письмо А. А. Лопухина министру внутренних дел П. А. Столыпину от 14 июня 1906 г., в котором он писал о тайной полицейской типографии, фабриковавшей листовки погромного содержания, и сведения об александровском погроме, организованном Департаментом полиции. Поскольку оно неопровержимо доказывало причастность полиции к организации еврейских погромов, защита требовала рассмотрения в суде этого документа, доказывая, что рабочие вооружались не с целью свержения самодержавия, а для защиты от погромщиков.

⁵² Комиссаров Михаил Степанович (1870—после 1926), жандармский генерал-майор, в конце 1905 г. печатал листовки в тайной типографии Департамента полиции, позже начальник охраны Г. Е. Распутина, после революции работал в ВЧК.

⁵³ Имеются в виду военный министр А. Ф. Редигер и А. А. Бирилев — морской министр.

М. Ф. Паозерский

Николай II,

Сухомлинов и Синод

(К характеристике положения русской церкви перед революцией).

¹ Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, военный министр (1909—1915). 15 июня 1915 г. предстал перед Верховной комиссией для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного пополнения запасов военного снабжения. Комиссия передала в Государственный совет материалы и заключение о необходимости возбуждения против Сухомлинова уголовного преследования по обвинению в противозаконном бездействии и превышении власти, служебных подлогах, лихоимстве и государственной измене. 29 апреля 1916 г. Сухомлинова арестовали и заключили в Петропавловскую крепость, позже был выпущен под домашний арест, затем вновь заключен в крепость. В апреле 1917 г. предан суду по обвинению в бездействии, превышении власти, государственной измене и служебных подлогах. Дело слушалось в заседании правительствующего Сената с участием присяжных заседателей. Сухомлинов был признан виновным, приговорен к лишению всех прав состояния и к пожизненной каторге.

А. М. Филиппов

Революционное гнездо

(Типографский кружок в Петербурге)

¹ Серпуховская, 10,— там находился дом Общества гражданских инженеров.

² Лиговская ул., 25.

³ Общество Народных Университетов (1906—1909) — объединение народных университетов, культурно-просветительских учреждений, в которых читались популярные лекции по отдельным вопросам.

⁴ Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920), выдающийся библиограф и историк русской литературы.

⁵ Народный дом Нобеля находился в доме 19 по Лесному проспекту.

⁶ «Отзовизм» — течение, образовавшееся в 1908 г. в РСДРП, требовавшее отзыва из III Государственной думы депутатов социал-демократов и прекращения работы в легальных организациях. «Отзовисты» настаивали на переходе к подпольной работе по подготовке вооруженного восстания.

⁷ «Ультиматизм» — течение, образовавшееся в 1908 г. в РСДРП, оно отличалось от «отзовистов» тем, что требовало ухода социал-демократов из Думы в форме ультиматума. В конце 1909 г. объединились с «отзовистами».

А. Н. Вознесенский

Москва

в октябре 1917 года

¹ Рыков Алексей Иванович (1881—1938), после Февральской революции член президиума Моссовета, один из организаторов Октябрьского восстания в Москве.

² Розенгольц Аркадий Павлович, член РСДРП(б), один из руководителей Моссовета, член Реввоенсовета.

³ Сидович Петр Гермогенович (1874—1935), член Московского комитета РСДРП(б) и президиума Исполнительного комитета Моссовета.

⁴ Рябцев Константин Иванович (1879—1919), социалист-революционер, полковник; начальник штаба, затем командующий войсками в Москве.

⁵ Муралов Николай Иванович (1877—1937), после Февральской революции один из вождей московских большевиков, после победы Октябрьской революции — командующий войсками Московского военного округа.

⁶ Подвойский Николай Ильич (1880—1948), в 1917 г. руководитель Военной организации при ЦК и Петербургском комитете РСДРП(б).

⁷ Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883—1939), в 1917 г. член Военной организации при ЦК и Петербургском комитете РСДРП(б).

⁸ Coup d'etat (фр.) — переворот.

⁹ Бухарин Николай Иванович (1888—1938), после Февральской революции член Исполкома Московского Совета рабочих депутатов.

¹⁰ Минор Иосиф Соломонович (1863—1932), народоволец, затем эсер, после Октябрьской революции эмигрировал.

¹¹ Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870—1928), в 1917 г. член Московского комитета РСДРП(б).

¹² См.: От Февраля к Октябрю (в Москве): Сборник статей, воспоминаний и документов. М., 1923.

¹³ Прокопович Сергей Николаевич (1871—1955), экономист, публицист, товарищ министра продовольствия во Временном правительстве.

¹⁴ Хрущев Александр Григорьевич (1872—?), конституционный демократ, министр земледелия во Временном правительстве.

¹⁵ Духонин Николай Николаевич (1876—1917), в сентябре 1917 г. назначен Керенским начальником штаба Верховного главнокомандующего русской армии, в ноябре 1917 г. вступил в должность Верховного главнокомандующего.

¹⁶ «Самокатчики» — так называли в 1917 г. солдат, служивших в специальном батальоне, оснащённом мотоциклами.

¹⁷ Ногин Виктор Павлович (1878—1924), в 1917 г. один из организаторов, а с сентября председатель Исполкома Моссовета.

П. Е. Щеголев

Автобиография

¹ Коронационный манифест Александра II от 26 августа 1856 г.

² Циркуляр министра народного просвещения графа И. Д. Делянова от 18 июня 1887 г. «о кухаркиных детях».

³ 30 июля 1871 г. министр народного просвещения граф Д. А. Толстой добился высочайшего утверждения нового устава, по которому в гимназиях особое внимание уделялось изучению древних классических языков — греческому и латыни. Поэтому гимназии, действовавшие на основании этого устава, назывались «классическими» или «толстовскими».

⁴ Махновец Владимир Петрович (1872—1921), социал-демократ, публицист, редактор, псевдоним — Акимов.

⁵ Марр Николай Яковлевич (1864—1934), академик, филолог, археолог.

⁶ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1933), академик, востоковед.

⁷ Залеман Карл Германович (1849—1916), академик, востоковед.

⁸ Веселовский Александр Николаевич (1838—1906), академик, историк литературы.

⁹ Жданов Иван Николаевич (1846—1901), академик, литературовед, фольклорист.

¹⁰ Созанович Иван Петрович (1856—?), профессор, специалист по связям западной и русской литературы.

¹¹ Шахматов Алексей Александрович (1864—1920), академик, лингвист, историк, историк русской литературы.

¹² Пыпин Андрей Николаевич (1833—1904), историк литературы, историк.

¹³ Гутковский Виктор Аникетович (1875—1918), социал-демократ, публицист, псевдоним — Маевский.

¹⁴ Кистяковский Богдан Александрович (1880—1920), социал-демократ, юрист, публицист.

¹⁵ Бердяев Николай Александрович (1874—1948), философ, публицист.

¹⁶ Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), публицист, драматург, нарком просвещения.

¹⁷ Савинков Борис Викторович (1879—1925), социалист-революционер, террорист, публицист, писатель.

¹⁸ Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957), выдающийся русский писатель.

¹⁹ Шляпкин Илья Александрович (1858—1918), ординарный профессор по кафедре русского языка и словесности, историк литературы.

²⁰ Ходский Леонид Владимирович (1854—1920), профессор, экономист и финансист.

²¹ Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869—1908), историк, архивист, публицист.

²² Яковлев Василий Яковлевич (1860—1915), участник революционного движения, историк, публицист, псевдоним — Богучарский.

²³ Бурцев Владимир Львович (1862—1942), участник революционного движения, историк, публицист. Бурцев фактически был редактором журнала «Былое». Избегая конфликта с полицейскими властями, его формально не включили в прошение о выдаче разрешения на редактирование журнала.

²⁴ Парамонов Николай Елпидифорович (ок. 1880 — после 1918), помощник присяжного поверенного, владелец крупной издательской фирмы «Донская речь», миллионер.

²⁵ Курицын Федор Егорович (1853—1906), провокатор, выдававший народников еще в 1870-х годах, убит эсером Ю. Г. Гринбергом после разоблачения, опубликованного в журнале «Былое».

²⁶ Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882), революционер-заговорщик, авантюрист.

²⁷ Андрияшев Александр Михайлович, тайный советник, член Петербургского комитета по делам печати, образованного вместо цензурного комитета, историк.

²⁸ Бакай Михаил Ефимович (ок. 1878 — после 1912), участник революционного кружка в Екатеринославе, после ареста служил в охранке, в мае 1906 г. впервые посетил Бурцева, в 1907 г. вышел в отставку, в апреле 1907 г. арестован и сослан в Сибирь, бежал во Францию, сотрудничал с Бурцевым в деле разоблачения провокаторов.

²⁹ Азев Евно Фишелевич (1869—1918), социалист-революционер, один из крупнейших провокаторов в русском революционном движении.

³⁰ Встреча В. Л. Бурцева с Е. Ф. Азевым состоялась 14—16 августа 1912 г. во Франкфурте-на-Майне (Германия).

³¹ Драчевский Даниил Васильевич (1858—1918), генерал-майор. До службы в Петербурге был градоначальником Ростова-на-Дону и еще тогда преследовал издательство «Донская речь», издававшее журнал «Былое».

³² Меры, принятые в отношении журнала «Былое» и его редактора, утвердил сам Столыпин по докладу начальника Петербургского охранного отделения А. В. Герасимова, личным агентом которого был Азев.

³³ Особое совещание Министерства внутренних дел имело право без возбуждения судебного преследования в административном порядке отправлять людей в ссылку сроком до пяти лет, затем за любую провинность к этому сроку оно могло добавлять еще по несколько лет.

³⁴ Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844 — после 1926), барон, генерал от инфантерии по гвардейской пехоте, член Государственного совета в 1905—1909 гг. Прибалтийский генерал-губернатор. После Октябрьской революции П. Е. Щеголев опубликовал в журнале «Былое» материалы о карательных экспедициях Меллера-Закомельского.

³⁵ С. А. Венгеров руководил пушкинским семинаром и редактировал сочинения А. С. Пушкина. В этом издании участвовал Щеголев.

³⁶ Гершензон Михаил Осипович (1869—1925), историк литературы, публицист.

³⁷ Литературная премия, ежегодно присуждавшаяся Императорской Академией наук.

³⁸ Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), граф, выдающийся политический деятель первой трети XIX века, руководил состав-

лением Свода законов Российской империи и Полного собрания законов Российской империи, готовил материалы для приговора над декабристами.

П. Е. Щеголев

Как возникло издательство «Былое»

¹ Водовозов Василий Васильевич (1865—1933), участник революционного движения, публицист, мемуарист.

² Тарле Евгений Викторович (1875—1955), академик, историк, публицист.

³ Каледин Алексей Максимович (1861—1918), руководитель казачьей контрреволюции на Дону.

⁴ Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918), один из главных руководителей белого движения.

⁵ Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918), крупный военачальник, один из главных руководителей белого движения.

⁶ Деникин Антон Иванович (1872—1948), один из главных руководителей белого движения.

⁷ Прибылева-Корба Анна Павловна (1849—1937), член Исполнительного комитета партии «Народная воля», политкаторжанка, после Ок-

тябрьской революции занималась историко-литературной работой.

⁸ Прибылев Александр Васильевич (1857—1936), народоволец, политкаторжанин, после Октябрьской революции занимался историко-литературной работой.

⁹ Майнов Иван Иванович (1860—1936), народоволец, эсер, после Октябрьской революции политической деятельностью не занимался, псевдоним — Саратовец.

¹⁰ Пресняков Александр Евгеньевич (1870—1929), историк.

¹¹ Боцяновский Владимир Феофилович (1869—1943), историк, публицист, драматург.

¹² Щеголев Павел Павлович (1903—1936), сын П. Е. Щеголева, историк, профессор Ленинградского университета.

¹³ Бороздина Елена Виссарионовна (ок. 1865—1937), после смерти мужа жила в семье Щеголевых.

¹⁴ Бороздин Александр Корнильевич (1863—1918), историк литературы, близкий друг и учитель П. Е. Щеголева, его земляк.

¹⁵ Левин Шнеер Менделевич (1897—1969), доктор исторических наук, в 1924—1927 гг. работал в редакции журнала «Былое», был помощником П. Е. Щеголева.

¹⁶ Ликвидационной комиссией не было обнаружено никаких злоупотреблений со стороны П. А. Кракова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ
на историческiй журналъ
„БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакцiей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участiи В. Л. Бурцева.

Журналъ виѣспартiйный и посвященный исторiи освободительнаго движенiя въ Россiи.

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенiя и рисунки, изображающiе различные эпизоды изъ исторiи движенiя.

Въ 1906 и 1907 годахъ въ журналѣ приняли участiе и помѣстили свои статьи слѣдующiя лица:

М. С. Александровъ; М. А. Антоновичъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; А. Н. Бахъ; В. Я. Богучарскiй; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскiй; Л. Василевскiй (Плохочкiй); П. И. Вейнбергъ; В. В. Воловцовъ; Н. А. Виташевскiй; Н. Л. Геккеръ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; М. Р. Гоцъ; X. Г. Гринбергъ-Конъ; Л. Я. Гуревичъ; В. К. Дебагорю-Мокрѣвичъ; И. С. Джабадары; В. С. Ефремовъ; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; Н. И. Карѣевъ; А. М. Коваленко; Ф. Я. Конъ; Л. П. Купрiянова; Е. Д. Кузьма; Ю. Н. Лавриновичъ; Плат. Лебедевъ; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; А. О. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; И. И. Майновъ; П. Н. Милкоковъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манузаровъ; В. П. Махновецъ (Акимовъ); Н. А. Морозовъ; Н. Я. Николаде; М. В. Новорусскiй; Г. Ф. Осмоловскiй; Н. П. Павловъ-Сильванскiй; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; П. Н. Перевеловъ; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; С. П. Прокоповичъ; Э. Ралли; Н. С. Русановъ; С. Ф. Русова; А. А. Русовъ; С. Г. Сваитковъ; В. И. Семеновъ; Э. А. Серебряковъ; С. С. Синегубъ; А. А. Спандони; С. И. Сомовъ; В. А. Старосельскiй; Н. А. Танъ; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тарковъ; Н. И. Фалѣевъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; А. М. Хирьяковъ; М. Н. Чернышевскiй; М. П. Шебалинъ; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; В. Е. Якушкинъ и многiе другiе.

На 1907 г. подписка принимается на слѣдующiе сроки: на годъ—8 руб. на $\frac{1}{2}$ года—6 руб. на $\frac{1}{4}$ года—4 руб. на $\frac{1}{8}$ года—2 руб. За границу на годъ (при выписки изъ Россiи) 10 руб. Выписывающе черезъ мѣстныя заграничныя почтовыя учрежденiя уплачиваютъ только 8 руб. 50 коп.

Подписка принимается только съ января, апрѣля, iюля и октября. За одинъ экземпляръ высылаемый по почтѣ, уплачивается 1 р. 10 к. съ пересылкой.

При перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать подробно старiй адресъ и внесенную сумму. Перемѣна адреса стоитъ 30 коп.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Лиговская улица, домъ № 44. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“ (контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ) отъ 10 до 4 час. дня), а также въ главномъ складѣ книгоиздательства „Донская Рѣчь“, Ростовъ на Дону, Казанская улица, домъ 42 и въ отдѣленiяхъ, Москва, Ащеуловъ переулокъ, домъ 13 кв. 29, Кiевъ, Крещатикъ, домъ 27, Одесса, Колодезный переулокъ, домъ, 4 кв. 29.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по 85 коп. въ конторѣ журнала и въ отдѣленiяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“ и по рублю въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Комплектъ „Былого“ за 1906 годъ стоитъ для городскихъ подписчиковъ за 1 годъ—8 руб. за $\frac{1}{2}$ года 4 р., для иногороднихъ за годъ—9 руб. 50 коп., за $\frac{1}{2}$ года 4 р. 75 к. съ пересылкой. Цѣна одного экземпляра 85 коп. въ конторѣ редакцiи и отдѣленiяхъ „Донской Рѣчи“ и 1 р. 10 коп. съ пересылкой по почтѣ.

Адресъ редакцiи: Знаменская, 19. Для личныхъ объясненiй съ редакцiонами въ понед., вторн., четв. и пятн. (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 ч. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскiй.
П. В. Щеголевъ.

Издатель П. Е. Парамонъ.

Журналъ
Русская Историческая Библиотечка
№ 1.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЪ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ.

Сборникъ
извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій
правительственныхъ сообщений.

Павелъ Елизаревичъ
ШЕГМЕВЪ
Ленинградъ, 1-я уз. Деревенской
Велюты, д. 10, кв. 6
Телефонъ 549-30

1 р. 50 к.
Складъ
при
книгоиздательствѣ
Донская Ръчь

20 / 11 29

*Уважаемый
Анрианъ Квантовичъ,*

*В дополненіе ко вчерашней
Смѣлано необходимо ксер. за
дѣлѣ и кое-что дополнил*

*1. Сценарій о Лермонтовѣ
которъ не пишу, какъ гдѣ-то
Закончилось сотрудничество
... ..*